

НЕВА

4
2018

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Вера ЗУБАРЕВА

Стихи • 3

Наталья ГВЕЛЕСИАНИ

Сказка о Гайдаре. *Фрагмент романа* • 9

Виктор ШИРАЛИ

Стихи • 83

Валерий БОЧКОВ

Парадокс Левитана. *Рассказ* • 86

Сергей СЛЕПУХИН

Стихи • 93

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Вероника ПОСТИКА

Мои милые девяностые. *Повесть* • 97

ПУБЛИЦИСТИКА

Карен СТЕПАНЯН

Фрагменты из дневника (2017–2018) • 127

Игорь ЯКОВЕНКО

Драма исторического бытия • 132

Владислав БАЧИНИН

Злой сарказм истории и казус Эдипа
(*Теологический взгляд*) • 160

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Глобус кончился? *Участники:* Алексей Машевский, Александр Мелихов, Константин Фрумкин, Вячеслав Рыбаков, Елена Крюкова, Евгений Степанов, Михаил Стригин. *Материалы Круглого стола подготовили А. Мелихов и Н. Гранцева*

• 175

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Владимир РЕЦЕПТЕР

Михайлов, однокурсник Товстоногова • 190

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Заметки постороннего. *Наталья Гранцева.* Шекспир и проблемы гемеллологии. **Рецензии.** *Станислав Айдинян.* «Неласковая ласточка» Ильи Фаликова среди книг о поэте МЦ, *Виталий Грушко.* Неиссякаемые сюжеты. *Ирина Чайковская.* Копиист или воссоздатель? Художник Николай Лохов. **Книжный остров.** Публикация *Елены Зиновьевой* • 203

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Палестинские обитатели и Россия
Часть 6 • 236

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

* * *

Я родилась в этом Городе,
Море в моих венах
Звездами раковин бродит
В млечностях белопенных,
Снов песчаное кружево,
Памяти белый катер,
Чайки в душе моей кружат
Вечером на закате.
Я родилась в этом Городе.
Воздух его — в дыхании.
Я родилась в этом Городе
Ранней апрельской ранью.
Двигались волн пилигримы,
И начинал возгораться
Город неопалимый
С ангелом белой акации.

* * *

Одесса в оккупации. В Оперном тишина
Исполняет реквием для позолоченных херувимов.
Билеты распроданы. Публика сожжена,
И пепел потоком движется мимо,
Останавливаясь на Куликовом, оседая в пыли,
Приликая хлопьями к оброненной конфете
И поднимаясь из могильной земли,
Гонит дальше его конвоир-ветер.
Чумка, кладбище, за ним тюрьма.
За тюрьмою тьма,
Позади — дома
Остывают комнатами пустыми.
Кружит пепел. И чтоб не сойти с ума,
Город шепчет свое имя.

Вера Кимовна Зубарева — Ph. D. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостиная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных международных литературных премий. Преполагает русскую литературу в Пенсильванском университете..

Зажигаются окна. Акация пахнет острой.
Говор чужбины шелкает затвором.
Свет уже за тридевять морей.
Только память о нем с городом.
— Шма Израэль!¹ — доносится волн иврит.
В камере тучи — звезда накануне смерти
Смотрит в Черное море, горит.
Одесса в оккупации. Сорок третий...

МЕТЕЛЬНОЕ

Свернуться калачиком и под снег уснуть,
Ладонь положив на страницу,
И вот уже тянется санный путь,
Укачивая возницу.
И снится закнижье, и все вверх дном,
И ветры дудят в валторны.
Все ближе страница — все дальше дом,
Все явственней путь неторный.
...А снег прибывает, как дни к векам,
И женщина-лебедь плывет по облакам
С прощальной сцены Большого.
Лицо ее отрешенно.
Она станцевала свой танец в огне
И выпадет снегом на той стороне,
Где в царствии мертвых царевен
Сияет ледовый терем.
Воронка метелей затянет всех,
Вернется все в незапятнанный снег —
Как чтение — мерно и медленно.
Вот девочка — отблеск свечи на стекле —
С моею тоской повернулась ко мгле
И пишет письмо к Онегину.
Ее томленья не разгадать.
Из снега лепится благодать,
И розы, и белая конница...
И эту страницу лучше не покидать,
И с ней уснуть, и по ней мечтать,
И не ведать, чем все закончится.

* * *

И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город...

А. С. Пушкин

Город заветный,
имя его — загадка,

¹ Слушай, Израиль! (*ивр.*) — декларация иудейской веры. Эти слова произносились евреями и перед казнью.

соль на его берегах,
магия чаек в небе.
С ним просыпаешься,
с ним засыпаешь
и слышишь —
кто-то аукает
в раковине старого дома.
Нет его больше.
Только то и осталось:
пенный прибой,
солнце за волнорезом,
дым корабля,
живших людей отраженья,
тени их на песке,
на мощеных улицах.
Цокает прошлое
бликами звонкого света,
город в броню одевает,
хранит, спасает,
шепчет ему
на языке Бога
что-то такое,
чем дышит он долго,
долго...

* * *

Оттого что тянет плоть к земле,
Оттого что тянет душу к небу,
В печке думы бродят о тепле,
В звезды сон забрасывает невод.
Снег раскрылся куполом, парит,
Белый парашют его в затишье,
Оплывают воском фонари —
Снег, мерцаая, приземленья пишет,
Обнимает крышу, ель и холм,
Оседает, подступая к дому,
Словно там, в безлюдии своем,
Столковался по всему земному...

СТРАНИЦА

Одесса моя, бегущая по волнам
В пламени заката, когда всем нам
Грезится такое, от чего вода
Закипает,

Дрожь накатывает на блаженство дач,
С поля катится футбольный мяч
В ров, где комариная орда
Бал свой правит.
Там дитя, зовущее из песков,
Тычется в поиске материнских сосков
В темный муравейник, откуда тленье
Сочится.
Так история с каждым говорит.
И в воде не тонет, и в огне не горит
Ее страница.

ПТИЦА-КАРГА

вот она смотрит на меня
буравит взглядом
испытывает

греет ожиданием
жжет надеждой
ледянит страхами

молчок ее разрывает барабанные перепонки
в углу у нее паук наподобие иконки
господи пауче, спаси и помилуй!

ночь уже который день
сидим подперев рукой подборок
смотрим друг в друга по обе стороны
чернильницы
она — всегда в глубине
поэтому взгляд ее мерцает влагой
темно-фиолетовой
а мой — сухой
воспаленный бессонницей и настольной лампой
мне говорят
она это я
но это неправда
она это она
а я это я и никто другой

дождь идет по улице с оркестром
тук-тук-тук
двери закрыты
а он все хлюпает своими мокроступами
смывает следы
скоро не поймешь
где было дно морское а где двор
с желтой раковиной треснутого дома

я молчу
ухожу в себя
а она предлагает посмотреть на это шире
и несет меня
над прошлым и настоящим
над черным морем-куликовым полем
над бледной чернильницей-горевальницей
и от этого зрелища с высоты
становится еще печальнее и мокрее

ухнет во тьму
взмахнет шалью
из нее труха старой надежды
штопаной-перештопаной
явью наизнанку
хриплые обещания
хромоногие чаяния
нет от нее покоя ни днем ни ночью
точит меня точит
чего она хочет

снилось: город повели на казнь —

мы тебя четвертуем
мы тебя повесим
мы тебя мечом огнем да каленым железом

чтобы стали пеплом твои косточки
чтоб ни кирпичика от тебя
ни досточки
ни деревянной
ни мраморной
ни веселой
ни траурной
ни деревца
ни флота
ни одного анекдота
ни буквы
ни надписи

а город им:
накоси

сидит у свечи
клювом в пламя
жизнь и смерть поменяла местами
скачут человекообразные с хвостами
тень младенца плывет над крестами
на стенах граффити с числом зверя
шаль на плечах ее — драные перья

птица-карга, зачем ты являешься мне каждую ночь?

все это поток сознания
обломки мироздания
я без переиздания

сегодня было особое свечение
от луны, застрявшей в подушке облаков
словно кто-то вздумал придушить
эту царицу неба и небес
чего уж только с ней не вытворяли
и топтали ногами
и расстреливали в упор
и портили репутацию объявив на весь мир
что она это мертвый осколок земли
и время шло строевым шагом
готовилось к наступлению барабанило трубило
а потом исчезало стиралось в пыль
и все что осталось — только Книга
так и будет она сиять
пустынникам беглым и караванам
и темным морям чтоб они приливали
и отливали в положенный срок
и будут волны скатываться и раскатываться
как древний свиток в свечениях букв
и будет пескам до рассвета сниться
город в белой тунике с крыльями
и бликами лунности на их острие.

Наталья ГВЕЛЕСИАНИ

СКАЗКА О ГАЙДАРЕ

Фрагмент романа «Сказка о Радуге»

На одном из планов — роман посвящен отечественной истории. В нем, в частности — изображены малоизвестные страницы непростой биографии А. П. Гайдара. Жизнь и судьба этого писателя высвечиваются по-новому. Кроме того, в произведении имеются новые подходы к изображению как исторического прошлого, так и современности. Но это относится лишь к поверхностному плану. Произведение затрагивает и более глубинные вещи. Устами обоих главных героев — Гайдара и современного литератора Годара — а лучше сказать, всей их судьбой — проговариваются и разрешаются некоторые «проклятые» русские вопросы. Тут и религиозные поиски, и — тема войны, вновь ставшая актуальной в последний год. По большому счету, это книга о России — о ее внутреннем и внешнем пути, о противоречиях между формой и содержанием — как в самой стране, так и в душах отдельных героев. Имеется в романе и мистический план — он связан с поисками духовной Родины, которая ассоциируется с Радугой и символически представлена в виде путешествия Годара «на Радугу» — это путешествие начинается с поездки на фестиваль альтернативной молодежной культуры.

Произведение, которое, однако, можно рассматривать совершенно отдельно, составляет вместе с более ранним романом автора «Дорога цвета собаки» своеобразную дилогию.

— А жизнь, товарищи, была... совсем хорошая, — сказал Гайдар и резко встал.

Замредактора киностудии, смотревший до того в рукопись, разделявшую их разливистой, певучей, гудящей, кипящей водной стихией, которую надо ограничивать, непрерывно вводить в берега, подтыкать с боков дамбами, бросая вдогонку поперек ее русла строгие и величественные турбины, — словом, увлеченно, умеючи скручивать или, лучше сказать, окучивать, как вольного буйного скакуна, дабы переориентировать сию страшную силу на полезные цели, — этот редактор вдруг с удивлением отметил, что видит перед собой великана — ведь сидевший до того молодой человек в гимнастерке с накинутой на плечи шинелью не просто встал и надел на голову, заломив ее на затылок, папаху, — это сочетание военной строгости и некой художественной вольности, некоего анархизма во внешнем облике, особенно проявляющихся через взгляд, стало уже привычным и воспринималось знакомыми как отмети-

Наталья Гвелесиани родилась в 1967 году. Прозаик, эссеист. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Публиковалась в журналах «Нева», «Новый журнал», «Футурум АРТ», «Новая реальность», «Архетипические исследования», «Русская жизнь». Автор книг «Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)» (Ставрополь: Ставролит, 2013), «Выход Алисы из Зазеркалья» (серия «Психология») (М.: Велигор, 2015), «Мой маленький Советский Союз» (полная авторская версия) (М.: Рипол Классик, 2016). Живет в Тбилиси (Грузия). Лауреат литературной премии им. Марка Алданова.

на на крыле странной большой птицы, — но и, пошатнувшись, как огромный дуб на краю вдруг разверзшейся пропасти, стал падать назад...

— Аркадий Петрович!.. — беспомощно сказал замредактора, приподнявшись. Он неловко протянул автору, которого мягко направлял до того как бы отеческой рукой, подчеркивая что-то карандашиком в его рукописи, эту самую отеческую руку, хотя был младше того, наверное, лет на десять. Но Аркадий Петрович уже ощутил спиной холод бездны с ужасной темнотой, которая просачивалась в мозг, заволакивая его, в самые неподходящие моменты. Вместо руки редактора он схватил граненый стакан рядом с симпатичным граненым графином — и в сердцах швырнул его в стену.

Разлетелись брызги осколков. И тотчас влетела стрекочущей сорокой секретарша. Захлопала глазами.

— Как это? Что это?.. Всеволод Михайлович, надо вызвать охранника. Может, сразу милицию? Стыдно, товарищ!..

— Доктора! — сказал Гайдар, глядя ей в лицо своими большими ясными — слишком ясными — синими глазами, в которых росла из ясной точки лавина. Эта лавина — она сейчас может все. Страшно стоять у нее на пути. Вот что поняла секретарша. И благоразумно согласилась:

— Доктора!

— Да скажи, чтобы к маузеру мне патронов привезли, — добавил он, опять срываясь на прежнюю мысль, — побольше патронов, мне очень нужны хорошие патроны. — Потом он помолчал и, точно принимая окончательно какое-то решение, добавил: — И хорошие ребята тоже нужны. Только такие, которым бы на все наплевать.

— Как наплевать? — не понял его Федор.

— А так, в смысле жизни.

.....
Их было четверо, четыре человека без имен.

Демон — черный и тонкий, с лицом художника, Гром — невысокий, молчаливый и задумчивый, Змей — с бесцветными волосами, бесцветным лицом и медленно-осторожным поворотом головы, и Фома — низкий, полный, с подслеповатыми, добродушными глазами, над которыми крепко засели круги очков.

И в первую минуту все промолчали — посмотрели друг на друга, а во вторую — крепко пожали друг другу руки, и в третью — Змей повернул голову и спросил так, как будто продолжал давно прерванный разговор:

— Итак, с чего мы начинать будем?

— Найдем с чего, — ответил Лбов. — Садитесь здесь, — он неопределенно показал рукой вокруг, — садитесь и слушайте. Я все наперед скажу. Я рад, что вы приехали, но только при условии, чтобы никакого вихлянья, никакого шатанья, чтобы что сказано — то сделано, а что сделано — о том не заплакано, и в общем...

Револьверы у вас есть? И потом, нужны винтовки, и потом, мы скоро разобьем Хохловскую винную лавку, а потом — надо убить пристава Косовского и надо больше бить полицию и наводить на нее террор, чтобы они боялись и дрожали, собаки...

Он остановился, переводя дух, внимательно посмотрел на окружающих и начал снова, но уже другим, каким-то отчеканенно-металлическим голосом:

— А кто на все это по разным причинам, в смысле партийных убеждений или в смысле чего другого, не согласен, так пусть он ничего не отвечает, а встанет сейчас и уйдет, чтобы потом не было поздно.

Гайдар обладал феноменальной памятью: помнил в деталях местность, географические карты, даты и факты, обычно ускользающие от среднестатистического человека. И, конечно же, помнил однажды прочитанные стихи и собственные тексты.

Впрочем, он не верил в этого среднестатистического человека и считал, что миф о нем создал человек в футляре. А революция выбила того, черного и глупого, трусливого, а по сути — несчастного человека из его футляра.

И теперь белому человеку настала свобода — рабство белого человека закончилось, бери вещи и — выходи!..

Но не тут-то было — белые люди по-прежнему пугливо жались к стенке и искали себе в пастухи человека в футляре.

Когда замредактора киностудии — типичный статист — как называл про себя Гайдар таких среднестатистических людей со стадным инстинктом — пытался в очередной раз запрудить текст его сценария, незаметно, быть может, и для самого себя, превращая его в болото из широкой реки жизни, — он вспомнил свою раннюю повесть «Жизнь ни во что».

Слово в слово, как читал наизусть друзьям и коллегам в редакции свои новые вещи — он прочитал про себя — сам себе — ибо сейчас это позарез было нужно — мгновенно предоставленные четкой памятью нужные слова из речей скупого на них Александра Лбова.

Они, как и многие другие написанные Гайдаром тексты, помогали ему, как и всем настоящим пионерам, держаться — держаться, даже когда ты на самом краю, вместе с одной только своей правдой, один на один со статистами.

Так держался Тимур Гараев — тот самый мальчик-командир, по примеру которого мальчишки и девчонки их большой страны стихийно включились в игру, из-за которой партия поначалу чуть было не арестовала автора «Тимура и его команды» за создание подпольной детской анархической организации. Но книге о Тимуре повезло: ее за полчаса прочитал и — будучи в тот день в хорошем расположении духа — тем более что книгу любила дочь Светлана, а ее он обижать не хотел — самый главный человек в футляре. И — не нашел в ней крамолы. После чего анархическую игру прибрали к рукам, назвав его тимуровским движением и влив в пионерскую организацию. С тех пор она стала, как это водилось в стране, запруживаться. Поэтому Гайдар старался без особого приглашения не принимать в движении активного воспитательного участия, оставаясь как бы из скромности немного в стороне. Тем более что все изменилось так неожиданно. Поначалу на читательски-писательских конференциях обыкновенные взрослые люди доказывали ему, что таких честных и благородных Тимуров, таких совсем уж заоблачно-нереальных, в Стране Советов еще нет, ведь коммунизм еще не построен! И лишь однажды нашлась необыкновенная девочка, которая вдруг встала и негромко сказала:

— А у нас в классе есть такой мальчик.

Гайдар тогда, расчувствовавшись, даже бросился ее целовать.

Теперь же — Тимуров видели повсюду, разыскивали их среди ударников и отличников, обязывали идти «все выше и выше», направляли и пестовали.

Но Тимуры в стране, вопреки этой в чем-то оправданной и очень правильной, а в чем-то глупой, как газонная косилка, компании, все-таки оставались.

И это про них он увлеченно писал сценарий, наводя каждым новым поворотом страх на вроде молодых сотрудников киностудии.

Замредактора полагал, что Тимур — а он и был главным героем сценария «Комендант снежной крепости», задуманного Гайдаром в продолжение «Тимура и его команды», — сделал шаг в сторону индивидуализма. И Гайдару приходилось, скрепив зубы, все время выправлять поступки мальчишки, делая их, что называется, «правильными». Ведь у замредактора было свое руководство, тоже работавшее с ним над рукописью. А у того руководства — еще одно руководство. И где кончалась и начиналась эта лестница, никто по-настоящему не знал.

Такой правильный — никогда не сомневающийся в себе и в том, что видят его глаза — Тимур уже, право, рассмешил бы любого нормального пионера.

Гайдар попытался донести это до многоступенчатой команды цензоров с помощью введенной в сценарий линии с картиной начинающей художницы Нины, на которой люди разных национальностей — взрослые и дети — красивые, нарядно одетые, дружно и подозрительно легко идут по хорошей дороге в симпатичную гору, которая символизирует не слишком далекий коммунизм. А капитан Максимов и его шофер-красноармеец только посмеиваются над этой женской мечтой о легком счастье.

Но там, наверху, не уловили иронии.

И Гайдар понял, что — проигрывает это сражение.

Как он ни крепился, пытаюсь в очередной раз привыкнуть к тому, что страной завладели статисты — а их он порой приравнивал в глубине души к фашистам, не видя между ними разницы, — сдача своих позиций, пусть и вынужденная, повергала его в гнев и печаль.

— Нет, доктор необходим не мне. Вам необходим доктор!.. — сказал он в сердцах, как-то устояв на ногах и, пристально глядя в глаза секретарше, которая, видимо, была сейчас главной, добавил: — Всем!..

Он сгреб со стола папку с бумагами, поправил папаху, и, бросив стушевавшемуся у стены замредактору: «Я еще вернусь!.. Когда внесу поправки в „Коменданта“... Но предупреждаю — эта правка будет последняя!», направился коридорами к выходу.

Толпящиеся в коридорах сотрудники разлетались, как бильярдные шары, а в спину дул шепот: «Это писатель Гайдар!.. Он немного *того*... Сказались ранения, контузия, ранний опыт войны... Куда?.. Вероятно, в Сокольники».

«И это знают», — горько отметил он царапнувшую душу фразу.

Санаторием «Сокольники» Гайдар просто и с достоинством называл в своих скупых, местах зашифрованных дневниковых записях — ведя их, как разведчик, для себя одного — городскую психбольницу.

И ведь правы, правы были эти, в общем-то, по средним человеческим меркам, добрые к нему люди — сказались ранения, контузия, ранний опыт войны. Плюс сыпной тиф и цинга. Нехорошо получилось — он опять вышел из колеи, то есть распустился.

Он уже клял себя за происшедшее.

Морозный воздух — это был январь 1941 года — был чист и свеж, на снегу прыгала сорока и клевали, незлобно толкаясь, корку сизари. Валялся дымящийся окурочок. Гайдар затоптал его и задумчиво зашагал по тротуару, стараясь не допускать никакой несбалансированности, в том числе в походке.

Он думал о том, как бы поступил на его месте Комендант снежной крепости — такая теперь была должность у Тимура.

Гайдар так живо представлял себе этого серьезного темноволосого мальчика — серьезного в деле и простого и сдержанно-сердечного на досуге, среди своих, не допускающего в потаенную глубь души нецеломудренны взгляды и в то же время способного на лихость и озорство. Он хотел назвать его Дунканом — в честь знаменитого судна из жюль-верновских «Детей капитана Гранта». Но цензоры поднапряглись из-за иностранного имени, усмотрев в нем намек на дореволюционное движение бойскаутов, — про то, что с бойскаутов, которые считались поросль буржуазии, была скопирована пионерия, все предпочитали забыть. И тогда его осенило: его идеальный мальчишка-командир будет, как и его подрастающий сын, Тимуром!

Так как бы поступил Тимур?..

Ну, его Тимур, так похожий на Альку из «Военной тайны» — навеки маленького и вечно живого — наверное, для того, по какому-то неведомому закону, и так рано погибшего, чтобы все увидели, кого они теряют, и навсегда запомнили и сохранили его в себе, — просто подбежал бы сейчас к нему и, взглянув в глаза, звонко сказал бы: «Папа!..»

И, что-то быстро сообразив, пряча мелькнувшую в глубине широко открытых глаз боль, потянул бы его за рукав на пригорок с по-весеннему журчащей и гомонящей детворой, откуда слетали снежки и гордые люди на санках или кусках фанеры, и сделал бы шутивно на льду ласточку... А потом отступил в сторону, пропуская обступающих его со всех сторон ребят и галдящих, свободно заглядывая ему в глаза: «Аркадий Петрович!..»

Где бы ни появлялся Гайдар, дети со всей округи выходили на него, как солдаты из окружения, и наперебой стремились о чем-то поведать ему, предлагали свои услуги и охотно выполняли их. Охотно слушались. Более того — ждали указаний и распоряжений. А он обычно не давал их... Хитровато улыбаясь, он среди них, как ему думалось, жил на равных — просто жил-не-тужил, отвлекаясь от забот иного рода, как, наверное, и жил бы, если б не было войны. И непринужденно принимал на себя командование, когда необходимы были собранность, четкость и быстрота. Все запомнили, как эта невидимая армия нашла в одной из аптек Москвы дефицитное лекарство для тяжело заболевшего сына его друга-писателя, — лекарства не удавалось найти ни родителям, ни их друзьям. Но Гайдар догадался созвать маленьких дворовых командиров и, написав на бумажке название препарата, приказал разбежаться по аптекам... Несколько часов прибегали на квартиру болеющего ребенка к Гайдару посыльные всех мастей и возрастов — зачастую дальние, совсем незнакомые — и сурово рапортовали: «В такой-то аптеке указанного лекарства не обнаружено! Продолжаем поиски!» И лекарство все-таки не нашлось!..

Гайдар чуть не прослезился, вспомнив про это.

Он поскорей свернул в переулок, чтобы дети не узнали его — сейчас в висках стучали молоточки, в правой стороне головы полыхала нарастающей огненной атакой почти уже невыносимая боль, и это, как он знал по опыту, было только начало.

Но самым печальным было другое — он словно тонул в полынье...

Как тогда, в детстве, когда он с одноклассниками катался в Арзамасе на льду Волги и, уже уходя, услышал за спиной крик: «Коля, выбирайся!»

Обернувшись, он увидел провалившегося под лед Колю Киселева, который безуспешно ломал руками, пытаясь выбраться, тонкий край стремительно разрастающейся полыньи. А все, отбежав подальше, с ужасом давали нестройными, срывающимися голосами технические советы.

Не раздумывая, Гайдар подобрался к полынье и спрыгнул в нее. Он и сам не знал, как будет действовать дальше.

Но ноги, к счастью, сразу нащупали дно, и, взяв Колю за руку, он просто пошел по воде, и они вышли вместе на берег.

Может, это с тех времен появилось это ощущение полыньи? И черной воды? И льда кругом? И — грядущего жара если и не утонувшего, то жестоко простудившегося человека.

Алька, Аллька!.. Милый, добрый, славный, даже в озорстве деликатный, не стесняющийся своей ласковости и какой-то еще не по-детски проникательный — знающий Военную Тайну — ставший живой искоркой — самой главной искоркой одного потока в пионерском лагере «Артек», про жизнь которого среди суровых и в то же время прекрасных реалий их молодой, широкой, еще не во всем правой и правильной страны и была написана повесть. Это ведь не он, Гайдар, был его создателем

и отцом. Это Алька воссоздавал Гайдара — вытаскивая его каждый раз из полыни, выводил за руку на берег и передавал в руки стоящего перед ним с застенчивой улыбкой повзрослевшего Тимура. А перед Тимуром — невозможно было стоять, не подтянувшись. И Гайдар, скрепя размытое в хлябь сердце, сцепив зубы и разжав кулаки, выпрямлялся. Как почему-то подтягивался перед Алькой встречающий его на своих повсюду проложенных тропах бунтарь Владик, вечно вляпывающийся на ровном месте в истории, на которого Гайдар в жизни был похож более всего.

Зайдя в какой-то пустующий двор, Гайдар достал из кармана пузырек с солдатским спиртом и судорожно отхлебнул из него. Так ему удавалось на какое-то время задерживаться на белом свете, прежде чем равносильная головной боли чернота не выключит его. И тогда — его отвезут в Сокольники незнакомые люди, быть может, наслушавшись кой-чего по дороге. Больше всего Гайдар опасался, когда был в полубессознательном состоянии или забытья, своего языка. Это про опасения такого рода он однажды написал Рувиму Фраерману: *«Образовалась привычка врать от начала до конца, и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая, но победить я ее не могу... Иногда хожу совсем близко от правды, иногда вот-вот — и, веселая, простая, она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня: берегись! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно свернешь, закружишь... и долго потом рябит у самого в глазах — эх, мол, куда ты, подлец, заехал!..»*

Спирт накрыл пульсирующие лавой сосуды, немного прижал их, и поверх этих виляющих, издерганных сосудов с огненной кровью рванула, как из бочки, мутная накипь. Сейчас он готов был разорвать всякого, кто сунется к нему.

Из серого тумана, в фуражке и шинели с развевающимися на ветру фалдами полами, вышел Тимур Гараев. Он, быстро посмотрев по сторонам, с сочувствием, без всякого страха подошел к Гайдару и попытался поддержать его за локоть. Но Гайдар, попятившись, сделал шаг назад, отстранился. И тем не менее они стояли очень близко, на расстоянии вытянутой руки, друг против друга.

— Товарищ комполка в запасе! — сказал Тимур негромко, но твердо. — Я хоть и всего лишь комендант снежной крепости, но хочу сказать вам, что на спирте вы долго не продержитесь. Вам в больницу надо!..

— Опять больница... — тоскливо протянул Гайдар. — Знал бы ты, что это за санаторий.

— Но ведь в Хабаровске, например, в сквернейшей из больниц, хоть они и все были скверными, была написана Сказка о Мальчише-Кибальчише и его Военной Тайне, как записали вы тогда в дневнике.

— Ну да — и хотел потом шарахнуть по этой больнице фельетоном — про подлецов в белых халатах, эксплуатирующих больных — обворовывающих их, сознательно попускающих равнодушие. Да только у главврача была хорошая спина — фельетон зарезали.

— А вы, товарищ комполка в запасе, действуйте через меня.

— Это как?..

— Нам в школе давеча историк рассказал легенду о Моисее. Ну, Моисей — он был настоящий боец, он рос среди свободной природы благодаря спущенной по течению Нила ослушавшейся фараона матерью корзине, в которой спасся младенцем. Тогда в Египте истребляли, за немногими исключениями, всех младенцев мужского пола — чтобы они, возмужав, не стали сознательными и не сбросили своих эксплуататоров. Но Моисею повезло вдвойне: корзину выловила, подобрал его, сама дочь того противного фараона — эксплуататора — она была хорошей — и воспитала его как собственное дитя. Так Моисей стал сыном двух народов — свободного и пребывающего

в рабстве. И даже проглотил пылающий уголь вместо золота, схватив его с подноса, когда ему однажды лукаво предложили, желая узнать его потенциал, хитрые фараоны учителя — золото или меч? — на выбор. В обоих случаях ему пришлось бы туго — прислужники фараона умертвили бы его, и не помогло бы даже заступничество любимой фараоновой дочери. А он подобрал уголек. Но обжег при этом язык и с тех пор стал косноязычным... Ну, я думаю, это он на самом деле притворился — он, наверное, был прирожденным разведчиком. Понятное дело, что он уже в детстве задумал вывести свой народ из рабства. А тут, после этого детского выбора, все махнули на него рукой, решив, что он кто-то типа нашего Иванушки-дурачка — ни удали, ни смекалки. И уже без боязни обучили его воинскому искусству, полагая, что он станет послушным командиром полка послушного фараонова войска... Но не тут-то было!

— Гм... Своеобразное у тебя воображение... Только скажи, пожалуйста, ты так уверен, что Моисей только притворился косноязычным? Я, например, не уверен. Но — что там было дальше?..

— А дальше, будучи свободным комполка, видя, как гнут спину обращенные в рабство израильтяне, он стал подбивать их к восстанию. Но ему не хватило выдержанности и организованности, а также дальновидности. И фараон тогда легко одолел его руками своих же рабов — они оттолкнули его, когда он попытался остановить их какую-то глупую междоусобную распрю, закричав: «Отойди! Не хочешь ли ты убить нас, как ты убил вчера Египтянина?» А он действительно убил и тайно похоронил одного особенно измывающегося над людьми начальника-стражника. Но нет пророка в своем отечестве. И после этих слов Моисей убежал от своего народа из страны его рабства, не находя себе земли под ногами, разуверившийся в людях, Боге и себе, в Аравию, в пустыню Маданскую. И женился, вопреки расовым предрассудкам, на чернокожей женщине, имя которой переводилось с языка тамошних жителей как «Птица». И сорок лет о нем не было никаких вестей. И верховный главнокомандующий Вселенной — Господь Бог — расслабьтесь, Аркадий Петрович, это всего лишь легенда! — тоже не подавал ему никаких вестей... Легенда не сохранила сведений о том, о чем Моисей при этом думал... Но по прошествии сорока лет случилось чудо — Верховный Главнокомандующий обратился в куст и предстал в пустыне Маданской в виде ослепительного огненного растения. Представляете, какой шок испытал Моисей, — он даже боязливо поежился, когда из этого внезапно образовавшегося не то оазиса, не то миража вдруг раздался голос!.. Этот голос сообщил ему, что земля, которую он так искал, у него под ногами. Но теперь предстоит привести на нее и свой народ, сорок лет вода его по пустыне, ибо только тот, кто прошел пустыню, знает ее карту и сможет провести через опасности и искушения, радости и злоключения также и других. Но тяжко рабство фараона, и много предстоит потерять пота и крови, прежде чем народ выдавит его из себя... А когда Моисей скромно и даже испуганно возразил, что он, дескать, не речист и потому не готов взять на себя руководство такой массой людей, Бог не принял самоотвода, повелев ему идти сквозь пески навстречу его брату Аарону, которому также повелел выйти в пустыню. И там же они вскоре встретились и крепко обнялись. После чего красноречивый и деятельный Аарон стал устами Моисея. Это он, слушая Моисея, который слушал Бога, передавал потом народу — как по телеграфу — приказы и указания.

Так они и выбрались из окружения.

— И что — Аарон правда понимал Моисея? А он, случайно, не своевольничал? Не пописывал ли иногда втихаря — свои собственные приказы?

— Случалось... Однажды он, например, пока Моисей отсутствовал, научил народ профессионально поклоняться золотому тельцу, расплодив всяких нэпманов... Моисей, узнав про это, так рассердился, что даже разбил в сердцах данные ему Богом

скрижали. Но Бог был талантливым военачальником и не прогневался на Моисея, а дал ему взамен скрижалей — свой Завет. Да только тот Завет тоже был временным. Его потом разбил, когда на него тоже стали молиться как на истукана, другой Моисей — некий Иисус из Назареи... И вот, Аркадий Петрович, я вам и предлагаю — сделайте меня своим Аароном! Я буду говорить со страниц ваших книг только то, что вы держите в уме. А вы в это время — просто покуривайте свою любимую трубку и хитровато помалкивайте. Не лезьте вы уже в эти кулачные битвы с опричниками! Поберегите голову на плечах — ведь она у вас золотая!.. А с меня, мальчишки-командира, спрос маленький... Тем более что я — всего лишь бумажный.

Ветер дует в тающий в полынье лед и в грудь стоящего в ней по пояс человека. Жжет морозом раскрасневшиеся, но уже пошедшими пятнами бледности щеки, тело как дубовое. Кто этот не знающий, как ему быть, человек с словно выброшенным на лед золотой рыбкой сердцем — упрямо, бешено бьющимся между льдом и водой? Победа в любом случае обернется поражением, и — ни льда тебе, ни покрывки.

Неужели это в самом деле происходит с ним?!

Но рядом мальчишка-командир, и он не должен ничего заподозрить и тоже шагнуть в полынье.

— Спасибо, комендант, — немного сухо говорит Гайдар, изо всех сил сдерживая гримасу боли. Но глаза его улыбаются, а если в них сейчас недостает живой теплоты, то мальчик поймет — в бою ее ценят на вес золота и отхлебывают, как из походной фляги, скупыми глотками. — Я подумаю над вашим предложением. А теперь — кругом, шагом марш! И — по хатам. Вы — домой, а я — в санаторий. Поеду и в самом деле на несколько дней, подлечусь. Спасибо тебе, Тимур, за легенду. А теперь иди...

— Аркадий Петрович, а можно вопрос?

— Конечно.

— А за что расстреляли Блюхера?

— Что?!

Вскрикнув, Гайдар рванулся грудью на лед, но только разломал его тонкие края и еще больше расширил прорубь. Нащупав какой-то камень и встав на него одной ногой, он гневно подумал, что не только Блюхера, под командованием которого он воевал на Дальнем Востоке, но и умнейшего, культурного, талантливого Михаила Николаевича Тухачевского, который сумел прислушаться к совету Гайдара — тогда неизвестного командира-мальчишки, — когда тот осмелился подать легендарному командарму свой план амнистии для восставших от перегибов продотрядов крестьян в тамбовскую кампанию — и шесть тысяч крестьян из десяти вышли из леса и сложили оружие, а потом — разошлись по хатам.

Не говоря уже о многих других советских офицерах и простых граждан, в число которых попали и пять директоров Детиздата, был арестован и расстрелян и муж его сестры Талки — боевой, действующий генерал. И сестра теперь пряталась, то есть жила как простая, ничего не видящая и не слышащая обывательница, перебравшись из Арзамаса, где арестовали мужа, в Москве, на квартире, которую он оплачивал для нее из своих никогда не задерживающихся в карманах гонораров.

И бывшую его жену, Лию Соломянскую, мать Тимура, статисты-фашисты тоже кинули в застенки, словно Марицу из «Военной тайны», когда расстреляли второго ее мужа.

Гневно рассказывал другу-мальчишке, клянясь никогда не быть успокоенным, такой сидящий у многих в печенках — от такого не отмахнуться! — Владик, про то как томилась в Румынии в застенках у буржуинов его сестра-коммунистка. И как он все равно пойдет ее выручать, переплыв даже Черное море.

«Военная тайна» была написана еще в 1935 году, но пророчества ее, к сожалению, сбывались.

Это своих ответов на такие вопросы — а они никогда не выходили у него из головы — и боялся Гайдар, когда лаконично написал Рувиму — а тот понимал, о чем речь — про готовую сорваться с языка простую и якобы веселую правду, которую давишь, давишь, словно запихивая ее под полы шинели и под лед, чтобы не выдать. И так изоврешься, что уже от начала и до конца живешь в липкой паутине транслируемого наружу образа. И порой уже и не можешь вымолвить простого и ясного слова.

Своих ответов, брошенных в лицо фашистам вслух!

Этого он, как бывалый разведчик, боялся больше всего.

Ведь от этого зависели жизни других людей.

А в заложниках у главного человека в футляре была практически вся страна, не исключая его ближайших родственников и соратников, а также их жен, мужей и детей. И даже — страшно даже подумать — мужей и жен своих подрастающих собственных детей, как догадывался Гайдар, когда придет время, главному человеку в футляре тоже ничего не стоит отправить в застенки.

Точно такой же вопрос — про Блюхера — задал ему однажды подрастающий сын Тимур. Но персонажа «Тимура и его команды» Гайдар назвал не только в честь сына... Книги его были двусмысленны или, лучше сказать — многослойны. Первый их слой был как маскировочная трава-мурава под затаившимся в поле полком, ожидающим команды: «В атаку!..» Полк нервно, но терпеливо выжидал момент, когда подтянутся все резервы и они перейдут в контрнаступление по всему фронту! И некоторые имена тоже были многослойными, отдавшись связанным с ними ассоциациям, многое можно было понять об их носителях и связанных с ними реальных ситуациях.

Под прикрытием имени собственного сына — хотя он и правда назвал своего героя в честь сына и был несказанно рад этой удачной находке — Гайдар запечатлел и память о дорогом ему человеке — Михаиле Васильевиче Фрунзе. Тот принял участие в его судьбе и, можно даже сказать, жизнь спас, влив в него новые силы и надежду, когда он чуть руки на себя не наложил после того, как его окончательно комиссовали из армии. Фрунзе тогда посоветовал двадцатилетнему командиру-пенсионеру обратиться к писательству и поделиться тем, что видели его глаза на заре революции, с такими же молодыми людьми — кому не довелось понюхать пороха.

А потом Михаила Васильевича зарезали на операционном столе хирурги-статисты, уговорившие его силами чуть ли не всего ЦК немедленно заняться здоровьем. С теми, кого в народе очень любили, выгодней было расправляться без большого шума.

Ну не мог он ответить тезке Тимура Фрунзе — известного в стране военного летчика, выбравшего вслед за своим легендарным отцом военную карьеру — как ответил когда-то собственному сыну, — что Блюхер, наверное, допустил какие-то просчеты в командовании, когда служил на Дальнем Востоке.

И Гайдар, посмотрев своему легендарному литературному Тимуру в глаза долгим и даже каким-то настойчивым взглядом, отрывисто обронил:

— За что был арестован Блюхер?.. Неправильная постановка вопроса. Надо бы спрашивать: почему он был арестован? Потому что у нас в стране еще слишком много негодяев и трусов, мой мальчик... А теперь иди... И, пожалуйста, не оглядывайся.

Гайдар почти уже заворачивал за угол дома к трамвайной остановке, когда в спину ему донеслось:

— Аркадий Петрович, вы тоже там — держите язык за зубами... Не выдавайте военную тайну!.. Они вас пытать будут — шоковой инсулиновой терапией. Говоря, что вы как настоящий офицер-коммунист должны испробовать все способы лечения —

а это сейчас самое новое — и даже одним из первых испытать на себе внедряемый в советскую психиатрию метод. Я знаю, что люди с волей послабее теряют от него сознание, но вы ни разу не теряли. И все-таки...

Гайдар резко оглянулся.

Но за Тимуром уже и след простыл.

— Вот хитрец, — усмехнулся он, поднимая воротник, — хотел еще убедить меня, что это он, а не я — Аарон...

«Я знаю, что я буду делать, чтобы не сойти здесь с ума. Я буду плыть», — подумал Гайдар, прежде чем постучать во второе отделение Первой московской психиатрической больницы. Это ее он, чтобы не пугать самого себя, как и все другие пациенты и жители Москвы, называл в дневниках — «санаторий в Сокольниках». И предпочитал приезжать сюда из года в год сам — как только появлялись первые предвестники сумеречного состояния. Редко когда доводилось привозить его уже в полубессознательном или буйном состоянии — все это наступало уже здесь, в отдельной палате, под присмотром уже порядком постаревшего неизменного доктора Абрама Моисеевича.

Минова охранников, тоже знавших его в лицо и зачем-то приставлявших к козырьку руки, а также приемное отделение, откуда высыпали поглядеть вслед по-военному одетому писателю-психу молоденькие медсестры, он сразу направлялся к массивной красно-коричневой двери у одного из двухэтажных корпусов и, содрогаясь от неизбежности, стучал в грохочущее железо.

Охранник, тоже узнав его, молча отодвигался вместе с хорошо смазанной задвижкой замка, и за спиной вошедшего Гайдара что-то сухо защелкивалось.

Теперь уже отсюда даже писателю и бывшему комполка было не выйти без особого разрешения, разве что на небольшую прогулку в сопровождении медсестры, на что тоже требовалось распоряжение.

Он обратил внимание, что в помещении неспешно наводят косметику: стены припорошила свежая побелка и стоял боком на полу, прислоненный к одному наполовину отштукатуренному полуразвалившемуся углу красный стенд с выведенной белой краской надписью, содержание которой он нарочно пропустил.

Здесь, прямо у входа, и был кабинет Абрама Моисеевича — он был заведующим вторым отделением.

Слева от порога сидел на корточках какой-то старик в трусах и чистил большим изогнутым ножом паркет. Гайдар сначала подумал, что это рабочий, но тот поднял голову и, не отрываясь от дела, быстренько рассказал ему с большущей простодушной улыбкой на гладко выбритом лице, что у них сегодня был банный день и он славно попарился, а теперь хотел бы, чтобы кто-нибудь плюнул ему в глаз.

«Плюньте, пожалуйста, мне в глаз», — сердечно попросил человек, поднявшись со своим ножом, и встал напротив с немигающим взором — и глядя на вновь вошедшего, и в то же время — как не глядя.

Гайдар дунул ему в глаз.

Человек блаженно осел на пол и опять принялся водить по паркету заплававшим в дрогнувшей руке лезвием. Теперь было видно, что это не старик, а человек лет пятидесяти.

Гайдар толкнул дверь в кабинет.

Абрам Моисеевич сидел за своим массивным столом и быстро писал.

— А-а-а!.. Аркадий Петрович! — проговорил он, широко улыбаясь и сразу встав, крепко пожал ему через этот стол руку, слегка задержав ее в своей мягкой, влажной ладони. — Опять к нам!.. Что-то вы зачастили — мы вроде виделись в последний

раз месяца два назад. Ну ничего-ничего, вы же знаете — пройдет каких-нибудь два-три дня, ну, от силы неделя-другая, и мы вас от этой напасти ос-во-бо-дим!.. Ну что у вас там опять случилось? Опять пили, пикировались с женой?.. Хотя, насколько я помню, жена у вас наконец теперь подходящая — она с вас пылинки сдувает, и вы ее тоже не огорчаете своими неожиданными поступками, разве что здоровье ее ваше огорчает. Сегодня, я думаю, она уже начнет звонить, справляться.

— Да какие там неожиданные поступки, — проворчал Гайдар. — Я сейчас даже практически не выезжаю из Клина — разве что в Москву. Война на носу.

Он осекся. Хорошо, что Абрам Моисеевич, который лечил его еще с двадцатых годов, был сейчас один, без своего нового зама, который носил под халатом всегда отутюженную и накрахмаленную гимнастерку. Первый зам профессора был не военным медиком в отставке, а действующим сотрудником ОГПУ. Гайдар это знал наверняка, а все остальные могли и не догадываться.

О надвигающейся войне говорить было запрещено — в лучшем случае за это могли обвинить в распространении панических настроений. Поэтому Гайдар, кашлянув, добавил со смехом:

— Что-то я и правда совсем раскис. Видимо, скоро отправлюсь в паническую атаку!..

Абрам Моисеевич умел пропускать мимо ушей то, что слышал иногда от Аркадия Петровича. Проворно выскочив из-за стола, он схватил молоточек и, не теряя дружелюбия, вкрадчиво предложил:

— Может, поднимете гимнастерочку?

Вздыхнув, Гайдар расстался с папачкой и шинелью, которые были тут же помещены рукой профессора в шкаф рядом с собственной шубой, и обнажил покрытую шрамами грудь, где виделись несколько запекшейся свежих порезов.

Это произошло с ним утром, когда Дора ушла на базар, а он готовился к встрече с редактором. Приемная дочь Женя, в честь которой он назвал подругу своего литературного Тимура, еще спала, и он, бреясь, не выдержал и провел несколько раз бритвой по коже — это почему-то помогало пересиливать боль и темноту в голове, оставившая скопившуюся черной копотью ярость.

— Нда... — произнес Абрам Моисеевич тоном знатока и ценителя той живописной картины, которая существовала под гимнастеркой известного детского писателя. — Вы бы, дорогой наш человек, хоть бы йод с собой носили. Стыдно, товарищ!.. А болевой синдром облегчается смоченным в растворе соли полотенцем... Кстати, а вы знаете, что птицы выщипывают себе перья, когда их жизненное пространство оказывается уже, чем это необходимо их природе?.. Вот и думайте теперь... Ну, так что, будем лечиться?.. Ваша палата свободна. Там у нас три дня лежал настоятель одного из московских храмов, но Сергей Иванович перевел его в общую палату, чтобы был светоч тьмы поближе к народу. Так что — милости просим... Ступайте уже, Аркадий Петрович. Мы сделаем для вас все, что можем. Постучите там непосредственно в отделение — дежурная сестра вам откроет.

Абрам Моисеевич тоже умел в отсутствие Сергея Ивановича вплетать в беседы притчи, словно усмешку в усы.

— Если Дора позвонит, передайте ей, пожалуйста... Хотя ладно — просто скажите, что приехал сам, а она пусть не приезжает.

— Да, дорогой Аркадий Петрович, еда у нас хорошая — супруге печь пирожки ни к чему. Пусть лучше потихоньку сушит сухари... Шутка!.. Профилактическая!.. Ха-ха...

Слабо улыбнувшись, Гайдар развернулся и, как и планировал, поплыл. Краем глаза он успел зацепить край облака за оконной решеткой. В нем запутался обрывок проволоки, в котором он разглядел журавля, оставшегося в заводи, когда другие его братья улетели. Тот остался, потому что и не помышлял улететь в жаркие страны — он

был слишком привязан к родной земле. Этот журавль плавал в своей полынье, как ошпаренный, поглядывая стекленеющим глазом на растущий повсюду снег.

Гайдар мысленно поманил его и указал на забытую на еще не окрепшем льду каким-то незадачливым, торопливо обратившимся в бегство рыболовом жестяную корбочку с крючками. Одними глазами — предложил в нее сесть, сдав природе крючки. Плотно закрыться крышкой.

И двинуться в путь.

Но по земле, а по воде.

Не по горизонтали, а по вертикали.

Не вверх, а вниз...

Дальше Гайдар долго стоял у огромной, как ворота, белой двери и стучал, иногда отступая на шаг и переминаясь, в ее гулкую жесть. Но этот стук тонул в шуме, который царил внутри. Иногда кто-то подбегал с той стороны и, глядя в замочную скважину, молящее спрашивал:

— Ты кто?.. Посмотри, пожалуйста, нет ли там, в комнате для свиданий, моей мамы?

Но Гайдар молчал, как капитан Немо. Ведь ему было необходимо дотянуть «Наутилус» до Таинственного Острова. Надо было спасти журавленка!..

Задыхаясь, он заколотил в дверь кулаками изо всех сил, и тогда она открылась. И санитарка, сухо заметив: «В первый раз вижу больного, который ломится в больницу», пропустила его дальше по коридору, где ходили в пижамах и невзрачных халатах принявшие сразу же с жадным любопытством всматриваться в его руки больные — здесь были и мужчины, и женщины, и дети. Он не понял, почему такое смешение, да и не стремился понять — он шел, как сквозь желтые пески, в свою норку, а она была справа — третьей по счету от конца коридора, который заканчивался стеной, но имел поворот в маленькую столовую без окон.

Ну, вот он и дома — в своем «Наутилусе»!.. Сам себе — командир!..

Вот единственная койка с простым зеленым одеялом, тумбочка и стол с двумя стульями. Сейчас ему принесут пижаму и новое белье. Пижаму он будет надевать — такое исключение делали только ему — как и все нормальные люди, только ночью. А днем — по-прежнему ходить в гимнастерке, на левой стороне которой, прямо, где сердце, висел его талисман — орден «Знак Почета».

Орден — он в это крепко верил — прикрывал его от смерти. Поэтому с гимнастеркой он не расставался ни при каких обстоятельствах.

Он иногда машинально поправлял его, как бы подержавшись рукой за сердце.

Израненное, сочащееся алой кровью сердце, словно плавало в полынье — там, на поверхности воды, смешавшейся с его подавленными, тщательно скрываемыми слезами. Оно размывалось этими слезами и теряло спасительную соль, которая превращает в таких случаях другие сердца в камень. Вместо твердости — снег. Вместо воздуха — смутные, туманные очертания невидимого берега. Где взять размах крыльев, когда они уже заперты в этом неумолимом к нему чужеродном пространстве, бывшем когда-то, пока длилось лето, таким милым, ласковым, своим.. Откуда эта жестокость покрывшейся пустынными льдами некогда родной земли?..

Но он сам — такой большой, сильный и в то же время непосредственный, похожий, как все говорили, на большого ребенка, был еще не в полынье. И мог еще выжить, дотянув до тепла. Для этого надо было добраться до своих, вырваться из замкнутого круга льдов. Не превратиться, подобно Лотовой жене, в соляной столб.

Что ж... Капитан Немо с горькой улыбкой оглядел свой подводный корабль. Внутри он был полон всеми возможными и невозможными вещами, как реальными, так и воображаемыми, — в нем, как в Ноевом ковчеге, было «от каждой твари — по паре». Это всего лишь означало, что он обладал всеми потенциальными возможностями,

на какие был способен человек. Всего лишь потенциальными возможностями... Но люди не замечали «Наутилуса», даже если он стоял во весь свой рост прямо в их гавани. Они не привыкли замечать невозможного, а когда вынужденно сталкивались с кораблем в нейтральных водах, то принимали его за излучающего электрическое сияние необычайной мощности и красоты — гигантского кита. И тут же принимались охотиться, чтобы убить и изучить.

Но их стрелы были недостижимы до него. У «Наутилуса» была такая броня, что от нее отскакивали даже бомбы, причем любого калибра — даже потенциальные, еще не воплотившиеся в видимом мире в качестве изобретения. В то время как живущий внутри капитан поглядывал с хитровой улыбкой изнутри в маленькую прорезь из своего наблюдательного пункта — одного из самых своих любимых мест на корабле. Потом он, насладившись зрелищем человеческой глупости, уходил к еще более любимым и плодотворным делам — он шел в лабораторию, где было все для того, чтобы творить.

Там он ежедневно совершал удивительные открытия, молниеносно черпая знания словно из ниоткуда, и тут же записывал их быстрым почерком в книги, которые потом присоединял к хранящейся здесь Всемирной библиотеке. Он твердо знал, что здесь его открытия никогда не пропадут и обязательно принесут пользу человечеству, когда станут своевременными.

Сегодня у капитана Немо было особенно важное и непростое, немного в чем-то заманчивое, а в общем-то — очень грустное дело: он решил написать книгу о том, как человек раскалывается на куски, после чего самое лучшее, что в нем есть, выпадает в осадок, оказавшись за бортом его собственной видимости. Поэтому едва обмакнув перо в простую чернильницу с фиолетовыми чернилами, он ненадолго задумался, но тут же, спохватившись, решительно отвел властной рукой всякие мысли, отряхнув их, как сор.

Кругом, иногда с любопытством приблизившись к стеклу, плавали за огромными люками всевозможные обитатели океана. Косяки проплывающих сейчас рыб были как золотистые струйки, они казались осенними листьями на белых ветках кораллов и напомнили ему милые сердцу березы, которых он не видел с тех пор, как отправился в свое бессрочное одинокое плавание, поклявшись никогда больше не показываться людям. Умение создавать такой совершенный мир в глубинных водах океана, где тоже царило совершенство, далось ему слишком дорогой ценой — ценой вынужденного молчания. Ведь он говорил или — что еще хуже — когда говорили другие, корабль его испарялся, как призрак. Особенно когда они оживленно показывали на него пальцами, не говоря уже о тех случаях, когда кто-то принимался хватать гарпуны или заряжать пушки. И лишь однажды к нему на корабль случайно попали трое потерпевших кораблекрушение пассажиров самого мощного из посланных на поимку столь таинственного неизвестного зверя полувоенного судна, и один из них — профессор Аронакс, который мог бы стать для него Аароном, каким-то образом попал на его волну и, кажется, все понял без объяснений.

Но Аронакс ушел к людям, и капитан Немо с болью в сердце сам благословил его на этот побег с корабля, куда невозможно вернуться, однажды его покинув.

Впрочем, в этом последнем пункте он был уверен не так крепко и теперь собирался изучить этот вопрос. То есть — узнать ответ у батюшки Нептуна, используя свою библиотеку.

Откинувшись на спинку стула, он посмотрел в толщу воды затуманившимся взором, оглянулся на ряды книг на полках, и сразу же лицо его стало спокойным, а взгляд опять прояснился и озарился таким же таинственным светом, какой излучал «Наутилус» в ночи, когда этот свет в нем не сливался с солнечным.

...Но в палату тихо вошли двое. Это были профессор Абрам Моисеевич и его первый зам Сергей Иванович, вероятно доцент. Возможно, они хотели как лучше, но рука капитана Немо застыла, и перо, выскользнув из руки, как из вывихнутого крыла, упало на пол. От этого по всей Вселенной прошел такой грохот, что вздрогнули даже улетевшие в Африку грачи.

— Перо, поднимите перо... — слабо простонал он.

— Вы ручку потеряли, Аркадий Петрович? — торопливо сказал профессор и, наклонившись к полу, незаметно для своего зама достал из нагрудного кармана одну из своих ручек, которые носил там на всякий пожарный случай, и положил на тумбочку. — Вот возьмите, пожалуйста. Или пусть пока полежит, пока вы отдыхаете. Ведь вы, наверное, утомились с дороги и хотели бы прилечь?..

— Прилечь?.. Да... Хорошо...

— Ну вот и ладненько. Вы отдыхайте, а Сергей Иванович — чисто из бюрократической необходимости — задаст вам несколько вопросов. В прошлый раз — когда вы промелькнули у нас всего за трое суток — он не успел с вами познакомиться. Знаю-знаю, голубчик, вас ждали на партконференции, мы вас подлечили и немедленно выпустили, как птицу дозорную — важную, перелетную.

Оба доктора, взяв стулья, садятся у кровати. И Сергей Иванович — человек с непроницаемым, практически лишенным мимики лицом, маленькими холодными глазами, глядящими прямо на собеседника, пронизывающими его насквозь мелким сеющим светом, который не задерживается и идет куда-то дальше, возможно сквозь стену, и, выйдя наружу, растворяется во всеобщем зимнем дне, — принимается за форменный допрос:

— Итак, пациент Голиков Аркадий Петрович, тридцати шести лет. Он же — детский писатель Аркадий Гайдар. Детские годы провел в городе Арзамасе Нижегородской области. Состоит в гражданском браке с Дорой Матвеевной Чернышевой. Имеет приемную дочь Женю и сына Тимура. Последний живет с матерью — бывшей супругой пациента... э... э... Рахилью Лазаревной Соломянской, — дочерью старого большевика, уроженкой Пензы. Переименованной пациентом на заре их знакомства в Лию, что и закрепилось в качестве имени. Недавно отбывшей срок наказания. Бывшая супруга к встречам отца и сына не благоволит и чинит всяческие препятствия. Я правильно все говорю?..

— Да-да, все верно, — машинально вставил профессор.

Сергей Иванович, не моргнув глазом, проводит пальцем по маленьким усикам над пухлой губой и приглаживает ладонью жидкие светлые волосы. На секунду-другую отводит взгляд в сторону и, как бы прицелившись, опять погружает его в лицо лежащего перед ним человека.

— А правда говорят, что это после вашего звонка, точнее, даже ряда звонков врагу народа Ежову, бывшего тогда наркомом НКВД, срок вашей законной супруги — ведь официально вы еще не развелись, не так ли? — сократили до чисто профилактических двух-трех лет?

— А это тоже вписано в историю болезни?

Стараясь изо всех сил не терять самообладания и именно из-за этого обычно и теряющий его, Гайдар спросил это с деланным, не лишенным иронии спокойствием, однако в голосе его, который сразу приобрел глубину, ошетилилась гордость. Про то, что сказал этот наглый, приставленный к интеллигентному профессору зам, знали только два его умных и надежных друга-писателя — Рувим Фраерман и Костя Паустовский. Они познакомились давно — на московской квартире супругов Фраерманов, где собирались, шутливо называя с легкой руки Гайдара как бы в честь пушкинского «Арзамаса» свои вечера «Конотопами» — Малыми, Средними и Большими — тогдаш-

ние молодые писатели. На «Большие Конотопы» собиралось порой человек двадцать. Шумно веселились молодой гудящей гульбой. И не знали, не ведали, какое время скоро будет на дворе... Только с Рувимом и Костой он говорил как на духу, хотя, впрочем, и с ними не все и не обо всем, — по неписанному кодексу чести все трое старались не отяготить совесть друг друга лишней информацией, которую можно невольно выдать — ведь в подвалах Лубянки ломались почти все.

Три друга — Гайдар, Фраерман и Паустовский — годами жили в ожидании ареста. Это ожидание стало частью их повседневного существования и одним из стимулов регулярных побегов из Москвы в Мещерскую сторону под Рязанью, где Паустовский прикупил в деревеньке Солотча, перестроив под дачу, сарай с простым неухоженным двором. Там они обычно и говорили обо всем, что накопилось в душе, — не прямо, а скорее по касательной, полагаясь на понимание без слов. Охота и рыбная ловля, многодневные походы с ночевкой по окрестным лесам, сбор ягод и грибов были тут не только отдушиной, но и прикрытием для встреч, когда приоткрывались и залечивались дружеским теплом многие раны. Особенно был он близок с Рувимом — добрым, интеллигентным человеком, написавшим тонкую повесть о первой любви «Дикая собака Динго».

В доносчиках эти люди точно не значились. Значит, Сергей Иванович пополнял картотеку своего слишком точного ума из секретных источников. И ими, источниками, было приказано палить в Гайдара, как и во многих других людей, выделяющихся из массы и, следовательно, имевших влияние на народ, непрерывной очередью, но — пока холостыми патронами. Да народ, собственно, и собирался в народ, когда в нем появлялась соль, которую составляли эти люди. Вот только соль эта была кристально чиста и сияла из неведомой Глубины, растворяя прежнюю соль, лежащую, как скорбная память, вдоль русел всех высохших рек, которые когда-то выплакал и не смог забыть потом человек. И именно это-то не устраивало всех любителей вечных соляных столпов.

И не глядя на глядевшего сквозь него в стену, на которой, видимо, вырисовывались какие-то только ему одному понятные узоры, доцента-психиатра с погонами ОГПУ под халатом, у которого, он почувствовал это кожей, задвигались желваки, Гайдар хрипло выпалил:

— Да, Ежов был самый настоящий враг. И я, хлебнув, конечно, для храбрости... да нет, не для храбрости... а для того, чтобы притвориться дураком, спрятать свой рост... ведь... э-э... нарком был ростом не ахти... В общем, я звонил ему из автомата несколько раз. Несмотря на то, что присланный им товарищ после первого же звонка, явившись ко мне ранним утром домой, срезал мой телефонный аппарат и демонстративно унес, перерезав и необходимые для связи провода, а я после этого спал одетый, так как был готов ко всему. Но я наркому, вопреки чьим-то надеждам, не грубил — я тонко разговаривал, как с его величеством тигром. Наверное, это и спасло Лию. С тигром поговорили как с тигром. Признали его могущественность. А могущественный тигр может позволить себя даже маленькие слабости в виде случайно промелькнувшей доброты.

Гайдар устало прикрыл глаза. Он очень обнажился и теперь тяжело дышал, а в горле нарастало удушье. Когда такое случалось не за больничными стенами, он мог даже внезапно выпрыгнуть в окно первого этажа, как это однажды произошло, например, в Перми, во время беседы с редактором газеты, где он тогда работал. Или сломать какие-то вещи, перебить посуду, ударить любого высокопоставленного подлеца и, увы, толкнуть в грудь или оттолкнуть любого друга, который сунется с поучениями.

— Забавно, — обронил зашелестевшим голосом Сергей Иванович, склонив голову к своим бумагам, и легкая улыбка, промелькнув змеей, словно юркнула в ровные ша-

ги по осеннему лесу практически невидимого в тумане человека. Доцент оставлял только шум шагов, вот Гайдар и не пытался говорить с ним лицом к лицу, вслушиваясь не столько в слова, сколько в шорохи, — это, наверное, желая спасти наше юное поколение от рышущих повсюду тигров — увы, устранив деления на антагонистические классы, мы не смогли выжечь каленым железом биологическую иерархию с ее борьбой за выживание — вы написали в 1938 году «Судьбу барабанщика»? В основе повести — судьба хорошего и талантливого мальчишки, который катится под откос после ареста отца, когда общество культурно делает вид, что не видит его беды. Мальчишка справляется, так как вы, как автор, проводите его через такие ситуации, которые только закаляют его. К тому же вы ненавязчиво даете советы и другим мальчишкам — уже читателям — как устоять и не сломаться в мире мелькающих чуть ли не за каждым кустом тигриных хвостов. В официальной редакции отец был арестован за кражу, но мы-то с вами знаем, что вырезала цензура. Невинный человек сел в тюрьму по доносу. И слава богу, вскоре вышел... Еще бы, ведь автор «Судьбы барабанщика», можно сказать, дал звонок своей трогательной историей на самый верх!.. И это в то время, когда постановлением правительства были разрешены расстрелы детей врагов народа начиная с двенадцатилетнего возраста... А вы заметили, что ваши усилия оценили?

— Да, заметил... Полетели с должностей люди, занимавшиеся в редакции текстом. Были и аресты. А тираж после первого бурного успеха у читателей был изъят из книжных магазинов и библиотек. Я сам ходил по магазинам и пытался спасти, выкупив хоть что-то. И, простите, тоже спал одетым — ожидал человека, перерезающего тончайший провод связи.

— Ну-ну... Не будьте так мнительны и не благодарны. Все это мелочи. Главное, что в итоге вы, лежа одетым, в конце концов развернули свежий номер «Правды» и увидели свое имя в списке награжденных орденами писателей. Вам тогда дали орден «Знак Почета» — тот, который вы никогда не снимаете. Это, конечно, не орден Ленина, но все же, поверьте, ваше имя не вычеркнули из составленного Фадеевым списка искренне. А какой триумф был потом, когда вся эта мелочь ринулась срочно набирать заново вашу «Судьбу барабанщика». Издатели наперебой принялись заключать договора на переиздание и всех других ваших книг. Они стали не только популярными, но и неплохо оплачиваемыми.

— Вы хотите сказать, что там, наверху, мне, как и герою «Судьбы барабанщика»... э... э... как бы это выразить поточнее... устроили испытание?

— Да, да, дорогой вы наш писатель, именно так. И вы его прошли с честью. Не то что ваш коллега по писательскому цеху — некто Пастернак, который, когда ему позвонил Сам, чуть не омочил подштанники не то от страха, не то от подобострастного восторга и так не вступился за еще одного своего коллегу — некоего Мандельштама, которому грозил тогда арест. Несмотря на то, что Сам два раза спросил его: «Как нам быть с Мандельштамом? Посоветуйте нам что-нибудь. Ведь он ваш товарищ». Но Пастернак был так экзальтирован, что ответил: «Вам виднее. Я просто хочу говорить с вами, товарищ Сталин». Этот неприличный разговор не оставил никакого следа в душе Главного. А вы — вы давали звонки наверх сами, причем неоднократно. Вам вообще очень подходит это звонкое слово «Товарищ».

Теперь был несколько экзальтирован Сергей Иванович — Гайдар улавливал это по треску сухих веток у того под ногами в его туманном лесу. Видимо, кое-что из сказанного было правдой. Этот кем-то инспирированный спектакль включал в себя не только испытания кнутом и пряником, — а в пряниках была прописана и обязательная лесть, — но и крупницы правды, которую Гайдар привык чисто по-военному машинально отмечать.

Как ответить на эту куцую правду — способной хлынуть, как кровь из горла, правдой своей? И стоит ли вообще отвечать тигру, случайно оказавшись с ним у водополя накануне большой засухи, когда по законам джунглей объявляют временное перемирие? Такой большой засухой была надвигавшаяся неизбежная война, и тигр был вынужден обзаводиться союзниками.

Нет-нет, стоп!.. Не нужно сдавать себя с потрохами тигру. И других через эту комом идущую изнутри свою правду подставлять под удары непредсказуемой судьбы под лапой коварного и непредсказуемого тигра тоже не следует! Но все-таки ответить надо, и ответить как следует. Беря огонь на себя, но отбежав в сторону, противоположную от ни в чем не повинных людей.

— Слово «товарищ» вообще-то не звонкое, а твердое, — сказал он, приподнявшись рывком на локте и метнув свой взгляд в глаза несколько отстранившегося и сжавшего губы Сергея Ивановича, — я понимаю про испытания и все прочее... Социализм не устранил человеческую подлость, и именно это и стало камнем преткновения для коммунистов старой, не ленинской закалки. Троцкий даже собирался физически устранить крестьянство как вид, так как понял, что инстинкт собственника у этой категории советских граждан не устраним в принципе. Но с этим надо было жить дальше — с этой внезапно открывшейся правдой про то, что с улучшением и уравниванием условий материального существования люди не становятся лучше автоматически. Ленин это понял и поэтому ввел нэп, хоть после этого и повылазило изо всех щелей попрятавшееся от лихих кавалерийских атак мещанство. Я сам был в революцию кавалеристом. И поэтому тоже тогда понял: эту дрянь из человека саблями не выкорчевать. Людские души поднимает и зовет в высоту чистой и свободной жизни только благородство. Благородство — это единственная суть, которая скрывается под одеждами мнимой сложности любой религии, в той числе нашей, которая зовется «коммунизм». Одежды привлекают обывателей и экстремистов, а людей доброй воли зовет ввысь суть с ее полетом духа и непочатым краем работы. У нас же некоторые товарищи, вроде того же так сильно преткнувшегося товарища Ежова, по-прежнему веруют в кавалерию Троцкого, хоть на словах и откристились от троцкизма. Вместо того чтобы зажигать души слабых людей собственным благородством, они запугивают их, обращаясь в оборотней в погонах. Так удобней — просто безжалостно вырывать плевелы в самом зачатке. Не оставляя тем самым шанса пойти в рост настоящему хлебу вместо какой-то куцей, опасливой, уравненной, пресной и, вероятно, лишенной подлинной питательной ценности пшеницы... А знаете... эти горе-троцкисты в конце концов так слепнут, что уже совсем перестают видеть новый день и народившихся новых людей. Как тот пугающий соседей по даче прогулками по саду с маузером и саблей старый дед-инвалид, которого изображает на сцене любительского театра в «Тимуре и его команде» дядя Тимура Георгий. Я, пожалуй, даже процитирую по памяти:

Георгий и Ольга стояли на подмостках, такие простые, молодые и веселые, что Жене захотелось обнять их обоих.

Но вот Ольга накинула ремень на плечо.

Глубокая морщина перерезала лоб Георгия, он ссутулился, наклонил голову. Теперь это был старик, и низким звучным голосом он запел:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится все то же
Движенья тайное в угрюмой тишине,
Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад ночами на войне.
Но если и сейчас я встречу с тобою,
Наемных армий вражеский солдат,

То я, седой старик, готовый встану к бою,
Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

— Ах, как хорошо! И как этого хромого смелого старика жалко! Молодец, молодец... — бормотала Женя. — Так, так. Играй, Оля! Жаль только, что не слышит тебя наш папа.

Если вы припомните, когда после подвига Павлика Морозова в нашей литературе началась кампания по массовому производству Павликов, меня тоже попросили написать повесть об очередном Павлике Морозове. Что было сигналом большого доверия и большой ответственности. Я назвал ее «Синие звезды», но после командировки в родное село настоящего Павлика запил и повесть забросил, несмотря на то, что ее начало уже печатали в «Пионере». В дневнике я записал: «Очевидно, „Синие звезды“ должны быть закрыты тучами». А в «Пионер» написал: «И вообще: никаких кулачко-вредительских сенсаций! Довольно плакать! Это пусть Гитлер плачет...» К счастью, меня оставили в покое.

— Я понял вас, господин Д.Артаньян из Арзамаса, — сказал Сергей Иванович, переставший изучать узоры на невидимой стене, так как был пойман в петлю взгляда человека, которого это он должен был поймать, отчего в голосе его появились сердитые властные нотки, — Что ж вы тогда сразу после того, как «Пионерская правда» начала печатать «Тимура и его команду», сбежали в свой Клин под крыло к двум женщинам — жене и маленькой приемной дочери, вылили под забор чернила, закопали ручки и перья и повестили объявление на забор: «Здесь живут охотники и рыбаки, а писатели здесь не живут»? Так сильно струхнули на сей раз, ожидая прихода срезающего провода человека?..

— Нет. Признаюсь — просто устал. Я понял тогда, что все равно вы, взрослые люди, в Тимура не поверите и тоже со временем выкорчуете его с нашей почвы путем привития к культовым сортам пшеницы. Обязете постоянно держать, как штангу на плечах, свое твердое слово — то, какое подсказывает партия. А ведь он и так умеет держать твердое слово, держать до последнего, пока оно не станет комом под тяжелым-тяжелым камнем. Жалко мне стало Тимура. Вот так.

— У вас богатое воображение и причудливые ассоциации. Ну, это и понятно — вы человек нездоровый. Фрейд бы сказал, что это последствия детских травм.

— А разве Фрейд уже перестал быть представителем чуждой нашему духу буржуазной науки? Неужели вы и к Фрейду меня привьете?.. Ей-богу, не ожидал!

— Ну, это он для вас буржуазный, а мы, специалисты, читаем все. Поскольку безличны.

— Безличны?.. Это как?

— Мы не руководствуемся эмоциями и субъективными пристрастиями. Мы делаем дело. Только дело. Только и всего. И поверьте: только в белых перчатках его не сделать. Поэтому извольте выслушать мнение специалиста — вам испортила жизнь не война, куда вы в первый раз сбежали в русско-германскую войну на фронт к отцу, будучи еще совсем ребенком, — тогда вас вернули с дороги, — а ваша мать. Склонная, как и вы, к экзальтации и неожиданным поступкам, она воспитывала вас как анархиста. Вы не усвоили никаких ограничений внешней и внутренней среды, так как с вами с пеленок говорили как с равным и показывали вам жизнь такой, какая она бывает лишь в сказках об Аркадии, волшебной стране волшебного рая, где люди просты и не лукавы, как боги. Но Бога, дорогой любитель всяческого волшебства, попросту нет. Поэтому кто-то должен делать на Земле его черную работу: отделять похожих на лягушек людишек от их болотной грязи и мыть их, мыть. Промывая в том числе и мозги.

— Не как боги, а как дети...
— Что-что?..
— Уже ничего... Ладно, проехали. Уважаемый товарищ, мне даже стало жалко вас почти так же, как Тимура. Ведь вы даже представить не можете, насколько у меня была хорошая мать и каким подарком судьбы был мне отец. Они дали мне прекрасное воспитание и образование, и это действительно им я всем в себе обязан. Моя мать, Салькова Наталья Аркадьевна, дворянка из обедневшей семьи, дальняя родственница М. Ю. Лермонтова, и Голиков Петр Исидорович, внук простого крепостного крестьянина, — записывайте, записывайте, я сразу перевожу на язык протокола... они оба были учителями. Отец учительствовал после окончания семинарии, а мать окончила учительские курсы. Хоть их участие в революционных выступлениях 1905 года и перекрыло им потом путь в тогдашние школы, и мать, окончив фельдшерские курсы, в дальнейшем стала работать по этой линии, а отец стал заниматься акцизным делом. В общем, мои мать и отец поженились вопреки воле отца моей матери и социальным предрассудкам. И — слава богу! — которого, вероятно, нет в небесах, поскольку он превратился в человека, и человек теперь ходит по Земле, как по Аркадии, требуя своего — чистого и возвышенного, духовно радостного бытия!.. В нашем доме — такая чистая жизнь окружала меня с раннего детства, нет, даже с младенчества. Я, собственно, и родился во все это — звучали стихи и музыка, читались всей семьей вслух книги, рассказывались в живых красках истории из самых разных областей человеческой жизни, включая науку и искусство, и как-то само собой, непринужденно, делались все самые необходимые в быту дела. И, конечно же, мы, дети, много играли, и родители не чинили нам препятствий, предохраняя нас только от чрезмерного, жестокого баловства. Культура человечества была для нас, четверых детей, не сухой конструкцией из учебников, а таинственной Книгой, преподаваемой нам, любопытным и жадным до всего живого, прирожденными родителями-педагогами, которых мы уважали не просто по привычке. Мы тоже были уважаемыми людьми. Нас уважали наши родители — любящие нас и друг друга люди с тонкой душой. Я действительно был с младых ногтей Д'Артаньяном, который с великой охотой опекал своих трех маленьких сестер, не гнушаясь и работой по хозяйству, с которыми оставался по вечерам, когда мать уходила на дежурства. Поэтому анархистом, как вы изволили выразиться, я не был. Я был естественно ответственным человеком. Это чувство естественной ответственности и естественный, ничем тяжелым не придавленный ум помогали мне потом всю жизнь быстро ориентироваться в событиях, поэтому уже в тринадцать лет я писал на фронт отцу немислимые с точки зрения других взрослых и других детей, выросших в ежовых рукавицах, письма, спрашивая про тогдашнюю войну так:

Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?
2. Не подорвана ли у вас дисциплина?
3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы...
4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?
5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели — «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций»?..

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке.

— Ну чего же вы врете, дорогой пятнадцатилетний капитан. Даже в этой истории болезни имеются сведения о том, что когда и отец, а потом и вы ушли на фронт, Наталья Аркадьевна уехала из Арзамаса в Туркестан, как тогда говорили — «с сахарозаводчиком», оставив своих трех еще несовершеннолетних дочерей на попечение дальней родственницы. А на самом деле — фактически без попечения. Вначале, правда, она обосновалась в Семиречье, приехав туда с дочерьми Олей и Катей. Но дети скоро возвращаются в Арзамас, а мать едет в Киргизию — к месту новой работы в Пржевальске. Там она, правда, много и честно работала в должности заведующей Губздравотделом, командированная туда с помощью «своего сахарозаводчика» — председателя Пржевальского угроревкома Александра Федоровича Субботина. Занимая одновременно должность секретаря Пржевальского угроревкома. Там же, в Средней Азии, она подхватила скоротечную чахотку и скончалась на лечении в Крыму, в Алушке, где и была похоронена. А вы согласились с ней встретиться и смогли простить ее, только когда она уже была неизлечимо больна. Вы тогда приехали к ней в санаторий. И что удивительней всего, она, сама фактически и вытолкнувшая вас мальчишкой на фронт, пристроившая вас, четырнадцатилетнего гимназиста, выгнанного из гимназии за отказ сдать отцовский маузер, адъютантом командира местного рабочего батальона и потом упросившая того взять вас с собой в армию, когда его вдруг назначили начальником охраны всех железных дорог новой республики — она и перед лицом смерти истово напутствовала вас и дальше не щадить живота за Родину и Советскую власть. Конечно же, этот порыв сам по себе прекрасен, но в этом было что-то истерическое, вам так не кажется?

Два с половиной года прошло с тех пор, как я порвал всякую связь, мой друг, с тобой. За это время я не получил ни одного письма, ни одной весточки от тебя, мой славный и дорогой папа... Я ушел в армию совсем еще мальчиком, когда у меня, кроме порыва, не было ничего твердого и определенного. И, уходя, я унес с собой частицу твоего миропонимания и старался приложить его к жизни, где мог...

Это письмо к отцу, написанное вами в 1923 году, хранится, конечно, не в этой, а в более углубленной истории вашей болезни. Вы кому тут рассказываете сказки?..

— А жизнь вообще на своей глубине протекает в виде сказки. Только не все могут до нее донырнуть.

— Вы-то, полагаю, донырнули. А нам что прикажете делать — все нырять и нырять, глядя сразу в обе стороны — реалистическую и сказочную — и мешая правду с выдумками, чтобы лечиться потом в психиатрических клиниках?

— Да, именно так — глядеть двуглавым орлом сразу в обе стороны. Это с древней поры хорошо умеют русские, у которых за спинами трех богатырей стоит тщательно ими оберегаемый главный, четвертый богатырь — Иван Дурак. А про родителей своих я вам скажу так: я сожалею, что я осуждал их. С годами я кое-что понял. Человека ломает рок событий, когда он мчит неведомо куда. На этом несоответствии ожидаемого и реального многие сбиваются с пути, особенно люди степенные, в годах. Поэтому им обязательно должны помогать младшие. Ученики должны помогать учителям уяснить то новое, что появилось в жизни за ее очередным поворотом, а дети должны помогать родителям прежде всего в этом, внутреннем смысле. А я об этом не позаботился. Я должен был хотя бы писать с фронта письма, где бы подробно описывалось наше коммунистическое движение в его подлинной, не замутненной демагогией сути. Ведь мои родители были хорошими родителями и учителями, а следовательно, сумели воспитать сына-ученика, который превзошел их. Только тот учитель велик, у кого ученики прошли чуть дальше, чем он. И в этом смысле моих родителей —

я на это очень надеюсь — можно поздравить с победой. Но в одном я дал промах: я не стал им вовремя, когда они осиротели в своих мыслях и чувствах и растеряли душевную теплоту, из-за чего и ринулись восполнять ее на стороне, отцом и учителем, то есть настоящим Другом... Не забывайте также, что у меня в Арземасе был еще один хороший учитель — учитель словесности Галка... Ну, вы читали, наверное, мою «Школу»... Учитель Галка сильно меня продвинул. Это он — Николай Николаевич Соколов — приоткрыл передо мной деятельность большевистского подполья. Я даже нашел его, уже став взрослым, чтобы показать свою первую повесть «В дни поражений и побед», услышать его мнение и поблагодарить. Но он принял меня сухо. Он не понял моего направления.

— Послушайте — да это вы просто потрясающий демагог! Вы вывернетесь из любой ситуации, выворачивая все наизнанку!

— Не забывайте поглядеть и в другую сторону. Там вы заметите, что мать очень заботилась обо мне, когда просила красного командира взять меня на фронт. Товарищ Еремин был хороший и теплый, осторожный дядька. И мать надеялась, что при нем я, может, и не пропаду. Ведь знала — все равно сбегу на фронт.

— Всех обманув — прибавив себе два года. И став комполка в пятнадцать лет.

— После командирских курсов, и причем не одних. Про это тоже необходимо помнить. Как и про то, что в те годы грамотный человек в отряде был такой редкостью, что на возраст тут не смотрели.

— Ну хорошо, допустим... А чего ж вы тогда сами всю жизнь мыкались по бабам? Чего это у вас нормальная семья сложилась только в тридцать восьмом — с этой — тоже еврейкой — Дорой Матвеевной Чернышевой, дочкой владельца обувной фабрики? Говорю «тоже», потому что Лия Соломянская, как известно, огорчала вас своей природной меркантильностью. Она ушла к настоящему еврею — такому, какой не косит под дурачка и умеет обеспечивать. Поэтому и сына старалась от вас оградить, к тому же и не вашего сына... Ваш-то сын Женя, родившийся от первой вашей гражданской жены Маруси Плаксиной, умер еще совсем младенцем. А все остальные ваши дети были приемными. И маленькие дочери вашей другой, после не оформленного официально развода с Соломянской, гражданской жены, тоже детской писательницы, Анны Трофимовой — Света и Эра. От которых впоследствии, когда два детских писателя, устав от своего богемного житья-бытья, разбежались, вас тоже фактически оторвали. И только теперь вот — обрели дочь Женю, опять приемную. Правда, вы строго-настрого приказали всем говорить ей, будто вы — ее настоящий отец.

— А все на свете дети — она вообще-то, — так уж и быть — выдам вам военную тайну — мои...

— Ого, какое самомнение! Впрочем, иного я и не ожидал.

— Погодите глядеть в одну сторону. Ведь я и в самом деле — поганый отец. Я увидел своего сына Тимура только в двухлетнем возрасте. А до того я просто жил один, уйдя с головой в работу, и не торопился ехать в Архангельск, где жена, родив, осталась жить у родственников. Я почему-то был уверен, что сын был не мой, так как, по моим подсчетам, не мог стать отцом, будучи в поездке по Средней Азии. Но я просчитался — ребенок, видимо, просто родился немного недоношенным. И это все, что я имею сообщить вам о своей личной жизни.

— Глупый позер!.. Но — ваше счастье, что признались. Мы-то все это знаем.

— Все, все! Хватит! Я прерываю эту дуэль! Больному необходим отдых, а моего заместителя еще ждут другие пациенты, а их тут — пруд пруди, — внезапно вскричал еще один еврей — профессор Абрам Моисеевич. Он взволнованно водрузил на нос очки, которые чуть не протер до того до дыр, хмуро прислушиваясь к звенящей натя-

нутым, как через обрыв, нервом практически бесконечной беседой. Поднявшись, он с шумом отодвинул стул и слабо махнул в коридор какой-то маячащей в темноте тени. — Сестра, где вы там?.. Микстуру больному!

Поднялся рывком, красиво отведя свой стул назад, и спешно приходящий в свой невозмутимый вид Сергей Иванович. Из колючих и в то же время округлившись и опечалившись его глаз, за которыми внезапно обнажилась зияющая бездной пустота, все еще сыпались черные, как угли, искры. Эта обнаженность повергла его на доли секунды в растерянность и смятение — казалось, что он вот-вот провалится внутрь себя: в тот самый провал, который привык готовить другим. Поэтому собравшись в одну точку, напряжившись, он почти бегом направился к выходу и уже с порога, круто обернувшись, еще раз колюче посмотрел на Гайдара.

Но вдруг на лбу его обозначилась складка, а взгляд опять опечаленно погрузился в туман и нащупал стену.

Он снова расслабился, как налившись силой, и на губах проступила привычная, как галстук-бабочка, едва приметная полуулыбка.

Он хотел было сопроводить это возвращение в панцирь некой назидательной колкостью в адрес Гайдара. Но почему-то передумал и, горько махнув рукой, в сердцах сказал:

— Ладно, Аркадий Петрович! Буде!.. Блаженные нам тоже нужны.

И только теперь вышел.

За ним, не оглядываясь, грузно протопал профессор.

А медсестра с мензуркой, вбежав в палату, в мгновение ока с профессиональной сердобольностью напоила Гайдара лекарством с хорошо знакомым вкусом, от которого внутри разливалось потом час-другой влажное спокойствие, и в нем можно было немного отдохнуть.

А это означало, что капитан Немо мог вести свой корабль дальше.

Он мастерски справился с задачей — посол недоброй воли сошел с его борта, так и не добившись своего. Он не смог опрокинуть его журавленка на спину и, подчинив своей воле, погрузить в царство мертвящего ледяного панциря. Да к тому же разговор крутился только вокруг него одного, и имена других людей — его родных, друзей и коллег — остались не затронутыми. Упоминались лишь жены, да и то в контексте его перед ними вины.

И еще упоминались дети — а от этого у него холодела кровь.

Как долго сможет продержаться его журавль? Ведь, судя по всему, настоящие холода еще и не начинались.

Значит, необходимо разогревать чужеродную среду, в которой плавало сейчас журавленком его сбивчивое сердце, собственной кровью. Другого выхода нет.

А сердце питать — влагой воспоминаний.

Надо бы перебить лезущую в голову муть, подтачивающую и сосущую его изнутри все нарастающей беспробудной тревогой — чем-то, что придает силы, а не слабость.

Но как нарочно, накатила волна жалости к себе — вспомнились разом все свои непутевые женитьбы и романы. И сморщенное личико умершего младенцем Женьки тоже явственно встало из никогда не умолкающей, нашептывающей упрёки памяти. Вместе с заплаканными глазами ясноглазой Маруси — его первой большой любви, которая, потеряв сына, потеряла и доверие к не уберегшему его такому же юному, как она, отцу, носившемуся тогда по фронтам. После чего, помыкавшись года два в Арзамасе у его матери, навсегда уехала от него, находившегося в это время на фронте.

И немудрено — когда родился Женька, молодоженам едва исполнилось шестнадцать.

Но, пожалуй, только одна Маруся и понимала его — только с ней у него было внутреннее сходство.

Дора понимает его по-другому — по доброте душевной изо всех сил стараясь понять. И — принимая то, чего понять не в силах. Наверное, это сейчас самое лучшее для него.

Но все-таки нет подлинного соприкосновения какими-то внутренними гранями — очень тонкими гранями — какими-то хрустальными.

А с Марусей это было.

И он повсюду искал потом Марусю.

И в Лие Соломянской, пока она была семнадцатилетней комсомолкой и с удовольствием отдавалась активистской работе — это она, озорная темноволосая девчонка, организовала первую в Перми пионерскую газету «Муравей-чудодей» и при этом была слушательницей совпартшколы, — он поначалу тоже увидел Марусю.

А когда начал прозревать вылезшую из нее, как из куколки, взрослую особь иной породы — стало уже поздно.

Он уже привык к Лие и упорно продолжал думать о ней как о юной и трогательной, искренней, идейной и романтической комсомолке. Тем более что она была талантливой личностью — недаром же ей потом в Москве доверили редактировать «Пионерскую правду».

То, что Лия эту комсомолку, вероятно, сбросила с себя, как лягушачью шкурку, еще, вероятно, с выпускным платьем, он в расчет не брал практически до того дня, когда она объявила спустя пять лет после их настоящей на скандалах брачной жизни, что уходит к другому. И увезла к тому, другому, его сына, продуманно умыкнув Тимура в машину прямо на вокзале.

Но он не посмел бороться за то, чтобы оставить у себя Тимура, с которым они обожали друг друга, — он помнил, как был виноват перед Лией и сыном из-за своей гордости.

Оставив жене их комнату в коммуналке, он ушел мыкаться по чужим углам, и только в 1938 году писательская организация предоставила ему другую комнату — в мрачноватом Большом Казенном переулке, к которой он так и не привык.

Откуда вскоре он перебрался, на свое счастье, в Клин, где и встретил Дору с Женькой — дочь и внучку хозяина дома, у которого пришлось снять комнату, лишь бы быть подальше от Кремля и соседей-стукачей.

Он тут же удочерил маленькую Женю и даже попросил сказать ей, что он — ее биологический человек. Ведь совсем недавно, когда они разбежались с неплохой, но тоже далекой от него Аней Трофимовой, он лишился своих приемных дочерей Эры и Светы. И очень хотел, чтобы больше никто никогда не посмел оторвать от него детей под предлогом отсутствия кровного родства. Как он ненавидел этот варварский приоритет родства по крови над родством душ!..

А ведь все могло бы в его личной судьбе сложиться иначе, если бы Рита тогда выбрала его... Быть может — сложилось бы иначе.

Это была его очередная сказка, которая грела ему душу, когда это было крайне необходимо. И он сам понимал это. И тем не менее продолжал верить в некую Риту в Рите. В большую и хорошую, настоящую Риту — в той, маленькой, которая встретилась ему на дорогах судьбы, показавшись большой.

Похоже, что этот мыслитель-хирург, работающий с душой без перчаток — Сергей Иванович, — упустил из его биографии Риту.

Да и вряд ли могло быть иначе — Гайдар даже близких друзей, включая Руви-ма с Костой, не допускал до своей личной жизни, и выудить не то что подробности,

а просто имена всех его женщин — их, вопреки байкам, было не так уж много, а сам он, кроме Маруси, вспоминал только одну — опричникам было неоткуда.

Но загвоздка была в том, что именно историю с Ритой он сам изобразил почти такой, какой она и была, в своей повести-хронике «Рыцари неприступных гор». (Это потом редакторы обратили с его легкого, прекраснодушного соглашательства в мелочах — рыцарей в всадников.)

Позже он уже не интересовался своими ранними — сырыми и сумбурными, на взгляд состоявшегося мастера — повестями и не переиздавал их. Из них он считал относительно сильной лишь «Жизнь ни во что», — но и ее тоже в дальнейшем не включал в свои новые сборники.

Но «Рыцари» были ему дороги как страницы личного дневника, где он так обнажился, что стоял практически без прикрас, как человек среди бьющих его ветров. Так, как и стоят обычно люди, пока не лягут в землю.

Странно, что легшую в основу повести историю любви все языки — и добрые, и злые, — как сговорившись, обошли стороной. Всем запомнилось только то, что он, получив гонорар за «Жизнь ни во что», отдал в редакцию полную авторскую версию повести «Р. В. С.», напечатанной до того в сокращении — как рассказ — в ленинградском журнале «Звезда», и в марте 1926 года вместе с тогдашним своим другом Николаем Трофимовым уволился из пермской «Звезды». После чего они рванули вдвоем в авантюрное путешествие по Средней Азии — не имея ни соответствующих средств, ни сноровки, ни даже лишнего костюма. И как вернулись потом в середине лета исхудалые, вдрызг обтрепанные, так как ночевали на улице, пока зарабатывали на обратную дорогу. Причем вернулись порознь и с той поры раздружились.

А про то, что их было не двое, а трое — про это как-то дружно забыли.

Еще бы — ведь тогда Гайдар и Лия были уже женаты, а третьей путешественницей была женщина. Тем более что, вернувшись из поездки, он узнал, что Лия беременна. Хотя до отъезда он прямо сказал ей, что подаст по возвращении на развод, так как полюбил другую. Их последняя супружеская ночь должна была действительно стать последней — об этом они договаривались... Оба они как будто поняли, что слишком разные, и, как тогда казалось, окончательно потеряли надежду сойтись внутренне.

Тогда он был насчет Лии трезв, как никогда. Он не цеплялся за Марусю в ней, так как переселил воображением художника свою легендарную Марицу — Марусю — в другую женщину.

Той же, другой, он хотел подарить всего себя на просторах далекой земли.

Но не как сказитель Шахерезаде — очередную сказку древности.

В Самарканде, где лежал в гробнице воитель древности Тимур, заря новой советской жизни только занималась.

Там, вероятно, все еще было как встарь — новое мешалось со старым, прорастая из него, из старья, к чему-то такому, чего еще не учли и не охватили планами бюрократы.

Там можно было догнать прежнюю весну, оставив позади вместе с российскими вокзалами лютующие перед оттепелью последние морозы. Догнать — или, что точнее, сделать во времени петлю, обогнать, соскочив на некий короткий период с мчащегося в будущее локомотива истории.

Там, как ему чудилось, небо было высоким, а земля бескрайней.

И повсюду ходило величественными семимильными шагами словно никогда не заходящее солнце.

...Прикрыв глаза, он отчетливо увидел качающийся над ним терпким дубовым листком текст своих «Рыцарей» — самое начало:

Вот уже восемь лет, как я рыскаю по территории бывшей Российской империи. У меня нет цели тщательно исследовать каждый закоулок и всесторонне изучить всю страну. У меня просто — привычка. Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое врывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес, да чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза. И когда случается мне попасть в домашнюю спокойную обстановку, я, вернувшийся из очередного путешествия, по обыкновению, измотанный, изорванный и уставший, наслаждаюсь мягким покоем комнатной тишины, валяюсь, не снимая сапог, по диванам, по кроватям и, окутавшись похожим на ладан синим дымом трубочного табака, клянусь себе мысленно, что эта поездка была последнею, что пора остановиться, привести все пережитое в систему и на серо-зеленом ландшафте спокойно-ленивой реки Камы дать отдохнуть глазам от яркого блеска лучей солнечной долины Мцхета или от желтых песков пустыни Кара-Кум, от роскошной зелени пальмовых парков Черноморского побережья, от смены лиц и, главное, от смены впечатлений.

Но проходит неделя-другая, и окрашенные облака потухающего горизонта, как караван верблюдов, отправляющихся через пески в далекую Хиву, начинают снова звенеть монотонными медными бубенцами. Паровозный гудок, доносящийся из-за далеких васильковых полей, чаще и чаще напоминает мне о том, что семафоры открыты. А старуха-жизнь, поднимая в морщинистых крепких руках зеленый флаг — зеленую ширь бескрайних полей, подает сигнал о том, что на предоставленном мне участке путь свободен.

И тогда оканчивается сонный покой размеренной по часам жизни и спокойное тиканье поставленного на восемь утра будильника.

Пусть только не подумает кто-либо, что мне скучно и некуда девать себя и что я, подобно маятнику, шатаюсь взад и вперед только для того, чтобы в монотонном укачивании одурманить не знающую, что ей надо, голову.

Все это — глупости. Я знаю, что мне надо. Мне 23 года, и объем моей груди равен девяносто шести сантиметрам, и я легко выжимаю левой рукой двухпудовую гиру.

Мне хочется до того времени, когда у меня в первый раз появится насморк или какая-нибудь другая болезнь, обрекающая человека на необходимость лечь ровно в девять, предварительно приняв порошок аспирина, — пока не наступит этот период, как можно больше перевертеться, перекрутиться в водовороте с тем, чтобы на зеленый бархатный берег выбросило меня порядком уже измученным, усталым, но гордым от сознания своей силы и от сознания того, что я успел разглядеть и узнать больше, чем за это же время увидели и узнали другие.

А потому я и тороплюсь. И потому, когда мне было 15 лет, я командовал уже 4-й ротой бригады курсантов, охваченной кольцом змеиной петлюровщины. В 16 лет — батальоном. В 17 лет — пятьдесят восьмым особым полком, а в 20 лет — в первый раз попал в психиатрическую лечебницу.

Фраза о больнице заставила его открыть глаза, и он словно впервые увидел эти хорошо знакомые стены, недавно покрытые свежей масляной зеленой краской — как что-то близкое и в то же время далекое. Это действительно была его каюта, его самаркандский сад. Почему бы «Наутилусу», который бороздил не только океанические глубины, но и раздвигал своим ходом полярные льды, не проникнуть теперь в глубь пустыни? Это — махина широкого профиля!

Поднявшись, он зачарованно сделал шаг, потом другой... И словно ощутил в ладонях уже не трясущихся рук, поднеся их к глазам, нежные лепестки урюка.

Как все-таки хорошо, что он не поехал тогда в Париж, где собирался не только отдохнуть от редакционных забот и от раздумий над судьбой Лбова и лбовщины, но и развеять дурман своего неудавшегося брака. Он любил дальние страны также и за их способность гасить миражи. С этой задачей, пожалуй, справился бы и Париж. Но Гайдар не обрел бы тогда в своем сердце Азию. То есть не прибавил бы к своей земле того нового, что узнал и увидел за глупыми пределами из мелочей, растущих сорняками из чьих-то личных, включая его собственные, амбиций. Вот это была бы — потеря потерь!..

Я решил уехать за границу. Две недели для практики я изъяснялся со всеми, вплоть до редакционной курьерши, на некоем языке, имеющем, вероятно, весьма смутное сходство с языком обитателей Франции. И на третью неделю я получил в визе отказ.

И вместе с путеводителем по Парижу я вышвырнул из головы досаду за неожиданную задержку.

— Рита! — сказал я девушке, которую любил. — Мы поедем с тобой в Среднюю Азию. Там есть города Ташкент, Самарканд, а также розовый урюк, серые ишаки и всякая такая прочая экзотика. Мы поедем туда послезавтра ночью со скорым, и мы возьмем с собой Кольку.

— Понятно, — сказала она, подумав немного, — понятно, что послезавтра, что в Азию, но непонятно, зачем брать с собой Кольку.

— Рита, — ответил я резонно. — Во-первых, Колька любит тебя, во-вторых, он хороший парень, а в-третьих, когда через три недели у нас не будет ни копейки денег, то ты не станешь скучать, пока один из нас будет гоняться за едой либо за деньгами на еду.

Рита засмеялась в ответ, и, пока она смеялась, я подумал, что ее зубы вполне пригодны для того, чтобы разгрызть сухой початок кукурузы, если бы в том случилась нужда.

Она помолчала, потом положила мне руку на плечо и сказала:

— Хорошо. Но пусть только он на все время пути выкинет из головы фантазии о смысле жизни и прочих туманных вещах. Иначе мне все-таки будет скучно.

— Рита, — ответил я твердо, — на все время пути он выкинет из головы вышесозначенные мысли, а также не будет декламировать тебе стихи Есенина и прочих современных поэтов. Он будет собирать дрова для костра и варить кашу. А я возьму на себя все остальное.

— А я что?

— А ты ничего. Ты будешь зачислена «в резерв Красной Армии и Флота» до тех пор, пока обстоятельства не потребуют твоей посильной помощи.

Рита положила мне вторую руку на второе плечо и пристально посмотрела мне в глаза.

Я не знаю, что это у нее за привычка заглядывать в чужие окна!

— В Узбекистане женщины ходят с закрытыми лицами. Там цветут уже сады. В дымных чайханах перевитые тюрбанами узбеки курят чилим и поют восточные песни. Кроме того, там есть могила Тамерлана. Все это, должно быть, очень поэтично, — восторженно говорил мне Николай, закрывая страницы энциклопедического словаря.

Но словарь был ветхий, древний, а я отвык верить всему, что написано с твердыми знаками и через «ять», хотя бы это был учебник арифметики, ибо дважды и трижды за последние годы сломался мир. И я ответил ему:

— Могила Тамерлана, вероятно, так и осталась могилой, но в Самарканде уже есть женотдел, который срывает чадру, комсомол, который не признает великого праздника ураза-байрам, а потом, вероятно, нет ни одного места на территории СССР, где бы в ущерб национальным песням не распевались «Кирпичики».

И убежал Моисей, после того как во время его попытки разнять дерущихся обижающий ближнего оттолкнул его со словами: «Не хочешь ли ты убить меня, как вчера убил египтянина?!»

Он убежал в пустыню Мадиамскую. И встретив там ефиопянку, женился на ней.

Этот достопочтенный человек, всегда шедший против течения, не смирялся ни с чем мелким, пошлым, общепринятым и якобы — только потому — общеобязательным. Об этом Гайдар помнил еще с гимназических уроков Закона Божьего — он перекладывал тогда в своем воображении библейские истории, которые рассказывал монотонным голосом учитель, на понятный человеческий язык.

Сейчас Гайдар с удовольствием бы пожал ему руку через вечность!

И тогда — он тоже хотел протянуть Рите руку — нет, обе руки! — подав вторую Николаю — на весь белый свет, который можно обозреть, как площадку для грядущего взлета в еще более глубокий и широкий мир, который еще предстоит построить, — уехав далеко-далеко, на самый край мира.

Этот новый мир дул им в лицо теплым попутным ветром, даже когда они, уже хлебнув приключений в Самарканде, покачивались, видя каждый — свои таинственные сны — в вагоне мчащегося сквозь ночь дальше — теперь в Бухару — поезда. Поэтому вор с легкостью оставил их без чемодана, а они оставили в душах других пассажиров и проводника впечатление странных и несерьезных людей, про которых не поймешь — жалеть их или ругать. Уж слишком легко они отнеслись к потере. Гайдар и Рита, разбуженные обнаружившим пропажу Николаем, просто переглянулись, и Рита, обозвав их для порядка идиотами, просто повернулась на другой бок — смотреть сон дальше. Встретившись взглядами, они тут же отпустили все эти волнения. И только бдительный Николай, вероятно, по причине того, что не успел бросить между ними клинок взгляда своего, некоторое время громко возмущался и чем-то грозил путевому начальству, которое устроило потом форменный допрос всем потерпевшим и свидетелям. Но чемодан, это было понятно с самого начала, им в результате этих хлопот никто не вернул.

Когда Гайдар впервые заметил этот отравленный клинок?

Увы, не сразу... Он еще очень долго, да практически до конца, полагал, что Николай просто слегка ревнует, но, в общем-то, это настоящий товарищ — ведь они когда-то служили в одном полку и ходили вместе в дозор. Хотя любой здравомыслящий человек попросту расхохотался бы, узнав, что он пригласил в поездку с любимой женщиной, которой собирался сделать предложение, ее другого воздыхателя. Ведь то, что Николай, несмотря на то, что у Риты и Гайдара уже были отношения, был по-прежнему влюблен, хотя Рита и не давала ему повода надеяться на что-то, кроме дружбы, знал даже Гайдар.

Так на что же надеялся Гайдар?

На дальние страны, смыывающие с глаз настоящих людей их иллюзии и вливающие в их грудь ветер странствий.

Странниками надо входить в эту великую, смелую жизнь, странниками-великанами. Безжалостно выметая сор из собственных душ.

Так он полагал.

Поэтому он верил в Николая и как бы протягивал ему руку.

Его боевой товарищ справится — думал втайне Гайдар.

Но он не любил обнажать своих потаенных дум и не любил людей, воровато заглядывающих ему в глаза, как в чужие окна.

Повсюду — в Самарканде, Бухаре, в недавно переименованном в честь погибшего чекиста в Полторацк — бывшем «саду любви» Асхабаде, в пригорюнившимся на бе-

регу Каспия мертвенном Красноводске, а потом и на Кавказе, куда они рванули после того, как с трудом заработали денег на дорогу, работая грузчиками в красноводском порту — продолжался этот некрасиво затеянный Николаем у могилы Тамерлана спор о красивом. Он был особенно странен среди их неприхотливого, полного опасностей быта: ночевки в развалинах заброшенного сада, на вокзалах, в старых вагонах, а то и просто под открытым небом — среди людей, которые только-только открывали в себе людское, например, среди путевых рабочих, которым после изнурительного трудового дня приходится коротать ночь в отцепленном вагоне.

Мы с Николаем сели на большой белый камень и закурили, а Рита легла на траву и, подставив солнцу лицо, зажмурилась.

— Мне нравится этот город, — сказал Николай. — Я много лет мечтал увидеть такой город, но до сих пор видел только на картинках и в кино. Здесь ничего еще не изломано; все продолжает спать и видеть красивые сны.

— Неправда, — ответил я, бросая окурки. — Ты фантазируешь. Из европейской части города уже добираться до тубетеечных лавок полуразвалившегося базара узкоколейка. Возле коробочных лавок, в которых курят чилим сонные торговцы, я видел уже вывески магазинов госторга, а поперек улицы возле союза Кошчи протянут красный плакат.

Николай с досадой отшвырнул окурки и ответил:

— Все это я знаю, и все это я вижу сам. Но к глиняным стенам плохо липнет красный плакат, и кажется он несвоевременным, заброшенным сюда еще из далекого будущего, и уж во всяком случае, не отражающим сегодняшнего дня. Вчера я был на могиле великого Тамерлана. Там у каменного входа седобородые старики с утра до ночи играют в древние шахматы, а над тяжелой могильной плитой склонились синее знамя и конский хвост. Это красиво, по крайней мере потому, что здесь нет фальши, какая была бы, если бы туда поставили, взамен синего, красный флаг.

— Ты глуп, — ответил я ему спокойно. — У хромого Тамерлана есть только прошлое, и следы от его железной пяты день за днем стираются жизнью с лица земли. Его синее знамя давно выцвело, а конский хвост съеден молью, и у старого шейха-привратника есть, вероятно, сын-комсомолец, который, может быть, тайком еще, но ест уже лепешки до захода солнца в великий пост Рамазана и лучше знает биографию Буденного, бравшего в девятнадцатом Воронеж, чем историю Тамерлана, пятьсот лет тому назад громившего Азию.

— Нет, нет, неправда! — горячо возразил Николай. — Ты как думаешь, Рита?

Она повернула к нему голову и ответила коротко:

— В этом я, пожалуй, с тобой согласна. Я тоже люблю красивое...

Больше всего Гайдар расстраивался, хоть и не подавал виду, от того, как слепа на подлинную красоту Рита.

Она очень скоро угодила в липкую паутину из красотостей, которую ловко сплел Николай, — сплел совсем как тот злой влюбленный шиповник, выросший меж могил двух убитых им любящих людей, чтобы они не смогли склонить друг к другу даже головки выросших на могильной земле белых роз. Эту сказку, воинственно поглядев на Гайдара, его друг рассказал еще в начале путешествия.

Собственно говоря, он не уважал не только Гайдара, но и Риту. Называя ее про себя «девушкой из кабака», он опасался обнаружить в ней потенциальную проститутку. Вероятно, такова участь всех горе-спасителей. Ведь это Николай устроил Риту в редакцию. До того эта талантливая, не получившая образования девушка была ресторанной певицей.

Столь же противоречивым было и отношение Николая к революции. Считая, что с введением нэпа все достижения советской власти вылетели коту под хвост, то есть оказались в руках спекулянтов и бюрократов, он сдувал пылинки с пещерной старины, восхищаясь тем же «железным» Тимуром и — одновременно... цветами.

Рита и Николай сидели у костра. Они не заметили, что я подходил к ним. Николай говорил:

— Все равно... Рано или поздно... Ты, Рита, чуткая, восприимчивая, а он сух и черств.

— Не всегда, — помолчав, ответила Рита, — иногда он бывает другим. Ты знаешь, Николай, что мне нравится в нем? Он сильнее многих и сильнее тебя. Не знаю, как тебе объяснить, но мне кажется, что без него нам сейчас было бы намного труднее.

— При чем тут сила? Просто он больше обтрепан. Что это ему, в первый раз, что ли? Привычка, и все тут!

Я подошел. Они оборвали разговор. Рита принесла мне умыться.

Холодная вода подействовала успокаивающе на голову, и я спросил:

— Обедали?

— Нет еще. Мы ждали тебя.

— Вот еще, к чему было ожидать? Вы голодны, должно быть, как собаки!

Перед тем как лечь спать, Рита неожиданно попросила:

— Гайдар, ты знаешь сказки. Расскажи мне!

— Нет, Рита, я не знаю сказок. Я знал, когда был еще совсем маленьким, но с тех пор я позабыл.

— А почему же он знает, почему он не позабыл? Он же старше тебя! Чего ты улыбаешься? Скажи, пожалуйста, что это у тебя за манера всегда как-то снисходительно, точно о маленьком, говорить о Николае? Он тоже это замечает. Он только не знает, как сделать, чтобы этого не было.

— Подрасти немного. Больше тут ничего не поделаешь, Рита. Откуда у тебя эти цветы?

— Это он достал. Знаешь, он сегодня зашиб себе руку и, несмотря на это, залез вон на ту вершину. Там бьет ключ, и около него растет немного травы. Туда очень трудно забраться. Почему ты никогда не достанешь мне цветов?

Я ответил ей:

— У меня мало времени для цветов.

Никогда не забыть ему истории со змеей. Он тоже не подал тогда виду, не выдал вдруг нахлынувших воспоминаний.

Это было в Асхабаде.

Мы забрались на холмы. Внизу была долина, а невдалеке начиналась цепь гор. На горах были видны белые пятна нерастаявшего снега. Там за вершинами, в нескольких километрах отсюда, чужая сторона, чужой край — Персия!

Спустились в сухую песчаную ложину. Было интересно идти по извивающемуся и завивающемуся руслу высохшего ручья, ибо из-за отвесных кручин обрывов ничего, кроме палящего солнца, — будь оно проклято! — не было видно и нельзя было определить, куда выйдешь.

— Смотри! — крикнула Рита, отскакивая. — Смотри, змея! Мы остановились. Поперек дороги, извиваясь черной лентой, ползла полторааршинная гадюка. Николай поднял большой камень и швырнул в нее, но промахнулся, и змея, засверкав стальной чешуей, шмыгнула вперед. Но Николай и Рита пришли в неопишуемый азарт: на берегу, поднимая камни, они неслись за ускользящей змеей до тех пор, пока в голову ей не попал тяжелый бульжник; она остановилась, закорчилась и за-

шипела. Долго еще они швыряли в нее камни, и, только когда она совсем перестала шевелиться, подошли поближе.

— Я возьму ее в руки, — сказала Рита.

— Гадость всякую! — возмутился Николай.

— Ничего не гадость. Смотри, мы, кажется, всю ее разбили огромными кирпичинами, а на ней ни одной кровинки, ни царапины!

Она вся — как из стали. — Рита потрогала змею тросточкой, потом хотела прикоснуться пальцем, но не решилась.

— Смотри-ка, а ведь она еще жива!

— Не может быть! — возразил Николай. — Я напоследок бросил ей на башку десятифунтовую глыбу.

Но змея была жива. Мы сели на уступ и закурили. Змея пошевелилась, потом медленно, точно просыпаясь от глубокого сна, изогнулась и тихонько, как больной, шатающийся от слабости, поползла дальше.

Николай и Рита посмотрели друг на друга, но ни одного камня, ни одного куска глины вдогонку ей не бросили. Тогда я встал и одним рывком острого охотничьего ножа отсек гадюке голову.

Крик негодования и бешенства сорвался с уст Риты.

— Как ты смел! — крикнула она мне. — Кто тебе позволил?...

— Мы здесь будем отдыхать на лужайке, и я не хочу, чтобы рядом с нами ползала змея, обозленная тем, что ее не добились до смерти. И потом... чего это вы с Николаем не кипятитесь, когда сами три минуты назад добивали ее камнями?

— Да, но она выжила все-таки! Она страшно цеплялась за жизнь, и можно было бы оставить, — чуть-чуть смущенно заступился за Риту Николай. — Ты знаешь, существовал обычай, что преступнику, сорвавшемуся с петли, даровали жизнь.

— Глупый обычай, — ответил я. — Или не надо начинать, или, если уж есть за что, то пусть он сорвется десять раз, а на одиннадцатый все-таки должен быть повешен. При чем здесь случай и при чем здесь романтика?

Пожалуй, он перехлестнул тогда с эмоциями, когда сказал про сорвавшегося с петли преступника. И поэтому долго шел потом молча, в отдалении от о чем-то шепчущихся, колющих ему спину взглядами друзей. Он шел и мучительно трудно давил на себя самого, чтобы заворочавшаяся внутри глыба воспоминаний о войне не поднялась и не опрокинула его в этой сухой безжалостной лощине. Ведь она состояла не только из подвигов и суровых будней, когда плечо каждого товарища — это больше чем плечо. На войне приходилось казнить преступников, а оступиться на ней людям, которые привыкли быть забитыми, а потом вкусили вседозволенности, когда стихия вынесла их в центр и поставила судить мир, было проще простого. Ему как командиру приходилось отдавать приказы о расстрелах своих. Он делал это — сжав зубы. Малой кровью на войне предотвращают большую. Это понимают все мужчины.

Но однажды ему пришлось расстрелять собственного товарища, убившего ради забавы ни в чем не повинную проходящую деревенскую женщину.

Все было почти так, как он описал в «Жизни ни во что»:

— У меня, в Первом революционном отряде пермских партизан, бандитов не должно быть и не будет никогда, — холодно и громко проговорил Лбов. — Так я говорю?

— Так... правильно, — послышались в ответ хмурые голоса.

— Лбов... что ты хочешь? — удивленно спросил его Фома, почувствовавший недобрые нотки в его голосе.

— Оставь, не твое дело, — резко ответил тот.

Затем, перед глазами всего отряда и окружающих мужиков, схватил за руку и дернул вперед стрелявшего так, что тот очутился рядом с Чебутыкиным.

— У меня, в пермском революционно-партизанском отряде, который борется против царизма, бандитов не было и не будет, — повторил он опять.

И в следующую секунду в глазах Чебутыкина сверкнул маузер, в уши ударил грохот, и Чебутыкин покачнулся, считая себя уже погибшим, но потом сообразил, что стреляли не в него, потому что бывший лбовец зашатался и с проклятием грохнулся на землю, срезанный острой пулей сурово сверкающего глубиной разгневанно-жесточких глаз атамана Лбова, неторопливо вкладывающего дымящийся маузер в кожаную кобуру.

Да, Гайдар отдавал приказы о расстрелах и сам орудовал маузером, чтобы люди, воскреснув, не погибли, сраженные своим внутренним зверем. Он отвоевывал вместе с тысячами почувствовавшими себя живыми бывшими рабами бывшей Российской империи — а рабами, обслуживающими прихоти других или купающимися в этих прихотях, здесь были почти все — пядь за пядью чистую землю.

На этой чистой земле, как они надеялись, свинцовым мерзостям жизни просто не останется места.

Но все они просчитались — зверь оказался сильнее и теперь, уже в мирной жизни, насмешливо разил их изнутри все более тонко и осмотрительно.

Поэтому у Гайдара иногда опускались руки.

Он понимал, что на этих руках должны быть закатаны рукава, потому что зверь истребуется внутренней работой, внешним отражением чего являлась их кипучая деятельность на стройках коммунизма. Эта великая стройка продвинулась даже в глубь никогда не меняющейся Азии — он убедился в этом воочию.

Но все-таки пока этот зверь побеждал, и дальние страны — подлинные Дальние Страны — до их советской страны еще не доехали.

Однако, несмотря на весь трагизм этого положения, Гайдар, как и все остальные желающие благих перемен люди новой страны, жил в предчувствии будущего, которое — он не сомневался в этом! — непременно придет и будет светлым.

Из этой светлой дали он и черпал силы.

И только снились по ночам глаза товарищей, убивших других, быть может, еще незнакомых, товарищей, которых убил потом он.

«Снились люди, убитые мной в детстве», — именно так, как записал он в своем дневнике.

Потому что был на той войне — пятнадцатилетним капитаном.

Человеком с обыкновенной биографией в необыкновенное время.

Он сам разрубил и распял своего внутреннего змея.

Легко, без особых затей.

Поскольку его, змея, в нем — отродясь — никогда и не было...

Он как-то умудрился обойти его при помощи нехитрого мальчишеского приспособления — змея бумажного. Таких похожих на воздушные белые кораблики, ласково бороздящих синеву неба бумажных змеев они запускали ввысь с мальчишками еще в Арзамасе.

Поэтому дико ему было видеть, как преследуют, чтобы распять чужака, его друзья встретившегося им, на свою беду, змея внешнего.

Долго шел тогда Гайдар в отдалении и поглядывал на горы Копендага, стараясь представить себе Хорсан, где жил светлый Ормузд.

Легенду о двух братьях — лучезарном Ормузде и противостоящем ему черном душой Аримане — рассказал ему случайный попутчик по ночевкам на вокзалах — смешной и ловкий человек-артист Некопаров, сумевший за свою бродячую жизнь поработать даже в трупке турецкого городка Сарокамышев. А про здешние места, откуда рукой по-

дать до мертвого Сарокамышского озера, про которое Некопаров говорил, что якобы там — ворота в Аид, Некопаров отзывался как о погибшей земле.

И был, по понятиям Гайдара, кругом не прав.

Потому что именно в гиблые места, где жизнь не ставится ни во что, и должны идти с пароходами и поездами, спустившись, как с небес, на белых воздушных змиях, все настоящие капитаны.

Постепенно углубляясь от оазисов в сухое сердце пустыни и все больше отдаляясь друг от друга, теряя имущество, физические силы и себя прежних — еще недавно счастливых, теплых, живых, — они добрались до последнего пункта своего среднеазиатского путешествия — города-порта Красноводска.

Это уже был берег Каспия.

Отсюда уходили — уже пароходами.

Но как мертвенны здесь были воды.

И как жгучи — словно пылали на сковороде — пески.

В них, как пятна экземы, проступал белый налет соли.

Здесь были только горы с одной стороны и пески — с другой.

И зияли, как дыры потухших звезд, одиноко разбросанные там и сям обтрепанные кибитки.

Запомнилось, как стоял, равнодушно глядя в тысячелетнее прошлое, страшно измученный верблюд. К нему приткнулась облезшая собака. Было такое чувство, что они стоят так века.

Тут они с Николаем две недели трудились не покладая рук, зарабатывая на то, чтобы просто выбраться отсюда.

Таскали в унылом, монотонно позвякивающем, как судья молоточком, всеми своими ржавыми мощами порту мешки с солью и сушеной рыбой, бочонки с прогорклым маслом, тюки с трухлявым сеном.

Здесь, в маленькой комнатухе на окраине города у подножия горы, где Рита кормила их только рыбной похлебкой и кашей, Николай обманул его, взяв в придачу к захваченной душе Риты еще и ее тело. Правда, он понял это не сразу.

Но Гайдар все равно повез их обоих на Кавказ — сначала в Баку, а потом в Тифлис.

Трудно сказать, зачем это ему было нужно.

И еще труднее было понять это им, теперь уже прямо, без обиняков упрекающих его за любую трудность на их новом пути — теперь уже пути в горы.

Они прошли Тифлис, Мцхету, Анаури и двинулись к снежным вершинам Гудаурского перевала.

Ночевали они у костра под прекрасным южным небом — пили ключевую воду и ели баранью похлебку.

Странно, но Гайдар был и тут по-своему счастлив и все прощал этим двум горемыкам, которые походили в его глазах на двух связанных спинами пленников, глядевших каждый в свою сторону и — вероятно — ничего не видящих.

Грустный комизм положения был в том, что, вероятно, они понемногу начинали принимать за пленившего их врага-узурпатора его, Гайдара. И все больше — тихо ненавидеть его.

А потом ночью появились всадники из банды местного контрреволюционера Чалакаева.

Рита и Николай тогда безмятежно спали у попыхивающего угольками костра.

Тонко исходя ароматом травяного чая, висел черной луной практически невидимый в темноте котелок.

И появившиеся всадники тоже были практически не видимы.

Но Гайдар все равно заметил их, так как ему почему-то не спалось и он, отойдя от костра, спустился к Арагве.

Там, у Арагвы, один из бандитов напал на него, ранив кинжалом в ногу. Меж ними завязалась смертельная драка.

Гайдар сумел одолеть противника и несколько раз выстрелил в воздух, чтобы отвлечь внимание на себя.

Он добился своего — когда примчавшиеся всадники после первой попытки разглядеть в темноте стрелявшего вновь рванулись к костру, там уже никого не было.

И тогда, удовлетворенный, уже и не рассчитывающий на собственное спасение, он прыгнул в воды бешено несущейся Арагвы.

Как ни странно, он не погиб.

Пули его не достали, а река зачем-то вынесла на берег, куда бандитам было не пробраться, и он добрел, истекая кровью, к вечеру следующего дня до поселка.

В висках тогда уже постукивали молоточки, и сознание предательски заволакивала тьма.

Как он ждал, что сейчас распахнутся двери в доме, куда вызвался проводить его мальчишка-грузин, поскольку там остановились его спутники, и он окажется в объятиях все понявших и все простивших ему друзей.

Но вместо этого хозяин дома подал ему письмо.

Я распечатал. Письмо — полное ненависти и презрения.

«Ты эгоист. Ты черств и сух, как никто, и думаешь только о себе. Вместо того, чтобы остаться с нами, ты при первых же выстрелах предпочел бросить нас, чтобы самому, не связанному ничем, прятаться и скрываться. В сегодняшнюю ночь я разгадала тебя. Николай ранен в руку, но все-таки не оставил меня. Твоя дорога отняла у меня много здоровья и нервов. Странствуй лучше один.

Счастливого пути.

Рита».

Внизу приписка Николая.

«Я никак не ожидал от тебя этого. Это нечестно!»

— Нечестно, — пересохшими губами прошептал я. — А это честно — умышленно подтасовывать все? Даже если бы Рита, которая знает меня меньше, могла допустить, разве ты... не должен был доказать, что это ложь, что этого не может быть? Это честно?

Молоточки застучали с удвоенной силой.

Гайдар заправил постель, где пролежал в забытьи двое или трое суток, борясь с кем-то невидимым, кто тянул его, как водяной, в непролазную тьму и с кем они, вероятно, успели как следует полазить по дну этой тьмы.

Потом закурил трубку.

Одернул гимнастерку.

Пригладил еще непослушной ладонью волосы.

Поправил орден у гулко стучащего сердца.

И шагнул в коридор.

Всюду, несмотря на ранний час, двигались, негромко переговариваясь, люди. Это были мужчины, женщины и дети — из-за ремонта всех пациентов без разбора пола и возраста собрали только в этом уже отремонтированном отделении. Женщин раз-

местили в палатах по одну сторону узкого коридора, мужчин — по другую. Ну, а детей — их было не более пяти-шести — разместили среди взрослых своего пола. И взрослые, несмотря на все свои проблемы, трогательно опекали их. Единственное, от чего не могли защитить здесь детей — так это от дыма. Курили здесь все и всегда. Повсюду — в палатах и коридоре — шествовали или сидели, порой раскачиваясь на стульях, люди с дымящимися папиросами, и от этого кругом стоял туман.

— Нет ли у вас сигаретки? — сразу спросили у Гайдара. Несколько человек, просительно заглядывая в лицо, окружили его, протягивая руки за куревом.

Гайдар жестом показал на пустые карманы и тут же задал встречный вопрос:

— Послушайте, а нет ли в отделении девочки... Точнее, она уже выросла... Нет ли тут молодой женщины по имени Екатерина Никитина?

— Не знаем, мил человек... А ты спроси у сестры. Сестра, сестра, к вам новенький с вопросом!

Вышагнула в завесу из дыма из ординаторской медсестра с суровым лицом, строго провела, как фонариком, рассеивающим дурь взглядом по их кучке и, увидев Гайдара, внезапно заулыбалась.

— Какой же это новенький... Это же наш Гайдар, — певуче произнесла она и, подойдя вплотную, подала ему руку.

— Здравствуйте, Регина, — сказал Гайдар, пряча глаза, в которые та с полуулыбкой настойчиво вглядывалась, от чего водоворот внутри Гайдара становился еще черней и опасней. — Как ваши дела?.. Скажите, пожалуйста, в отделение не поступала женщина, которую зовут Екатерина Никитина?

— Увы, дорогой писатель, вашей любимой героини тут нет.

— Спасибо, — сухо сказал Гайдар и последовал дальше. Он отметил про себя, что все относительно молодые медсестры становятся с ним одинаковыми, словно их провели через копируку.

Это уже стало среди лечивших его медиков притчей во языцех: во всех психиатрических больницах Гайдар спрашивал про Екатерину Никитину. Абрам Моисеевич даже говорил в минуты, когда на него находила едкая шутливость, что Гайдар нарочно сбегает в больницу, чтобы найти в больнице «свою Никитину». И, пряча глаза в дыму от его трубки, в котором вечно кутался, как в уютном теплом шарфу, иронически прибавлял: «Кому — что, а Гайдару — хоть раз в год, да полежать в любимой клинике». Вообще же Абрам Моисеевич был умен, проницателен и загадочен. Невозможно было понять, что у него на уме, и эта загадочность, к которой Гайдар тянулся, отчасти и продлила их союз на долгие годы. Абрам Моисеевич иронизировал: «Вторым самым любимым местом после верхней полки поезда у писателя Гайдара была койка в психиатрической лечебнице».

Да-да-да, шутить на эту тему, не переходя при этом грани — шутить коротко и вскользь, — было можно. Но не дай бог кто-то посмел бы смаковать эту тему у него за спиной или распространять байки. Этот человек бы тут же узнал, что такое Гайдар в гневе!.. Наверное, по причине деликатности темы — в «байки про Гайдара», к которым он прислушивался с добродушной хитринкой, обычно не выдавая своего отношения, — она не попала. Да и знали про Никитину только медики и отдельные обитатели психиатрических клиник. Для всех остальных эту область своей жизни он строго засекретил.

Екатерину Никитину он и сам никогда не встречал. И даже не знал, как она выглядит. Не знал адреса и телефона. Вообще ничего не знал, кроме истории, которую

рассказали ему некогда в Екатеринбурге случайные попутчики, — они были родителями ученика одной из школ в Уктусском районе города.

Эта история так задела его за живое и так взбесила, что он тут же отправился в школу, желая найти несчастного ребенка и защитить его от обидчиков, но — уже никого не нашел, так как семья Никитиных выехала в неизвестном направлении. Ему ничего не оставалось, как, отшумев в учительской, откуда все сразу культурно разбежались, укрывшись за дверями директорского кабинета, пионерской и библиотеки, шарахнуть по школе фельетоном.

Фельетон назывался «Ярлык» и сразу же пошел в местную газету. Он помнил в нем каждую запятую. Этот реющий, как пионерское знамя, текст по сей день нередко вспыхивал у него перед глазами:

«Ярлык». 17.04.27 г. , N 88

Объявить здорового человека сумасшедшим в сущности не так трудно. Стоит только обратить внимание окружающих на ту или иную привычку человека, на его походку, на странную манеру как-то особенно громко сморкаться или на подозрительный способ зажигания спичек о подошву. Ну мало ли еще на что? И тотчас же найдется масса людей, которые не только согласятся с самым абсурдным заявлением, но больше того, — тотчас же будут утверждать, что они сами уже давно замечали, подозревали и т. д.

И стоит тогда подозреваемому человеку потянуться рукой за зажигалкой, как найдутся очевидцы, которые будут утверждать на всех перекрестках: что зажигалка вовсе не зажигалка, а финский нож, и что глаза у человека горели в тот момент безумным и явно злодейским блеском.

Пропадает тогда человек ни за что, ибо чем больше он будет злиться, спорить, доказывать, тем меньше ему будет веры.

Однажды некая уктусская комсомолка зашла в местный магазин и, энергично проталкиваясь к кассе, заметила, что впереди ее очутилась маленькая худенькая девчурка лет 11—12. комсомолка попробовала было вытеснить девчонку, но та, будучи уже дважды отталкиваема взрослыми от кассы, продолжала настойчиво пробираться к кассе, с упорством зажимая в руке пятак. Тогда комсомолка оттолкнула маленькую покупательницу и, назвав ее сумасшедшей, стала на ее место.

Вероятно, дело этим и ограничилось бы, если бы эта комсомолка, встретившись с заведующей уктусской школой, гр. Кузнецовой, по пути, для красного словца, не приврала ей, что видела сейчас в лавке девчонку Екатерину Никитину, которая «так нахально толкалась, что, вероятно, сошла с ума».

По странному стечению обстоятельств, Никитина оказалась ученицей школы Кузнецовой и не просто ученицей, а дочерью той самой «негодной матери», которая недавно имела смелость публично бросить обвинение преподавателям школы в том, что подготовка учеников хромает и преподавание ведется крайне небрежно.

Воспользовавшись полученным заявлением о ненормальности девочки, зав. школой Кузнецова приступила к действию.

Через некоторое непродолжительное время девочку посадили на заднюю парту, а все учащиеся ребяташки были информированы о том, что среди них есть сумасшедшая.

«Сумасшедшую» начали травить, за ней ходили ватагами, улюлюкали, дергали ее за руки, щипали и били, а когда однажды, выведенная из себя, она попробовала было сопротивляться, то учительница Кузнецова взяла ее за руку, провела через весь класс и, бросив ее на пол, приказала ей лежать, а сама, усевшись среди ребяташек, прочитала им короткую популярную лекцию: «О вреде сумасшествия и об опасности совместного с ним пребывания».

В продолжение всего этого девчурка лежала на полу, не смея подняться, и плакала, но... слезы — это еще не аргумент, а особенно слезы маленькой девчонки, к тому же еще объявленной ненормальной.

Не помогли и справки докторов-специалистов, категорически отрицающих всякую ненормальность девочки. Не помог приезжавший из РайОНО специально посланный товарищ, приказавший прекратить эту травлю. Было созвано совещание школьного совета, на котором матери Никитиной объявили, что ее ребенок исключается из школы за ненормальностью.

Причем, воспользовавшись удобным случаем, матери Никитиной громогласно заявили, что девочке, конечно, нечего делать в той самой школе, на порядки которой с возмутительной дерзостью нападала мать!..

То есть: расчет был произведен полностью на все сто процентов, ибо, как это говорится, каждому воздастся по его заслугам, а мораль отсюда — держи язык за зубами!..

Девочке этой сейчас лет одиннадцать-двенадцать и, вероятно, с этого времени на ней навсегда останется ярлык «сумасшедшей», крепко приклеенный тяжелой рукой Кузнецовой. Впрочем, в будущем, возможно, ярлык этот будет вполне соответствовать содержанию, ибо, если самого здорового человека — хотя бы вас, читатель — упорно и настойчиво изо дня в день объявлять сумасшедшим, то рано или поздно, а все-таки человек надолго, всерьез и по-настоящему сойдет с ума.

Эту девочку Никитину — неизвестно где живущую и живущую ли вообще, и если живущую, то давно уже ставшую взрослой, Гайдар и высматривал во всех своих больницах — просто для того, чтобы сказать ей несколько утешительных слов. Но ему не везло. И, несмотря на легкую грусть, он даже был этому рад — возможно, что Никитиной удалось избавиться от ярлыка, и потому-то следов ее пребывания психиатрические лечебницы не сохранили.

В его воображении Екатерина Никитина была белой лилией, растущей среди упорно глушивших ее сорняков. Такой, как его первая большая любовь Мария Плаксына, которую, как он считал, он вырвал из ее невежественного окружения, приобщив к подлинной жизни. Или как погибшая под пытками бандита Соловьева шестнадцатилетняя разведчица Настя Кукарцева, — их с Гайдаром связывала трогательная дружба. Он тоже перенаправил тогда только что пробудившиеся юные силы этой необычной хакасской девушки на праведное, с его точки зрения, дело.

Не найдя опять Никитиной, Гайдар еще острее ощутил собственное одиночество, которого было ничем не заткнуть, и в то же время что-то тонкое, светлое, нежное, коснувшись груди, как незримым лучом, затеплило в ней искру, вдохнуло утраченную легкость. Тело наконец окутало что-то отдаленно похожее на спокойствие — дальше, как небеса. Но это уже опять была глубина — некая недостижимая глубина над головой, а, пожалуй, именно этого он и искал за так сросшимся с ним образом «сумасшедшей» Никитиной.

Он свернул в просторную палату с распахнутой дверью, откуда доносился хохот.

Это была женская палата. Но тут сидели на стульях и мужчины.

Когда он вошел, мужчины сразу вскочили и бросились к нему, пожали руку, спросили, нет ли курева, и, смертельно разочарованные ответом, усадив на стул в середине палаты, забыли.

К счастью, его тут никто не знал, и поэтому байки не шли впереди Гайдара, как ходит, беспечно шествуя по кем-то проложенным рельсам локомотив, заставляя прохожих глядеть ему вслед.

Пока локомотив мчится в свою предсказуемую даль, люди просто идут по своим маленьким делам и худо-бедно делают их. И только некоторые стараются сделать свои дела хорошо.

А надо бы — иначе: надо бы делать только хорошие дела, и как можно старательней и лучше, и не из какого-то там скучного чувства долга, а с огоньком, вынося из этого радость.

Это последнее и называется настоящей историей.

Зная про такое его понимание истории, его друзья завели себе обычай слагать байки про его личную историю, поскольку, как они правильно понимали, большая история, как хорошая повесть, складывается из малых.

В этих байках было много шуточного, феерического, и это занятие так увлекло их, что существовал риск возникновения некой легенды о Гайдаре, настоящей на пусть и ироничном, но все же культе его личности.

Попыхивая трубкой, в подражание Главному Кормчему, Гайдар обычно только усмехался, хоть у него и не было усов. Сам он усматривал в этом потоке мыслей в не всегда трезвых и горячих головах «про нашего Гайдара» некое противоядие от культа и даже антикульт.

И в самом деле — деяния ему приписывались какие-то мальчишеские. Великий Кормчий, услышав про них, наверняка бы нахмурился, а потом рассмеялся и с презрением отвернулся, не найдя тут пищи для ума и сердца и почему-то не обнаружив криминала, что было для него тяжелей всего, потому что в этом случае надо было копать глубже, а взрослой лопаты под рукой не было. Всюду на земле валялись только детские лопатки.

Одной из таких баек была, например, история про то, как он помогал живущей этажом ниже больной девочке. Это было в доме на Большой Дмитровке. У девочки японцы убили отца на дальневосточной границе, от чего она слегла в постель и могла видеть только кусочек неба за окном. Когда это небо затягивалось тучами, приходил Гайдар с конфетами и игрушками и пел ей песни.

Ну да, было такое дело, — думал, слушая все это, Гайдар. Конечно же, он не мог оставить без внимания больного ребенка, у которого к тому же погиб с оружием в руках отец. Только что ж в этом героического?

Или взять байку про то, как он посоветовал другу-однополчанину, у которого оторвало в Гражданскую на Киевском фронте ногу, заняться переплетным делом и сам нашел ему заказчиков, а потом — на первых порах — сам разносил им готовые книги.

Разве же так надо было заботиться о ветеранах-инвалидах?!

Вся страна должна была каждое утро петь гимн в честь таких героев, принимать их в качестве почетных работников на все предприятия, заранее зарезервировав места. Да еще и приводить к ним школьников на экскурсии, чтобы те делились с молодой порослью опытом. Вот это была бы забота!

А забота одного Гайдара — это, простите, слишком мало. Ее все равно на всех и на все не хватит. Тем более что у него есть еще и другие собственные дела, каких за него не переделать никому.

Но друзья таки сумели выкрутиться и сочинили байку про разбитое соседскими мальчишками окно в квартире Гайдара. Когда он, отдав тем мяч, неожиданно посоветовал им играть не только в футбол или разбойников в тоже любившихся ему в детстве «казаках и разбойниках», а — в хороших людей. И предложил отнести яблоко той самой потерявшей с отцом счастье жизни соседской Марусе. А заодно — спеть ей песню.

Так, по мысли друзей, Гайдар, сам того не ведая, стал отцом-основателем тимуровского движения — еще задолго до того, как написал «Тимура и его команду».

Байка, конечно, была интересная. И так оно, наверное, и было. Да вот только роль его опять-таки была преувеличенной — он всего лишь обнажил мальчишкам и девчонкам их настоящие желания, живущие в потаенных от взрослых уголках души.

А еще ходила удивительная байка про случай в трамвае.

Когда пассажиры поймали за руку смущенного человека в военной папаше, который лез в карман к бедному студенту, который за минуту до того чуть не был оштрафован кондуктором, так как не нашел чем заплатить.

Как возмущались пассажиры столь неслыханной черствостью вора!

А потом, когда появившийся милиционер провел молниеносное дознание, все как один замолчали, словно солдаты в почетном карауле. Никогда не видели они карманника, который лезет в карман затем, чтобы положить туда деньги.

Но опять-таки, как полагал Гайдар, хитровато улыбаясь вместо отсутствующих усов в свой легкий дымок из трубки, друзья промахнулись. Подумаешь — какая-то мелочь на несколько дней. Карманы студентов не должны быть пусты! Он всего лишь показал пример государству...

И была еще история про то, как он отучил Тимура бояться лягушек.

Он просто увлек его в далекий поход в лес, где лягушки так и скакали по болотистым кочкам. А потом, когда сын уже готов был разреветься, приподнял его на руках высоко над головой, и Тимур вдруг увидел вдали похожую издали на лягушку крышу родного дома.

Где бы ни был человек, родной дом всегда с ним, и что ему — какие-то лягушки. Вот что хотел сказать своему сыну отец.

Да, все это так.

Вот только кто бы ему самому показал этот счастливый родной дом, когда вокруг так и скачут вымахавшие с курицу лягушки.

Больше всего Гайдара удивляло другое — несмотря на то, что он то и дело отлеживал бока в санатории в Сокольниках, ругался с женой, не приносил в дом приличной зарплаты, а приводил — сомнительных друзей, был любителем выпить и, когда разозлят, во хмелю разбуяниться, мог совершать неожиданные поступки, вроде купленного вместо полезной для хозяйства утвари портрета Буденного во всю стену или регулярных побегов из дому без предупреждения в какое-нибудь увлекательное многодневное путешествие, когда Лия искала его потом по больницам и моргам, и даже — что было дико даже ему — зачем-то резался бритвой, несмотря на все это, байки про подлого Гайдара так никто и не сложил.

— Вы фронтовик? — спросил его один из сидевших мужчин. Это был очень молодой худощавый человек его лет, про каких обычно говорят, что они никогда не станут мужчинами. Несмотря на развитую мускулатуру, при помощи которой он, как Гайдар убедился в дальнейшем, охотно переносил вместе с рабочими кровати и тумбочки, таскал, вышагивая впереди повара, ведра с кипятком и громадные кастрюли с кашей и борщом, а также разнимал дерущихся, если замечал таковых раньше охочих до потасовок санитаров с веревками — словом, несмотря на доблесть, этот человек казался хрупким, как ребенок. Сквозь тонкую чистую кожу на узком нервном лице про-

свечивались жилки, да и натура его — пылкая, беспокойная, погруженная в какие-то горькие горячие думы, смертельно, наотмашь вдумчивая и в то же время опасливая, словно вжавшаяся из этой опасливости в самое себя — была вся как на ладони.

Когда Гайдар коротко сказал, что воевал в Гражданскую, человек этот — его звали Иваном — необычайно оживился и, сверкая болезненным жаром в глубине серых глаз, разразился проклятиями.

— Проклятая война! Я пришел с нее инвалидом и с тех пор лечусь. Я ничего не могу забыть — вот в чем моя проблема. Скажите, а как вы-то смогли... Вот вы — вы носите гимнастерку, у вас орден на груди — неважно, что он не боевой, я это понял, не беспокойтесь — я разбираюсь... Как вы смогли забыть?.. Каждую ночь мне снятся ужасные сны... Я часто вижу перед глазами все один и тот же эпизод. Молоденькая восемнадцатилетняя красавица медсестра. Только что из гимназии. Только закончила медицинские курсы. Ей просто разорвало в клочья гранатой живот. На глазах у всего взвода... Я ее даже не любил, а просто... Понимаете, он для историков эпизод. А для нее — это конец ее единственной жизни. Был бы хоть Бог, чтобы приветить ее там. Но я не верю в Бога. А поскольку его нет, то за что ей все это было, скажите? Нет, прав был Достоевский — если Бога нет, то, значит, все позволено. Но как тогда жить?

Гайдар, поблбдневу, молча похлопал его по плечу и встал. Не заметив, как упал его стул, он сделал шаг к выходу, но остановился и, повернувшись в вопрошающему, тихо обронил:

— Я понимаю тебя, друг... Держись, браток. Так, значит, нам всем и надо. Наши отцы так запустили жизнь на Руси, что нам пришлось разгрести... Никто не остался чистым. Но поверь — так было необходимо. Необходимо!.. Зато народ стал более цельным и все равно счастливым, назло всем смертям. Нельзя было больше тянуть на горбу этот рай для богатых. Это понимали даже лучшие люди из дворян.

— Да я не об этом. Это все понятно. Я о яме говорю, которой заканчивается жизнь. Вот жил человек, а потом после него — яма. Разве это справедливость? Где такая бомба, чтобы ее устранить? Вот ты, святой отец, придуриваешься тут малахольным, чтобы у тебя коммунисты не отобрали приход. Ты хоть думаешь, зачем тебе масло, сыр, яйца — зачем ты все это тянешь в свою норку? Я понимаю, что доверчивые граждане несут тебе все это сами. Я спрашиваю: зачем тебе это, когда ты завтра сдохнешь?

— Да иди ты... — беззлобно мотнул головой крепкий, кряжистый мужчина с черной курчавой бородой и зачем-то подмигнул Гайдару. После чего, вдруг осекшись, кашлянул и, отбросив свой стул, от чего он с грохотом свалился, протянул волосатую руку: — Целуй, комиссар!.. Перед тобой настоятель московского храма во имя благоверного князя... Впрочем, не будем обсуждать имен... Антонина!.. Отдай журнал!..

Стремительно подскочив к надевшей очки, взявшей в руки старый желтый журнал и набожно перекрестившейся степенной женщине, стоявшей лицом к востоку у угловой койки, он попробовал вырвать у нее журнал. Но не тут-то было. Женщина с такой силой огрела его по спине могучей, как лопата, рукой, что у того, должно быть, вместе с пылью перетряхнуло дух, от чего батюшка, присмирив, но не забыв еще раз подмигнуть Гайдару, поспешно ретировался из палаты.

— Вот ирод! — сказала женщина еще кипящим голосом и, взявшись за журнал как следует, обеими руками, принялась читать акафист Пресвятой Богородице. Но — внезапно обмякла. Глаза налились слезами. Поведя ими с тоской по стенам, она с тяжелым, растерянным взглядом опустила на койку, положила акафист на колени и принялась читать через силу про себя. По лицу ее катились беззвучные слезы.

Все молчали.

Когда женщина положила журнал на тумбочку, ее соседка с койки напротив осторожно спросила:

— Когда вы выписываетесь, Антонина Михайловна? Что сказал врач?

— Да ну!.. Обещал в среду, а потом говорит — рано еще, надо еще какую-то там диагностическую процедуру пройти. Потерпите уж, говорит, до следующей среды.

— А вы и потерпите. Немного осталось...

— У них всегда так — одни обещания. Я лежу здесь уже пятый раз, и все время приходится считать дни до выписки по новой. Вы хоть понимаете, что такое неделя?

— С другой стороны, Антонина Михайловна, а куда торопиться. Вот что вам делать дома?

— Как что делать? Стирать, убирать!..

Последнюю фразу Антонина Михайловна произнесла как о ребенке, горестно всплеснув руками, и, не выдержав, разрыдалась.

— У вас хоть дом, а у меня — взаправдашнее дитя... Сыну, правда, уже, двадцать лет, но для матери он — все дитя. Все время думаю, собрал ли перед работой ужин. Мне еще хуже вашего. Но пока вот держусь. Пойдемте, соседка, пройдемся по коридору — так время бежит быстрее.

После короткого горестно-мечтательного диалога о том, кто что будет делать после выписки, женщины, взяв друг друга под руку, отправились на «проспект» — так тут называли коридор, где все гуляли и обменивались новостями, а иногда и пели.

Это была знакомая Гайдари картина — больше всего пациентов психиатрической клиники угнетала необходимость все время находиться наедине с собой — с собственными мыслями и чувствами. Время было болью и казалось бесконечным. Поэтому, завидев докторов, все, торопливо поправляя халаты и всячески прихорашиваясь, вытягивали головы и спрашивали, как правило, издали, заискивающе и осторожно, боясь услышать ответ:

— Доктор, а доктор... А когда моя выписка?

Некоторые просились в цех, где клеили бумажные пакеты, но там все места были заняты. Трудно передать словами, как маялись тут люди, оставшись без работы.

И только самые отчаянные решительно спрашивали, как Иван:

— Эй, доктор! Ты долго меня тут держать будешь? Мне еще, между прочим, надо кормить мать. Я и так еле устроился со своим белым билетом грузчиком. А то, что меня загребли сюда из драки, так это неправильно! Я морд просто так бить не стану.

Легкий, звонкий, как колокольчик, смех нежно коснулся слуха со стороны койки у самой двери. Это рассмеялась чему-то в себе сидевшая строго посередине кровати очень тонкокостная, черноволосая, черноглазая девушка с необычайно прямой осанкой. Все время молчащая девушка, на что-то — очень печальное — глядящая впереди себя. Богатая гамма невыразимых чувств отражалась, непрерывно изменяясь, в ее прозрачном, бездонном, как во время приступов у других больных, светящемся изнутри взоре.

Когда, раскачиваясь, как на качелях, она вдруг рассмеялась, улыбка, смешавшись с печалью, выпорхнула, как из печной трубы, и завилась, заструилась черным дымом.

Словно черная флейта зазвучала в ушах Гайдара.

Он не запомнил, сколько это длилось.

Он тихо вышел в коридор.

Там шагали и пели.

Как огромный тонкий кот, прошел, приостановившись, еще один батюшка — молодой и высокий, очень стройный, благообразный. Сочувственно прикоснувшись к нему грустным, полным какого-то доброго сияния взглядом, протянул яблоко.

Потом, пока Гайдар ходил в толпе по коридору, он подошел опять, уже с книгой в руке.

— Так это ради вас меня перевели в общую палату? — спросил он любезно. — Я хочу сказать вам спасибо! Ведь я не хотел быть изолированным от других, это администрация посчитала мое соседство опасным для народа... Но писатели, как видно, опасней. Вероятно, вы тоже помечены Богом.

Опять Бог!.. Как это уже надоело. Сегодня все словно сговорились. Золотом на черном выбито название книги в руке у очередного собеседника, мнящего себя водителем душ: «Епископ Игнатий Брянчанинов — Приношение современному монашеству».

— Простите, но мне кажется, вы ошиблись. Ваш коллега бегает тут недалеко. Кажется, он все-таки вырвал из рук гражданки дореволюционный журнал.

— Вы отца Спиридона имеете в виду? Это шпик в рясе. В революцию он торговал оружием, а после подался в тайные служители властей. Таких в церкви много. Но к подлинной церкви они отношения не имеют.

— А где она — подлинная церковь?

— Вы не поверите — везде. И самое интересное, что в наши дни в нее можно войти прямо отсюда. Не только, конечно, отсюда... Есть еще другие места скорби. Есть тюрьмы, лагеря, брошенные старики, беспризорные дети, никому не нужные женщины, калеки-мужчины... Есть прикованные к постели инвалиды. Некоторых прикованных к перу писателей, периодически спускающихся в сей предрай, я полагаю, тоже можно приравнять к обреченным стучать. Стучите, коллега, и — вам откроется!..

— Милый товарищ, я вырос в Арзамасе, в шестидесяти верстах от Саровской пустыни. Но что-то мало благодати досталось моей малой дореволюционной Родине от батюшки Серафима Саровского. Разве что крепкие доски икон, за которыми укрывались, отстреливаясь от пуль, красноармейцы. Их, плененных, загоняли в храмы вместо темниц. Что же касается этого места — то это скорей предад.

— А это уже — дело вкуса и личного выбора. И зависит от тяжести содеянных в этой и прошлых жизнях грехов. Здесь люди не видят внешнего солнца, потому что оно перемещается вовнутрь. Солнце пришло и стучит, но глаза, ослепнув, не видят. Лицом к лицу лица не увидать. Что же касается святого Серафима, то, может, это он вас и хранит?

— Помилуйте, вы еще и в реинкарнацию верите? Ваши коллеги учили нас в арзамасской гимназии другому.

— Позвольте повторить еще раз: подлинная церковь состоит не только из опустившихся попов. Это братство живых и мертвых всех исповеданий. Взять, к примеру, астрологию. До пришествия Христа она была действенным способом читать предписанную Богом судьбу. Другое дело, что Иисус своей крестной смертью освободил нас от цепей кармы, взяв ее на себя. И все теперь зависит от святой Свободы. Человек может взять свой крест — эту свою написанную звездами в натальной карте судьбу — и пойти вслед за Христом. И тогда он не будет ощущать тяжести кармы, даже когда она убийственно тяжела, потому что на подлинно воцерковленного человека изольется Благодать и он поймет, что к чему без того, чтобы учиться из жизни в жизнь на одних и тех же ошибках. Так, к примеру, сбрасывают груз кармы раскаявшиеся и вставшие на путь Истины преступники. Но не у всех такое знание. Некоторые до сих пор молятся на идолов прошлого и ту же астрологию — истолковывают как раз и навсегда данное неподвижное знание. Это и есть те самые язычники, которых по-отечески корят, стараясь обратить в христианство, в Новом Завете. На самом же деле знание оживает только в движении. Это не более чем подпорки для роста духа в душе. Язычники были по-своему правы, пока не знали этого. Но Христос-то показал всем сво-

ей жизнью это движение живого духа в человеке. Однако большинство и по сей день предпочитает статику.

— Как и некоторые коммунисты. Я бы даже сказал — многие. В нашей вере тоже можно держаться за букву, не понимая Ленина. В этом смысле вы мыслите верно, но, материал для работы ума почему-то берете из ветхого прошлого.

— Не торопитесь отрекаться от прошлого. Его можно превзойти только движением по вертикали. А вы увлеклись горизонталью. Вот вы — вы, на мой взгляд, стали раздвоены потому, что, уж простите меня, стоите на гнилой опоре. Человек неверующий — гнилая опора. Потому что он не ищет Бога в себе. Он судит о Боге по наружной жизни. А наружную жизнь выстраивает под себя, не имеющего с Ним контакта. Еще и возлагая на Бога вину за этот построенный без него, как вы правильно сказали, предад. Вы думаете, что снаружи шумит подлинная жизнь? Нет, это лишь призрачный свет умершей звезды. У нас, как у больных чахоткой, просто разыграла напоследок животная жажда жизни — вот что такое современная жизнь с ее лихорадочно ускоряющимся прогрессом техники. И вот представьте, вы, которому позарез необходимо подлинное, а не призрачное бытие, потому что вы-то Бога в себе чувствуете, хоть и не знаете к нему дороги — вы следите взглядом за горизонталью, шагая по ней наружно. А солнце-то внутри... Вот вас и выбрасывает в двенадцатый дом принудительно, согласно законам еще не познанной вами духовной природы. В астрологии имеются так называемые двенадцать астрологических домов. Последний, двенадцатый — это дом безличного служения Абсолюту. Точка высшего призвания человека. Но проблема в том, что он выделился искусственно. Я думаю, что когда человек был с Богом, двенадцатого дома просто не существовало. Цельный человек был без Тени. Теперь же в тени бессознательного живут не только связанные с Сатаной бесы, но и изгнанный из личности образ самого Бога. Этим местом управляют они оба — и Бог, и Сатана. И оба ведут отсюда сражение за душу человека. Вот что такое возникший после грехопадения двенадцатый астрологический дом. Приземленный человек сбросил своего Бога с помощью уклонения в горизонталь Времени. Об этом повествуется и в мифологии всех народов — например, в мифе о древнегреческом Кроносе, сбросившем своего отца Урана. Но семя Отца осталось — оно пребывает в водах бессознательного. И у всех есть шанс родить из морской пены Афродиту Уранию. Сфера бессознательного — это и есть сфера двенадцатого дома. Пациенты и врачи трудятся здесь, как каторжники на галерах, чтобы найти и спасти...

— Капитана Немо? Вы хотите сказать, что двенадцатый астрологический дом — это «Наутилус»?

— Можно сказать и так... Но, заметьте, в море есть еще и «Дункан». Ваш настоящий дом — одиннадцатый, а не двенадцатый. Потому что вы — русский писатель, и, по-видимому, хороший, хоть я и не знаю ни вашего имени, ни ваших книг, хотя, быть может, и читал их. Просто это видно по лицу... Одиннадцатый дом — это дом Водолея — мистического знака России. Двенадцатый астрологический дом есть его подлинная, а не гнилая опора. Но опора со спины. По ней можно плыть, поставив Алые Паруса. Но ни в коем случае нельзя тонуть. Выбирайтесь поскорей наверх, дорогой капитан! Смысл двенадцатого дома только в воскресении из мертвых. В том, чтобы вернуться из него в свой одиннадцатый с чертежами Новой Земли.

— Кстати, мой знак Зодиака — Водолей. Все это, конечно, лестно. Но скажите, пожалуйста, а что в таком случае, делаете здесь вы?

— А я рожден — Рыбами. И в знаке Рыб — обители двенадцатого дома — веду лицом к лицу битву с Сатаной. Выдавливая из воды муть собственного демонического начала. В астрологии сей персонаж называют еще злым Сатурном... А прямая борьба с собственным злом — самое трудное в жизни дело. Я вижу глубже. Но я хуже вас.

Я уже утонул. Но не умер, а спасся с помощью дельфина и могу теперь спасать, превращаясь в дельфина, других. Но вам в эти воды погружаться не нужно. Вы еще цельный. Вы просто сейчас смотрите не туда. У вас чисто мировоззренческая ошибка. А душой вы — чисты. Плохо только, что вы все забываете. Вот отойдете сейчас от меня — и все забудете. Как Алиса, которая растет во сне. Точнее, это, наверное, так и должно быть. Господь управляет всем мудро.

— А что это за книгу вы читаете?

— Это монах прошлого века — епископ Игнатий Брянчанинов. Он в свое время полемизировал с Герценом. Когда указом царя отменили крепостное право, отец Игнатий, всеми силами души приветствовавший манифест, так как всегда ратовал за свободу от эксплуатации человека человеком, написал статью, где утверждалось, что отмена внешнего рабства не уничтожает, однако, рабства внутреннего и даже, напротив, при ослаблении внешних уз внутренний хам может обрести небывалую силу, распоясаться. Мудрость Бога в том, что он налагает внешние узы как механизм по защите человека от самого себя. Это как смирительная рубашка на несмиренном человеке. Скрытую за такими актами гуманность мы по своей неопытности можем оценить лишь впоследствии. Нельзя выпрыгнуть из кармы, не беря своего креста и не идя за Христом... Но либеральная общественность не поняла главной мысли отца Игнатия и навесила на него ярлык песнопевца рабства. Впрочем, он не находил должного понимания и в тогдашней православной церкви. Ведь он констатировал, что дух настолько выветрился из современного христианства, даже из православного, которого он считал единственно подлинным, что представления о духовном пути человека, в том числе понятия о смирении и послушании, извратились до полной противоположности. Непримиримость с греховностью подменилось смирением с подлостью в окружающей действительности и своим с этим молчаливым соглашением. Поэтому благостное послушание наставнику в условиях отсутствия духоносных учителей отныне не только не всегда возможно, но и, по мысли отца Игнатия, может в целом ряде случаев нанести непоправимый вред — то есть научить противоположному. Поэтому в наше время лучшие учителя — это книги. Но, разумеется, написанные духоносными наставниками. Игнатий Брянчанинов подразумевал под таковыми святы отцов православия, поскольку те уже выиграли свое сражение... Ладно, прощайте. Наверное, мы больше с вами не увидимся. Завтра меня, если Бог даст, выписывают.

— Пойдите... Можно попросить вас об одной услуге?.. Я дам вам телефон жены. Позвоните ей, пожалуйста, и попросите принести сигарет. Очень много сигарет. Пачек тридцать. И фруктов, печенья, пирожного, пирожков. Как можно больше. Можно корзины три или четыре. Деньги пусть возьмет в моем столе. Скажите, что это задание за сценарий. Она поймет.

— Хорошо, а как вас зовут?

— Неважно.

— Ну, тогда с Богом, Алиса.

— С Богом.

Пробежали какие-то люди, стуча в громадную крышку от кастрюли. Распахивая двери по обеим сторонам коридора, они радостно выкрикивали «Ужин!». За ними шли, сдерживая улыбку, вслед за несущим в обеих руках по ведру Иваном держащие с двух сторон за ручки саму кастрюлю степенные поварахи. И — этот поток, в который тотчас стали вливаться, появляясь из палат, жаждущие простых, вечно дефицитных удовольствий, пациенты, разделен Гайдара с этим удивительным человеком. Тот пропал из поля видимости.

Вложив яблоко в руку пробегающего мальчишки, Гайдар тоже отправился в столовую.

Наевшись большим куском хлеба с маслом, который прилагался к жидкому и невкусному борщу и практически несладкому чаю, Гайдар и вправду почти забыл о разговоре. Во всяком случае, он позже поручил позвонить жене еще одному человеку — одной молодой журналистке, которую привезли в больницу из-за хулиганской хулы в адрес управдома в момент подпития. Протрезвев, журналистка осознала свою неправоту, слезно раскаялась и была через три дня отпущена домой. Но почему-то дома ей не сиделось, и на следующий день она опять постучалась в отделение — уже с гостинцами. Войдя с полной сумкой всяких вкусностей и сигарет, улыбаясь сквозь слезы, она принялась раздавать все это бывшим коллегам по несчастью, пытаясь за этим делом украдкой гладить некоторых по голове. Отчего не выдержала и разрыдалась. И немудрено. Она успела так сдружиться с обитателями отделения за свою тут бытность, что распевала втихомолку, за полуночными беседами, по ночам «Лучинушку», а утром — гуляя то с одними, то с другими под руками — и «Марсельезу». Выписывали ее тоже всем отделением. Дав на прощание наказ никогда сюда не возвращаться. Но послушавшаяся разумного совета журналистка с тех пор частенько навещалась в гости — по-прежнему с гостинцами. Поэтому Гайдар мог не беспокоиться за свое поручение.

На следующий день все было как всегда. С первыми лучами солнца в коридор вышагнули еще похожие на тени люди-жаворонки. Они наполнили его вьющимся теплым дымком, легкими, негромко переговаривающимися голосами. Проснулись и привели себя в порядок ночующие на длинных скамьях в фойе санитары. Открыла процедурную зевающая медсестра, вышла к людям, и они любезно поприветствовали ее, после чего некоторые попытались уточнить день своей выписки, но ответа, как водится, не получили, зато медсестра включила радио, висевшее в фойе большой круглой дыней почти под самым потолком — для этого ей пришлось взобраться на табурет. Зазвучали сигналы новостей. На которые сразу подтянулись, выходя из нор-палат, даже самые угрюмые из обитателей. Новости обычно слушали молча, после чего, однако, вспыхивали обсуждения, иногда настолько бурные, что медсестре приходилось решительно рекомендовать очистить помещение перед процедурной.

Расхаживали петухами, зорко посматривая по сторонам, мнящие тут себя первыми санитары. Они останавливали некоторых больных, здоровались с ними за руку и расспрашивали о том, как прошла ночь, интересовались самочувствием. Пациентам приходилось отвечать. Некоторые отвечали угрюмо, некоторые — заискивающе, а иные — радушно, от всей души. Все понимали, что — случись какое ЧП — и те же санитары-благотельники мгновенно станут, подобно цепным псам, по другую сторону баррикад. В арсенале их средств имелись веревки, которые они пускали в ход весьма профессионально. Эти товарищи были неумолимы как никто другой. Столь же обманчивой была любезность медсестер, которые тоже могли отдавать приказ «зафиксировать с помощью веревок» чрезмерно разошедшегося, требовательного или просто очень горящего пациента. К тому же все они следили и подслушивали, донося каждое слово старшей медсестре, у которой был специальный журнал, куда заносились наблюдения за больными.

Потом — приходило счастливое время завтрака.

Потом — все выстраивались у процедурной и входили в нее по одному, где медсестра, заглядывая в журнал с назначениями, вкладывала в руку целую горсть заранее расфасованных таблеток и подавала стаканчик с водой. А стоящий рядом санитар потом осматривал рот — чтобы никто не вышел отсюда, не проглотив своих лекарств.

К этому времени в палатах и коридоре было уже очень шумно, и смех мешался с плачем. Некоторых выкрикивали по именам, прося подойти к массивным запертым

дверям, за которую их выпускали в специальную комнату, где их ожидали пришедшие навестить родственники. Это был самый долгожданный и взволнованный момент в жизни здешних обитателей.

Другим самым впечатляющим моментом было появление докторов.

Докторов здесь было человек пять — и каждый из пациентов с самого утра напряженно ждал своего, чтобы уточнить день выписки.

Но доктора, едва появившись, шли, в отличие от петухов-санитаров, никогда не отказывающих себе в общении с находящимися у них во власти безвластными людьми, как ничего не видящие, крадущиеся по своим только им понятным делам коты, и, что-то отвечая на ходу так и липнувшим к ним пациентам, старались не встречаться с ними взглядами. Они укрывались за массивной дверью докторской и защелкивали замок.

После доктора, все-таки пробежавшись по палатам и выкрикивая своих пациентов, что-то записывали в свои бумаги. После обеда их уже никто не видел, хотя они еще оставались в больнице почти до вечера, слоняясь где-то вне отделения.

Единственным человеком, который вступал с пациентами в реальный, не лишенный некоторой сердечности контакт, был Абрам Моисеевич. Его тоже обступали вопрошающие о выписке больные, но он никогда не гнал их, а щедро обещал всем скорую выписку, не называя, однако, сроков. И — удивительно — большинство отходили от него, несмотря на всю неопределенность информации, с чувством глубокой удовлетворенности. После посещений Абрама Моисеевича обычно устанавливалась некоторая естественная тишина — такая бывает после сытного обеда перед полуденным отдыхом.

Главной особенностью Абрама Моисеевича было умение никогда не говорить «Нет», не говоря однако и «Да». Он умел соглашаться даже со своим тезкой.

У входа, опершись спиной в железо двери, сидел тот самый кажущийся стариком еще не старый человек, который попросил Гайдара в первый день плюнуть ему в глаз и говорил всем входящим и выходящим, что он — Моисей, потерявший свое лицо. Он просил не смотреть поэтому в свое нынешнее лицо, так как считал, что у человека тысячи лиц, а слишком пристальный взгляд может поймать и зафиксировать только одно.

— Хорошо, хорошо, голубчик, — говорил Абрам Моисеевич, бодро поправляя кепку на его голове, — вы будете у нас текучим, как Волга. Я не смотрю на вас!

Привезли и зафиксировали веревками шумевшего с вытаращенными глазами, все еще пытавшегося с кем-то драться пациента. Медсестра пригвоздила его к постели еще и уколom. Поговаривали, что это сотрудник иностранного посольства. Некоторые пациенты подходили к нему, лежащему в коридоре, как сельдь в обмороке, и внушали шепотом что-то ободряющее.

— Гайдар, к вам пришли! — прокричала санитарка. Эту фамилию повторили, как позывной, передавая друг другу по цепочке, несколько находившихся в коридоре больных.

Высокий человек в гимнастерке с орденом стремительно прошагал к выходу. Дверь раскрылась, и в нее шагнула журналистка с кошелками. Одну кошелку она, улыбаясь как доброму другу, передала человеку в гимнастерке.

Потом они оба проследовали в коридор.

Там они принялись раздавать сигареты и гостинцы стремительно подбегающим отовсюду пациентам.

Потом человек в гимнастерке вошел в палату, где его уже все знали, держа в руке маленький глобус, — он одолжил его у любившего коллекционировать у себя в каби-

нете всякую всячину Абрама Моисеевича. В другой руке он нес под мышкой одолженный у рабочих-ремонтников мяч — они любили перекидываться им в перерыв на погруженной в священную пустоту спортивной площадке, которая, по-видимому, существовала здесь в качестве памятника активной и здоровой жизни.

Глобус он поставил на стул посреди этой палаты, а сам сел на другой стул.

Под глобус он положил гостинцы.

Антонина Михайловна и ее более молодая подруга в это время тщетно пытались заставить печальную черноглазую девушку, по-прежнему сидевшую на своей угловой койке у входа и глядевшую святящимся изнутри взором в невидимую точку, пойти помыться в душ.

— Это безобразие! От тебя постоянно исходит дурной запах. Пойди, наконец, вымойся и постирай трусики. Мы с Ириной Николаевной моемся каждый второй день. Ведь вам же нравится, Ирина Николаевна?

— Очень нравится, Антонина Михайловна, вода всегда теплая, платить за нее не надо — отчего б не мыться? Пойди, пойди, Кристиночка. А то мы позовем санитара, и тогда ты пойдешь уже с ним.

— Пошли вон, шлюхи! — внезапно выкрикнула Кристина, взметнувшись со своего места и приняв бойцовскую позу. — Я знаю, что вы держите в своей голове — я слышу все ваши мысли... Я слышу... А вы... Я... Вы... Вы... Меня...

— Ой... Кажется, она опять хочет драться. Сестра, санитар!.. Ну, сейчас они устроят тебе баню.

— Не нужно никого звать, — сказал человек в гимнастерке. — Давайте лучше поиграем.

— А во что ты, Аркадий, умеешь играть?

— Я умею играть в планеты. Присядьте, пожалуйста, на кровати. Да, вот так... Спасибо. А теперь смотрите — вот это наша Земля.

Он поставил на ладонь глобус и вытянул перед собой руку.

Аккуратная, компактная, покрытая картой с крошечными океанами, которые, незримо сообщаясь, создавали иллюзию превосходства стихии воды, отсвечивающая голубоватым глянцем собственная планета в большой человеческой ладони навевала какое-то безотчетное благоговение. Всем захотелось ее потрогать.

Гайдар стал поочередно подносить ко всем Землю поближе.

Он подошел в том числе к поступившей накануне старухе, глядевшей в потолок со сложенными на груди руками. Та, не поворачивая лежащей на подушке седовласой головы с бледным лицом, поглядела на нее искоса, как птица, и глубоко вздохнула.

Перед Кристиной Гайдар присел на корточки и тихо спросил:

— Хочешь поддержать?

— Да нет! — опасливо сказала Кристина. И схватив тут же глобус, поставила его на свою ладонь и тоже вытянула руку — тонкую и дрожащую, обтянутую черным свитером. Она тихо рассмеялась.

— Ты знаешь, я сегодня ходила слушать радио, и там сказали... Ох-хо-хо... Я все время смеюсь внутри. Я буду слушать радио каждый день... Они сказали... Что... Ты... Я... Уйди, ты кто тут такой?!

Отбросив глобус, словно он был кипящим чайником, она взобралась на кровать с ногами и прижалась, вся дрожа, к стенке.

Гайдар поднял глобус и, вернувшись на середину комнаты, бережно опустил его на стул. Взял в руку мяч.

— А теперь — поиграем в города и звезды, — сказал он дрогнувшим, изменившимся голосом.

— Это как?

— Вы будете называть друг за другом города, как это делают дети — по последней букве. Свои любимые города. А я — зажигать над ними звезды. Над каждым городом — свою, хранящую его планету.

— Это вроде как планету-мать? Хорошую ты придумал игру. Я в Москве родилась. Кто там у нее мать?

— Юпитер. Это самая большая из благодетных планет. Одна из самых возвышенных. В женской ипостаси ее называют Юноной. Она несет в себе качества своего еще более высокого покровителя — Урана. И в то же время она не лишена и страсти, из-за чего может исказить волю самого божественного Урана. Из-за этой своей чрезмерности и напыщенности, гордыни, одним словом, она иногда делается приземленной и недалекой, как научивший свой народ в отсутствие Моисея поклоняться золотому тельцу Аарон. Держите, Антонина Михайловна, мяч!..

— А я родилась в Ленинграде.

— Стоп, Ирина Николаевна, Москва кончается на «а». Следующий город, стало быть, должен на «а» и начинаться. А вы тут разякались. При чем здесь ваш Ленинград?

— Бог с вами, Антонина Михайловна, я просто узнаю свою планету, а назову — город Арзамас.

— А Ленинград, я думаю, стоит под Сатурном. Он сдерживает страсти Юпитера и направляет его необъятные силы в духовное русло. Это Моисей, учащий Аарона вырабатывать стержень. Но сам он — лишь обратное отражение Венеры. Той самой, которая еще спит в священных водах океана. Ее еще называют Афродитой Уранией. Сейчас ваша подруга перекинет мяч вам.

— Я... Я... Я... — сказала, все больше заикаясь и волнуясь, медленно отодвигающаяся от стены Кристина. Лицо ее покрылось красными пятнами. — Отдай!..

Она властно и в то же время опасно указала на глобус и тут же одернула руку.

Гайдар, присев к ней на кровать, снова вложил глобус в дрожащую ладонь.

— Знать бы, где родилась ты... — обронил он задумчиво, не ожидая ответа.

Но Кристина вдруг отчетливо произнесла:

— Саратов.

— Нептун, — вскричал Гайдар. — Вашему прекрасному городу на Волге покровительствует Нептун!

— Нептун... — тепло повторила Кристина и звонко рассмеялась. Прижав глобус к груди, она принялась покачиваться с ним, словно и вправду сидела в лодке.

— Кто там у нас сказал «Арзамас»? Этот маленький городок рядом с Саровской пустыней и есть земная обитель главного небесного покровителя России — Урана. Точнее, Саровская пустынь — это второй Арзамас. Вечный город-спутник того, первого Арзамаса. Пожалуй, Уран — это самая таинственная планета. Она связана с созвездием Водолея. Недаром на гербе старой России был двуглавый орел. Это символ двуликого Януса. Этот всегда скачущий впереди всадник умеет глядеть сразу во все концы земли и неба. Он носил солнце глубоко внутри. Не все его понимают... Афродита Урания, семя которой дремлет в глубоких водах Нептуна, — его дочь. Но она пока спит в своем зернышке. Не родился еще богатырь, который ее разбудит. Вот так, мои дорогие.

— А кто ж ты тогда будешь?

— А я... считайте меня просто сказочником. Мне пришлось проглотить Плутон.

Гайдар, глядевший все это время, как невидящим взором, поверх голов своих удивленных друзей, словно проснулся.

Он и сам не понимал, откуда пришли к нему все эти знания — ведь он не был силен в астрономии.

— Кажется, нас всех зовут принять яду. Пойду-ка я встану в очередь первым, — сказал он с прежней улыбкой — простой и добродушной, не лишенной, однако, нескрываемой хитринки. — А вы пока угощайтесь: на стуле, где Земля, конфеты, печенье, пирожки, пирожные.

В коридоре действительно передавали друг другу, как звенящую мелочь, без которой не купишь билета в трамвай, звонкий, строгий, местами надрывный клич: «Лекарства!.. Все в процедурную! И — поживей!»

Но тут случилась неожиданность.

Кристина, поймавшая мяч, брошенный ей Ириной Николаевной, вместо того чтобы вернуть его Гайдару, вдруг, стремительно вскочив, кинула его в окно.

Стекло рухнуло, и мяч вылетел во двор, проскочив в просвет между решетками из-за недостающих в одном месте прутьев.

Как в замедленной съемке, заплывали люди.

На самом деле они бегали, суетясь возле зияющей дыры. Кто-то пытался просунуть в нее голову и был, должно быть, похож на пробующую высунуться из панциря черепахи. Кто-то держал в руках фанеру и словно плыл, налегая на нее всем туловищем. Постукивали молоточки. Смеялась в воде, как русалка, Кристина. Да он и сам улыбался — неизвестно чему. Должно быть — куску серого заснеженного неба, который пролез в дом скорби, как честный черный хлеб.

Потом появился Сергей Иванович, держа на протянутой руке мяч. Под развевающимися на сквозняке полами наспех надетого его халата обнажилась грудь в гимнастерке. На ней были три орденские нашивки.

— Вот вам и хаос, управляемый парами доброты. Хаос может стать управляемым, только если человек станет послушным. Иначе он всегда будет врагом себе самому. И пока это так, управлять хаосом в его душе будут те, кто выше — умеющие подчиняться и, следовательно, подчинять. Это и есть подлинная иерархия журавлей. Вы же пытаетесь дуть теплым ветром на синиц... Это путь к загниванию. Но будь вы честным парнем, каким пытаетесь выглядеть — то это было бы просто смешно, и только. Но вы-то ничем не лучше нас. Я знаю еще один город на «А». Это город Абакан. Вы помните, что вы сделали с хакасами? С десятками хакасских крестьян?.. Теми, кто обрел свой покой на дне Соленого озера? Помните, за что вас тогда турнули из партии и чуть было не расстреляли? За вас тогда заступился Тухачевский. Только это вас и спасло. У нас поговаривают, что Иосиф Виссарионович однажды обмолвился в узком кругу, когда кто-то посетовал, что детский писатель Гайдар не обласкан, что «мы-то, может, и простили бы Гайдара, но простят ли его хакасы?»

Нет, должно быть, это опять бред. Опять стучат в висках молоточки, вбивая гвозди непрерывно терзающих его мозг воспоминаний. Не может быть, чтобы этот чекист среднего звена знал о военной тайне давно отгремевшего времени. В 1922 году в Хакасии, во время войны с бандой белого атамана Соловьева, против Гайдара, который возглавлял тогда отряд ЧОН по ликвидации банды, особым отделом Енисейского отдела ГПУ было возбуждено дело № 274. Позже к расследованию присоединились еще три ведомства. Гайдара обвиняли в не слыханном даже для тех суровых времен злоупотреблении служебным положением. Поэтому дело одновременно и рассматривали сразу четыре инстанции: ГПУ, ЧОН, прокуратура 5-й армии и контрольная комиссия при Енисейском губернском комитете партии. На время следствия он был отстранен от командования, хоть и почему-то не арестован. Несмотря на то, что вины он не признал и, более того, решительно и — как мог — доказательно отвел все обвинения, признав только незаконный расстрел пяти человек при их попытке к бегству — незаконный только потому, что некому было составлять протоколы допросов и расстрельный приговор, — его действительно собирались расстрелять. Но

сверху пришел приказ. Его озвучил в своей резолюции командующий штабом губернского ЧОНа Кокоулин: «Арестовывать ни в коем случае, заменить и отозвать». Потом его еще осудили по партийной линии и исключили на два года из партии с лишением возможности занимать ответственные посты. После чего отозвали в Красноярск, где он подал рапорт с просьбой о возвращении в Москву — доучиваться в Академии Генерального штаба. Из академии его всего за три с половиной месяца до суда и направили, оторвав от учебы, как необычайно толкового и талантливого курсанта с проявленными на фронте задатками большого военачальника на борьбу с неуловимым Соловьевым. Губернское начальство просило тогда 1500 бойцов со штыками. А Москва — прислала одного восемнадцатилетнего Голикова. Увидев его, местные начальствующие князьки, так называемые хозяйственные и военные бары — про таких не изменившихся по сути, но поменявших цвет шкурки замшелых буржуев он позже напишет фельетон «Табель о рангах», — сразу же невзлюбили посланца Москвы. Они усмотрели в таком смешном, с их точки зрения, ответе на свою просьбу какой-то обидный и, вероятно, коварный подвох. И с самого начала принялись следить за безусым командиром, дав ему в подчинение для ловли Соловьева всего 102 красноармейца с четырьмя пулеметами и 26 кавалеристов. Позже этот отряд увеличился до 165 человек. Несмотря на то, что, согласно принятым в «табели о рангах» церемониальным действиям, должность Голикова называлась важно — начальник Второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района — он фактически был под постоянным присмотром. Начальство обязало его два раза в день передавать через трех приставленных к нему чекистов письменные отчеты о всех-всех передвижениях по громадному Ачинско-Минусинскому району, присовокупив к ним описания всех-всех своих действий. И он их послушно составлял, не успев составить только одного протокола о расстрелах. Кроме того, были и соглядатаи в собственном отряде. Он понял это быстро. Как понял и то, что они, несмотря на тупость и малограмотность, а может, и благодаря этому, регулярно строчат на него доносы, вероятно, что-то присочиняя и от себя. Но это в его глазах — были мелочные люди. А на мелкие пакости в свой адрес он не привык обращать внимания. Он обратил на них внимание, только когда перед ним раскрыли толстую папку собравшихся со всех концов таежного участка сведений о его преступной деятельности.

Это позже, наверстывая упущенное за войну образование, Гайдар читает в «Былом и думах» у Герцена: «Чиновничество царит в северо-восточных губерниях Руси и в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится *res publica*. Самая власть царская, которая бьет как картечь, не может пробить эти подснежные, болотистые траншеи из топкой грязи. Все меры правительства — ослаблены, все желания искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано, и все с видом верноподданнического раболепия и с соблюдением всех канцелярских форм». Он поймет, что губернские помпадуры Красноярского края на момент его прибытия на службу не изменились, а только перекрасились.

Что же написал Голиков в своем первом большом отчете своим командирам в Красноярске?

Он крайне шокировал их своими выводами о причинах затянувшейся войны с Соловьевым.

Поскольку выводы были верны.

Но разили не в бровь, а в глаз.

За чем могли последовать, окажись все это доказано практикой, масштабные отставки.

Карьеры нынешних руководителей на всех звеньях могли развалиться, как карточные домики.

Во-первых, в отчете говорилось, что ошибки в проведении операций носят тактический характер. Чоновцы слишком увлеклись стратегическим духом, не выработав никаких конкретных планов. Слабые они, одним словом, были оперативные работники. Даже не удосужились за два года войны с столь хитрым и талантливым противником создать агентурную разведку.

И это он, мальчишка в их глазах, написал, правда в сухих казенных выражениях, своим командирам!

А выводы между тем базировались на главном открытии посланца Москвы.

Голиков раскрыл главный секрет широкой поддержки Соловьева местным хакасским населением.

Тот попросту дурачил хакасов при помощи своих двойников!

В один и тот же день и час в разных селениях, затерянных в громадной тайге на протяжении десяти тысяч километров, появлялись сразу четыре отряда во главе с человеком, внешне одетым, как Соловьев, похожего на него и внешностью.

Вот и распространялась между выросших среди шаманских культов малограмотных хакасов весть о том, что Соловьев вездесущ.

А это уже — мистическая вера. Хакасы помогали ему как посланцу своих родовых духов.

Голиков создал агентурную разведку, и очень скоро — не прошло и трех месяцев — Соловьев дал понять, что собирается сдать. Затянувшаяся война измотала и его. Он понимал, что развязка когда-нибудь наступит и будет не в его пользу. А грамотный и смелый, эффективно теснивший его новый чоновский командир мог ее значительно ускорить. Его не сломило даже то, что Соловьев убил его шестнадцатилетнюю подругу-разведчицу — хакаску Настю Кукарцеву. Более того — отныне Соловьеву не уйти от возмездия. Это он почувствовал всем нутром.

Но этот же командир был прагматиком, а не мстителем и, если надо, умел договариваться.

И Соловьев пошел на переговоры.

Стали обсуждать детали. Предполагалось, что, сдав республике награбленное в золотопромышленном районе золото — а его, по слухам, водилось у Соловьева немало, — тот вместе с разоружившимися бойцами своего отряда отправится в места заключения на минимально возможный срок. У Голикова уже был опыт таких переговоров, когда по предложенному им главкому Тухачевскому плану в тамбовскую кампанию сдались и разошлись по домам более половины восставших против Советской власти крестьян.

И тут-то — Голикову предъявили обвинения.

Вначале он не поверил своим глазам и даже рассмеялся. Перед ним лежала пухлая папка с доносами, донесениями и жалобами от собственных боевых товарищей, а также жалобы крестьян-хакасов на его многочисленные жестокие выходки. Пьяный кураж, грубость с подчиненными, бранная речь, применение пыток и грабежи в отношении местного населения. Не снится ли ему это все?.. Он пил не больше других, практически не употреблял мата, не грубил подчиненным, а просто говорил все как есть, а что касается пыток и грабежей, то все знали, что такому в его отряде не бывать! Чоновцы привыкли разбойничать, пользуясь тем, что Бога теперь нет, а Москва далеко, но в его отряде это моментально стало вчерашним днем. Это знали все.

Так кто же составил эту кипу бумаг?

Вначале он подумал, что у них — один автор. И его надо просто разоблачить. Это, по-видимому, какой-то предатель, возможно даже затесавшийся агент Соловьева, решившего обыграть его таким образом.

Но на дознание стали приходиться некоторые его подчиненные и непосредственные начальники — и все как один показывали: «Виновен!»

Приводили хакасов, и те, гневно показывая на него руками, выкрикивали: «Архашка Голиков!.. Хайдар!» И — принимались рассказывать о его бандитских расправах с населением.

Этот облик Архашки Хайдара, словно в насмешку над ним, содержал все то, что Гайдар, который еще не был тогда Гайдаром, а был просто юным красным командиром, выходцем из семьи выступивших в революцию на стороне большевиков интеллигентов, никогда в себе не имел и что — еще важнее — ненавидел в других.

Однажды, когда он въехал с отрядом в одно село, одна пожилая хакасская женщина, подойдя к нему, еще сидевшему в седле, любовно погладила коня и, взглянув ему в лицо, ласково сказала: «Хайдар».

Кто-то из сослуживцев коротко объяснил ему, что так в Хакасии называют всадников, скачущих всегда впереди.

Еще это слово можно было истолковать как просто «Вперед». А еще как — просто «Куда?».

Последнее значение сразу всколыхнуло фантазию.

«Куда ведет твоя дорога?» — почудилось ему еще одно значение столь необыкновенно емкого слова.

— Спасибо, мать, — сказал глубоко тронутый, польщенный Гайдар. Который был тогда — просто Голиковым. Он воспринял это как благословение.

Как видно, благословение было подслушано предателем.

И теперь, по странному стечению обстоятельств, почему-то фигурировало в бумагах и устах хакасских крестьян, которых приводили на дознание — в качестве клички какого-то дикого архаровца.

Он, конечно, с гневом, который местами переходил в смех, все еще в чем-то доверчивый, простодушный, все отрицал.

И с жаром предлагал заняться выявлением соловьевской агентуры, сочинившей все это безобразия.

Но потом последовал главный, оставленный напоследок удар. Перед ним положили дело о Соленом озере. Засекреченное дело.

В нем говорилось о массовых расстрелах с утоплением трупов в Соленом озере близ села Форпост десятков местных жителей бывшим начальником Второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района Аркадием Голиковым. Также в деле говорилось об аналогичных бесчинствах вокруг знаменитого Божьего озера.

Подробности этих расстрелов, после чего мистически настроенные хакасы стали утверждать, что воды Соленого озера стали красными от крови, были ужасны.

В документах даже было сказано, что шаманы проклинали Голикова за это преступление над своим народом.

Да, так это и называлось в документах — преступление над народом.

И самым страшным было то, что Гайдар внезапно понял — его действительно кто-то совершил.

Как, по-видимому, совершил и большинство тех дел, о которых, выкрикивая в его лицо проклятия, охотно рассказывали приходившие на заседания комиссии местные жители из числа хакасов.

Но как?!

Он понял — его подставляют свои.

Это была круговая засада.

Громадная и подлая подстава.

Очень хорошо спланированная и хладнокровно осуществленная, несмотря на всю нелепость нестыковок чисто морально-психологического плана.

Этого он не ожидал.

Не ожидал, что представляющие Советскую власть люди, многие из которых были коммунистами, хладнокровно пойдут на такое преступление над народом, — и все только для того, чтобы обелить себя перед московским командованием, выставив их посланца — поскользнувшимся от опьянения слишком большим доверием и властью неуравновешенным юнцом. Тем более что, видимо, все тут издавна охотились за мифическим соловьевским золотом, втайне надеясь «войти в долю». План Голикова по добровольной сдаче Соловьевым золота резко пошатнул эти надежды.

Расчет был верен — из Москвы пришел приказ засекретить дело о Соленом озере, а документы по нему — уничтожить. Поэтому официально его судили по другому делу — за отдельные, более адекватные случаи превышения своих полномочий, которых он тоже не совершал. И многое списали на — «молодо-зелено». А также — на открывшуюся у Голикова нервную болезнь.

Из Красноярска вскоре после завершения дела он написал сестре:

Мне приходится уехать на месяц в Физиобально-терапевтический (физиобальнеотерапевтический???) институт в Томск. На днях по поручению губкома был созван консилиум, и врачи определили: истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности.

Недовольно посмотрел Лбов, прерывая речь, и сказал Матросу строго:

— Чего это там твой конвой разорался? Опять перепились. Да и сам-то ты, всегда от тебя несет, как от винной бочки!

— Полно, — ответил Матрос, играя двухфунтовым брелком, — что ты, Лбов, святыми, что ли, нас хочешь сделать?..

— Не святыми, а распускаетесь здорово, грабить без толку начали. Вон вчера у Ворона один другого ножом пырнул, поделить не сумели чего-то.

— Так то у Ворона, а у меня этого нет, у меня, брат, всегда распределено, кому сколько.

— Ой, смотри, Матрос, — и усмешка мелькнула у Лбова, — не всегда и не на все у меня глаза закрыты, не слишком ли у тебя уж распределено, кому, что и сколько? Бандитом настоящим, того и гляди, станешь.

Бросил играть брелком Матрос, отвернул глаза и сказал Змею, но негромко, так, чтобы не слышал Лбов:

— Что же нам, монахами, что ли, быть? На то и разбойничали, чтобы грабить, на то и живем, чтобы пить, а то что ж тогда, волчья жизнь совсем получится. Да что он, с ума, что ли, сошел, аль не видит — все кругом пьют, а не мои только, а настоперь, если всех подсчитать, так много будет... Я думаю, что около четырехсот наверняка наберется.

Но Змей посмотрел на него злыми, желтыми глазами, перекинул свое и без того искаженное лицо:

— Много... Это наша и беда, что много.

.....

А в это время Лбову принесли три тяжелых известия.

На станции полиция по указке одного из лбовцев-провокаторов арестовала Фому. У Ворона, опять не поделившие что-то, несколько человек убили друг друга. Моряк ограбил деньги крестьянской потребилки.

И Лбов остро почувствовал вдруг, как поляна под ним дрогнула, колыхнулась, будто это была не лесная поляна, а плот, брошенный на волны седой Камы.

...С арестом Фомы, умевшего как нельзя лучше улаживать всякие вопросы с подпольной Пермью, у Лбова, не знающего, чего он, собственно, сам хочет, порвалась всякая связь с революционной партией. Бесцельные грабежи начали входить в систему, и тщетно Лбов со своими помощниками пытался установить порядок, дисциплину.

Он заколот штыком однажды Моряка, убил Зацепу, убил Великовожского, начинавших предаваться разнузданному грабежу, и выработал даже нечто усташа «Первого революционного партизанского отряда». Но ничто не помогало.

Лбова погубила его оторванность от подпольной рабочей массы, его анархичность и его собственная слава, так как со всех концов Урала к нему начали стекаться неустойчивые, чуждые делу рабочего класса элементы, желающие хотя раз в жизни погулять, повольничать, пограбить, пострелять в ненавистную полицию, но совершенно не задумывающиеся о конечных целях вооруженного восстания.

Однажды в пятнадцать лет он несся на коне в атаку. И вдруг ворвался в бездну. Внезапно погрузившийся в черноту мир исчез. Раненый конь, взвившись на дыбы, сбросил всадника на спину. Это разорвался шрапнельный снаряд. Несколько пуль и осколков попало в ногу. Дико болел позвоночник. Но он превозмог боль и добрел до полковых медиков.

Тогда он быстро пошел на поправку. И лишь иногда мучили с тех пор приступы мигрени да летали перед глазами фантомами разлетевшихся осколков мушки.

Фигура с орденскими нашивками... На самом деле безголовая, укрывшаяся за мяч. Овеваемая реющими в сквозняке полами будто снятого с чужого плеча докторского халата. Как хочется сдернуть под ним погоны!.. Надо просто сделать шаг... Протянуть руки и сомкнуть их на горле. Чтобы никогда больше никто не погиб в хватках объятий паука... Но фигура течет между пальцев, как зыбкий туман. А вместо нее вырисовывается еще одна морда в погонах, которая однажды шепнула ему: «Лучше бы вы со славой погибли в бою». Эта фигура тоже тогда растаяла в воздухе, и он долго ловил потом руками просто воздух... Почему-то ему показалось тогда, что это Титов. Это был его приятель по работе в дальневосточной газете. Они снимали тогда с ним и Борей Саксом в Хабаровске комнату на троих. К счастью, Титов к тому времени уже ушел на работу и не видел, как забредивший Гайдар усмотрел врага в нем. Только что приятели безуспешно пытались устроить Гайдара в больницу, но там его не приняли, не поверив, что больной мог явиться в такое учреждение сам, к тому же ничем еще не проявив и других своих отличий от «людей нормальных». Тогда он еще пытался шутить, пока сидел в вестибюле на ступеньке, куда, уже теряя нить мыслей, опустился, едва переступив порог учреждения: «Хорошие у меня товарищи, куда привезли».

Позже Сакс рассказал ему, что, вернувшись домой, он схватил стул, повыбивал им стекла и, взяв в другую руку боржомную бутылку, стал поджидать Титова, чтобы расправиться с ним за какую-то клевету. Но беду как-то отвел живший во флигеле позади дома старый чекист, с которым у Гайдара нашлись общие воспоминания о военной юности. Гайдар тогда выбрался из тумана при помощи простого разговора за бутылкой. Они просидели тогда в саду немало времени. Он слышал, как его собеседник воскликнул в ответ на упрек Сакса, что напрасно тот снова отпустил его в дом,

ведь туда может вернуться Титов: «Это прекрасный парень! Я за него ручаюсь Мы, старые чекисты, умеем разбираться в людях».

Тогда, уже очень давно, но все это стояло перед глазами, как сейчас, в мчавшемся из Сибири поезде, на котором он возвращался в Москву, он опять припомнил тот эпизод с конем. Мир снова померк, как от взрыва шрапнельного снаряда, и он едва доехал, давя в себе внезапно разрезавшую мир пополам тревогу.

Он остался в этой тревоге, как за черным стеклом, через которое виделся теперь мир.

Безуспешно пытался он выбраться из охватившей все тело липкой слабости, в которой он с беззвучно катящимися по щекам слезами беспомощно ворочался, как в туго спеленатых пеленках. Мышцы мелко дрожали, под спиной скапливался пот, а в позвоночник словно вонзили штык, вертя его там внутри с нечеловеческой болью.

Он тогда так и не смог доучиться в академии.

Два года он лечился у невропатологов.

И был в итоге комиссован из армии с диагнозом «посттравматический невроз». К которому позже его главный лечащий доктор Абрам Моисеевич стал задумчиво прибавлять: «Вероятно, еще и истериопсихоз». Но какой смысл он вкладывал в эту расплывчатую, так и не попавшую в бумаги формулировку, понять было невозможно.

Сказались, как ему объяснили с самого начала доктора, последствия контузии.

Эта болезнь — травматический невроз — часто носит, по их словам, отсроченный характер и настигает бойцов позже, иногда уже в миру.

Тем более таких юных бойцов, с еще не выработавшимся психологическим иммунитетом против мерзостей жизни.

В двадцать лет — когда у других военная карьера только начинается — все для него было кончено.

Это только потом, через месяцы и годы, он как-то притерпелся к этому невыносимому для него повороту судьбы и написал свою первую повесть «В дни поражений и побед», которую опубликовал в 1925 году ленинградский журнал «Ковш». Но это было очень слабое в литературном смысле произведение. Что и донесла ему литературная критика.

Тогда он ушел с головой в журналистику. Работал, насколько позволяла болезнь, прежде чем перебраться в Москву, в газетах Перми, Свердловска, Архангельска. Уже живя в Москве и будучи известным писателем, уехал после ухода жены в Хабаровск и работал какое-то время в «Тихоокеанской звезде». Писал в журналистике много, приобрел даже у читателей Перми славу лучшего фельетониста. Собственно, повесть «Жизнь ни во что (Лбовщина)» — первая его относительно удачная вещь для взрослых — и печаталась вначале с продолжениями в местной «Звезде» как чисто газетный материал. Однако в сроки сдачи материалов, как правило, укладываться не удавалось. Да и с начальством отношения складывались не всегда.

Он был, например, однажды судим за фельетон «Шумит ночной Марсель», направленный против пермского следователя Филатова, подрабатывающего вечерами в ресторане игрой на гармонии. Судом был частично оправдан, а потом — окончательно оправдан выступившими в защиту своего любимого журналиста пермяками. Точку в этом деле поставил фельетон «Преступление Гайдара» в его защиту — он был напечатан аж в самой московской «Правде». Но местная редакция все равно отказалась брать его дальнейшие материалы с расследованиями, и он, разругавшись с начальством, перебрался на время в Свердловск. А сколько путешествовал!.. Ради путешествий Гайдар мог отодвинуть в сторону все! Буквально сбежать по дороге на рынок, как это случилось однажды в Архангельске, когда Лия послала его перед воскресным обедом за малосольными огурцами. Тогда он встретил плотогонов-сплавщиков, уез-

жавших за город на северную реку, и, пристав к ним, двадцать дней с увлечением перегонял плоты, питаясь только воблой. Забыв, правда — что случилось далеко не однажды, — предупредить жену. География его поездок по стране обширна.

И столь же непоседлив он был, когда уже переехал в 1927 году в Москву, устроившись поначалу корреспондентом газеты «Красный воин». Можно даже сказать, что в подмосковном Кунцеве, где он обосновался на первых порах и куда перевез в 1930 году жену и сына, а потом в доме на Большой Дмитровке, а после — в своей коммуналке в Большом Казенном переулке, он жил только наездами.

Но больше всего, пожалуй, поначалу его приветила Пермь.

Он встретил в Перми Лию и Риту.

Там же — узнал о беременности жены.

И там же — 7 ноября 1925 года — впервые подписал под своим произведением в той же пермской «Звезде» — это был рассказ «Угловой дом» — имя Гайдар.

Впрочем, он отождествил себя с этим именем гораздо раньше — когда узнал про Соленое озеро.

Он написал в 1923 году в Красноярске, где ожидал после суда разрешения вернуться на учебу в академию, такие стихи:

Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли.

Его внезапно осенила тогда — тоже отсроченно, как последствия былой травмы — спасительная догадка: а ведь его командиры повернули против него то самое психологическое оружие, секрет которого он раскрыл, добросовестно изложив свои мысли в первом же донесении, собственному командованию в Хакасии.

По примеру талантливого бандита Соловья они создали отряд-двойник во главе с командиром-двойником. А может, и систему таких двойников. Этот рядящийся в Архашку Голикова-Хайдара двойник и наделал в Ачинско-Минусинском районе столько черных дел, введя в заблуждение местное население. Это не ему, а в лицо того архаровца бросали с праведным гневом хакасы свои проклятия, от которых холодело внутри и появлялось чувство неизвестной вины.

Эта вина навсегда укоренилась в нем, ведь он был виноват уже в том, что служил с такими архаровцами в родной Красной Армии. Как говорится, вместе пил, вместе ел и — ничего не подозревал. Проворонил такую беду!.. Причем в самом сердце района — в селе Форпост, где и квартировал с ядром своего отряда. Туда, в Соленое озеро — озеро Тус, — где издавна добывали соль, кто-то бросил под лед несколько десятков человек. А ведь среди них были и старики, женщины, дети.

Кроме того, стариков, женщин и детей из-за него мучили и убивали, отбирали у них скот и имущество по всему Ачинско-Минусинскому району.

Какой он был еще глупый и неумелый!..

Зря, действительно, столичное командование доверило ему это дело.

Неудивительно, что ему никто не поверил на слово.

А поверили — многочисленным доносчикам, поскольку те подкрепляли свои наветы свидетельствами живых очевидцев подлинного преступления.

Причем поначалу у него и самого пошла кругом голова. Перед глазами все разом смешалось и сместилось. И в этой сместившейся, загнанной в плоскость реальности

он чуть было покорно не признал, как, вероятно, признавали самые невероятные обвинения в свой адрес в подвалах Лубянки нынешние «враги народа», — что, вероятно, оступился во хмелю.

«Неужели, — мучительно думал он сквозь навалившиеся дремоту и усталость, — я действительно страдаю приступами неконтролируемой ярости, которые потом совершенно изглаживаются из памяти? Моя нервная система действительно вот уже шесть лет работает на пределе возможностей, я истощен, но подкрепляю себя алкоголем, потому что война не окончена».

К счастью, у него была очень хорошая логика.

И позже пришло другое понимание.

Но сны про плавающие в Соленом озере окровавленные трупы будут сниться ему всю жизнь.

Что ж!.. Тогда он действительно станет этим скачущим всегда впереди всадником.

Но не отвратительным преступником Хайдаром, трусливо прикрывающимся за чужим именем и лицом, а Львом-Гайдаром! Ведь арабы, как ему рассказывали в свое время те из хакасов, что встали на сторону Советской власти, этим многозначным словом называли также львов. Примерно так же, в несколько другой огласовке, украинцы называли овцеводов, пастухов. А если немного пофантазировать, то получится, что Гайдар — это «Голиков Аркадий из Арзамаса». Вроде как «Д'Артаньян — из Артаньяна». Так он всем и будет говорить. Впрочем, он лучше никому ничего не скажет, а будет по-прежнему больше слушать, как давно привык. Пусть люди жарко спорят, поворачивая его имя то так, то этак, а он будет просто таинственно улыбаться, выпуская кольца дыма из любимой трубки. Главное, чтобы не сажали за имя в печь... А имя — оно просто имя. Хоть за него он готов пойти и на смерть. И потом — в имени могут обнаружиться по мере того, как он растет, выметая из головы шелуху прежних понятий и вытягивая из омота душу, и какие-то новые, неизвестные ему значения. Ведь имя — это дом. А Родина — это вся бездонная вселенная с его периодическими мировыми пожарами.

Ах, если бы писатели всегда знали сами, о чем они пишут!.. Но тогда литература бы умерла. Так как некому бы больше стало нырять в глубину, чтобы когда-нибудь встать на твердую опору. И если она — твердая опора? Пока что он опирался только на Путь.

Гайдар против Хайдара!

Друг армии Голиков Аркадий — против красных бандитов!

Новый Тимур — Тимур Гараев — против новой Орды: пока это орда хулигана Квакина и тому еще не поздно остановиться!..

Отец Альки с пионерами «Артека» и сам погибший от рук бандитов малыш — против рядящихся в своих кулаков.

Барабанщик — против бросившего его на произвол после ареста отца общества. Мальчиш-Кибальчиш — против предавшего их общее Дело за банку варенья и корзину печенья Мальчиша-Плохиша, бывшего только пешкой в руках мировой нечисти.

Благородный воин Гайдар — против серого кардинала партии, впервые в истории ставшего ее главной фигурой, Человека в Футляре номер один.

Но это уже — Военная Тайна...

Первый революционный отряд пермских партизан, образовавшийся в подавленную царским правительством первую русскую революцию, просуществовал недолго. Он развалился из-за опьянения своей поднявшейся из глубин мутной силой.

Его не спасло даже то, что отряд возглавлял такой честный и ответственный человек, как рабочий Александр Лбов.

Но и командиру тоже по-своему не хватало сознательности, не хватало понимания конечной цели борьбы.

Последний удар пришел оттуда, откуда он меньше всего ожидал.

К нему явился представитель самого Азефа — члена ЦК революционной партии эсеров — и пообещал прислать опытных инструкторов, которые помогут поднять уровень сознательности лбовцев. Но никто тогда не знал, что Азеф был опытным провокатором — шпиком царской охранки. Внедренный им человек и довершил гибель пермского восстания.

Сам же Лбов был арестован и повешен.

Но перед тем как он взмолился на эшафоте, ему напоследок принесли в камеру письмо женщины. Это было письмо богатой и образованной, пылкой, несколько взбалмошной дворянки Риты Нейберг. Но она поняла и полюбила Лбова и его высокую, быть может, непонятную и еще и ему самому душу. И как могла, помогала ему и отряду, хоть он и до последнего отталкивал ее, не доверяя как чуждому, с его точки зрения, элементу. Это последняя ласка — даже от чуждого как будто стана — стала для него признанием-откровением его правоты. Лбов понял — жизнь прожита не зря.

Но это не значит, что ему было не больно!..

«Подлец!.. Убийца!.. Предатель!..» — хотел крикнуть Гайдар в лицо этому подлому заму профессора из новых чекистов-головорезов, обросших в мирное время орденскими нашивками неизвестно за что.

Но вместо этого, повернувшись к тому спиной, выбежал из палаты.

Там он прижался к стене лбом.

Вот чертовщина! Стена была всюду — куда ни повернись.

Глухая стена — из своих.

Глухая стена — из чужих.

Три метра коридора — на жизнь.

Почто она ему, такая?!

Он прижался, повернувшись к стене спиной, и сел на пол, обхватив колени руками.

Так он сидел однажды в Крыму на скале. Сидел и плакал.

В одном из писем маленьким приемным дочерям Эре и Свете — а он разговаривал с ними как с самыми понятливыми в мире людьми — он потом написал:

...Вчера ночью над горами пронесся могучий ураган — даже земля дрожала и деревья так и кланялись чуть не до земли. А потом, утром, взошло горячее солнышко, и все зверюшки запрыгали, все птицы запели, и даже в море рыбины за-скакали, а петь они не умеют, а то в рот вода нальется... Сегодня мы видели змею, пили какао и пели песни...

...Это письмо пишу вам на другой день после того, как спустился я с угрюмых скал Геленджика в солнечную долину пионерского лагеря. Серые туманы окутывали нас почти двое суток. Стремительные ветры да дикие орлы кружились над нашими головами. Мы лезли такими опасными и крутыми тропинками меж гор и пропастей, по каким мне еще не приходилось лазить с далеких времен гражданской войны. На вершине скалы Ганзуры я сидел один и плакал о потерянной моло-

дости ровно один час и 24 минуты. Вероятно, поплакал бы и больше, если бы снизу от костров не донесся запах чего-то жареного, и мне захотелось поесть. Поспешно тут спустился я в ущелье, и было самое время, потому что все уже успели захватить себе куски получше, а мне достался какой-то костлявый обглодок.

После этого закутался я в свое серое солдатское одеяло и, подложив под голову тяжелый камень, крепко заснул.

Видел я во сне чудный месяц, который плывет над рекой.

Видел Теремок у речки над водичкой.

Видел я обезьяну — Черный хвост. И ужасно кричала эта проклятая обезьяна, когда уклонула ее смелая птичка-синичка.

Вдруг раздался гром, и я проснулся...

В письме многое, конечно, осталось за кадром.

Как и в большинстве его скупых на подробности о личном, внутреннем, письмах и дневниках.

Осталось за кадром, вечно отзывающееся болью и слезами, чувство жуткой вины за свою доверчивость и неосмотрительность, за способность скоропалительно портить отношения с некоторыми начальниками и подчиненными тем, что говорил им все как есть. Как ни крути, а командиром отряда ЧОН Ачинско-Минусинского района был тогда он, и, значит, это он пропустил расстрелы на Соленом озере и все другие преступления. Проморгал отряд своего черного двойника.

От этого иногда становилось так больно, что он ненавидел и себя, и свою жалкую шкуру с не годной ни на что жизнью.

В такие минуты он и хватался за бритву или нож.

Невыносимая боль в голове, ворочающаяся штыком даже в позвоночнике, была лишь только одним из отягчающих это противостояние с собственной телесностью моментом.

В то время как люди легли там, на дне озера, он смеет жить и писать книги, получать за это гонорары, путешествовать, радоваться, любить... Знал бы кто, как позарез ему нужно вернуться вновь в армию и искупить свою вину, отдав за Родину все-все свои силы, умения и навыки! А лучше — самую жизнь!

Но Красная Армия не хочет его жизни, она его щадит!

В такие часы к нему лучше было не подходить. Несколько раз родным и друзьям удавалось вырвать у него, запершегося в комнате, лезвие в самый последний момент. От этого по всему телу оставались шрамы — так выворачивалась наружу его рыдающая душа.

Ну и конечно, за кадром в письме осталось глубоко личное. На скале в Геленджике он не мог не вспомнить свое первое посещение «Артека». Тогда он был там с маленьким Тимуром. И не знал, что это были их последние счастливые дни вдвоем. Это тогда, сразу же по их приезду Лия, объявив, что ушла от него, увезла сына прямо с вокзала жить к своему новому мужу.

Пронзительная тоска по сыну вылилась тогда в трогательную, скупую на внешние проявления и «слова», от чего она стала только пронзительней и глубже, целомудренную историю зарождающейся большой любви. Тоска офицера Сергея и пионервожатой Натки по погибшему Альке спаяла их, как должны были догадаться юные читатели, на всю оставшуюся жизнь. Их жизнь, как и жизнь тоже горящего по своему маленькому другу некомфортного пионера Вадика, будет всегда посвящена борьбе за все подлинное и светлое, но такое хрупкое, подставляющее спину невидимым врагам именно потому, что оно — настоящее.

Что же касается его самого, то до появления Доры с Женькой о нем некому было позаботиться. А всякому человеку, как глоток воздуха, была необходима забота. Расставшись с Лией, он даже написал, расхныкавшись, в дневнике, что вообще-то было ему не свойственно:

Выступал по радио — о себе.

А в общем — сутолока, вечеринки. И оттого, что некуда мне девать себя, не к кому запросто зайти, негде даже ночевать... В сущности, у меня есть только три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка, полушубок, папаха — и больше ничего и никого, ни дома, ни места, ни друзей.

И это в то время, когда я вовсе не бедный, и вовсе уже никак не отверженный и никому не нужный. Просто — как-то так выходит. Два месяца не притрагивался к повести «Военная тайна». Встречи, разговоры, знакомства... Ночевки — где придется. Деньги, безденежье, опять деньги.

Относятся ко мне очень хорошо, но некому обо мне позаботиться, а сам я не умею. Оттого и выходит все как-то не по-людски и бестолково. Вчера отправили меня, наконец, в дом отдыха Огиза дорабатывать повесть.

Другое дело, что женская забота — даже такая мудрая и ненавязчивая, как у Доры — это еще не все.

Тем более была не нужна ему плаксивая забота — под причитания женщин о том, что «и зачем вы, мужики, затеяли войну, — лучше бы, хоть худо да бедно, жили как встарь».

Как ненавидел он эту мещанскую старь!

Недаром он дал своему Лбову — реальному историческому персонажу — в хранящие его издали подружки отчаянную чудачку Риту Нейберг. А этой чудачке — имя своей любимой женщины. Чем нарушил документальную правду, на что ему посетовали некоторые оставшиеся в Перми очевидцы тех дней, не понимавшие правды художественной.

Но как назло, когда ему было больно, из него, как ржавый гвоздь, вылезал черт, который вкрадчиво говорил ласковым женским голосом: «Перестань воевать, Аркаша... Жизнь у человека одна. Побереги ее. И если каждый будет ее беречь — вот эту свою самую простую жизнь, — то он тем самым сбережет и миллионы других жизней. А так — посмотри на поле за окном. Это же сплошное Куликово поле».

— Борись, Арджуна! — говорил с интонациями Рувима другой голос. Глуховатый, но твердый. Ласкающий его лаской кремня. — Борись, друг. Разве же можно оставить всех этих бессознательно прячущихся в свою скорлупу людей наедине с их тиранами и собственными тиранящими их страстями?

— Да плевать на людей, — зло отвечал Гайдар. — Я стал инвалидом, как Бумбараш. И душа моя тоже очерствела и вот-вот погрузится в немоту. Я хочу жить неспешным бытом где-нибудь под Рязанью. Или хотя бы в том же Клину. Всех я хороших людей люблю на этом свете. Восхищаюсь чужими домиками, цветущими садами, синим морем, горами, скалами и утесами. Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую. Милый Рувим, если хочешь, отрекись от меня, но только не бросай.

— А ты бы почитал тогда дневники Толстого.

— Ну да, я читал недавно его статьи. Он тоже призывал бросить оружие и просто не поддерживать существующую власть. Никакую власть не поддерживать, а просто жить по совести без всего этого регулярно всплывающего наверх человеческого

дерьма. Только он не учел, что дерьмо-то движется с самого низу. Ох и насмотрелся я, Рувим, на фронте на низовое дерьмо. Я тебе про это никогда не рассказывал. Хрен редьки не слаще. Поэтому и досадно, и тревожно мне было читать Толстого. Я бы хотел научиться у него не буяннить и не есть мяса. И — только. Послушай, Рувим... Неужели я стал Бумбарашем?

— Да никогда тебе им не стать! А если станешь, то эта страшная сила внутри — святая сила — раздавит тебя. Ты еще слишком сильно ненавидишь зло. Поэтому ты и попал в это место и в это время, когда на головы привыкшим врать себе людям стали рушится возведенные ими прежде вавилонские башни. У всякого народа — своя башня. У нашего она будет еще долго обваливаться, этаж за этажом. Главное, чтобы ты действительно не оказался на верхних этажах. Эти, верхние, не понимают, что стоят в огне. Выноси пока из горящего здания тех, кого еще можно спасти. Даже если они падают — с самого верха. Это и есть обыкновенная биография в необыкновенное время.

— Легко тебе, милый Рувим, говорить. Когда отца забрали на русско-германскую войну, я долго бежал с плачем за уносившим его поездом. Позже я даже попытался сбежать к нему на фронт, но меня вернули. Я написал ему в письме: «Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд меня уносил подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал. Бедный папочка, как у меня сжимается сердце и как мне тяжело при каждом воспоминании этого мимолетного сна. Когда я был у тебя, все разобрано мною до мельчайших подробностей — выстрел, Покровка, и дальше и глубже, а особенно последнее, так и встают картины одна за другой. Эти тихие теплые вечера, когда мы брали извозчика и ехали в город, и встают они одна за другой, заставляя снова переживать моменты. Помню, когда рота остановилась, я залез на гору, я смотрел на тебя и сдерживал слезы, „неужели, — пронеслось в голове, — неужели, — подумал я, — неужели его могут убить?“ — точно сдавленный, рыдающий стон, вырвалось у меня... А поезд уходил все дальше и дальше, мерно ступал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дороговому. Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой, цветет черемуха, цветут цветы, расцветает великий красивый цветок свободы России, все, кажется, должно бы цвести, а не умирать, как умирают там на войне». Нет, я совсем не был похож на сурового пермского рабочего Лбова, который, взяв однажды в руку маузер, как отрезал ту часть души, где живут сантименты. Но я тоже взял спрятанный отцом мне в подарок маузер — взял его, несмотря на протесты матери, до срока. Я хотел во всем походить на отца, — ведь он был большевиком-подпольщиком. Эту историю я, немного изменив, изобразил потом в повести «Школа». Маузер для меня был — как шпага для мушкетера или как комсомольский билет. Я не отдал бы его никому. С ним я чувствовал себя — превосходящим себя... Трудно передать это чувство словами... Нет, не героем. А кем-то, кто отвечает за всех и за все. Поэтому я потом вникал во все детали жизни подчиненного мне подразделения. Я даже навещал своих красноармейцев в тифозных бараках. Отдавал, выслушивая медиков, не абы какие, а дельные распоряжения. Наверное, потому и выжил, когда и сам подхватил в дальнейшем тиф и холеру... Так вот — я однажды понял еще мальчиком, что не надо писать отцу писем о своем горе — это только добавляет тяжести в его суровый быт. Более того — не надо бояться за жизнь. Надо бояться — изменить себе, подлинному. В глубине нас есть святость — она теплится, как едва приметный огонек. Не надо его задувать. А вот раздувать его — насколько хватит, а хватить может на весь белый свет — можно и нужно!.. С тех пор я перестал бояться чьей-либо смерти. А нарком по морским и военным делам Украины Подвойский,

приехав на наш выпускной на Киевские командные курсы, где мне довелось учиться, на последнем построении на плацу, откуда мы уходили прямо на фронт, окончательно развеял все мои страхи. Он напутствовал нас так — он сыграл нам на прощание похоронный марш. Чтобы мы заранее попрощались с собой и товарищами, если кому придется умереть, но — все равно сделали свое воинское, необходимое будущему делу... К тому же я поклялся продолжать жить и драться за двоих своему смертельно раненному в бою товарищу — Яшке Оксюзу. Он был нашим командиром, а я его — заменил... Но когда я узнал про Соленое озеро, этот огонек внутри как накрыло стеклянной крышкой. Мне кажется, что в тот день пошатнулась моя вера в человека... Потом я, конечно, выплыл... Но, как видишь, я до сих пор иногда плаваю. Где они, рыцари?..

— Арджуна, борись!.. Вот и все, что я могу тебе сказать как твой брат по духу, как названный отец. Вы с Костой Паустовским для меня как дети. Вы оба так рано вылетели из разрушенных этой всемирной перетряской семейных гнезд, что, кажется, так и остались сиротами на всю жизнь. Будем же и дальше слетаться в наше гнездо в Солотче. А там времена и люди могут и поменяться.

— Но как бороться, Рувим? Когда я не Лев-Руставели, а всего лишь Гайдар. Витязь в тигровой шкуре все-таки имел дело с благородными царями. Да и мои Рахиль и Лия... все мои женщины оказывались, прямо скажем, отнюдь не царицами Тамарами. Да и я был не лучше их. Я потерял часть своей души — мою Нестан-Дареджан. И вынужден теперь сражаться за нее — как изгнанный, пораженный лев. Я скрываюсь вместо пещеры от людских глаз — в этом «Наутилусе». Называя его, чтобы обмануть тревогу, санаторием в Сокольниках. И зачем я так изоврался?.. У меня нет ни Автандила, ни Фридона, а есть только Рувим, и Коста, и милая Дора, которая опекает меня, как Аснат. А еще, быть может, я просто снюсь сам себе, как сказали бы индусы, и вся эта катавасия кругом — просто отраженные в увеличенных кривых зеркалах грани моей разбившейся природы. Господи, как собрать из осколков Фазтон, чтобы подняться к Солнцу?

— Но у тебя все-таки еще кое-что осталось. Осталось горячее сердце — Сердце Льва. Так что не скромничай, королевич. И хватит уже лить слезы. Вспомни погибшего, но несломленного Рума. Его душа — его Нора — тоже устремилась за ним в эту поднимающую их в небеса погибель!

Ох, недаром он написал для одного «Конотопа» про Рувима шуточные стишки: «В небесах над всей вселенной, / Вечной жалостью томим, / Зрит небритый, вдохновенный, / Всепрощающий Рувим...»

Тук-тук-тук.

«Травма, — мелькнула у меня мысль. — Опять Моисей Абрамович». Я долго смотрел на хозяина, потом сказал ему:

— Это пройдет. Позвоните по телефону 1-43-62 и передайте, что я опять болен. Дальше обрывки.

Помню: проходил день, наступала ночь, потом как будто наоборот.

Помню, у изголовья подолгу сидел старик, успокаивал меня и рассказывал. Рассказывал он что-то странное: о какой-то горной, дикой стране, замкнутой и неприступной.

— Откуда это?

— Это? Это из страны рыцарей.

— Разве и сейчас есть рыцари?

— Да, и сейчас.

— А где?

— Там, — он мотнул головой по направлению к ущелью. — Надо идти много-много дней в горы. Но с этой стороны туда никто не ходит. Никто даже настоящих троп отсюда не знает. Кроме того, эти люди не любят, когда к ним приходят чужие.

— Кто они?

— Они... хевсурь.

Доставали какие-то бумаги у меня из карманов. Писали куда-то письма.

Однажды под вечер я проснулся. То есть я и не спал вовсе, но впечатление было такое, будто проснулся.

«Рита! — вспомнил я с ужасом. — Рита! Что ты делаешь?»

В доме было пусто. Порывисто встал, схватил какой-то мешок, сунул в него несколько чурек. Снял со стены свой охотничий нож.

«Надо торопиться! — подумал я. — Надо скорей спешить, скорей объяснить все!»

Я выскочил из дома и незаметно вышел из селения. В сумерках быстро зашагал по дороге. Прошел с версту и вдруг опомнился.

«А куда я, собственно, иду? К Рите? Объяснять? А зачем? Стоит ли? Да и поздно уже, пожалуй, объяснять. Не стоит. Но куда же тогда? Если идти вперед некуда, то обратно нельзя. Но не стоять же посреди дороги!»

Я оглянулся.

В сумеречной торжественной тишине под заоблачной вышиной торчал хищный коготь снежной птицы — вершина далекой мрачной горы. Внизу — черное ущелье, внизу леса.

«Там — та горная страна, — подумал я. — Впрочем, все равно!»

Не раздумывая, не рассуждая, я свернул с дороги и быстро зашагал в открытую пасть загадочного ущелья.

Мне трудно сейчас сказать, сколько дней — четыре или шесть — я шел вперед.

Кажется, лазал, как лунатик, по головокружительным карнизам, наткнулся на перерезающие путь скалы, возвращался обратно, загибал вправо, завертывал влево, кружил и, наконец, потерял всякое представление о том, куда иду и откуда начал путь.

Кажется, ночи были прохладные. Ночами свистели разбойные ветры, ревели потоки, и выли по ночам не то волки, не то совы, да шумели листья дикого звериного леса.

Скоро наступил голод. Я лазал по деревьям. Доставал яйца каких — то черно-синих птиц. Поймал однажды в норе зверька, похожего на суслика, зажарил и съел.

И чем дальше забирался я, тем глуше, молчаливей и враждебней смыкалось кольцо гор, тем беспощаднее давили голову каменные громады уродливых скал. Не было ни малейшего признака человеческого жилья, дикой казалась сама мысль, что здесь может жить человек.

Только один раз была встреча. В тревожном шорохе дрожащего кустарника я столкнулся лицом к лицу со старым облезлым медведем.

Он поднялся из логова, пристально посмотрел на меня, помотал головой и, лениво повернувшись, спокойно пошел прочь.

Эти дни голова у меня была горяча, ибо в ней, как в глиняном сосуде, в котором бродит виноградное вино, бродит ли без толку, бились о стены черепной коробки неокрепшие еще и не сложившиеся мысли. Потом все перебродило, улеглось, страшная усталость начала сковывать тело. И однажды, взбравшись на поросший мхом каменистый холм, я уснул тяжелым, крепким сном.

Тем самым сном, которым заканчивается припадок, сном, во время которого приходят сумерки и настает серый, но настоящий день.

Проснулся я от укола в спину. Повернулся, открыл глаза:

— Что это? Наяву или опять галлюцинация?

Прямо надо мною, возле двух коней, стояли два спешившихся всадника — два средневековых рыцаря. Один из них, с тонким ястребиным лицом, пересеченным шрамами, трогал меня кончиком острого копья.

Лица обоих незнакомцев выражали изумление и любопытство.

Я хотел подняться, но острие копья не позволило мне. Человек сказал что-то своему товарищу, потом поднял надо мной это узкое металлическое острие.

Меня поразило выражение лица этого человека. С таким выражением мальчишка стоит в лесу над прикорнувшей ящерицей и думает: разбить ей голову камнем или не стоит? Собственно, не к чему разбивать, а можно все-таки и разбить!..

Но другой ответил ему что-то и покачал головой.

— Камарджоба! Амханако! — по-грузински сказал я из-под копыя.

Нет, Гайдар и тогда жестоко обозначился. Это опять были не рыцари, а только их жалкие наружные подобию. Они взяли его в плен и увезли в Хевсуретию, где поселили как раба в замок местного царька. Его звали Улла. Он был старшим сыном хозяина замка, и он терроризировал свой народ.

Он собирался выдать свою сестру — прекрасную Нору — за какого-то тоже богатого и знатного иноплеменника.

Нора же любила единственного настоящего тут джигита — прекрасного и телом, и душой Рума. А Рум любил — Нору.

Все жители этого глухого, затерянного в горах ущелья, куда не добралась еще Советская, как и, впрочем, любая другая власть, были предоставлены сами себе. Это были своего рода Маугли. Они принимали самолеты — за железных птиц.

И все-таки Гайдар встретил среди них рыцарей.

Рум, который готовил восстание, чтобы привести в этот затерянный уголок Хевсуретии Советскую власть, поклялся умереть, но вызволить Нору из рук брата-тирана.

— Рум! — сказал я, подходя ближе. — Я знаю, что ты готовишь восстание.

Он вздрогнул и тигровым прыжком бросился ко мне.

— Что ты сказал?... Кто сказал тебе? И я ответил:

— Мне сказал это человек, голова которого торчит сейчас на пике у ворот замка. Он поверил мне, и ты можешь верить мне тоже.

Рум опустил руку с кинжалом.

— Шпионов у Уллы так много... — как бы объясняя свою вспыльчивость, тихо проговорил он.

Мы стояли на мшистом холме. Позади, врезаясь в небо, торчали вершины скалистых гор.

— Рум, — спросил я, — чего ты хочешь и чего добиваешься?

— Жизни, — помолчав, сказал он. — Мы мертвый народ. Мы живем в каменных норах тысячу лет все там же и все так же! Я был внизу, я видел, что там работают, живут свободно, спокойно. Я видел там такое, чему здесь даже не верит мне никто. Что у нас есть? Полусырое мясо, сухие лепешки, конь, шашка и всегда, всегда одно и то же. Улла говорит, что зато мы свободны, зато нас никто еще не покорил. Это не так! Нас просто позабыли, и мы, забившиеся сюда, в горную глушь, мы, маленькое племя, просто никому не нужны! Надо все менять, надо перерезать горло всем главарям, таким, как Улла, потому что они мешают жить! Все равно по-старому не живут. Старики говорят, что первого человека, который принес в горы винтовку, разорвали на куски, когда он выстрелил. А сейчас? А сейчас за винтовку отдают двух быков. Старики говорят, что когда-то один хитрый грузин принес в горы маленькие куски блестящего зеркала и менял их на масло у женщин. Тогда всем женщинам, у которых нашли зеркала, обваривали кипятком лица, чтобы они не думали о своей красоте, а грузину набили рот осколками битых стекол и зашили губы кожаным шнуром! А теперь всякая девушка старается достать зеркало, и у самого Уллы висит большой кусок на стене. Все равно, раз старое уходит, надо, чтобы оно скорей ушло.

Облокотившись рукой на шашку, он насторожил слух и уставился в небо. Я ясно слышал как откуда-то издали доносится едва уловимое, но знакомое жужжание. Я прикрыл глаза ладонью и тоже взглянул туда, куда, окаменев, уставился Рум.

И увидел в синеве осеннего неба, над лесами, над громадами неприступных гор летящий с севера на юг аэроплан...

Долго смотрели мы, как исчезал он за облаками, склонившимися на грудь могучих гор. Молчали. Я думал: «Дикая горная страна Хевсуретия, в которую так трудно пробраться и из которой еще труднее выбраться, — только маленькое пятнышко под взором быстролетных всадников воздуха».

Рум сказал:

— Эту железную птицу тоже сделали люди снизу. Я всегда смотрю на нее, когда она пролетает по небу. Я отдал бы свою серебряную шашку, коня и свой замок за то, чтобы у меня была своя железная птица.

— Зачем тебе, Рум?

— Так, — ответил он уклончиво. — Так. По-моему, тот, у кого есть эта птица, знает все, что только можно узнать во всем мире.

Гайдар, приближая тем самым свою гибель — его ждала здесь смерть, которую Улла только то и дело отсрочивал из каких-то своих расчетов, — помог Руму с его людьми выступить против Уллы.

Но Улла со своими людьми перебил их.

Сражаясь до последнего, как лев, Рум погиб.

Но Нора, высвободившись потом из плена с помощью кинжала, убив им Уллу, освободила и Гайдара.

Но она все равно погибла.

Она прыгнула в пропасть, чтобы воссоединиться с Румом.

Потом оказалось, что история Рума и Норы была лишь сном, который привиделся ему после того, как он прочитал письмо Риты и Николая.

Гайдар закончил свою повесть про всадников неприступных гор так:

На этом месте тропинка была настолько узка, что двоим нельзя было идти рядом. Я пошел вперед и, поглядев на небо, усыпанное звездами, вспомнил Рума с его мечтой иметь «железную птицу», чтобы знать и видеть все, что только можно узнать в этом мире. И я подумал, улыбнувшись: «Рум! Не только тебе, но и мне нужна птица, которая научила бы меня видеть и понимать все. Но еще до сих пор я не встретил ее ни в голубом небе, ни в зеленых лугах. И если даже я и встретил ее случайно, то еще не узнал ее...»

Я вздрогнул от шороха осыпающихся камней. Я обернулся и увидел, что на узенькой тропинке над пропастью не было никого, кроме меня. Нора, тоскующая о Руме, исчезла в темной пустоте пропасти...

Далекий сон — страна умирающих рыцарей, страна железных кольчуг и каменных замков — этот сон уплыл прочь.

И доктор Владикавказской нервной клиники, не Моисей Абрамович пожимал мне руку и говорил:

— Ну, смотрите, больше никаких потрясений. Травма. Истеропсихо... Образ жизни — самый регулярный. Больше пейте молока, и чтобы никаких Хевсуретий.

Я вышел на улицу. Легкое солнце... Мягкой улыбкой расплывалась золотистая осень. Я жадно хлебнул глоток свежего воздуха и улыбнулся сам.

— Хорошо жить!

«Рита...» — вспомнил опять. Но на этот раз это имя вызвало только смутные очертания, тень, неясную и призрачную. Я позабыл лицо Риты...

Девять суток плыл пароход по Волге от Сталинграда вверх.

Девять суток я выздоравливал час за часом. И когда на десятые заревела сирена у пристани, где кончался мой путь, когда замелькали знакомые дома, прибреж-

ные бульвары и улицы, я смешался с веселой, бодрой толпой и сошел на давно покинутый мною берег...

И вот я, вернувшийся из очередного путешествия по обыкновению ободранным и усталым, валяюсь теперь, не снимая сапог, по кроватям, по диванам и, окутавшись голубым, как ладан, дымом трубочного табака, думаю о том, что пора отдохнуть, привестивсе в систему.

Рита замужем за Николаем. Они официально зарегистрировались в загсе, и она носит его фамилию.

Вчера, когда заканчивал один из очерков для очередного номерамоей газеты, Рита неожиданно вошла в комнату.

— Гайдар! — крикнула она, подходя ко мне и протягивая руку.

— Ты вернулся?

— К кому, Рита?

— Сюда... К себе, — ответила она, чуть запнувшись. — Гайдар! Ты не сердись на нас? Я теперь знаю все... Нам писали из грузинского поселка, как было дело. Но мы же не знали. Мы были сердиты на тебя за ту ночь! Ты прости нас.

— Прощаю охотно, тем более что это мне ничего не стоит. Как живешь, Рита?

— Ничего, — ответила она, чуть опуская голову. — Живу... Вообще...

Она помолчала, хотела что-то сказать, но не сказала. Подняла матовые глаза и, посмотрев мне в лицо, спросила:

— А ты?

Я не знаю, что это у нее за манера заглядывать в чужие окна...

Но на этот раз шторы моих окон были наглухо спущены, и я ответил ей:

— Я жаден, Рита, и хватаю все, что могу и сколько могу. Чем больше, тем лучше.

И на этот раз я вернулся с богатой и дорогой добычей.

— С какой?

— С опытом, закалкой и образами встречных людей.

Я помню их всех: бывшего князя, бывшего артиста, бывшего курсанта. И каждый из них умирал по-своему. Помню бывшего басмача, бывшего рыцаря Рума, бывшую дикарку-узбечку, которая знала «Лельнина». И каждый из них рождался по-своему...

Как ладья, выплывает из-за поворота коридора на банную комнату легкой, мягкой походкой тонкая девушка с короткими льняными волосами и глубокими синими глазами.

Эти глаза — как чистая гладь синего моря. Разбросаны по щекам летящими чайками веснушки.

Опустившись на корточки, она бережно берет его за руку и, говоря что-то ласковое тихим мелодичным голосом, куда-то тянет.

— Ты Никитина?.. — спрашивает он с так и взвившейся, перевернувшей все внутри надеждой. — Неужели ты нашлась?

Он покорно идет за ней в ее палату, где в эту минуту нет больше никого.

Не устояв, опять садится на пол.

Девушка, обняв его за плечи, тоже садится рядом.

Это само синее море пришло, приобняло за плечи теплой пенной волной и молчит. Это святое молчание.

— Как тебя зовут?... — спрашивает он спустя время, просто для того, чтобы хорошего не стало слишком много и оно не исчезло.

— Галя.

— Кто ты, откуда, что здесь делаешь?

— Я здесь на профилактике. А так я работаю на фабрике спортивных костюмов. Я окончила облегченную школу... Для умственно отсталых, в общем. И иногда меня помещают сюда для профилактики как бывшего ребенка-идиота.

— Я люблю детей-идиотов. Это чудесные дети. Однажды я подружился с двумя маленькими идиотами, когда странствовал без денег по Новороссии. Они сбежали из интерната и помогали мне прокормиться тем, что воровали в огородах картошку и тыквы. Я потом описал тот случай в очерке... Только идиотами в очерке вышли, конечно, не те пацаны, а дядьки и тетки, которые таким смысленых и сердечных ребят записали в идиоты.

— Я тоже помогаю с восьми лет прокормиться взрослым. С тех пор, как умерла мать. Отец сразу привел мачеху с двумя малышами-близнецами. И отец, и мачеха сильно пили и работать не могли. Пришлось мне... Приходя из школы, я отправлялась побираться. Потом, когда немного подрасла, стала вязать шапки и шарфы, шить платья. Продавали соседям... На это и жили... Потом мачеха попала в эту больницу и прожила здесь два года. За это время отец привел другую и хотел выгнать близнецов. Но я ему не позволила. Я уже работала на фабрике и дала слово, что этот груз будет только на мне... Другую мачеху — она тоже оказалась пьющей — тоже пришлось взять на содержание. И первую тоже — я ношу ей обеды в общежитие. Но ничего, близнецы уже скоро окончат школу и сами встанут на ноги. И тогда я, наверное, уеду. У первой мачехи есть родня в Киеве. Я Киев хочу посмотреть... И, может, останусь там жить. Мачеха мне обещала... Я, может быть, там даже замуж выйду. Хотя у меня есть тут жених... Он тоже учился в нашей школе. Он очень хороший человек, только он лилипут. Он ростом как двенадцатилетний пацан... Вот он уже пришел под окно — он всегда тут стоит, с самого утра. Мы переговариваемся жестами, и он смешит меня. Придет под окно — и начинает смешить. Я хохочу, и время до выписки тянется быстрее. Я посылала его в булочную за пирожками. Сейчас нам с вами их передадут — он перезнакомился со всеми дежурными на дверях и вообще со всеми, его тут все любят. И я его тоже очень люблю. Только не так, как мужей.

— Ах ты, горемычная! Что все мои беды в сравнении с твоими? Ты чем-то похожа лицом на моего умершего младенцем сына Женьку. С тех пор я очень боюсь за жизнь детей. Особенно детей командиров. Я тогда был на фронте, и, может быть, — кто знает? — ребенку просто не хватило отцовского тепла. Поэтому мы с моей второй женой договорились обманывать этих... в общем, разных прохвостов в погонах, если кого-то из нас арестуют, будто Тимур — не мой сын. Чтобы он не стал сыном врага хотя бы по одному из родителей. Нет отца — стало быть, нет врага... Вот как мы теперь живем — хорошие люди!.. Но я все равно очень виноват перед сыном. Когда я вернулся из поездки по Средней Азии и Кавказу без Риты, я собирался все равно уйти от жены. Но она преподнесла мне сюрприз — она сказала, что она беременна. И представь — я, идиот, не обрадовался, а распахивался. Я решил, что это такая военная хитрость, чтобы сохранить наш брак. Поэтому наши пути с женой разошлись на целых два года. Вскоре она уехала к родителям в Архангельск, и там мой сын и родился. Я только сухо сказал ей на прощание, что хотел бы, чтобы если будет сын — его назвали бы Тимуром. А если дочь — то Женей... В общем, мы впервые встретились с Тимуром в Архангельске, а потом опять сошлись с его матерью и переехали все в Москву, лишь когда ему уже было два года. Я знаю, ты все понимаешь и поймешь меня... Я взял бы тебя в жены, милая девушка. Но у меня уже есть Дора и Женька. И поэтому я могу быть тебе только старшим братом. Я обязательно найду тебя и буду приходить в гости. И ты станешь ходить к нам. Я пришлю тебе свои книги — они так просты, что их могут понимать все идиоты.

Вместе они подходят к окну и видят пританцовывающего на морозе маленького мужичка. Он, улыбаясь, поднимает над кажущейся непомерно большой взрослой головой на детском теле пакет с пирожками и показывает рукой на вход.

— Я мигом! — певуче говорит Галя и выплывает из палаты.

Потом опять влывает, протягивает ему, сидящему уже на стуле, еще дымящийся пирожок.

И это — единственный доставшийся им пирожок, который они по-братски разломают пополам.

Все остальное расхватили по дороге другие обитатели больницы.

Они с удовольствием едят и неведомо чему хохочут.

Но вдруг Галя начинает плакать.

Она просит дать ей бритву.

— Посмотри, — говорит она, показывая ему руки, — это шрамы от порезов. Когда я нервничаю, я режу себя, чтобы выпустить кровь... И если мне не дают этого сделать, то крови внутри становится так много, что я нервничаю все больше и больше. А иногда я ее слизываю — свою кровь.

— Бедная ты моя — как мы с тобой похожи... Мы с тобой махнем летом в Крым, в «Артек». Я устрою тебя работать пионервожатой. Меня там все любят и поэтому слушаются. Ты видела когда-нибудь море? Своей Женьке я писал в письме: *«Уважаемая Евгения! Плыву сейчас на пароходе по Черному морю. Море это очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, то все равно потонут. В этом море водятся разные злые рыбы, веселые дельфины, блестящие медузы, а коровы в этом море не водятся, и кошки с собаками не водятся тоже»*. Только надо нам всем крепко верить в Тимура. Слышишь меня?.. Крепко верить в Тимура! Эти слова я говорил год назад здесь, в санатории в Сокольниках, одной десятикласснице, которая проходила здесь реабилитацию после менингита и каких-то страхов. Ну, она была не в пример многим другим — глубокой девушкой, она хотела видеть все как есть... И поэтому болела. Мы с ней крепко подружились — тогда еще не было ремонта, и нас, пациентов, лежавших в этом отделении для легких больных, действительно, как в хорошем санатории, отпускали под присмотром медсестры гулять в парк. Вместе с этой девушкой мы стали ходить в парк на лыжах. Мы лепили снежных баб, строили снежные крепости, играли в снежки, катались на коньках и делились впечатлениями о прочитанных книгах. Мы читали стихи и много говорили. Она умела прекрасно читать «Фауста» Гёте. Как-то она спросила: «Аркадий Петрович, что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно, большое, общее счастье?» Я подумал и ответил: «Есть, конечно, такое счастье. Ради него живут и умирают настоящие люди. Но такое счастье на всей земле наступит еще не скоро». Она воскликнула: «Только бы наступило!» Я пообещал: *«Непременно!»* Ее звали Зоя Космодемьянская. У нее тоже, как у нашего с тобой барабанщика, был арестован отец. Он был из семьи священника. Я потом подарил ей свою книгу, где вместо дарственной надписи написал слова из «Чука и Гека»: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

И в это-то время на пороге палаты появляется еще один человек.

Это заместитель профессора отделения — некий Сергей Иванович, про которого Гайдар уже настолько забыл, что с трудом может припомнить, что когда-то говорил с ним.

Тем более что халат его наглухо застегнут на все пуговицы и орденские планки больше Гайдара не злят.

— Что здесь происходит?! — сумрачно кричит он сквозь сжатые зубы. Руки сцеплены за спиной. Не обнаружив доказательств криминала, он продолжает, уже поостыв: — Аркадий Петрович, а ведь вы — очень гордый и властолюбивый человек. Уз-

нав о том, какая слава свалилась на молодого поэта Сергея Михалкова после того, как он написал «Колыбельную Светлане» — все сразу поняли и без посвящения, что она предназначалась дочери нашего вождя, — вы написали «Голубую чашку», главную героиню которой — маленькую девочку шести с половиной лет — тоже зовут Светланой. Не отрицайте — не отрицайте! Нам известно, что вы не раз встречались в то время с Михалковым — будучи коллегами по журналистскому цеху, вы пересекались тогда в коридорах «Известий». «Колыбельная Светлане» была опубликована «Известиями» 29 июня 1935 года. А ваша «Голубая чашка» появилась немногим позже — в январском номере «Пионера» за 1936 год. Но в то время как Михалков просто баюкал Светлану Сталину, обещая ей крепкий сон, охраняемый четко работающей страной и не смыкающими глаз пограничниками, вы осмелились прочитать ей проповедь!.. А ведь вы знали, что Светлана для всех нас — это не просто ребенок, а символ. Это — символ нашей юной страны. Недаром вслед за вождем и другие члены ЦК, а также другие партийные работники, да и простые граждане стали с воодушевлением называть своих дочерей Светланами. Светлана — это и наш светлый путь к будущему, и одновременно — наша русская душа. Это как бы живое воплощение лампочки Ильича. Отличающаяся по-пушкински всемирной отзывчивостью и — одновременно — лиризмом, как героиня знаменитой баллады Жуковского, который и придумал это имя. Правда, без свойственного этому реакционному романтику налета мистицизма. А вы — вы посмели рассказывать в своей «Голубой чашке», ведя Светлану за руку, как отец, про то, какой, по вашему разумению, должна быть страна. А между тем имени товарища Сталина вы в своем творчестве за свою литературную карьеру почему-то так ни разу и не упомянули. Более того, вы подбивали Светлану Сталину сбежать из дома, а может, и вовсе из страны, которую символизирует строгая, внешне холодная к девочке мать. Вы как отец пытались повлиять на Родину-Мать — перестроить ее для душечки Светланы на иных государственных началах. Вы захотели стать отцом — Советскому Союзу!

Как ни был Сергей Иванович осведомлен о непредсказуемости склонного к неожиданным поступкам Гайдара, что бесило его едва ли не больше всего, он все равно был ошеломлен, когда Гайдар, вдруг обернувшись во весь свой огромный рост, сделал два стремительных шага вперед и, прижав его к груди, с чувством расцеловал в обе щеки:

— Спасибо, друг! — сказал он звонким счастливым голосом. — Как ты мне помог!.. Ты сказал мне, что я могу стать отцом!

Да! Он может стать отцом Советскому Союзу. Тому, что цвел у него внутри еще тогда, когда он слушал маленьким рассказы отца про то, какое их всех ждет будущее, если они станут бороться за него. Позже эти образы, не теряя святой наивности и в то же время меняясь, росли вместе с ним. Это из них он создал потом в качестве писателя свою Гайдарию. И действительно свято верил, что может донести ее до сердца всех Светлан, включая дочь вождя. Верил, что любившая его книги Светлана Сталина шепнет про эту Гайдарию отцу, а тот вспомнит и воскресит в себе семинариста Сосо Джугашвили, который был тоже немного мечтателем, раз написал такие стихи:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величия славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Святую правду юноши отвергли. А он отверг из-за этого собственную душу.
Вот что понял только теперь Гайдар.

Нельзя смеяться над детским сердцем!

Детскую правду надо хранить в своем сердце глубоко-глубоко, как самую важную Военную Тайну, как пытается хранить его, несмотря на холода, он сам.

Последнее же он понял гораздо раньше, когда написал «Школу» — первое свое произведение, сознательно написанное для детей, с которого и начался в литературе его путь как большого писателя уже со своим крепким голосом.

Он сумел посмотреть тогда на жизнь страны с самого низа — глазами ребенка.

И низ и верх вдруг — поменялись местами.

По образу и подобию Гайдари, но только непременно такой, какая растет вместе с ним, а после его смерти будет расти с другими ее сынами и дочерьми, и нужно строить новую Россию, со всеми ее общественными и государственными структурами: от детской площадки и школы — до армии и правительства.

Раз она есть внутри, то, значит, должен найтись и ее физически ощутимый, воплощенный в жизнь образ. Сопутствующий тому, чтобы, быть может, преодолеть когда-нибудь даже притяжение материи. Поскольку все, что непреодолимо, переходящее по определению.

Поэтому рост вечно находящейся в Пути страны — бесконечен.

Вот только начинаться он должен — с мудрого умаления.

Вот идет рука об руку в «Голубой чашке» его лирический герой со своей дочерью Светланой. Дочери — всего шесть с половиной лет. Но есть в ней что-то не только от Светланы Сталиной, которую, Гайдар, несомненно, тоже имел в виду — зам профессора ошибся не в фактах, а в мотивах! — но и от Эры и Светы, которые считали его тогда своим отцом. От Светланы-дочери вождя его Светлана взяла стратегический ум, который предполагался в той по умолчанию. От младшенькой рыжеволосой подвижной и озорной Эры его Светланке достался необыкновенно рыжий цвет волос и вся прелесть озорства. От старшей Светы — внутренний свет, тактичность, грация.

И, конечно же, не мог не вложить он в этот созвучный, да что там говорить — слитый с ним образ души, и кое-чего от Никитиной. От нее Светлана переняла правдолюбие и отчаянную неприкрытость ребенка.

Но странные дела происходят в жизни маленькой Светланы. На что она ни бросит взгляд — первый свой взгляд человека, привыкшего органично и в чем-то еще простодушно совмещать в своей маленькой жизни внешнее с внутренним, — как перед глазами ее оказываются перевертыши. И что бы делала Светлана, не будь у нее такого молодого душой отца, с которым они идут вместе по жизни, ненавязчиво поддерживая друг друга! Оба они, стараясь обнажить в происходящем глубину, постигают на практике — сначала в малом, а потом и большом — а может, оба эти процессы у них происходят одновременно, — что самого главного глазами не увидеть.

Вот семья приехала на дачу. Дочь и отец полагали, что сразу отправятся по ягоды и грибы, сядут в лодку и поплывут по реке: отец на веслах, мать на руле, а дочка — пассажиром. Но пришлось по указке Маруси — так они называют мать — три дня подряд подметать двор и чинить забор.

Потом появился товарищ Маруси — полярный летчик. И они с Марусей долго сидели с ним в саду под вишнями, вместо того чтобы сесть наконец всей семьей в одну лодку. А потом Маруся пошла провожать летчика на вокзал, а Светлане велела выпить молока и лечь спать.

И это несмотря на то, что они с погрустневшим отцом в это время с горя влезли на крышу и с увлечением устанавливали вертушку, которую только что смастерили.

Не послушались они Маруси и не слезли с крыши, и, та, вернувшись, уже сердито велела им идти спать, и вертушку они так и не установили.

А утром случилось и вовсе странная вещь: Маруся обвинила их в том, что они разбили в чулане ее голубую чашку, когда лазили за мукой, чтобы приготовить для вертушки клейстер.

А они с отцом не разбивали голубой чашки!

Но Маруся почему-то не поверили их твердому слову и уехала в город.

И тогда отец предложил — уйти от Маруси туда, куда глядят глаза.

А глядели эта глаза — на весь тот большой и широкий мир, который, начинаясь за порогом их дачи, так и манил в свою даль.

Собственно, костяк сюжета «Голубой чашки» и составлял рассказ об этом предпринятом отцом и дочерью побеге-странствии.

Чего только они не увидели, не почувствовали и не ощутили за этот долгий день! Чего не передумали!

Эти удивительные встречи с природой, людьми, их судьбами и ситуациями — глубоко жизненны и полны скрытого в них света и мудрости. Вбирая эту мудрость, как свет ясного солнца, как нежную росу и неприметное на первый взгляд тепло человеческого сердца, Светлана растет не только ввысь, но и в глубину.

И к концу этого удивительного, очень светлого, полного увлекательных приключений дня душа ее обретает способность видеть во взрослом мире за его обманчивой сложностью его простую внутреннюю основу. Она находит единство между внутренним и внешним, но единство не прямое, а опосредованное. Внешнее — не обязательно равно внутреннему. Правое — не обязательно равно левому. Не стоит сужать многообразие жизни, подгоняя одни его стороны под другие, исходя из только сугубо своего, личного видения. Разные взгляды разных людей — при всей их преходящей важности, к чему тоже надо уметь уважительно прислушиваться — одновременно и перегородки, отделяющие людей друг от друга, создающие между ними зону непонимания и отчуждения.

Но суть-то все равно не в разделениях, а в единстве!

Все люди на глубине едины и хотят одного! Они любящие и желающие любви души! Вот что поняла своей глубокой любящей душой Светлана.

И — смогла понять изнутри чувства матери и отца, скрытую от глаз причину их раздора. И — даже ненавязчиво помогла им в конце этого трудного, но радостного дня снова найти друг к другу дорогу.

Нет, голубую чашку никто не разбивал — ни отец, ни Светлана, ни сама так часто принимавшая в последнее время внешнее за внутреннее Маруся: это разбилось внешнее понимание счастья у самой Маруси. Да и у отца и дочери тоже разбилось некое сугубо свое, пусть и более тонкое и красивое, чем у Маруси, но все-таки еще в чем-то ограниченное понимание сути вещей.

А посуда, как известно, бьется к счастью!..

Вернувшись из города, Маруся сняла платок, снова надела свое красное платье, влезла босой на крышу и сама установила их роскошную сверкающую вертушку. А после стала дожидаться своих домочадцев с прежней, теперь и проявленной так же и наружу, любовью.

А возвратившиеся поздно вечером отец и дочь, ни словом ее не попрекнув, окончательно решили, что никто голубой чашки не разбивал — ее, вероятно, случайно задела глупые серые мыши. И просто отодвинули ногой еще валяющиеся осколки.

Это рассказ — о Доверии.

Так бы он охарактеризовал свою «Голубую чашку» теперь.

В нем он снял мнимое противостояние между «своим» и «чужим», приводящее к наклеиванию всяческих ярлыков:

Увидел нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

— Тю!.. Шарик... Тю!.. Вон идет сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди, несчастный фашист! Мы с тобою еще разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

— Постой, Пашка, — сказал я. — Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец? Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живет возле того дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

— Все равно белогвардеец, — упрямо повторил Пашка. — А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю?

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю Санькину историю. Мы сели на бревно, Пашка напротив. Кудластая собачонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а, уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

— Ты тогда уже все рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.

Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то еще собирались за тебя заступиться».

И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросонок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарик. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева — на крышу. Лошадь вскинула морду и дернула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый, серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке:

— Но, но... смотри, не балуй, а то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

— Папа, — сказала она мне. — А может быть, он вовсе не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? — спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват и сказать-то, по правде говоря, нечего.

Но тут Пашкина собачонка перестала вдруг тявкать на кошку и, повернувшись к полю, подняла уши.

Где-то за рощей хлопнул выстрел. Другой. И пошло, и пошло!..

— Бой неподалеку! — вскрикнул Пашка.

— Бой неподалеку, — сказал и я. — Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемет.

— А кто с кем? — дрогнувшим голосом спросила Светлана. — Разве уже война?

Первым вскочил Пашка. За ним помчалась собачонка. Я подхватил на руки Светлану и тоже побежал к роще.

Не успели мы пробежать полдороги, как услышали позади крик. Мы обернулись и увидели Саньку.

Высоко подняв руки, чтобы мы его скорее заметили, он мчался к нам напрямик через канавы и кочки.

— Ишь ты, как козел скачет! — пробормотал Пашка. — А чем этот дурак над головой размахивает?

— Это не дурак. Это он мои сандалии тащит! — радостно закричала Светлана. — Я их на бревнах позабыла, а он нашел и мне их несет. Ты бы с ним помирился, Пашка!

.....

— Странные я слышу разговоры, — двигаясь вперед, сказал бородатый старик. — Видно, я шестьдесят лет прожил, а ума не нажил. Ничего мне не понятно. Тут, под горой, наш колхоз «Рассвет». Кругом это наши поля: овес, гречиха, просо, пшеница. Это на реке наша новая мельница. А там, в роще, наша большая пасека. И над всем этим я главный сторож. Видал я жуликов, ловил и конокрадов, но чтобы на моем участке появился хоть один фашист — при советской власти этого еще не бывало ни разу. Подойди ко мне, Санька — грозный человек. Дай я на тебя хоть посмотрю. Да постой, постой, ты только слюни подбери и нос вытри. А то мне и так на тебя взглянуть страшно.

Все это неторопливо сказал насмешливый старик и с любопытством заглянул из-под мохнатых бровей... на вытаращившего глаза изумленного Саньку.

— Неправда! — шмыгнув носом, завопил оскорбленный Санька. — Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, значит, и пружина фашистская. А он из нее для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помирился», — а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помирился».

— Надо без дранья мириться, — убежденно сказала Светлана. — Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь! А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не пугает.

— Назад, Полкан! — крикнул сторож. — Ляжь на землю и своих не трогай!

— Ах, вот это кто! Вот он, Полкан-великан, лохматый и зубатый.

Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем:

— И я своя, а своих не трогай!

Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой и цветами. Улыбнулся и вильнул хвостом.

Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:
— И мы свои, а своих не трогай!

— Отбой! — приказал комендант снежной крепости Тимур, увидев во главе войска своего главного противника по военной игре — Сашу Максимова, у которого, как он ошибочно полагал, только что погиб на финской войне отец. — Сдать крепость без боя!

Его непримиримый противник — командир отряда противника в их игре — был болен, но убежал из дому с температурой, чтобы во что бы то ни стало взять этой ночью крепость, возглавив свое войско.

Тимуровцы с легкостью могли бы отбить эту атаку.

Но комендант приказал выбросить Белый Флаг.

Он понял: мальчик, у которого погиб в честном бою отец-командир, сейчас «свой». А со своими не воюют!

— Капитан Грант! Отец! — закричали Тимур и Женя.

Тут сердце Гайдара — вдруг опять встрепенулось и принялось, как и душа Светланы, что называется, светить во все концы.

Туман перед глазами рассеялся, и он обнаружил, что больше не стоит в полынне.

Тогда он дал капитану Немо команду: «Поднять „Наутилус“ наверх!»

И — стал готовиться к выходу на сушу.

Через два дня писатель Аркадий Гайдар выписался из больницы.

Провожали его Сергей Иванович, Галя и Иван.

Прежде чем повернуться на каблуках и быстро уйти, Сергей Иванович отчеканил:

— Аркадий Петрович, не забудьте: 25 января вас ждут на совещании в ЦК ВЛКСМ по вопросам трудового и военного воспитания детей. Если сдадите этот экзамен, ваш «Командант снежной крепости» немедленно пойдет в печать.

Галя просто кротко улыбалась, стараясь не выдавать тихой грусти.

Иван же строго повелел:

— Иди, командир, и больше не возвращайся.

— Нет, я непременно вернусь, — пообещал им обоим Гайдар. — Это очень серьезно.

А на улице сияло, катаясь на снегу рыжим озорным мальчишкой, даже в этот крепкий мороз ясное, требующее от жизни своего январское солнце.

Вокруг было много разных людей, и все они не всегда знали, как понять чужую границу, не теряя своей, и часто это приводило к печальным, а порой и забавным потерям.

Но он твердо верил: внутренне и внешнее когда-нибудь сойдутся, и на их материки снова наступит Золотой Век.

Главное, что его ждут повсюду — его дети.

Вскоре по всей стране молнией разлетелась речь Гайдара, обращенная к своим юным читателям с трибуны ЦК комсомола. В ней, в частности, говорилось: «Пусть потом когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснорозетную, крепкую гвардию».

Осенью 1941 года военный корреспондент «Комсомольской правды» Аркадий Гайдар, которого не взяли на фронт по здоровью, отказался эвакуироваться из осажденного немцами Киева.

По словам очевидцев, он сказал, что уезжать ему было стыдно — в окружении, фактически на произвол судьбы, была брошена высшим командованием шестисоттысячная группировка киевских войск.

Вместе с другими командирами он вывел, разбив на три штурмовые колонны, с боями в леса около четырех тысяч бойцов, которые стали потом прорываться мелкими группами дальше.

Сам же Гайдар собирался организовать свой собственный партизанский отряд и увести его в черниговские леса.

Но 26 октября 1941 года он был убит выстрелом в сердце на железнодорожном переезде близ села Лепляво Каневского района Черкасской области, нарвавшись вместе с четырьмя другими бойцами на немецкую засаду.

Приняв огонь на себя, Гайдар успел махнуть оставшимся за насыпью товарищам, благодаря чему тем удалось спастись.

По крайней мере, двое из них дожили до Победы.

По их словам, на гимнастерке командира в те дни отсутствовал неизменный орден: сослуживцы в целях конспирации уговорили товарища Гайдара, что называется, не светиться.

Виктор ШИРАЛИ

* * *

Посвежело на дворе
Я свое прожил уже
Дождик кончился и вот
Скоро Богу в оборот
Чашу выпил я до дна
Не хватило мне вина
Соловьи чудят в саду
Я отсюда не уйду.

* * *

Старость это срам души
Гениталии наружу
О Господь мой, разреши
Поскорее обнаружить
Что я смертен
Что душа обрывается могилой
Жизнь прекрасна до конца
Я люблю улыбку милой
Жизнь прекрасна и в конце
А конец уже лет двадцать
Я завидую свинцу
Что дал Пушкину собратья
И сказать: «Прими, Господь!
Натали не виновата
Просто разыгралась плоть
И Дантес мне вроде брата
И в конце концов жена
Будет дальше продолжаться»
Дай мне, Господи, свинца
Чтобы пулею собратья.

* * *

УЧЕНИКА, СОВЕТЧИКА, ВРАЧА
И Господа хотя б вполоборота
Он говорит я понимаю что-то
Я говорю он понимает что-то
И долгая моя горит свеча

И стоп на площади развратный
И я на площади опавший как листва
И жизнь как осень поздняя отвратна
И долгая моя горит свеча

И жизнь подобна девке придорожной
Возьмешь на случай а сойдешь с ума
И Бог попутный как грибочек ложный
И долгая моя горит свеча.

* * *

Время выпито
Сальные свечи
Затихают
Но жив фитилек
Много чудного было на свете
Кое-что на прощанье сберег
Когда ты приходила с мороза
И стекала капелью с плаща
Рисовались мне дивные розы
Принимал я судьбу не ропща
Время выпито. Дальше похмелье
Старость — ад. Как его пережить?
Усмехайся былое веселье
Дай гнездо на кресте твоём свить.

* * *

Пусть мужество мне будет не помехой
Ослабну для беды и для добра
И жизнь что раньше принимал я смехом
Гляжу сегодня слез в глаза набрав

И находя нетвердыми руками
Лицо ее душой в нее дыша
Шепчу разбитыми в словах губами
Так ли жестока ты как хороша.

* * *

Поживем увидим
Главное пожить
Взглядом ненавидеть
А душой любить

Наше время вышло
Мы сожгли себя
Но остался выхлоп
Сущность бытия
Наше время вышло
Топка горяча
Извини, не вышел
Но зато с плеча
Все же не объедки
С барского стола
Мы играли в святки
Ждали Рождества
Дождались. И старость
И Голгофы крест
И свинья не выдаст
И Господь не съест.

* * *

И замер я букашкой на булавке
Стоит декабрь и гербарий пуст
Бредет священник в черной камилавке
Но Бога нет. Есть только черный куст
Прозеленеет почками к апрелю
Натешатся и расцветут сады
И я не в Бога но в сады поверю
Ну а в меня поверишь снова ты.

* * *

Я стишочек как цветочек
В палисадник посажу
Может вырастет росточек
Я подруге угожу

Прорастет осеменя
Этот город. Этот век.
Я любил тебя, родная
Словно Родину — навек

Лед проходит. Под мостами
Кружит стьялая вода.
Я был стьялым. Я оттаял
И наверно навсегда

И когда схоронишь труп мой
Скинешь в стьялую воду
Не горюй. Жил не напрасно
Весь наверно не уйду.

Валерий БОЧКОВ

ПАРАДОКС ЛЕВИТАНА

Рассказ

1

У Гриши Горхивера, узкогрудого мужчины с костистым лицом хвостом птицы, была досадная привычка тормозить собеседника за пуговицу. Еще Гриша просил называть его Грэгори, он так и представлялся: «Грэгори Горхивер, радиожурналист». При этом сильно жал руку и долго не выпускал ее из небольшой, прохладной ладони, тут же начиная плотоядно разглядывать пуговицы вашего пиджака.

Непреренно (это уже ухватив вас за пуговицу), независимо от темы, оповещал, что родился и вырос не где-нибудь, а в Камергерском переулке. Был страшно этим горд, называя себя коренным москвичом, будто здесь, в Нью-Йорке, этот факт мог кого-то впечатлить.

Он действительно вырос в тех горбатых закоулках столицы, неглинская шпана из нищих коммуналок частенько поколачивала его и выворачивала карманы: Гришина очевидная национальность, папина профессорская «Волга» и круглые окуляры в роговой оправе представлялись хулиганам достаточными поводами для битья.

И хотя Гришу уже давно никто не колотил, очки его по-прежнему были починены изолентой и подкручены проволокой, напоминая самодельный мопед. Гриша неизменно одевался в серое, причем другие цвета и оттенки на нем выглядели тоже разновидностью серого. Еще он был рассеян, много и неопрятно курил, соря везде пеплом и плюща окурки в цветочных горшках.

Впрочем, все это не имеет ни малейшего значения, поскольку Гриша обладал Голосом. Именно с заглавной буквы. Покойный Сережа из новостной группы называл это парадоксом Левитана, имея в виду не унылого певца среднерусского пейзажа, а Левитана-от-Советского-Информбюро. Пусть от Сережиного надтреснутого баса барышни тихо млели и начинали загадочно улыбаться, но до волшебного баритона Горхивера ему было ох как далеко.

2

Впервые я услышал этот божественный голос много лет назад. Сквозь трескотню гэбэшных глушилок сочный радиобаритон звучал из моего коротковолнового «ВЭФа» словно сигнал из далекой, почти фантастической галактики.

Валерий Бочков — русский писатель, русский и американский художник-график, член американского ПЕН-клуба. В издательстве «ЭКСМО» выходит персональная серия автора, восьмая книга серии «Берлинская латунь» вышла в январе 2018 года. Печатается в журналах «Волга», «Дружба народов», «Знамя», «Новая Юность», «Октябрь» и других. Лауреат «Русской премии» (за роман «К югу от Вирджинии»), обладатель премии Эрнеста Хемингуэя (роман «Харон»).

Эфир моей родины был суров и однообразен, начиная с бойкого марша утренней гимнастики и кончая неизбежно пугающим вступительным аккордом полуночного гимна. Между этими музыкальными номерами исполнялся неизменный матросский танец из балета «Красный мак», суматошные украинские частушки и несколько оперных арий.

И вот на фоне вселенского уныния и бесконечных побед и на бескрайних просторах, столь созвучных славянской душе и погоде, вдруг, зычно раздирая каждую букву «р», некто невидимый и великолепный прорычал:

— В эфир-ре Билли Р-р-рокосовский и его музыкальный хит-пар-рад!

Этот неземной Билли виделся мне статным красавцем блондином, белозубым балагуром с ямочкой на мощном подбородке, как у парней с рекламы американского табака. Шутки его были верхом остроумия, музыкальный вкус — безупречным, а его коронное «Лови волну, бэби!» — величайшей фразой в истории радиовещания.

Потом, спустя много лет, Гриша уверял меня, что псевдоним был взят не столько из соображения благозвучности, сколько из осторожности: часть Горхиверов еще проживала там (при этом он мотал лысоватой головой куда-то вбок, словно предлагал выпить) — за «железным занавесом».

3

В тесной студии на Лексингтон-авеню, подложив под ноги увесистый том телефонной книги — иначе ботинки не дотягивались до пола, что раздражало и отвлекало его, — Гриша поправлял «уши», подкручивал штангу микрофона и, придушив окурок в треснутой гжельской чашке, слушал, как Сережа в соседней студии дочитывает новости.

Потом шла отбивка станции.

После режиссер Лариса включала Гришин джингл — бешеный гитарный рифф из «Хайвей стар» с лихим выходом:

— В эфире — Билли Рокосовский и его музыкальный хит-парад!

Тут Гриша преобразался: подавшись вперед, будто вспыхивал изнутри и, подмигивая всем лицом скучающей Ларисе, кричал:

— Лови волну, бэби!

Представление начиналось.

Если начистоту, то к рок-музыке Гриша относился флегматично или, как он сам определял, индифферентно. Как всякого приличного еврейского мальчика его учили скрипке, что, однако, не переросло в закономерную ненависть к классической музыке. Да и тогда, в камергерские годы, в меру культурные родители особо не настаивали, так что сейчас Гриша отчасти благодаря им предпочитал Георга Фридриха Генделя Джимми Хендриксу.

Бреясь и куря одновременно, Гриша старательно высвистывал увертюру к «Фигаро». Поглядев в глазок, отпирал дверь: год назад этажом ниже нашли зарезанного. Спускаясь по лестнице, Гриша старался не наступать на иглы и пустые «дозы» — да, райончик, конечно, не ахти — Бруклин, чего вы хотите? — приходится экономить.

С личной жизнью тоже не клеилось. Напористо бодрых американок Гриша побаивался, а эмигрантские дамы, даже из тех, кому и терять-то уже было нечего, на Гришины ухаживания не откликались, фыркали и поводили плечами.

Следует упомянуть Розиту, круглолицую, коренастую и чернобровую. Она почти не говорила по-английски, а вскоре после того случая уволилась со станции.

Тем ноябрем Гриша писал голос на джинглы и застрял до полуночи: ни с того ни с сего магнитофон начал жевать пленку, и все пришлось переписывать заново.

По карнизу заколотил то ли дождь, то ли град. Бледные отражения потекли по стеклу, там Розита короткими красными руками сматывала шнур пылесоса. Охнув, зацепила и свалила ворох бумаг с Гришиного стола. Гриша ринулся помогать.

Во тьме кладовки, гремя ведрами и роняя швабры, он овладел Розитой неуклюже и впопыхах. Запомнились жаркий луковый дух с примесью мексиканских специй и вонь мокрых тряпок и хлорки, от которой под конец его замутило.

«Вот такая личная жизнь, сплошной конфуз», — смущенно думал Гриша, спускаясь в подzemку и позвякивая мелочью в просторных карманах пальто. Он часто фантазировал о богатстве, с наглой белизной яхт и золотом вензеля на кованых воротах; но реальность пообтесала его мечты, они полиняли и съезжились.

Теперь ему мечталось робко, на худой конец думалось о достатке: приличной квартире с окнами в Центральный парк и черном лимузине. Хотя прав у него не было, да и водить он так и не научился — боялся:

«Пусть будет шофер, — дерзко придумывал Гриша, — да, негр в белых перчатках!» Но тут же осаживал себя, понимая, что с шофером — явный перебор.

После пары рюмок дрянной текилы Гриша с загадочно-просветленным лицом разглядывал кирпичную кладку гаража напротив: ему грезились мерцающие канделябры и голые спины каких-то томных дев. Девы порочно смеялись, откидывая назад породистые головы.

— И чтоб никакого лука! «Шанель» и «Диор», — сглатывая слюну, шептал Гриша, — «Шанель» и «Диор»! Лови волну, бэби!

Он, безусловно, верил в свое светлое будущее. Не вникая в чепуховые детали, был убежден, что лучшие дни на подходе. Да и как может быть иначе, неспроста ведь судьба наделила его Голосом?

4

Гриша получал бездну писем, точнее, корреспонденция приходила на имя Билли Рокосовского и радиостанции «Новая волна».

Приходили письма из таких дыр и медвежьих углов, о которых Гриша и не слышивал. Шутки ради он даже прикинул административную карту си-си-си-пи (как принято было называть историческую родину на станции) в своем фанерном загончике, небрежно именуемом «офис». Вооружившись сильным увеличительным стеклом, он выискивал населенный пункт очередного отправителя и втыкал туда швейную булавку с головкой под бирюзу.

Постепенно вся карта расцвела бирюзовыми глазками, коробка опустела к марту, на сей раз Гриша купил сразу две, подклеив чек к перечню своих канцелярских расходов.

К гордости примешивалось удивление: Гриша не подозревал, что его радиоголос, усиленный долларами налогоплательщиков (или, по версии совпропаганды, долларами спецслужб), элементарно долетал до Курил, Калининграда и Сухуми.

В ханты-мансийской школе номер три, что в Кондинском районе, был создан тайный фэн-клуб имени Билли Рокосовского. Тайные члены записывали на свои «Яузы» все Гришины программы, разучивали аккорды к песням, а секретным девизом клуба стало «Лови волну, бэби!». Ханты-мансийские фанаты умоляли выслать фото кумира.

Гриша, чуть поколебавшись, отослал им ксерокопию с карточки актера Берта Ланкастера, снабдив ее кучерявым автографом.

Берт Ланкастер отсылался по разным адресам и восторженным девицам, у Гриши для них была заведена отдельная папка: письма те терпко благоухали ядерной болгарской парфюмерией.

Но более всего Гриша поражался той легкости, с которой корреспонденция доходила.

— Как же так? Оказывается, всесильное гэбэ не только не в состоянии заглушить идеологически вредную радиостанцию, но и не в силах остановить поток писем и позволяет им беспрепятственно пересекать границу?

Гриша окидывал взглядом бирюзовое море булавочных глазок и скептически шурился — что-то там явно не так! — или стальной кулак проела ржа, или ежовость рукавиц утратила былую колкость — с Лексингтон-авеню было не разглядеть.

5

Стремительно лысея и преступно экономя на всем (даже сигареты искуривались в самый фильтр), Гриша продолжал втыкать бирюзовые булавки и продолжал ждать чего-то важного в жизни. Прожитые годы считались лишь подготовкой, однако постепенно их количество стало вызывать беспокойство. Иногда вдруг прихватывало сердце, и всплывала тоскливая мысль, что все важное на самом деле уже прожито, да и важным-то назвать это можно лишь с большой натяжкой.

Хотя отчего? Ведь помимо грозных хулиганов был еще и утренний дымок над дачной тропинкой, и крепкий стук антоновки в ночном саду, и соседская Ленка Фомина, и рыжие мандарины в крапинках конфетти под елкой, и поджаристая корка французской булки за семь копеек. А главное — ощущение безусловно гарантированного счастья. И как же так вышло, что теперь не то что грядущее счастье, а даже смысл существования и тот выискивался с невероятным трудом?

Гриша ежился, стучал по дереву, запрещал себе даже мысленно произносить слово «неудачник». Оглядывался вокруг: Сережа страстно пил, Витька Немов гонялся за юбками, занося каждую победу в блокнотик тисненой кожи на завязках, главред Чернодольский коллекционировал что-то художественно-историческое, Снетков сочинял телеграфные стихи, рубя под корень самого Бродского.

Правда, у Гриши был хит-парад. Поначалу Гриша даже рассчитывал въехать на нем в светлую жизнь, но с годами стало ясно, что это и есть самое светлое, это и есть сама жизнь.

Странным манером эфемерный Билли Рокосовский, Гришина выдумка, фантом, постепенно уплотняясь, налился жизнью и вскоре стал даже реальней своего тусклого родителя. Этот чертов Билли, балагурия в микрофон, ронял гнусные намеки на свои амурные приключения, бахвалился убойным свингом на поле для гольфа, хвастал приемистостью нового «феррари». Гриша ловил себя на том, что он завидовал Билли, иногда даже классово ненавидя хамоватого везунчика и дамского любимца, но сам при этом стойко отбивался от Сережи и Немова, упорно тащивших его на Брайтон к каким-то «невероятно сдобным хохлушкам з Полтавщины».

В конце зимы Гриша подцепил вирус, весь Нью-Йорк тогда сморкался, кашлял и чихал, говорили, что-то про вьетнамский грипп, который никакими антибиотиками не возьмешь. С температурой под сорок, в горячечном полубреду, Грише приснилось, что он сидит в парикмахерском кресле, спеленатый белой простыней, и бреет его киноактер Берт Ланкастер. Все лицо намазал пеной, сбрил брови, принялся за волосы. Гриша пытается закричать — куда там — пеной рот забит, хочет вырваться — руки-ноги словно кандалами к креслу приковали. А Ланкастер, гад, бреет и бреет...

6

Заварила эту кашу Дора Леонардовна, мелкая, почти что карлица, обер-сплетница «Новой волны». Она, загородив выход из архива своим небольшим тельцем

(Гриша, со стопкой бобин до подбородка, как раз собирался в монтажную), умильным голосом сказала:

— Грэгори, а вы слышали, что некто Рокосовский включен в состав жюри «Грэмми»?

Гриша растерялся:

— Как Рокосовский? Какой Рокосовский?

— Билл, — сияя, сообщила пигалица, — Билл Рокосовский. Я уж было подумала, не наш ли это Грэгори Горхивер воссиял? — и, по-болоночьи осклабясь, заглянула в глаза.

Гриша, что-то промямлив, протиснулся в коридор, но запнулся и с грохотом рассыпал по полу все кассеты. Собирая, бормотал:

— Какой еще Билл? Нету никакого Билла...

После этого Билли Рокосовский был замечен и другими сотрудниками радиостанции: старик Лавренюк, желчный религиозный обозреватель, бывший власовец, без левой руки, сразу после летучки рассказывал, что некто Рокосовский в сопровождении четырех девиц (Гришу тогда еще удивило — почему именно четырех?) сорвал в Лас-Вегасе баснословный куш (!) — старик потряс над головой сохранившимся кулаком — какие-то невероятные миллионы (!!), которые тут же с треском прокутил за ночь.

Братья Хороших, Гера и Макс, спортивные хроники, зажав Гришу в угол, толкаясь и перебивая друг друга, заливали про вакханалии за кулисами конкурса «Мисс Америка», с азартом подростков в деталях живописуя развратное поведение Рокосовского и конкурсанток.

Проплывавшая мимо красуля Ланская томным контральто объявила:

— Враки! Никаких девиц. Рокосовский — гомосэксуал!

Хохляцкий говорок ее придал последнему слову особенно обидный привкус, еще сильнее расстроил Гришу.

Поползли слухи, что Рокосовский — гей, упоминался Элтон Джон, порочный Фредди Меркьюри, тайные оргии в эксклюзивных клубах аморального Сан-Франциско.

— Срам! Содом и Гоморра, — радостно восклицала карлица Дора Леонардовна, — в чистом виде Содом и Гоморра!

Гриша прекрасно понимал, что над ним посмеиваются, он и до этого был излюбленной мишенью редакционных остряков, но отчего-то бесился. В конце концов, Билли Рокосовский принадлежал ему, и только ему. Билли был его чадом и творением, его идолом: какое право имели всякие там однорукие радиопаршивцы вообще проносить это имя, а уж тем более марать его в грязи?!

Вконец расстроенный Гриша поймал на выходе главреда Чернодольского и, вцепившись в пуговицу его твидового лапсердака, сбивчиво и путаясь в деепричастных оборотах, потребовал прекратить «глумление и инквизицию». Чернодольский мрачно кивал лысой головой, пучил глаза и надувал щеки, силясь не расхохотаться.

Удивительным образом имя Рокосовского вынырнуло пару раз и вне редакции: Гриша подслушал его в обрывке разговора двух продавщиц, другой раз Билли выглянул в толчее автобуса сложенным пополам газетным заголовком:

«...ной скандал...

...лли Рокосо...»

7

В том августе стояла изнуряющая жара, асфальт плавился и покрывался дырочками от шпилек и каблуков. Обессилевшие кондиционеры работали на износ, дребезжа пропеллерами и грозя сорваться и улететь.

В телевизоре чугунного Феликса подцепили крюком, он качнулся и повис. Никто не проронил ни звука, лишь Ангелина Вениаминовна из «Культурных вех» громко прошептала:

— Ни х... себе...

И тут всех словно прорвало: поднялся гам, потный главред Чернодольский, толстый и по-бабьи задастый, гремел кулаком по столу, перекрывая шум:

— И наша заслуга! Без ложной скромности!

Молниеносно возник алкоголь, кто-то плеснул в Гришину чашку. Протискиваясь и весело толкаясь плечами, он долго чокался, после залпом выпил.

А когда дым слоистыми волнами стал вытекать в коридор, Лариса пошла пятнами и — запела, Гриша под шумок придвинулся и невзначай приобнял Зиночку из отдела писем. Но Зиночка так зыркнула на него, что он, закашлявшись, быстро засобирался домой. Уже в лифте до него донеслось:

— Без ложной скромности!

Ласково улыбаясь своему мутному отражению и гулким пролетам Бруклинского моста, Гриша в блаженной истоме покачивался в такт, повторяя вслед за колесами: «И наша заслуга... И наша заслуга...»

Жизнь оказалось не такой уж бестолковой штуковиной.

8

Снег выпал только в январе, город притих и посветлел. Кураж к этому времени иссяк, нервная удаля сменилась тревожным ожиданием. Уволили Немова и прикрыли пару программ; Сережа перестал бриться и моментально зарос бородой до самых глаз. В глазах застыла тоска и угрюмое желание надраться до чертей.

К неистребимому запашку дезинфекции добавился в редакции и повис тяжкий дух обреченности: сокращение штатов.

Гриша запрещал себе думать об увольнении, сторонился шушукающихся по углам коллег, прятал глаза, натываясь на сочувственный взгляд. Ныло в груди, тупо и тягуче, спрятав лицо в ладонях, Гриша шептал:

— Я — Билли Рокосовский, меня обожают от Курил до Калининграда, вон — письма!

Он неуверенно повторил все это в кабинете Чернодольского. Даже принес ворох мятых листов с наклеенными сердцами и пестрыми надписями.

Главред с мрачным лицом, серым и обвисшим, тяжело поднявшись, молча сгреб письма и, тщательно скомкав, выбросил в мусорную корзину. Гриша шмыгнул носом, перевел взгляд с корзины на чашку, на кромке красноглазая муха ехидно потирала мохнатые ладошки.

— Но ведь хит-парад, — совсем безнадежно пробормотал Гриша, — хит-парад вне политики...

— Вот именно! — отрубил Чернодольский. — У них там теперь свобода, мать их ети! Демократия! Каждая шелудивая собака теперь в эфире. И у каждой — по хит-параду!

Гриша совсем скис и опустил голову. Главред зарычал, грохнул кулаками в стол и взмолился:

— Ну я-то что могу поделать, дорогой мой!?! Все! Завтра — последний эфир.

9

Гриша не спал всю ночь, накурился так, что уже и не мог затягиваться. Когда окно засветилось мутью, встал, побрел в ванную, постоял перед зеркалом, задумчиво ероща жидкие волосы. Не умываясь, оделся и вышел.

На станции все уже знали, отводили глаза. Сережа, пьяно всхлипывая, больно прижал Гришино лицо к своему прокуренному свитеру:

— Эх, брат! За что боролись!?

И страдальчески выматерился.

В студии, подложив под ноги справочник и придвинув микрофон, Гриша слушал конец выпуска новостей. Прозвучала заставка. Неистойой гитарной трелью ворвался Гришин джингл:

— В эфир-ре Билли Р-р-рокосовский и его музыкальный хит-пар-рад!

Последний аккорд джингла отразился электронным эхом и умер. Стало невероятно тихо. Гриша сидел с ласковым лицом и простодушно улыбался. Он представлял себе эту великолепную тишину, повисшую от Курил до Калининграда. Потом аккуратно снял наушники и, стараясь не топтать, вышел из студии.

Манхэттен проглотил Гришу: закрутив волчком, оглушил гудками и ревом, адовым грохотом подземки, вырывающимся сквозь решетки мостовой, воем полицейских и пожарных машин.

В себя Гриша пришел лишь под вечер, на скамейке где-то на Парк-авеню. Уже стемнело, сверху сыпало мокрой ледяной крупой. Она таяла на лице и щекотно стекла вниз по щекам и подбородку.

Напротив, через дорогу, сиял вестибюль особняка, люстры янтарными зигзагами отражались в отлакированном асфальте, похожий на адмирала малиновый швейцар важно вышагивал взад и вперед, сверкая цирковым золотом аксельбантов.

— Да-а, земляк, живут же люди!

Рядом с Гришей, привольно закинув назад локоть, сидел здоровенный негр. Лицо его было похоже на мокрый баклажан, в огромном черном кулаке он сжимал пакет, из которого торчало дуло бутылки.

— Хлебнешь? — черный великан подмигнул и ослепил удивительным количеством зубов.

Гриша кивнул. Неизвестный алкоголь обжег горло, Гриша закашлялся, негр, смеясь, постучал его по спине. Закурили.

К парадному напротив подкатил длинный лимузин, адмирал вытянулся и раскрыл зонт. Шофер, поправляя белые перчатки, вышел и, степенно обойдя авто, распахнул дверь.

Со скамейки разглядеть пассажира не удалось, он, небрежно закинув шарф, нырнул под тень зонта и скрылся в дверях вестибюля.

— А ты говоришь... — негр всласть затынулся, — деньги! Этот по музыкальной части на радио, говорят, голос какой-то неслышанный. Уникум... А сам, тьфу, не то поляк, не то еврей... — и тут же спохватившись: — А ты не еврей, случайно? А то подумаешь еще... Я ж не в смысле обидеть. Ведь я вас, белых, и не отличаю... мне что поляк, что еврей — все на одно лицо.

Гриша печально усмехнулся:

— Да нет, все нормально, земляк. Все просто замечательно.

Сергей СЛЕПУХИН

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Жрецы и птицы, самоузнавание...
Свет аллилуйя тает над холмом.
Быть вечным... Не припомню колдованья.
Хотя постой! — В стихах про майский гром.

Ты скажешь: Тютчев, Геба, солнца нити,
Громокипящий кубок, ручеек...
И — легкость в мыслях, полон мир событий.
Спасенье — есть! И — безразмерен срок!

Метнулся дрозд из-под ноги проворно,
Планшетка чуть не выпала из рук.
Фонтан поет залиvisto: *Buongiorno!*
И больше не хромает акведук!

Настало утро, поднимают ставни,
Вновь убирают стулья со столов,
Уходит тень в приют свой стародавний
Под благовест больших колоколов.

И все поет и шепчет: ближе, ближе!
Спешу в объятия, очнешься ото сна!
Ты не в каком-то ветреном Париже!
Ты — в Риме! В Риме — вечная весна!

НЕАПОЛЬ

Когда один вагон стремится в рай,
Другой всегда спускается обратно,
Места заполнены, смотри не умирай,
Еще успеешь, не пойми превратно.

На юг, на юг, чтоб там сойти с ума,
В зной раскаленный, солнечное тесто!
Автобусы — стеклянные дома —
Лежат пластом в прострации. Сиеста.

Сергей Викторович Слепухин родился в 1961 году в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт. Стихи и эссе публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Белый ворон», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый берег», «Новый журнал», «Новая камера хранения», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Урал», «Уральская новь», во II и III томах «Антологии современной уральской поэзии». Живет в Екатеринбурге.

Фонтан трясет кудрявой головой,
Накрыты столики, лоза ползет лениво,
Прикончен город язвой моровой,
Все умерло у желтого залива.

Здесь только запахи, не слышно Партеноп,
Висит плечо строительного крана,
Глаза убийц из глиняных утроб,
Звезды ресницы — полдень, порт, путана.

Вагон фуникулера вновь завис,
Жара, мираж о жизни непрожитой.
Куда вам — вверх? А может, с нами — вниз?
Балконы, женщины, Неаполь, Dolce vita...

РАВЕННА

А Бедекер соврал: здесь был не я,
Не я кричал: «Огня! Подать огня!»,
Святые лица рассмотрел в люнетах
Не я — а незнакомый человек,
Мне время не подняло тяжких век,
Какая жалость, не случилось это!

Я был далеко — там, где тьма и тьма,
Томился страстью и сходил с ума,
А в это время юноша прекрасный
В далматике на скалах восседал,
Голубки окружили пьедестал,
И крест венчал тот купол восьмичастный.

Мозаика не любит яркий свет,
Но с нетерпением ждет: придет поэт,
Подкупит сторожа, зажжет во тьме черини
И озарит янтарный мавзолей —
Оленей, Пастыря, влюбленных голубей,
Весь Божий мир на каменной картине.

Над чашей плавно кружит стрекоза,
Под аркой — виноградная лоза,
Живая-мертвая вода нетороплива.
Успение. Равенна спит в веках,
Звезда неярко светит в облаках,
Пасутся овцы на траве лениво...

ЛОЖНОЕ СОЛНЦЕ

Пыль осени — листва — на мостовой танцует,
И пинии плывут в сплетенье синих рук,

Небесные миры, что ветер вертит всуе,
Невидимых осей вращаются вокруг.

С тех пор, как я ушел, тобой опустошенный,
В отстойный трупный яд сгущается неон,
Качаются, кряхтя, на площади колонны,
Холодную звездой глядит Паргелион.

Неискушенный свет льет божеское око —
Семиконечный сноп подкошенных лучей.
Моя любовь взახлеб, ты далеко-далеко,
Вокруг мертвеет Рим, и я ему — ничей!

Заменой божеству — свет лампочки в торшере,
От пламенных речей — лишь сурдоперевод,
Страх тени и химер, огонь рыдает в теле,
Но, видимо, к утру погаснет и умрет...

* * *

Три пинии в подножье Палатина
Атлантами поддерживают свод.
Классическая римская картина —
Июльский форум на десятках фот.

Зачем нам селфи? Мы и так устали,
Зрачки блестят, чужой зеркала взгляд,
Юпитер-солнце в бирюзовой зале
Глядит на смертных, чьи глаза болят.

Любовь, любовь... Есть на земле пустыни,
Как эта площадь: купидон в пыли,
Венера с Марсом, надпись на латыни,
Обрывки чувства, ветерок вдали.

Все умерло и навсегда забыто —
Любовь и смерть, развоплощенья час.
На выход. Лестница. Вот выставка. Закрыто!
«Печаль эротики» и подпись: Тинто Брасс.

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Памяти Льва Лосева

Уплыл колечком дыма пароход
На север, север — за двойные рамы.
Застрял и растворился в толще вод
Кофейный запах, въедливый, упрямый.

«Есть много средств, чтоб уберечь тепло», —
Он говорил, цепляя нить спагетти...
Далекий год сквозь мутное стекло,
Стихи про Искию, а может, и не эти.

Какие женщины! Сходить бы за вином!
Но не казался сам себе фартовым...
А в зеркале, тирренском и стальном,
Качалось время мусором портовым.

Остаться здесь навечно и уснуть!
Проигнорировать настырного Борея!
Железная рука сдавила грудь,
Неон стекал в залив, как нефть, чернея...

* * *

Последний день. Язык прилип к гортани.
Arrivederci Roma! Новых встреч!
Стою отринутый, лишенный... Не настанет
Повторно Рай, не смог его сберечь.

Прозрачный свет, в пути обратном грезы,
В гризайли неба легкий ветерок,
Колоссы дремлют, не меняя позы,
Усвоившие вечности урок.

Гляди-ка: в куполе небесном приоткрылась
Фрамуга, створка, дверца — чудеса!
И ласточка летит — благая милость,
И «Benvenuti!» шепчут небеса.

Вероника ПОСТИКА

МОИ МИЛЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Повесть

У моих предков, наверное, случилось бы по два инфаркта на брата, если б я стал болтать про их личные дела.

*Джером Д. Сэлинджер.
Над пропастью во ржи*

Про то, как я родилась

Я родилась 30 июля 1987 года. Но история семьи, о которой я хочу рассказать, началась гораздо раньше. Где-то за девять месяцев до этой даты происходило примерно следующее.

— Ты с ума сошла! Нина, опомнись, — умоляла бабушка, хватаясь за сердце, — этого я не переживу. Подумай своей головой! Мало того, что ты притащила в семью этого цыгана, так еще и умудрилась забеременеть от него! Нина, подумай, я прошу тебя, подумай хорошо. У тебя за плечами два развода, на руках трое маленьких детей. А теперь и еще двое, твоего нового мужа. Ты намерена рожать шестого?? Как вы будете жить, где?? Мы с отцом уже не молодые, да и тебе не двадцать. Нина, тебе тридцать шесть лет!

— Мама, перестань, все будет хорошо. И потом, я уже все решила. Дима очень любит детей и хочет еще.

— Еще... — выдохнула бабушка и рухнула на диван. — Нет, это уму непостижимо. Вы собрались заселить весь город своими наследниками? Да и было бы хоть что наследовать. Сами живете впроголодь. Чем вы занимаетесь?

— Ты же знаешь, он дальнбойщик.

— Дальнбойщик! Проходимец он! Сделал тебе ребенка, а потом свалит на два месяца неизвестно куда, а ты останешься одна. Как ты будешь их воспитывать, поднимать? Тебе еще придется как-то находить общий язык с его девочкой и мальчишкой.

— Ну вот, может, братика ему родим, а то одни девчонки у нас, — улыбнулась мама.

Но родилась я. В семье стало на одну девочку больше. Родилась я ровно в шесть утра. По такому случаю из радиоприемника прозвучал гимн. И под торжественное: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» папа на радостях притащил маме подарок и длинный список имен. С легкой руки папы меня могли

Вероника Дмитриевна Постика родилась в 1987 году в г. Куйбышеве (ныне Самара). Окончила отделение журналистики социологического факультета Самарского государственного университета. Работала в Самаре на телевидении, в газете, потом на радио. В 2015 году переехала в г. Отрадный Самарской области. В настоящее время главный редактор «Радио Апрель» (г. Отрадный).

назвать: Барбара, Бьянка, Камелия, Чезара, Дачиана, Дойна, Кателуца, Норика, Эмилика, Джения, Флавиана, Флорика, Джорджета, Георгиана, Грациана, Илинка, Лоредана, Луминица, Михаэла, Петрана, Роксана, Сперанца, Вирджиния...

С легкой руки мамы я стала Вероникой. А благодаря моим многочисленным сестрам позже я стала Наничей, Вениамином, Шпикой, ШП и даже просто Шшшш.

Все истории, которые я расскажу, — про мою многочисленную семейку.

Папа

Как вы уже поняли, у меня есть мама Нина и папа Дима. Правда, тот факт, что у меня есть папа, порой ускользал от меня по той причине, что он все время был в рейсах. Но в каждый приезд он заваливал нас подарками, особенно меня, потому что меня баловал больше остальных. Папа привозил жвачки «Лав Из», «Турбо», «Дональд Дак» целыми коробками! И это ценилось гораздо больше полезных ящиков с фруктами и орехами, которыми он нас закармливал. Наверное, поэтому мы практически не болели. Случался его приезд всегда примерно одинаково. Ночью, в тот момент, когда я сладко спала в постели. Хотя... Как можно уснуть, зная, что вот-вот должен вернуться папа! Я раскидывала руки в разные стороны, плотно закрывала глаза и не шевелилась, всем своим видом имитируя глубокий сон. Но вряд ли это могло остановить папу. Он заваливался ко мне в комнату чуть выпивший и под традиционную речь мамы «Дим, ребенок спит, завтра с ней поздороваешься!» со словами «Да ти мой цыпленочек, да ти мой галчонок...» начинал целовать меня, щекоча колючими усами и недельной щетиной. Я по привычке возмущалась и говорила, что хочу спать. Он привычно не обращал внимания, смотря на меня любящими глазами и обхватывая большими ручищами, словно медведь. Папа вообще часто мне напоминал медведя. Он был большой, плотно покрытый «шерстью». Нельзя сказать, что бабушка была не права, когда говорила, что он цыган, — он молдаванин. Большой и добрый молдаванин. Даже когда он говорил, было в этом что-то медвежье. Ты можешь задать ему вопрос, повторить несколько раз, полагая, что он не расслышал, но не факт, что услышишь ответ. После длительной паузы в несколько минут он тяжело вздохнет, чуть повернется к тебе и скажет: «Мдааа...» — и снова о чем-то задумается. Может быть, он размышляет над твоим вопросом, а может быть, вспоминает стихи русских классиков — это навсегда останется тайной. Он прекрасно говорит на румынском, молдавском и еще на пяти языках. Я тщетно пыталась освоить в детстве хотя бы один из них. Папа почти никогда не спорил, в свободное от работы время до утра смотрел на кухне телевизор под аккомпанемент тонн семечек, а когда выпивал больше нужного, ставил старые пластинки с молдавскими песнями. Мне кажется, он даже иногда плакал, слушая их.

Я любила папу. А песенку «Да ти мой цыпленочек» знают все члены нашей семьи, особенно самые младшие. Когда я выросла, они подхватили эстафетную палочку.

Мама

С той же легкостью, с которой нам доставались подарки от папы, они и исчезали под строгим контролем мамы. У нее была очень простая и четкая система. Чтобы мы не слопали все запасы лакомств до следующего приезда папы, она убирала их в шкаф на верхнюю полку и выдавала нам по одной штуке каждый день. Ох уж эта верхняя полка! Когда мама говорила: «Вероник, достань с верхней полки всем по жвачке», я бросала все дела, бежала сломя голову в мамину комнату. Мне даже казалось, что

когда я открываю холодными от волнения руками эту полку, то в голове звучит музыка, как в мультиках, когда герой побеждает. Оттуда доносился невероятно сладкий запах баблгэма. Я просовывала руку в коробку и перебирала жвачки пальцами, ощущая их гладкие обертки. Потом торжественно преподносила остальным это чудо. Конечно, было бы полной глупостью жевать сразу всю жвачку, я делила ее на несколько частей, чтобы раз за разом ощущать этот вкус. А потом приклеивала ее к настольной лампе, чтобы позже пожевать снова.

Что же касается маминной системы, она имела еще один очень важный элемент. Если провинился кто-то один, отвечают все. А значит, верхняя полка закрывается для нас всех на долгую неделю. В результате очень скоро мама вообще перестала отслеживать наши шалости и проказы, потому что лучше нее это делали мы сами. Не так страшен был мамин гнев, как общественное порицание всей нашей семьи, размером с небольшой микрорайон.

Мама вообще на удивление была всегда в приподнятом настроении, легкой на подъем и очень активной. Ее, по-моему, мало волновал тот факт, что в ее доме проживает маленькая футбольная команда. Каким-то удивительным образом ей удавалось и накормить нас всех, и дом убрать, и выглядеть при этом чудесно. И это при том, что мои девяностые сильно отличались от девяностых моих родителей. Им было не просто. Большинство наших соседей-мужчин изрядно выпивали. Иногда на это дело они подбивали и моего добродушного папу. Местом дислокации были гаражи. Как же я не любила эту фразу: «Вероник, сходи в гаражи, приведи отца». Негодуя в душе, я отправлялась в это злочное местечко под названием «Гаражи» на поиски моего зашедшего отца. Среди прочих пап нашего двора в этой бесконечной череде металлических построек я отыскивала своего и настойчиво требовала, чтобы он вернулся в семью. Встречал он меня восторженно. Снова вспоминал свою песенку про цыпленка и галчонка и торжественно представлял всем собравшимся уважаемым людям свое ненаглядное чудо — меня. После пяти-десяти минут восторгов по поводу того, какая я красавица, и умница, и папина гордость, мне все-таки удавалось его вывести из берлоги и за ручку повести домой. По дороге мы договаривались о том, что маме знать надо, а что лучше и вовсе забыть. Всегда было проще согласиться, потому что, во-первых, мне было жалко папу, который и так провинился, а во-вторых, я представляла, каким скандалом могла разразиться мама.

Чаще всего дома я видела маму в бигудях и фиолетовом бархатном халате. Как-то раз, когда родители уехали за товаром (они стали зарабатывать тем, что торговали на рынке вещами), я заскучала и, придя домой, вдруг увидела, как кто-то кудрявый, в фиолетовом халате, подметает. Я кинулась к ней с возгласом «Мама!», она повернулась и оказалась вовсе не мамой, а Есенией. Со спины они были очень похожи. Есению я очень любила, но в тот момент скучала по маме. У нас с ней были особые отношения. Мы дружили, да-да, дружили. Могли обсуждать все что угодно. Ее не смущали мои вопросы, не удивляли мои рассуждения и не вызывали ужаса мои мечты. Ближе нее у меня никого не было. Разве что Ольга.

Ольга

Ольга — старшая сестра. Мне всегда нравилось то, что у нас с ней разница десять лет, мне казалось, в этом есть что-то судьбоносное. Мы как бы начинали и завершали нашу семью — были ее начало и конец. Когда родители уезжали, большую часть времени я проводила с ней. Она была с другой планеты. Маленькая, худенькая девочка, всегда задумчивая и очень ласковая. Казалось, ее совсем не волнуют мальчишки

и шмотки, как всех остальных, она практически никогда ни с кем не ссорилась. Она была как целый мир, и совсем другой, нежели тот, в котором жили мы все. Ее фантазия была безгранична. Казалось, там, в ее сказочных историях, ей жилось куда комфортнее, чем в реальном мире. Из-за этого над ней часто подшучивали, но ее это не волновало. А еще она приучила меня слушать пластинки. Она включала «Ласковый май», «На-На» и непременно подпевала: «Упала шляпа...» Я же включала сказки и могла слушать их часами.

После девятого класса она уехала в техникум, и мой мир рухнул. Я слезно умоляла ее не уезжать, не понимая, что это невозможно, потом тоннами писала ей письма. Но она уехала. И у нее началась новая жизнь. С тех пор мы никогда не были так близки, как раньше.

Как-то мы работали вдвоем в родительском магазине и поссорились. Я даже уже не помню почему. Мне было лет четырнадцать, этот мой возраст семья вспоминает то ли с улыбкой, то ли с ужасом — я говорила все, что мне приходило в голову. А ничего полезного в мою голову тогда не приходило. И вот я, всплыв, высказала ей все то, что боится услышать любой человек. Все ее недостатки, о которых каждый сам знает, но о которых все деликатно молчат. Я не промолчала. Она вдруг затихла, о чем-то задумалась и ушла. Ее не было часов пять. Я страшно переживала за нее и за все, что произошло. Первое время я еще пыталась убедить себя, что права. Но потом гнев прошел, и мне стало очень стыдно. Я хотела только одного — чтобы она пришла, а я ее обняла и сказала, что так не думаю. Пришла она поздно ночью. Я не спала, ждала, что она что-то скажет. Но она сделала вид, будто ничего не произошло. С той же легкостью, как и всегда, она завела разговор об ужине, о завтрашнем дне, и на том мы легли спать. Мне так и не хватило смелости попросить прощения.

Есения

Еще одна моя красавица сестра, которая, в отличие от Оли, не любит оставаться в тени. Своим темпераментом она заполняет всю комнату, все пространство — моя сестренка Есения. Был такой одноименный фильм, в котором главную героиню звали как раз Есенией. Мой папа любил давать необычные имена детям. И так уж вышло, что имя это идеально подходило моей сестре. Все, что я помню из детства про нее, — она была настоящим вихрем. Она постоянно куда-то сбегала, потом находилась, или папа ее находил, она всегда была при своем мнении, ей хотелось попробовать, узнать, пережить буквально все! Она для меня была как настоящий фильм экшен в нашей семье — мне бы никогда не хватило духу выпрыгнуть из окошка ночью! Пусть даже с первого этажа. Я высоты боюсь и темноты. И мамы. А она, казалось, не боится ничего и никого. Конечно, Есения часто становилась объектом обсуждения и осуждения. Ее воспитывали и перевоспитывали, отправляли учиться музыке, прочили ее в адвокаты, отсылали к папиным родственникам, проводили длительные нравоучительные беседы, ругались и упрасивали. Она и правда прекрасно играла на пианино и гитаре, у нее была потрясающая память: она с легкостью могла освоить такую профессию, как юрист. Но невозможно удержать даже в самой уютной клетке того, у кого в душе пылает огонь, — он постоянно в поиске свежей родниковой воды, которая бы смогла хоть на время этот пожар потушить. Я всегда защищала ее на семейных советах. Конечно, я жалела маму и папу, но Есению всегда жалела сильнее, просто потому, что иногда мне казалось, что ее больше некому пожалеть. А также не может быть, чтобы человек был, а пожалеть его некому. Как-то она снова приехала домой, я даже уже не помню, откуда и надолго ли. Мама устроила ее учиться на водителя трамвая.

Есения, как это всегда бывало, с воодушевлением предложение приняла и с головой ушла в учебу. Она на удивление талантлива в учебе. То, что я учила неделю, она усваивала за несколько часов. Как-то она пришла домой, села со мной рядышком и сказала:

— Я больше не хочу быть водителем трамвая. Это не мое.

Я, конечно, разозлилась, представляя, как будет переживать мама.

— Так нельзя! Представь, как расстроится мама. Почему ты не можешь жить, как нормальные люди? Сейчас ты бросишь очередную учебу, и все снова пойдет прахом.

— Никто из вас меня не понимает и не принимает! Но это моя жизнь, только моя! И я буду жить так, как считаю нужным, даже если каждый из вас от меня отвернется!

Наступила пауза. Я посмотрела в ее большие и взволнованные глаза и сказала:

— Я никогда от тебя не отворачивалась.

Она осталась в спальне родителей, а я ушла в свою комнату. Я понимала, что очень скоро снова ее потеряю — на год, на два? Никто этого не знал. Она зашла ко мне, обняла и сказала только одно: «Спасибо». Потом она уехала.

ИрМарин

Да, именно так мы их и называли, чем, вероятно, вызывали у них раздражение. «А где ИрМарин?», «Спроси у ИрМарины», «Оставь ключи ИрМарине». Мда, получилось какое-то странное существо, но очень милое.

Первое воспоминание, связанное с ними: мама заставляет их взять меня с собой на прогулку. Они возмущаются, но берут. Слово мамы — закон. И вот я, укутанная шарфом по самые глаза, в черной необъятной шубе и валенках, плетусь позади них и размышляю о своей небольшой тогда еще жизни. Они заходят за своей подружкой из соседнего дома.

— А ее-то зачем взяли? — спрашивает она.

— Да мама заставила, — раздраженно отвечают они, и я продолжаю плестись молча, чтобы еще больше не накалять ситуацию.

Помню еще один случай. Мы идем с ними куда-то, и они начинают шутить:

— А откуда ты знаешь, что ты дочь мамы и папы? Может, тебя из приюта взяли.

— Нет, не взяли, — спокойно говорю я.

— Ну, откуда ты знаешь? Ты же не помнишь, — продолжают они.

— Потому что, во-первых, я очень похожа на папу, во-вторых, мне бы уже сказали, а в-третьих, они же не сумасшедшие — у них столько детей в доме, а они еще кого-то будут брать!

Они продолжали настаивать, но я им не верила.

Когда я впервые пошла в школу, они мне сказали: «Если что-то случится, не переживай, сразу иди к нам». И дали расписание — на каком уроке они будут в каком кабинете. Я пришла к ним в первый же день. У нас начался урок рисования, а у меня не было бумаги и карандашей. Я попросилась выйти и побежала к ним. Они, выслушав меня, смело направились к учительнице, обсудили с ней проблему, она, конечно, сказала, что нужно было обратиться к ней. И все мне выдала. Но мне было страшно обращаться к ней. А к ним — нет.

Однажды я пришла из школы страшно расстроенная. Я целый месяц делала какой-то проект на ватмане. Отмеряла, чертила, выводила красивые буквы. И, пойдя на урок физкультуры, оставила его в раздевалке. Каков же был мой ужас, когда, вернувшись с урока, я обнаружила, что проект мой валяется и немного порван. Конечно, домой я пришла убитая.

— Что случилось? — спросили они.

Я не хотела говорить. Но Ира и Марина — не те люди, которые так просто сдаются. Мне пришлось рассказать и обидно расплакаться.

На следующий день, кое-как пережив обиду, я пришла в школу. И после второго или третьего урока я с удивлением увидела своих сестер. Они подошли, и нас сразу окружили несколько моих одноклассников.

— Ты знаешь, кто испортил твой проект? — спрашивали они.

Я молчала. Мне было так стыдно! Я даже не знаю почему. Как будто я такая слабая, что за меня пришли заступаться. Они продолжали спрашивать, я продолжала упрямо молчать. Но, как это часто бывает, «добрые» одноклассники не промолчали.

— Это девочка из старшего класса, Алена, я видела, как она это сделала! А потом они с девчонками еще смеялись! — стала рассказывать Даша.

Я тоже знала, что это сделала она. Но очень не хотела привлекать к себе внимания, хотелось, чтобы все про все поскорее забыли. Но мои сестры хотели справедливости.

В общем, закончилось тем, что Алена извинилась передо мной на глазах у всего класса. Краснели мы обе. И обе от ощущения слабости.

Марина

И все-таки несправедливо было бы объединять двух совершенно разных людей в один рассказ. С Мариной связано две истории. Однажды мы с ней отправились в Санкт-Петербург к старшей сестре Оле. Она тогда жила в общежитии. Было лето, мне двенадцать, ей восемнадцать. Это был Питер! О чем еще можно мечтать? Мы ходили в парк, ели мороженое, фотографировались на пленочный фотоаппарат и пробовали местную кухню по совету Оли. Но вот однажды произошел странный случай. Мы с Мариной были в метро и уже стали входить в поезд, как вдруг Марина выскочила на перрон, и двери захлопнулись... Сотовых телефонов тогда не было. Не было у меня и денег. Как и идей, что делать дальше. Я вышла на следующей станции и стала думать: оставаться здесь, ждать ее? Или поехать в обратную сторону — вдруг она там ждет меня? В общем, после некоторых колебаний я все-таки решила вернуться. В крайнем случае попробую найти дорогу до общежития, где жила Ольга. Но искать ничего не пришлось, Марина действительно ждала меня на перроне. Я успокоилась, правда, в душе остался вопрос: зачем она вышла? Ну, может быть, случайно? Нет. Со всем не случайно. Годы спустя, когда мы обе были уже взрослее, неожиданно вскрылась правда. Она сама призналась. В общем, моя ненаглядная сестренка попросту захотела покурить! Оказывается, ей было стыдно признаваться мне, что она курит, поэтому она решила повернуть такой трюк.

Вспоминая Марину, я вдруг подумала, что никогда не видела ее плачущей. Может быть, немного расстроенной, но совсем ненадолго. Через пять минут она вновь начала шутить. Кроме одного случая. Однажды я зашла в комнату, она лежала на кровати и... рыдала. Навзрыд. Я была в полной растерянности. Марина... плачет? Что могло произойти? Самый милый человек на Земле — и вдруг плачет! Я стала спрашивать, но она только говорила, что все нормально, а потом не выдержала и закричала: «Да уйди ты, наконец! Отстань от меня!» Марина никогда на меня раньше не кричала. Я выбежала из дома. И мне казалось, произошло что-то ужасное!

Вернулась я домой только к вечеру. Мама собрала нас всех у себя в комнате, там была и Марина, уже спокойная, но глаза еще краснели. И тогда мама сказала: у нас скоро будет внучка. Или внук.

Ирина

Мне казалось, что у Иры всегда все правильно. Она всегда знает, что делать, как поступить. Она никогда не скажет: я не знаю, что делать. Она всегда знает. Причем знает не только, что делать ей, но и остальным. Ира — это моя совесть. Когда в очередной раз я пыталась сбежать с генеральной уборки в доме, рассчитывая, что никто не заметит, она ловила меня своим суровым взглядом и говорила что-то вроде:

— Ну, правильно, ты, конечно, можешь уйти. А мама за тебя будет горбатиться. Но тебе же все равно, тебе же надо с подружками побегать. Хочешь — иди. Но мы все останемся и будем помогать. Потому что нам не все равно.

После этого, конечно, ничего не оставалось, как присоединиться к уборке, при этом еще чувствуя себя виноватой, недостойной дочерью своей мамы.

Но вернемся к Ире. Как-то с раннего возраста у нее всегда были деньги, и работа, и нужные знакомые. У нее первой появилась своя машина! Чем бы она (вместе с Мариной, конечно) ни занималась, я всегда думала, что она поступает правильно. Вспоминая сейчас ее финансовые успехи, я сравниваю ее с собой. В двадцать три года она купила машину, а я в этом возрасте только окончила вуз и читала новости на местном радио три раза в неделю. Моя зарплата составляла семь тысяч рублей. И в качестве бонуса — рассказы моей семьи всему городу о том, что я работаю на РАДИО.

В Ире я всегда чувствовала защиту. Я ею гордилась.

Еще в школе мне нравился один мальчик. Он был школьный повеса, всегда в центре внимания. И казалось, никто не может его затмить. И я ему нравилась, у нас была своя романтическая история, которая тянулась несколько лет. Но однажды я узнала, что к нему стали приставать старшие мальчишки. На перемене ко мне подошла одноклассница, которая всегда отличалась от всех своей «взрослостью». Она не дружила со сверстниками, не хотела учиться и выглядела на пару лет старше нас. Она мало с кем общалась из класса, разве что только со мной. Видимо, полагала, что я из всех более-менее «продвинутая». И она рассказала мне историю. В очередной раз мальчишка, который мне нравился, окружил толпа взрослых ребят на заднем дворе школы, стали приставать, смеяться. И в какой-то момент ему предложили одно из двух: сказать что-то обидное про себя (не помню что да и не хочу уже вспоминать), или они его побьют. И он сказал то, что они просили. На этом они отпустили его. Честно признаться, я была в некотором смущении от этой истории. А как же сила духа? Как же стоять на своем до последнего? Я рассказала это Ире. И она, к моему удивлению, сказала, что он поступил правильно.

— Глупо воевать с толпой, тем более с толпой придурков. Он потешил их самолюбие, цена которому просто ноль. И остался жив. Очень взрослый поступок.

Оказалось, моя самая серьезная сестра не боится показаться глупой. Теперь она, казалось, вообще ничего не боится.

Рома

Рома — парень с именем столицы Италии и внешностью греческого бога — не оставял равнодушной ни одну мою подругу (знакомую, одноклассницу, коллегу). В то время как все окружающие меня девочки его обожали, я ненавидела. Наверное, все началось с того, что мы с ним жили в одной комнате. А может быть, потому что он был младше остальных и я могла хоть как-то с ним соперничать. Мы ссорились с ним постоянно. В этих скандалах мама всегда поддерживала меня, я же была младше. Хоть тут это оказалось плюсом. Рома злился ужасно, и было за что. Например, од-

нажды я раскрасила фотографию его класса зеленым фломастером. Не всех, а только тех, кто мне казался некрасивым. Я и не поняла тогда толком, чего он так ругался — я ж как лучше хотела.

Так как в нашем доме всегда была толпа народа, основная часть которого здесь же и проживала, мне приходилось постоянно искать какое-то уединенное место, где бы я могла чувствовать себя спокойно. И нашла. В нашей комнате стоял шкаф, который где-то на полметра не дотягивал до потолка. А рядом стояло старое кресло. С него было очень удобно забираться на этот шкаф. Там я и организовала свое гнездышко — принесла какое-то маленькое одеяльце, игрушки, книжки. Мне там очень нравилось, несмотря на то, что именно на этот шкаф меня сажали раньше старшие сестры, чтобы я перестала орать. Удивительно, но мое гнездышко довольно долго оставалось тайным. Взрослым просто не приходило в голову искать меня где-то под потолком. Там я проводила много времени, и иногда даже когда Рома был в комнате.

В переходном возрасте я, как и многие тогда, стала увлекаться совсем не «женским» стилем. Мне нравилось быть крутой: носить необъятные кофты, широкие джинсы с грубыми ботинками и презрительно смотреть на девушек в мини-юбках. И тут очень кстати мне пришлось вещи не моих старших сестер, а моего брата. Как только он выходил из дома, я раскрывала шкаф и устраивала показ мод самой себе, выбирая, чем бы еще мне сегодня шокировать одноклассников. А когда ему подарили туалетную воду «Кензо», я просто влюбилась в этот запах! Надо сказать, что он считается унисексом, так что меня вполне можно понять. До сих пор люблю этот запах. Духи были очень дорогими, поэтому Рома сильно ругался, когда после школы от меня несло ими еще от подъезда. «Я и то только один раз брызгаю, а ты целое ведро выливаешь! Это МОЯ туалетная вода! И вообще, они мужские! Хватит трогать мои вещи!» — кричал он. Но мне было все равно. Я продолжала носить его вещи и пользоваться его духами. Он, надо сказать, тоже не отставал. Например, любил повторять, что я склонна к полноте и, скорее всего, годам к двадцати меня разнесет, как бабу на чайнике. А еще он внимательно вглядывался в мое лицо, а потом обеспокоенно качал головой и произносил: «Да-а, все-таки нос у тебя папин. С горбинкой. Чем старше становишься, тем это заметнее. Ну, ничего, будешь эффектной цыганской (здесь он делал специальный акцент) девушкой, на Кавказе таких любят. Правда, они стареют рано, после тридцати все покрываются морщинами и ссыхаются, как старушки». Я плакала, жаловалась маме, и она всякий раз обещала, что, если это случится, мы скопим денег на пластическую операцию и поменяем мне нос. Думаю, она не планировала это делать. Но тогда это было неважно. Наши скандалы обычно происходили так: я надувалась, как воздушный шарик, становилась цвета помидора и, с трудом находя слова, пыталась что-то возражать и размахивать руками. Он сидел молча, глядя на меня с ухмылкой, а потом выдавал что-то такое, от чего мне хотелось надуваться и размахивать руками еще сильнее. Как-то я так на него разозлилась, что решила выгнать из дома. Я и сама не знаю, откуда в маленькой девочке взялось столько самоуверенности. Я не совсем понимала, как этот процесс происходит, поэтому решила лишить его спального места. Нет постели — нет дома. Видимо, как-то так. Моей ярости хватило на то, чтобы вытащить его старый советский тяжеленный диван из комнаты в коридор! Я планировала дотащить его дальше — до мусорки во дворе, но тут проснулась мама. Она, конечно, сильно удивилась, зачем мне диван и что я с ним собираюсь делать. Но, выслушав суть претензий, каким-то образом уговорила меня «дать ему тут еще пожить». Когда мой запал остыл и было принято решение оставить Рому в квартире, мы с мамой попытались затащить диван обратно. Но не тут-то было! Оказалось, в гневе я не чувствовала всей тяжести этой махины. Мы вдвоем кое-как, вспотев, еле-еле дотащили его до места.

Я росла, Рома тоже. Его по-прежнему обожали все девочки вокруг, и он по-прежнему невыносимо раздражал меня. У родителей за Волгой был свой магазин, где мы все работали. А по вечерам нам, конечно, хотелось погулять. Меня долгое время никуда не звали, потому что за мной надолго закрепилось понятие «хорошей девочки», а в компаниях за Волгой редко занимались хорошими делами. Но вот наконец у меня появились друзья, и среди них, конечно, были мальчики. Мама разрешала мне гулять сколько угодно, так что домой я порой приходила в три ночи. Но статус «хорошей девочки» мне так и не удалось разрушить. Помню, мне очень нравился один мальчик, и я видела, что это взаимно. Мы сидели на пляже у костра, кто-то пел песни, разговаривали. И тут неожиданно из-за угла вынырнул мой братец и стал меня отчитывать! Три часа ночи! А я тут! Непонятно, чем занимаюсь! Боже, мне хотелось провалиться под землю! Я не менее эмоционально ответила ему, что это совсем не его дело. Тогда он, поняв, что до меня достучаться бесполезно, обратился ко всем присутствующим: «Если хоть кто-нибудь пальцем дотронется до моей сестры — убью. Мне все равно, кто вы и сколько вам лет. Вы меня знаете». А Рому и правда знали все. С тех пор я могла хоть всю ночь гулять ночами по нашей турбазе, будучи уверенной, что меня никто не тронет. В том числе и все мальчики, которые мне нравились. Кстати, тот парень у костра, который мне очень нравился, уже через час целовался с моей подругой.

Хотя был во всем этом и плюс. Когда я работала в магазине родителей, мне было лет четырнадцать, но это нисколько не смущало молодых людей, которые приезжали отдохнуть на турбазе. И дня не проходило, чтобы кто-то не говорил мне: «Девушка, вы такая красивая и совсем одна тут?», «Вам нужно сниматься в кино, а не в магазине работать!», «Я влюбился в вас, как только увидел... а что вы сегодня вечером делаете?». Таким образом, я еще в четырнадцать лет поняла, что такое мужской «треп». Конечно, вестись на это было просто смешно, да и не нужно в мои четырнадцать. Но особенно не нужно это было Роме. Мы работали с ним по очереди, но каждый вечер в мою смену он сидел возле магазина. И как только в мою сторону двигался очередной захмелевший гость, он молча следовал за ним. Покупатель произносил пару банальных фраз в мой адрес, и Рома очень вежливо приглашал его выйти. После этого гость со мной уже разговаривал только на «вы», старался не встречаться взглядом и тем более намекать, что я ему нравлюсь. Мне нравилось ощущать себя абсолютно защищенной.

Несмотря на все наши скандалы, порой мы неплохо проводили время вместе. Мне вспоминается, как Рома ночью перед сном доставал гитару и пел песни. Особенно запомнилась про королеву, в которую влюбился несчастный паж. Я просила его петь эту песню каждый вечер. Он старался делать это очень тихо, чтобы никто не услышал. И, кажется, ему это удавалось. А еще он мог довести меня до слез от смеха, когда шутил. Как-то он пришел домой с синяком, я спросила, что случилось, он улыбнулся и сказал: «Споткнулся и упал на чей-то кулак». Мы вместе смеялись, и я думала, что даже если в жизни случаются неприятности, главное, правильно их обозвать, и тогда они станут просто смешными.

На озере

Двор у нас был самый обычный для тех времен. Дети гуляли на улице допоздна, играли в «казаки-разбойники», «светофор», «столбики», хоть за это часто и получали нагоняй от местных мамочек — они развешивали на столбы белье, а мы его пачкали, убегая от ведущего. Постоянно кто-то что-то чинил в машине. Папа частенько выдавал нам ведра, тряпки и учил мыть его «ласточку». Ну, как учил, мы мыли, а он потом

придирчиво проверял и говорил, что мы сделали не так. Собаки носились по двору без поводков и намордников, попевая за детворой. На лавочках сидели бабушки, строго следя за тем, кто с ними сегодня поздоровался, кто как оделся, и щедро делились подробностями сериалов. Имена «Хуан», «Гонсалес» и «Хосе-Мария» из уст наших тетюшек в халатах и бигудях уже ни у кого не вызывали удивления. Мы же без конца пытались выдумать, чем занять наше ничем не обремененное детство. И придумывали. Как-то ребята позвали меня на озеро. Озером это было сложно назвать. Когда-то оно таковым и являлось, но к тому времени сильно обмелело, а позже и вовсе высохло. Но какая-то глубокая лужица еще оставалась. Мама строго-настрого запрещала мне туда ходить: это далеко да и опасно — какой-никакой водоем. Но как не пойти? Все же идут. В общем, рванула и я. Мы веселились весь день! На озере было полно народу, с нашего двора и соседних. Кто-то загорал, кто-то устроил что-то вроде пикника, а некоторые смельчаки даже купались. Я не заметила, как пролетело время. А когда уже стемнело, почувствовала неладное. Наперегонки мы помчались домой. Я забежала в нашу квартиру на первом этаже, надеясь быстро лечь спать без всяких разговоров. Но мое чутье меня не подвело. На пороге стояла мама. Молча и строго смотрела на меня. Ох уж этот взгляд! Лучше б она с порога кричать начала, ругаться! Но она просто стояла и смотрела. Мое сердце бешено колотилось, а бегающие глаза выдавали меня с потрохами. Врать было бесполезно, но я все же попыталась. «Где ты была?» — ледяным тоном спросила мама. «Гуляла во дворе», — ответила я максимально спокойно и неуверенно потерла нос дрожащей рукой. «Мало того, что ты пошла на озеро, куда я тебе запрещала ходить, ничего никому не сказала — я тут весь двор обегала, так ты еще и врешь мне!» В тот вечер я поняла многое: во-первых, я не умею врать. Во-вторых, хуже маминого молчания ничего на свете нет. В-третьих, если на преступлении тебя застукал хоть один сосед, будь уверен — через час об этом будет знать весь двор.

Про игрушки

Все мои игрушки в детстве достались мне по наследству. И наследство было весьма внушительным — пара увесистых мешков игрушек прошлых лет, в которые играли мои сестры и брат. Но мне-то хотелось новых! Каждый день в магазинах появлялись новинки: говорящие мишки, машинки с пультом управления, роботы! И, наконец, Барби. Я мечтала о Барби, но у меня ее так и не было. А еще сильнее я мечтала о кукольном домике — я могла его видеть только в голливудских фильмах, таких, как «Один дома». Но детство было шумным и приятным, так что расстраиваться времени не было. Я с удовольствием лазила по деревьям, не хуже местных мальчишек. За что регулярно получала от соседки по лестничной клетке — у нее под окном росла яблоня, а мне уж больно нравилось на ней сидеть. Мы играли в магазин, благо денег-листьев вокруг было навалом. Ели то, что росло на улице, — можно было попробовать буквально все и потом рассказывать, что вкуснее, а что похоже на капусту. В том числе мы регулярно объедали местную сирень, загадывая на каждый пятилистник новое желание. Закапывали секреттики втайне от мальчиков, чтобы они не смогли их выкопать и разрушить. А мальчики в свою очередь пытались выследить нас, чтобы испортить тайник. Если вы не знаете, что такое секреттики, расскажу. Берете красивую обертку, все что угодно — фантик от конфеты, фольгу от шоколадки, просто красивый кусочек бумаги, находите на улице яркое стеклышко — лучше зеленое или желтое, потому что белое — слишком обычное, выкапываете втайне от всех ямку, кладете туда бумажку, а сверху стеклышко и закапываете. Обязательно проверьте — пальчиком

аккуратно расчистите землю, и вы увидите, как засверкает на солнце ваше сокровище. Ничего удивительней я тогда и представить не могла. Потом обязательно закопайте обратно и положите рядом какой-нибудь знак — камешек или палку. Иначе потом не то что враги, вы сами не сможете его отыскать. Или рисуйте сразу карту.

В общем, развлечений нам хватало. Хотя игрушек тоже хотелось.

На пятом этаже у нас жила «богатая» семья. Уж я не знаю, почему так считали, но все так говорили. Дочка Катя была старше меня на несколько лет. Она была такая милая и добрая, что как только появлялась во дворе, всем сразу хотелось с ней о чем-нибудь поговорить. И одевалась она как-то необычно, не как мы. И вот однажды они решили переехать. А чтобы не тащить в новый дом лишнее, устроили рядом с гаражами во дворе что-то вроде бесплатной барахолки. И в первую очередь там появилось очень много игрушек. Дворовая детвора окружила этот праздник щедрости и начала растаскивать все, что там было. Я тоже побежала посмотреть. Красивые куклы, крохотная одежда для них, заводные игрушки, огромные плюшевые зайцы и медведи, а посреди всего этого стоял он. Огромный розовый кукольный домик. С маленькими дверцами и окошками, с лестницами на второй этаж, с узорчатой кроваткой и камином. Я не поверила своим глазам. И очень удивилась, что его еще никто не взял. Со всех ног я помчалась домой, чтобы спросить разрешения у мамы, — можно ли взять его. Ведь он очень большой, и потом меня всегда учили, что чужое брать нельзя, даже если предлагают. Но мамы дома не было. Никого дома не было. Я вернулась к гаражам. Стояла и смотрела на этот идеальный домик и не решалась сделать шаг навстречу. А вдруг мама будет ругаться? Я не помню, сколько я так простояла, мне казалось, что вечность, хотя, наверное, прошло всего несколько минут. Конечно, через какое-то время домик исчез и, видимо, поселился у какой-нибудь соседской девчонки. Все уже стали расходиться, разобрали почти все. Оставались какие-то мелкие старые вещи. Я подошла ближе и увидела старенького потрепанного зайчика. Он напомнил мне кролика из рекламы какао. Я несмело взяла его, посмотрела по сторонам — никто не видит? И пошла домой. Мне казалось, будто я что-то украла... Ну, а если мама не разрешит его оставить, придется выбросить, — думала я. Вечером мама удивилась и сказала, что, конечно, разрешила бы мне взять тот домик. Но было уже поздно. Ночью я засыпала и обнимала своего нового зайчонка.

Про то, как Рома сломал руку

Рома был любимчиком публики. И еще он часто шутил, что делало его вдвойне обаятельным. Как-то мы катались с друзьями в соседнем дворе на горке. Просто горка и была только в соседнем дворе. И вместе с нашей детворой катался и веселился от души Рома. Он постоянно выделял какие-то трюки, сопровождал их всякий раз забавными шутками, и мы смеялись до колик в животе. Но в очередной раз, скатываясь с железной горки вниз, он вдруг застонал. Все подбежали к нему, он, корчась от боли, сказал, что сломал руку. Ребята ему не поверили и вновь разразились шумным смехом, полагая, что он снова шутит. Но я сразу поняла: что-то не так. Рома сквозь зубы постанывал и держался за руку. «Это не шутка, это не шутка!» — закричала я. Рома закивал головой, а дети снова оглушили двор хохотом. Чем больше он корчился, тем сильнее они смеялись. Я была просто в отчаянии, как в дурном сне, когда ты пытаешься убежать от кого-то, но все время стоишь на месте. Я помогла ему встать, и мы пошли домой. Вслед мне доносился детский смех, а я, сдерживая слезы, как заведенная, повторяла: «Это не шутка, это не шутка!»... В тот же вечер ему наложили гипс. На следующий день я вышла во двор, презирая всех вокруг. Но они уже не смеялись.

Кто-то рассказал им, что Рома и правда сломал руку. Они спрашивали, как он, и долго извинялись за свое поведение. Тогда мне показалось, что я наконец проснулась.

Малыш

Не могу сказать, что с Ирой и Мариной я ссорилась менее бурно, чем с Ромой. Может быть, не так часто. И вновь одним из камней преткновения была одежда. А с некоторых пор и обувь. Просто девочки выросли и стали покупать себе что-то современное на свой вкус и очень модное. Но мне ведь тоже хотелось выделяться. И я стала с их позволения, а порой и тайно носить их вещи в школу. У них было одно золотое правило: если купленная кем-то вещь еще ни разу этим кем-то не надета, значит, трогать ее нельзя. Сначала владелец должен первым ее «выгулять». А еще они считали, что в гардеробе всегда должна быть одна вещь, которую нужно носить только по особым случаям. Но эти случаи очень долго не наступали, и я не выдерживала. С утра, пока они спали, надевала самую красивую вещь в шкафу и гордо направлялась в школу, где меня, конечно, встречали восторженные взгляды. Как только я возвращалась домой, начиналось что-то невероятное. Силы были неравны — они же вдвоем! В два голоса они устраивали мне нравоучительную профилактику, припоминая все мои былые ошибки и говоря что-то вроде: «Больше вообще никаких наших вещей не получишь!» Но что они могли сделать? Я же все равно бы их взяла... Все-таки произведенный мною в школе эффект был важнее последующих разборок дома, даже если в меня запустят подушкой и устроят недельный бойкот. Но ругались не только по этому поводу.

В нашей четырехкомнатной квартире умещалось не только все наше необъятное семейство, но и огромная куча вещей в самых, казалось бы, удивительных местах. Так, однажды я нашла на шкафу в дальней комнате какую-то красную штуку. Этикетка на ней почти вся ободралась, осталось только одно слово «Малыш». Я подумала, что с таким названием это явно предназначается мне — видимо, какая-то игрушка. Но на всякий случай решила уточнить у старших. Дома были только девчонки. Я подошла к Марине и спросила, что это за штука. Она недолго рассматривала ее, а потом сказала, мол, да, игрушка такая специальная. «А как она работает?» — поинтересовалась я. «Очень просто, пойдем покажу». Мы зашли в соседнюю комнату, там Ира что-то печатала на компьютере (да, у нас только-только появился большой и толстый компьютер на весь стол — наша гордость). Ира нас не замечала, потому что Марина почему-то говорила шепотом. «Поближе подойди к ней, только, чтобы она тебя не услышала, направь эту штуку на нее и нажми эту кнопочку», — сказала она. «А зачем?» — все еще не понимала я. «Ну, это типа конфетти. Будет весело, ей понравится!» — подмигнула Марина и чуть подтолкнула меня вперед. Я еще немного сомневалась, но все же подошла к Ире. Она, видимо, услышала шаги, повернулась и хотела было что-то сказать, но в этот момент я нажала на кнопку. В комнате раздался взрыв! А Ира оказалась вся покрыта каким-то мелким порошком — с ног до головы! Как и вся комната. В секунду оценив ситуацию, я помчалась в ванную мимо Марины, которую трясло от смеха. Ира быстро побежала за мной. Прямо перед ее носом я успела закрыть дверь на защелку. Как она орала... Грозилась меня не выпускать из ванной весь день. Потом, наоборот, заставляла выходить, чтобы я пошла все это убирать, и даже выключила свет. Но разъяренная Ира мне тогда казалась куда страшнее монстров в темноте. Я не выходила из ванной до вечера. К тому моменту они обе уже успокоились — Ира перестала обижаться, а Марина икать от хохота. Все было убрано, но я еще долго не решалась выйти. Как потом выяснилось, «Малыш» — это порошковый мини-огнету-

шитель. Я до сих пор не могу понять, чем руководствовались изобретатели, решившие назвать средство для борьбы с пожаром «Мальш».

Питер

Раньше мне казалось, что весь мир состоит из одного нашего города. Мне, конечно, рассказывали о других городах, но если я не видела, как в них поверить? Впервые я поняла, что ошибалась, когда мы с мамой поехали в Питер. Мне было лет девять. Билеты мы купили на боковых полках. Если вы не ездили в детстве в поезде на боковых, вы не знаете, какое это чудо, когда стол вдруг превращается в кровать! И наоборот. Впервые слышать звук поезда, чувствовать его укачивание, есть дорожную еду. Какая это была еда! Мама взяла с собой все самое вкусное. Мне запомнился чай «Пиквик» с разными вкусами — ассорти. Мы никогда дома не пили чай «Пиквик». Мы вообще никогда не пили дома чай в пакетиках — это было дорого и глупо, просто пыль в глаза. Зачем, когда чай можно заварить? Это умели делать даже дети. А тут — в пакетиках... Да еще и фруктовый. Я ела бутерброды, запивала фруктовым чаем и смотрела в окно. Через два дня я увижу Питер.

Питер встретил нас ярко, несмотря на раннее утро. Повсюду горела реклама на больших щитах! Буквы бегали по зданиям, меняя надписи одну за другой. Дома светились так, будто снизу их кто-то подсвечивает автомобильными фарами. Метро было совсем непугающим, как мне все говорили. Оно было удивительным! Я осторожно шагала на эскалатор, пытаюсь попасть на ступеньку. Вглядывалась в лица совсем других людей. Они вели себя так естественно и от этого выглядели еще удивительней. Как они ходят здесь каждый день, видят все это и не обращают внимания? Как будто ничего странного не происходит. Ответ пришел ко мне не сразу — просто они тут живут.

В Питер мы приехали к Ольге, она там училась и жила в общежитии, сейчас у нее были зимние каникулы. И несмотря на то, что спать нам приходилось всем вместе на двух кроватях, это нас несколько не смущало. Мы каждый день гуляли, ходили в музеи, очень много фотографировались (пленкой заранее запаслись в Самаре). А еще познавали местную пищу. Например, Оля угостила меня творожными сырками. Сначала я наотрез отказывалась их есть, полагая, что это нечто вроде «Дружбы» или «Омички» — они продавались у нас на каждом шагу, стоили копейки, и я их терпеть не могла. Но Олины сырки оказались совсем другими. Она даже научила меня правильно их есть: аккуратно отрываешь кусочек обертки и держишь как мороженое. Я до сих пор так делаю.

Из Питера я везла с собой целый набор подарков — яркие впечатления, море удивительных вкусов, а еще настоящее перо павлина! Его мне подарила Олина соседка по комнате.

Про мошенников

Как-то мы с Олей остались в общежитии, а мама пошла гулять по Питеру одна. Ее довольно долго не было, о сотовых телефонах мы тогда только что-то слышали по телевизору. Уже начали волноваться. Как вдруг на пороге появилась мама с огромным пакетом бананов (я их обожала) и упаковкой джина (его обожала мама). И в новой шапке. Мы, конечно, поинтересовались, что произошло. Мама не сразу нашлась, что сказать. Она сняла верхнюю одежду, рухнула на стул и, собравшись с силами, начала рассказ.

Она прогуливалась по какой-то центральной питерской улочке, наслаждалась местными красотами и подумывала уже возвращаться домой. Как вдруг ее окликнул молодой человек: «Женщина, попробуйте удачу в беспроигрышной лотерее! Это абсолютно бесплатно!» Мама, будучи человеком легким, согласилась. Вытянула билет и — невероятно — выиграла! Ей достался огромный пылесос известной марки с кучей насадок и дополнительными функциями. Вот это удача! Это же подтвердил и молодой человек: «Вы просто невероятно везучая! Вот так сразу и выиграть такой приз! Что ж, поздравляю вас!» Пока мама не могла поверить своему счастью, парня перебила рядом стоящая девушка: «Подождите, но у меня тоже выигрыш. И тоже пылесос». Парень озадаченно посмотрел на нее, потом на маму. «Ну что ж, по правилам нашей лотереи, если у двух людей одинаковый выигрыш, нужно устроить аукцион. Кто предложит большую сумму за приз, тот заберет и пылесос, и все деньги». И тут моя мама вошла в азарт. Она не собиралась отдавать уже СВОЙ пылесос какой-то девчонке. И аукцион стартовал... Мама и эта девушка поочередно доставали из кошелька деньги, которые тут же оседали в кармане молодого человека. И лишь когда мама достала последние купюры, она вдруг поняла весь ужас происходящего. В глазах потемнело, она представила, что вот сейчас отдаст собственноручно последние деньги этому человеку и никогда их больше не увидит. Она так и стояла с протянутой рукой, а парень уже ухватился за хилую пачку и настойчиво пытался перетянуть себе. И тут мама наконец очнулась.

Какой она подняла крик! Понять это может только женщина, у которой шестеро детей, которая с трудом накопила на поездку к дочери и которая сейчас остается без копейки. В ту же секунду парень вместе со второй «участницей аукциона» бросились наутек. Но они плохо знали мою маму. Она помчалась за ними, словно волчица, у которой из-под носа убегает добыча. Аферисты разбежались в разные стороны. Мама, быстро смекнув, что деньги отдавала молодому человеку, а значит, главная ее цель — он, преследовала его по улицам, сквозь не реагирующую ни на что толпу. В какой-то момент кто-то из прохожих не выдержал криков бедной женщины, которая с горящими глазами неслась за бедолагой, и, поймав его, скрутил. «Что произошло?» — начал он. Мама в гневной истерике стала объяснять, какой тот оказался паразит! И как ограбил бедную многодетную женщину. Парень, уже не такой смелый, стал оправдываться — мол, это она сама их отдала. Мужчина устал от криков, плюнул на это дело и сказал: «Разбирайтесь сами!» Парень подумал, что вот сейчас-то он и удерет. Но не тут-то было! Здесь уж мама вцепилась в него так, что убежать он мог только, волоча ее за собой. Мама продолжала кричать, трясти его из стороны в сторону и требовать деньги назад. Подросла милиция. Кое-как сотрудникам удалось выяснить суть дела. Они неутешительно заявили моей маме: «К сожалению, деньги вы отдали сами, так что никакого нарушения не было. Привлечь мы его не сможем, да и деньги вам вряд ли вернут». — «Что значит — вряд ли?!» — возмутилась мама и вновь начала трясти мошенника за куртку. «Отпусти меня, дура! Ты мне куртку порвешь! Да сделайте же что-нибудь!» — отчаянно воззвал он к милиции. «Женщина, отпустите молодого человека!» — попытались унять пыл мамы правоохранители. Но, как вы понимаете, без своих денег она никуда бы в этот вечер не ушла. Тогда она пустилась в горькие слезы, рассказывая добрым милиционерам, что у нее дома семеро по лавкам, что живут они впроголодь, а эта скотина (!) забрала последнее. Да что ж это такое делается, да как же она теперь будет, да где же на этом свете справедливость?! В общем, правоохранительные органы сдались. «Парень, да отдай ты ей деньги, видишь же, не отстают». — «Да заberi, на, заberi все!» — он начал доставать из карманов деньги. Мама быстро прятала все в сумку. «Там еще девушка была, она половину утащила!» — не унималась мама. «Да не взяла она ничего, я тебе уже даже свое отдаю, всю вырубку

за сегодня!» Так или иначе, мама выгребла из его карманов все до копейки и только тогда отпустила куртку, которая оказалась к тому моменту порванной. Парень, доведенный до слез, злобно оглянулся, сказал что-то нецензурное и скрылся с глаз. «Ну, все, теперь вы успокоились?» — поинтересовались стражи порядка. «Да как тут успокоишься? — вцепившись в свою сумку обеими руками, говорила мама. — Я из другого города, мне тут все чужие, сейчас пойду, а они мне по башке трахнут и все отнимут, с них не убудет!» И на всякий случай снова вспомнила про нас — бедных, голодных детей, которые ждут ее дома — единственную кормилицу в семье. То ли из жалости, то ли от безысходности, но милицейские посадили ее в свою машину и с мигалками, под вой сирен довели до метро. Когда мама оказалась одна и в безопасности, она пересчитала деньги и поняла, что неплохо наварила на этих бесстыжих аферистах. Чтобы как-то успокоиться и порадовать близких, она купила пакет бананов мне, джин — себе. И новую шапку. А почему бы нет? У нее сегодня удачный день.

Про няню Дусю

Няня Дуся — это девятый член семьи. Хотя официально частью семьи не являлась. Но разве это имело значение? Ее происхождение и появление в нашем доме было для меня тайной, покрытой мраком. Но жила она с нами всегда. У нее имелась своя комната в квартире. Она была в почтенном возрасте, а потому нигде не работала и почти всегда оставалась дома. Это была худенькая, сморщенная старушка с длинными седыми волосами. У нее не было ни одного зуба, при этом она с легкостью справлялась с костями и вообще любой твердой пищей. Из-за этой особенности она немного шепелявила. Она почти ничего не слышала, поэтому когда с ней разговаривали, все всегда громко кричали. Но при этом, когда была необходимость, она слышала то, что говорили даже шепотом. Поэтому часто ее глухота вызывала у меня сомнения. Поговаривали, что в юности она легла под поезд между рельсами, и поезд промчался, не задев ее. Но слух, конечно, пострадал. Еще иногда говорили, что она сидела в тюрьме — за что, когда — этого я тоже не знала. Она была няней Есенин и Ромы, и в качестве няни и приехала сюда. Ее комнатку в общежитии (или в коммуналке) родители продали, на эти деньги купили папе КамАЗ. А няня Дуся навсегда поселилась с нами, помогая маме с детьми и по хозяйству. Она была неграмотная. Не умела ни писать, ни читать. Единственное, что могла, — вывести печатными буквами «Кисилева» вместо подписи при получении пенсии. Тратить деньги ей было особо некуда, и она отдавала часть маме на продукты. Себе оставляла лишь немного, чтобы раз в месяц закупить конфет, печенья и прочей ерунды. Она всегда угощала всех, и меня в том числе.

В общем и целом, человеком она была необычным. Я постоянно приставала к родителям с вопросами о ней, но они мало что рассказывали. Так как в садик меня не водили, довольно много времени я проводила с ней. Мне не давало покоя то, что человек старше меня не умеет ни писать, ни читать. Я усаживала ее в кресло, доставала книги и пыталась научить складывать буквы. Ей нравилось проводить со мной время. Но результатов это не приносило. А вот ей удалось меня научить. Играть в карты. Да еще как! Мы резались часами! Любимая игра была «пьяница», она простая и не требует особых расчетов. Просто достаешь карты по очереди и все. А вот в «дурака» она играть не любила. Не получалось у нее. Я пыталась приобщить ее к другим играм, о которых рассказывали во дворе, но она отказывалась.

По большей части она была тиха и незаметна. Только ее вечно шаркающие тапочки напоминали о себе. Но иногда вела себя очень эмоционально. Например, ее раз-

дражало, что я постоянно прибегаю домой попить после игр на улице. «Утка! — возмущалась она. — Сколько можно бегать!». Почему-то сейчас это вспоминается с улыбкой. А если мы вытворяли что-то плохое, она непременно грозилась: «Вот увидишь, все матери расскажу!» Но я не помню, чтобы она рассказывала. Особенно про Рому и Есению. Хотя рассказать было что. Почему-то вели себя с ней они довольно вольно. Шутили, не слушали. Хотя я не думаю, что со зла. Она же их просто обожала. Казалось, может простить им все. Хотя именно с ними чаще всего и ругалась. Рома в шутку говорил, что она ведьма. Особенно всегда подмечал, что она никогда не ходила в церковь. Говорила, ей там плохо. «Нянь Дусь! А почему ты в церковь не ходишь? — веселился он: — боишься?!» Она лишь грозно махала на него, потом разворачивалась и уходила, бубня себе под нос: «У-у, хабалы, а не дети».

Мама считала, что она — энергетический вампир. Это подтверждалось тем, что если няня Дуся много времени проводила с кем-то, человек часто заболел. Действовало это на саму маму или на бабушку. Она иногда забирала ее к себе. А вот на меня нисколько не действовало.

Няня Дуся была не против выпить. И всегда веселела, когда предлагали. Пила она исключительно водку. Причем в немалых количествах. Хмелела не сразу, но, опьянев, начинала материться, в основном на папу. Папа какое-то время не обращал внимания, потом просто брал ее на руки и ташил в комнату. Она упиралась, колотила его своими маленькими кулачками по спине и продолжала матюгать. После этого из ее комнаты еще какое-то время доносилась брань, а потом храп.

Если честно, я ее немного побаивалась. Было в ней что-то ненормальное. И не смотря на то, что я ни разу не видела, как она гадает или что-то такое делает, я все равно думала, что Рома был отчасти прав. В ее комнату без спросу заходить было нельзя. Она очень злилась. Мы всегда стучали, заглядывали, спрашивали, а только потом, если надо, заходили. Но ненадолго. Мне казалось, она всегда как-то волновалась, когда кто-то к ней заходил. Будто что-то прятала. Хотя что ей было прятать? А в ее отсутствие заходить в комнату было нельзя категорически. Но, как вы понимаете, очень хотелось.

Иногда с моей подругой Надей мы делали небольшие набеги в ее комнату, пытались что-то разузнать. Каждый раз, когда я заходила к ней, меня охватывал страх, казалось, даже ее вещи смотрят на меня с укоризной. Но ничего любопытного мы не находили. Это было обычное барахло старого человека. Но мы продолжали проникать и искать.

Однажды мы с Надей решили последить за ней. Может быть, когда няня Дуся выходит из комнаты, она прячет свои «страшные» вещи, поэтому мы ничего не находим. Улучив момент, когда она отправилась на кухню, забежали в комнату и спрятались в шкаф. И оставили себе небольшую щелочку открытой, чтобы наблюдать. Через минуту она вернулась и легла на кровать. Я не знаю, что мы там хотели увидеть — как она превращается в ведьму, летает по комнате на швабре или колдует с использованием засушенных тараканов. Но не происходило ничего. Хотя ничего у нее не происходило, а у нас так громко колотились сердца, что, казалось, только их стук может выдать нас с потрохами и, вероятнее всего, она нас обнаружит и съест.

Чем же она занималась целыми днями? Много вязала. Каждый раз, когда я приносила ей рваный носок или варежку и просила его «починить», она была очень рада оказаться нужной. Как-то она увлеклась плетением ковриков из старых вещей. Она их резала на лоскуты и связывала так, что получалось цветастое полотно. Этих ковриков у нас было огромное количество. Недавно увидела такие в продаже в Интернете, девушка гордо называла их «хенд-мейдом» и рядышком рисовала приличные сумки. И ведь раскупали! А у нас лежали без дела по всем углам. Еще она вкусно жарила

семечки и, кстати, с удовольствием их лузгала. Готовила редкие тогда лакомства — козинаки и халву. А еще фирменные бутерброды, которыми я угощала весь двор, — мокрый хлеб с сахаром. Это было чертовски вкусно!

Про КамАЗ

Когда папа работал дальнбойщиком, он привозил много гостинцев. Когда родители работали на вещевом рынке — у нас была модная одежда. Когда папа работал таксистом, у нас была машина. Помню, когда машины еще не было, как-то Ира с Мариной вбежали в комнату и наперебой стали рассказывать, что папа ее купил! Я со всех ног помчалась к окошку, посмотреть. «Новенькая, блестящая черная „Волга“, — щебетали они. Я прижалась лицом к стеклу и во все глаза рассматривала улицу. Но черной «Волги» не было. «С первым апреля!» — рассмеялись девчонки и побежали разыгрывать остальных. Больше им никто не поверил. Такой наивной оказалась только я. Но у меня были веские причины. Во время наших семейных поездок мне всегда доставалось самое неудобное место. Дело в том, что при отсутствии нормальной машины ездили мы исключительно на КамАЗе. Как мы там все помещались? Очень просто. Папа за рулем, мама на соседнем сиденье. Ира, Марина, Рома, Есения и Оля сидели на заднем, спальном сиденье, за шторкой, то есть их было не видно с дороги. А меня мама усаживала «в ноги», потому что я была самой маленькой. Она стелила возле своих ног какое-нибудь одеяльце и сажала меня. Так тоскливо было ехать вниз, в полумраке. Мне очень хотелось ко всем, за шторку, — оттуда постоянно доносились веселые звуки и смех, шторка буквально ходила ходуном. Но на мои уговоры особо не реагировали, потому что там «и так тесно без тебя». Когда мы проезжали мимо поста ДПС, все вдруг резко замолкали, шторка прекращала двигаться. Наступала тишина. Нас даже иногда останавливали. Мама говорила: «Не шевелись и сиди тихо». Я замирала так, что, казалось, боялась дышать. Чаще всего мы оставались незамеченными и спокойно продолжали свой путь. Но в тех редких случаях, когда настойчивый гаишник все-таки открывал машину и видел меня, а потом отдергивал шторку, это было настоящее представление. Ну, еще бы, любой онемев, когда на него сверху смотрят пять пар детских любопытных глаз и еще одна пара откуда-то снизу. Не знаю, как папа решал эти проблемы, но, так или иначе, через какое-то время мы ехали дальше. И тут папа был либо очень злой, так что все продолжали сидеть тихо, чтобы не попасться под руку. Либо наоборот — шутил и балагурил, вспоминая, как обалдел гаишник, увидев всех нас. Если мы ехали в гости, родители потом весь вечер обсуждали случившееся под шумный хохот гостей.

Про мандарины и арбузы

Как я уже говорила, папа часто привозил из командировок гостинцы. А иногда гостинцы привозили его многочисленные друзья. Так, однажды папин друг привез нам ящик мандаринов. Под шумные возгласы и всеобщий восторг он торжественно поставил ящик посреди коридора: «Вот, ребятки, кушайте витамины — это полезно! Правда?» — он весело подмигнул, и они с папой отправились на кухню, «обмывать» приезд. Спустя пару часов его друг, чуть шатаясь, вышел из кухни, они долго обнимались с папой, говорили, что надо чаще встречаться, передавали приветы всем знакомым и незнакомым родственникам и медленно продвигались к выходу. Как вдруг гость остановился и устался на пол. «Подожди, — сказал он, — а где все мандарины? Я же

целый ящик привез...» — растерянно произнес он. «Так съели, наверное, уже», — спокойно пожал плечами папа. «Но там же был целый ящик! — продолжал друг. — Мне не жалко, но им же плохо будет! Все-таки целый ящик!» — и для убедительности раскинул руки в стороны, как бы показывая, на сколько большим был этот ящик. «У тебя целый ящик, а у меня целый дом детей — что ты хочешь?» — так же невозмутимо сказал папа, икнул после обильного застолья и пошел провожать друга.

Но папа и сам делал подобные подарки. Как-то он возил арбузы. И я уже не помню, почему у него осталось в машине много этих самых арбузов. Я сидела дома, когда ко мне вбежала запыхавшаяся подружка и кое-как, сглатывая воздух, протараторила:

— Там... твой... папа... арбузы раздает!

— Что? — не поверила я.

— У него целая машина их, побежали скорее! — она схватила меня за руку, и мы помчались во двор.

А там уже было настоящее столпотворение. Дети стояли плотным кольцом, бежали вокруг, все шумели, кто-то самый шустрый пытался просочиться сквозь толпу поближе к центру. Взрослые вели себя скромнее, они как-то неуверенно стояли чуть поодаль, не совсем понимая, могут ли они тоже принять участие в этом празднике щедрости. А вот дети не стеснялись, те, кому уже повезло, на ходу разрезали арбузы, повсюду слышался хруст, а где-то уже валялись арбузные корки. Посреди всего этого стоял КамАЗ. Папа завел его прямо во двор, открыл кузов, запрыгнул внутрь и сам лично раздавал арбузы, приглашая всех — и взрослых, и детей.

Вокруг бегала мама, которая была уверена, что он лишился ума. Лучше бы он их продал, самим есть нечего. Но папе было все равно. А я? Я была просто счастлива. Потому что мой папа — герой.

Про велосипеды

В девяностые на велосипедах ездили все. Каждый ребенок чуть ли не с пеленок умел кататься и учился, кстати, как-то сам. И не подбирали велосипеды по росту и возрасту. Какой достался от старших, на том и ездил. В нашей семье велосипедов было несколько. Но все они были большие, так что ездить на них можно было только стоя. Но это не мешало нам крутить педали по двору. На этих же самых велосипедах все вместе ездили на дачу к бабушке и дедушке, чтобы помогать с огородом. Ездить я туда не любила. Велосипеда мне не доставалось, да и боялись, что я не доеду сама так далеко, устану. Поэтому меня сажали на перекладину велосипеда «Салют», чаще всего делала это Есения, и так мы ехали. Несмотря на то, что мне не приходилось крутить педали, передвигаться было очень неудобно. Представляю, каково было Есенин везти меня на велике, да еще и в гору.

Как-то Рома пришел домой и принес попугая. У нас уже был к тому времени попугай — обычный зеленый волнистый попугайчик по имени Кеша. А он принес синего. Сказал, что это девочка, зовут ее почему-то Паша. Все бы ничего, если бы мама не узнала, что этого попугая он выменял на велосипед! Как она кричала... Зато Кеша был очень рад знакомству с Пашей.

А однажды сбылась моя голубая мечта. Родители подарили мне велосипед — «Школьник». Как они скопили деньги? Это было невероятно. Он был небольшого размера, как раз подходящий для меня, так что мне даже не приходилось ехать стоя. Коричневого цвета, с красным громким клаксоном, по которому нужно было со всей силы хлопнуть, чтобы он зазвучал. Посмотреть на это чудо сбежался весь двор. Точнее, даже несколько дворов. Дома у нас располагались так, будто были приклеены друг

к другу. А дорога вдоль этих домов была в виде спуска, на велосипеде по ней можно было кататься, как на горке. И вот я стою наверху всех наших дворов, рядом мой новенький блестящий железный конь, а вокруг толпа детей, которых я пытаюсь выстроить по очереди.

— Ну, дай покататься, ну, что тебе, жалко? — пристает соседский Юрка. Мне не жалко, но надо соблюдать правила.

— Ты уже два раза катался, а некоторые еще ни разу. Вставай в конец очереди, — строго отвечаю я.

Но Юрка не может устоять на месте. Как только очередной счастливчик набирает скорость на моем велике, его тут же окружает толпа ребят, которые стараются не отставать и с разгона сбегают с импровизированной горы. Впереди всех бежит Юрка: «Давай поднажми! Крути педали, он, знаешь, какую скорость может развить?!»

Так весь день они и катались. Я была не против, ведь им не купили новый велосипед, а мне купили. Значит, я смогу в любое время кататься сколько мне угодно.

А спустя всего пару дней я поехала по соседним улочкам, со мной была моя подруга. В каком-то незнакомом дворе мы решили сделать перерыв. Я слезла с велосипеда, и мы пошли изучать местную растительность.

— Смотри, какие деревья, а у нас такие не растут. Давай наберем листьев, принесем и будем играть в магазин, ни у кого таких «денег» не будет!

— Давай, — отвечаю я и уже нарываю в подол новенькие купюры, — но никому не будем говорить, где мы их взяли. Чтобы только у нас такие были.

В то время по городу часто ходили цыганские таборы. Все их боялись, взрослые говорили, что они гипнотизируют людей, обворовывают, а иногда и детей крадут. Нам очень не хотелось, чтобы нас украли. В тот момент, когда мы пополняли свои запасы, во дворе появилась толпа в цветастых платьях и платках, говорили они на непонятном языке. Мы резко замолчали. Двор был пуст и незнаком. Нам стало страшно. Мы рванули оттуда и, задыхаясь от страха, побежали домой. Когда мы оказались уже возле подъезда, я вдруг вспомнила: «Мой велосипед!» — «Ты побежишь туда?» — спросила подруга. «Тебе не страшно? Там же... эти». — «Там мой велосипед!» — выкрикнула я и помчалась обратно. В тот момент меня совсем не пугали цыгане, я молила только об одном: чтобы мой «Школьник» стоял там же, где я его оставила, и дожидался меня. Я старалась бежать быстрее и быстрее, казалось, ноги сейчас запутаются, и я упаду.

Когда я оказалась на месте, цыган уже не было. Как и моего велосипеда. Я в отчаянии обежала вокруг несколько раз, по лицу катились слезы. Но его не было. И больше никогда не будет. Я медленно поплелась назад, раздумывая над тем, как я теперь скажу об этом родителям. В кармане у меня лежало настоящее сокровище — редкие листья. Жаль только, расплатиться ими можно было лишь в моем вымышленном мире.

Про родственников

Видимо, судьба полагала, что наша квартира недостаточно переполнена людьми, поэтому регулярно подсылала нам различных гостей, которые с удовольствием жили у нас энное количество недель или даже месяцев.

Первое мое знакомство с родственниками произошло так. Кто-то позвонил в квартиру. Мама пошла открывать. Моя комната выходила в коридор так, что я хорошо видела входную дверь. Помню, мама, немного в растерянности, зовет папу. Он неохотно, кряхтя, встает из-за кухонного стола, отрываясь от новостей по телевизору,

и направляется к двери. Я чувствую, происходит что-то необычное, и уже неотрывно смотрю на дверной проем, размышляя, кто же там может быть. Наконец папа доходит до мамы, делает небольшую паузу и...

— О-о-о, че вамень бунь! Буназива!¹ — восторженно произносит он и раскидывает руки в стороны, чтобы обнять пришедшего.

Так, а кто же, собственно, пришел? — не унимаюсь я и во все глаза жду его появления. В квартиру заходит пожилой цыган, затем цыганка, молодые цыгане, подростки, дети, снова взрослые. Господи, да им нет числа! Кажется, сейчас они набьются в наш коридор, как селедки в банке, а мама запечатает дверь изнутри, и дальше вялеться здесь в собственном соку! Ну, в общем, примерно так все дальше и происходило. Еще минут двадцать они толпились в коридоре, а потом так же, толпой, влезли в наш зал, каким-то образом поместившись там все. Улучив момент, я позвала маму и робко спросила:

— А это кто?

— Это папины родственники, — озадаченно сказала мама, — насколько я понимаю, это брат и его семья.

— И что, они будут у нас жить?

— Ну да, — ответила мама.

— Все?

— Все, — выдохнула она и пошла накрывать на стол.

Позже выяснилось, что это не последний приезд гостей. Как-то, видимо, им у нас очень понравилось, поэтому они стали навещать нас регулярно. То и дело в дверях появлялись новые незнакомые люди, которые тут же обозначали родство с нашим папой и благополучно заселялись.

Я знала, что папа из Молдавии и цыгане действительно наши родственники, а значит, и мои. Это с трудом укладывалось в моей голове, учитывая, как и что тогда говорили про уличных цыган и как мы их боялись. А когда я воочию увидела свои «корни», в голове и вовсе все перепуталось. Знакомясь отдельно с каждым из них (а жили они у нас долго, время было), я стала понимать, что они все очень разные. Папины братья (приезжали в основном они со своими семьями) очень напоминали отца и поэтому, наверно, мне imponировали. А вот к остальным отношение было спорным. Особенно меня раздражали дети. Они были непослушными, избалованными, невоспитанными. Да оно и понятно, воспитывать их было просто некому. Взрослые занимались тем, что каждый день искали деньги на пропитание. А дети были предоставлены сами себе. Несмотря на то, что мы сами росли в большой семье и у наших родителей тоже не было времени, мы были послушными детьми. Помню, был среди них некий Ваня, почти одного со мной возраста. Я периодически делала ему замечания, но он их игнорировал либо же попросту мне хамил. Как-то раз я не выдержала, зашла к нему и в грубой форме высказала все, что думаю. На него это, конечно, не подействовало. Но когда я вышла из зала, увидела маму и поняла, что она все слышала. Мне стало стыдно, я в жизни таких слов никому не говорила, тем более при ней. Но мама лишь улыбнулась и сказала: «Постарайся не обращать внимания. Это ненадолго».

Еще одним ярким гостем в нашем доме стал дядя Жора. Его приезд я совсем не помню. Как и его отъезд, потому что мне казалось, жил он у нас бесконечно долго. Дядя Жора сразу обозначил себя как отличного строителя и предложил свои услуги за гостеприимный прием. Ремонт в нашем доме делался крайне редко, потому что на это обычно не хватало ни времени, ни денег, ни сил. А потому родители согласились. Было решено начать с ванной. Он воодушевленно разломал плитку, добротнo уложенную много лет назад, и приступил к ремонту. Сначала мы долго выбирали цвет

¹ О-о-о, какие люди! Приветствую!

новой плитки, какую мозаику сделать на стене. Я даже предлагала маме сделать вместо ванной комнаты бассейн! Ну, а что, у нас первый этаж — можно не бояться, что зальем кого-то. А зубы почистить мы и на кухне можем. Мама, конечно, деликатно отказалась, но настроение у всех было приподнятое. Надвигались какие-то перемены, такого у нас еще не было! Все ждали чуда.

Но чудо не произошло. Я точно не знала, как делается ремонт, опять же потому что не видела никогда этого процесса, поэтому все мы полагались на всемогущего, веселого и беззаботного дядю Жору. Почуяли неладное примерно спустя полгода после его приезда. Как-то стали приходиться мысли, что невозможно так долго укладывать новую плитку. Мы, конечно, не специалисты, но все-таки полгода? Видимо, с тем же вопросом мама обратилась к дяде, но он не растерялся и привел массу доводов в свою защиту. Мама лишь махнула рукой. А через какое-то время дядя Жора так же незаметно исчез. В ванной остались полупустые стены и груда плитки на полу. Спустя пару лет ремонт все-таки был доделан. Папой. За три дня.

Как-то я собиралась в школу, училась во вторую смену, и дом в это время был пуст. В дверь позвонили. На пороге стоял незнакомый мужчина средних лет и кого-то мне очень напоминал.

— Вам кого? — поинтересовалась я.

— Дима здесь живет? — спросил он с добродушной улыбкой.

— Здесь, но его сейчас нет.

— Ах, что же делать, — сказал озадаченно мужчина, — дело в том, что я в городе проездом, остановиться мне больше не у кого. Я — Димин брат.

«Ну, конечно! — подумала я. — Вот кого он напоминает! Папу! Как две капли воды».

— Да что же вы, заходите, — сказала я, — папа скоро придет. Мне сейчас нужно бежать, я в школу опаздываю. Но вы пока располагайтесь.

Через пару минут я выбежала из дома и позабыла о своем госте.

Вечером в доме было шумно. На кухне что-то активно обсуждали. Вдруг оттуда вышла чуть раскрасневшаяся от вина мама и всплеснула руками:

— Ты с ума сошла! Как ты могла пустить в дом незнакомому мужчине? Да еще и оставить его здесь одного? А если он вор?!

— А он... вор? — осторожно спросила я.

— Слава богу, нет, — сказала мама: — он действительно папин брат. Но как же ты могла? Ты же всегда такая разумная девочка.

— Ну, просто он был на него очень похож, — ответила я. И подумала, что в свете происходящих в последние годы событий это вполне разумное объяснение.

Про рынок

Рынок и девяностые для меня связаны неразрывно. Во-первых, на рынке все одевались. И дети тех лет прекрасно помнят пронизывающий холод и легкий стыд, когда ты стоишь зимой на промерзшей картонке без штанов за какой-то импровизированной шторкой, пока продавец где-то в закромах ищет подходящие тебе джинсы. Но все это не имеет никакого значения, потому что тебе покупают новые джинсы! И уже завтра ты придешь в школу в обновке. А еще рынок — это аромат вкусного промасленного беляша с толстыми стенками теста и крохотным кусочком жирного мяса внутри.

Во-вторых, на рынке работали родители, и мы знали эту кухню изнутри. Хотя знать совсем не хотелось. Иногда они оставляли меня ненадолго за прилавком, когда отлучались. Я стояла на морозе, забираясь на небольшую табуретку, чтобы был виден весь наш многочисленный товар и чтобы никто из проходящих мимо не стащил чего-нибудь.

— А где продавец? — спрашивали покупатели.

— Она отошла, но я могу вас обслужить, — говорила я, почему-то каждый раз сильно смущаясь.

Кто-то шутил по поводу моего юного возраста, но от покупок не отказывался, кто-то презрительно смотрел и просто уходил к другой палатке. Но самое страшное было, когда приезжали проверяющие. Видимо, на всем рынке ни у кого не были правильно оформлены документы на товар, потому что прилавки в этот момент пустели. Все продавцы сбегали, боясь штрафов. Сбегала и моя мама. Но оставить товар и уйти было невыносимо — всегда найдется ушлый товарищ, который воспользуется ситуацией и стащит все, что плохо лежит. Поэтому она оставляла меня.

— А что мне им говорить? — спрашивала я.

— Просто скажи, что мама отошла, а ты охраняешь товар.

— А если кто-то захочет что-нибудь купить?

— Продавай, — невозмутимо говорила мама и исчезала.

И я оставалась там одна, продолжая торговать и пытаюсь распознать в лицах покупателей тех самых проверяющих. Каждый раз не угадывала. В какой-то момент какой-нибудь дяденька, покупая коробку конфет, вдруг вытаскивал откуда-то из-за пазухи корочку, предъявлял ее мне, официально представлялся и начинал допрос.

— А вы знаете, что торговать несовершеннолетним запрещено?

— Нет, не знала, — говорю я.

— А где продавец, и вообще, что вы тут делаете?

— Продавец отошла по делам, я ее дочь, просто охраняю товар.

— Вы не просто охраняете товар, вы продаете. Я только что купил у вас коробку конфет.

Я молчу, переминаясь с ноги на ногу и с надеждой вглядываясь куда-то вдаль в поисках мамы. Но мама не идет.

— Девочка, можно у вас купить пачку макарон? — спрашивает какая-то полная дама в пальто.

— Да, конечно, — автоматически произношу я, вспоминая мамин наказ.

— Нет, вы не продаете, — начинает злиться проверяющий: — я же вам сказал, вы не имеете права продавать. И где, в конце концов, ваша мама?

«Если бы я знала», — проносится в голове.

— Скоро должна подойти.

Так продолжается полчаса или час. Он задает одни и те же вопросы, сыплет угрозами. Я даю одни и те же ответы и мечтаю только о том, чтобы он поскорее ушел. В какой-то момент к нему подходят другие проверяющие, говорят, что пора ехать. Он еще некоторое время ждет, потом злобно глядит в мою сторону, что-то бросает напоследок и удаляется. Мама приходит не сразу, минут через двадцать, когда становится точно известно, что проверяющие уехали. Она хвалит меня за стойкость, рассказывая всем вокруг, какой я бесстрашный герой.

А бесстрашный герой на не гнущихся от страха ногах выходит из палатки и отправляется домой, по дороге вспоминая в деталях минувший разговор и содрогаясь от ужаса произошедшего.

Зачем нам Диснейленд, когда есть лучше

Какое-то время папа работал таксистом. И я обожала ездить с ним на заднем сиденье. Как бы ни ругалась мама, что он «мучает бедного ребенка в такую жару», и как бы ни уговаривали друзья остаться поиграть во дворе, я всегда напрашивалась с папой, и он был не против. Мне нравилось просто кататься, смотреть по сторонам и пред-

ставлять, как я тоже куплю себе машину, когда вырасту. Папа покупал мне какие-то редкие и дорогие сладости, а иногда, втайне от мамы, даже одежду. Я вообще любила с папой куда-то ездить. Когда они торговали продуктами на рынке, он брал меня с собой за товаром. Это был Диснейленд! Столько всего вкусного — выбирай что угодно! Он ни в чем не отказывал. А иногда, будучи слегка нетрезвым, а если быть откровенной — изрядно пьяным, он давал мне деньги. Большие на тот момент деньги. Даже если бы я решила оставить их себе, я бы не знала, на что их потратить — купить пятьсот жвачек? Глупо. Но у меня и мысли не было оставить их. Денег в доме всегда было немного. И я просто отдавала их маме. Это не было геройство. Это было нормой. Не отдать деньги — то же, что украсть их. Поэтому так делали все.

А еще любила играть в его машине. Не просто в машине, а в том самом КамАЗе! Он стоял в районе гаражей, на улице было настоящее пекло — жара плюс тридцать, а в машине еще жарче. Но меня это не останавливало. Мы с подружкой забирались в кабину и играли там дни напролет. Все дети во дворе завидовали, просились к нам, но папа был строг — никого не впускать. Потом КамАЗ продали. Помню, папа очень расстраивался. И даже не подозревал, что вместе с ним расстраиваюсь и я. Ведь нет ничего интереснее, чем играть в душном и пыльном папином КамАЗе.

Наши эксперименты

Я всегда завидовала Ире с Мариной, потому что они вдвоем. Да и Рома был почти одного с ними возраста. Я очень любила играть с девочками. Больше всего мне нравилось строить целые города из стульев и столов. А в качестве главных героев были самые крохотные игрушки. Но потом девочки выросли и играть в куклы уже отказывались. Но мы со старшими часто придумывали что-то интересное. Например, однажды, после родительского застолья с гостями, я зашла на кухню, где должна была идти уборка, и застала необычную картину. Все дети стояли и что-то шептали. Увидев меня, они замолчали, Есения строго спросила:

— А тебе здесь чего?

— А вы что тут делаете? — полюбопытствовала я, ведь явно происходило что-то интересное.

— Мы хотим попробовать вот это, — сказал Рома и показал на какую-то бутылку.

— Ты с ума сошел?! — одернула его Есения. — Зачем ты ей сказал, она все маме с папой расскажет!

— Не расскажу. И... я тоже хочу попробовать.

— Ты слишком маленькая, — сказала Есения.

— Ну и что? Вы тоже маленькие, вам тоже это нельзя!

— Мы старше тебя!

— Да ладно, пусть попробует, ничего страшного, — вступилась за меня Ира.

На том и порешили. Не знаю, как другим, но мне страшно не понравилось. Я помню этот вкус — во рту стало горько и противно, будто съела очень острый перец. Мне хотелось выплюнуть эту гадость и прокашляться. Но я не могла так поступить, иначе все решат, что я действительно слишком маленькая, и скажут: «Ну, мы же говорили тебе!» Пришлось проглотить. Но больше на подобные авантюры я не подписывалась.

Хотя как прожить без авантюры? Особенно когда все идут, а ты нет. Так в другой раз мы дружно решили уйти из дома. Не потому что нас кто-то обидел, просто интересно! Но опять же решили они, а я с трудом напросилась.

— Вот увидите, она, как всегда, разноется, и нам придется возвращаться!

— Да ладно, не будет она ныть, а если будет, просто отправим ее обратно, и все.

И мы пошли. Конечно, спустя час я разнылась и стала проситься домой. Остальные участники побега в душе обрадовались, потому что уже темнело и хотелось вернуться. Но вслух произнесли:

- Я так и знала, что она будет себя так вести.
- И зачем мы только ее взяли с собой?
- Сейчас бы уже были далеко...

Но мне было все равно. Я очень хотела домой. А идея сбежать уже не казалось такой интригующей.

Про бабушку и дедушку

Первые мои воспоминания, связанные с бабушкой и дедушкой, приходятся лет на шесть-семь. И это, конечно, дача. Это слово вызывало почти те же ощущения, что и зубная боль — никуда от нее не деться, приходится просто терпеть. На дачу нужно было ездить обязательно всем. А дел там — невпроворот! Но чаще всего приходилось собирать клубнику, ее было больше всего — огромное количество грядок. Причем все грядки высажены, как по линейке. И не дай тебе Бог наступить на листик или тем более затоптать растение. Дед был жуткий педант. При этом я почти не помню, чтобы он на нас ругался. Для этого была бабушка. Ее я боялась больше, чем маму. Она не давала никаких поблажек и требовательно относилась ко всем поручениям. Както у меня в гостях была подружка, мы играли в куклы. Тут зашла бабушка и сказала, чтобы мы бросали «эту свою ерунду» и шли немедленно чистить чеснок.

— Но я не умею чистить чеснок, — растерянно сказала подружка, у которой, к ее счастью, дачи не было.

— Стыдно должно быть! — парировала бабушка. — Такая деваха выросла, а чеснок чистить не умеешь. Вот садись и учись, — строго сказала она и вывалила целое ведро чеснока. До сих пор помню, как пальцы болели от него.

Каждый приезд бабушки (кажется, дедушка приезжал к нам только по праздникам) начинался так: «Бабушка сегодня приезжает!» — оповещала мама и вешала телефонную трубку. И тут же по всей квартире происходила моментальная мобилизация. Все бросали дела и принимались за уборку. И неважно, что в доме было якобы чисто. Это для нас чисто, а для бабушки — грязь, бардак и ленивое семейство. Бабушкин приезд был сильнейшей мотивацией залезть в самые дальние углы, почистить люстру и отполировать до блеска мебель. У бабушки с дедушкой дома был идеальный порядок. В зале на полкомнаты стояли домашние цветы, которые я терпеть не могла. Зачем они вообще нужны, да еще и в таком количестве? Когда она приносила нам отростки, мне вменялось в обязанность их поливать. Я непременно забывала или переливала их. В результате все они засыхали у нас через месяц. А у бабушки по соседству с цветами стояла всякого рода рассада. И каждый раз она с гордостью рассказывала, как скоро здесь появится огурчик, а здесь помидорчик. А вот дедушка мне практически ничего не рассказывал. Он был молчалив и строг. Про него я знала, что он всю жизнь работал на заводе. Был слишком горд, чтобы в свое время получить машину от государства в подарок. Двух своих дочерей воспитывал в строгости. Он носил толстые очки в темной оправе, постоянно читал газеты, а самое интересное аккуратно вырезал и складывал «под стекло» (стекло у многих тогда лежало на столе, под ним хранили записки). А потом самое важное из самого интересного навсегда переселялось в отдельно стоящий шкафчик, на котором гордо восседал Ленин. Открывать этот шкафчик было запрещено. Но иногда бабушка брала Ленина.

— Будешь хорошо учиться, — говорила она, — будешь как Ленин, сразу несколько классов перепрыгнешь и экстерном школу окончишь.

— А кто он, этот Ленин? — спрашивала я и разглядывала маленькую белую статуэтку с лысым дяденькой в пиджаке. Что же он такое сделал, раз бабушка с дедушкой его так любят? — размышляла я.

— Ленин — это очень хороший и умный человек. Он все для народа делал, помогал нам учиться, работать, — рассказывала она.

Для меня все это так и оставалось непонятным: как он помогал? Зачем?

— Ну все, хватит, — наконец говорила бабушка, — давай поставим на место, а то дедушка будет ругаться.

У них нельзя было шуметь, громко шагать, создавать бардак, а ночью свет выключали по всей квартире, и наступала жуткая темнота. Когда я оставалась одна у них, я с трудом засыпала, потому что у себя дома всегда просила маму оставить на ночь хотя бы ночник. А тут темно и тихо и слышно только, как тикают часы. Но постепенно, когда глаза привыкали к темноте, я поворачивалась к стенке и начинала разглядывать настенный ковер. Он был колючий и тоже всегда очень чистый (и как им только удавалось). А еще он полностью сохранил свою картинку, в отличие, например, от наших ковров — они почти все поблекли и стерлись. И пускаясь в свое вымышленное путешествие, я успокаивалась и незаметно для себя засыпала.

Мне казалось, они оба с другой планеты. Я всегда думала, как у таких строгих родителей могла вырасти такая легкая и веселая дочь, как моя мама?

Дедушка покинул нас, когда я была подростком. А бабушка дожила до рождения моего второго ребенка. С возрастом я очень сблизилась с бабушкой. Она рассказывала мне о войне, о голоде, о своей жизни. Часто плакала. Я все хотела записать ее рассказы и издать книжку. Но не успела. С тех пор я люблю, когда в доме тикают часы. А еще с годами клубника стала моей любимой ягодой, чеснок — любимым овощем, засыпать я люблю в полной темноте и все чаще ругаю детей за то, что они громко топают.

Гости

Гости к нам приходили либо по праздникам, либо приходили они не к нам, а к родителям. Те закрывались в своей комнате, оттуда доносились шумные, веселые голоса, запах копченой колбасы и алкоголя. Бывало, что-то перепало и нам. Мы росли в те времена, когда прийти в гости «с пустыми руками» было неприлично. Поэтому в коридоре гостей встречали обычно всей толпой. Чем, скорее всего, раздражали пришедших, потому что одно дело купить пару шоколадок детям друзей, и совсем другое — пакет сладостей, чтобы «на всех хватило». Иногда случались и вовсе неловкие ситуации, когда, например, новые друзья родителей просто не знали, что нас так много. Вы когда-нибудь резали шоколадку «Марс» на шесть частей? Нет? А я резала. И скажу одно — от этого она становилась только вкуснее. Больше всего я любила, когда приходила крестная. Она-то точно знала, сколько нас, и всегда приносила много вкусностей. Мне почему-то запомнился белый вафельный торт, на котором была нарисована елочка. Таких тортов я больше не пробовала нигде.

Если же повод был семейный, например, день рождения у кого-то, то приготовления начинались еще с утра. Кто-то резал салаты, кто-то убирался (и под этим кем-то я подразумеваю себя, готовить мне не доверяли), кто-то накрывал на стол и так далее. Мама крутилась на кухне, отдавая распоряжения:

— Оля, сними пенку.

- Рома, вытряхни палас.
- Вероник, помой посуду из серванта.
- Дима, побрейся! Скоро гости придут.

Да, у папы заданий было немного. Хотя он тоже принимал участие в процессе. Проснувшись к обеду, отсидев в «комнате для раздумий» положенные полчаса и почистив зубы, он заваливался на кухню в трико и предприимчиво произносил:

- Так, что у нас?

В это время он успевал снять пробу со всего, что готовилось.

- Дим, не мешай! — возмущалась мама.
- А что у нас сегодня на покушать? — все так же оптимистично произносил папа.
- Если хочешь есть, доедай вчерашний суп. А тут ничего не трогай, это для гостей, — категорично заявляла мама.

— Мда? — протягивал папа, но не расстраивался, по большому счету ему было все равно, чем завтракать в обед. Он ставил на единственную свободную конфорку кастрюлю щей, из-за чего вновь получал нагоняй от мамы, потом наливал себе огромную тарелку до краев, по дороге захватывал острый перчик и на том удалялся снова в спальню.

Спустя час он появлялся довольный и сытый на кухне, ставил грязную тарелку в раковину и закидывал в рот то, что успевал ухватить со стола, наивно полагая, что мама не видит.

- Дим, ну я же просила, не мешайся! Иди, наконец, побрейся!
- Да успею я, — протягивал папа и снова уходил.

Где-то часа за два до начала праздника он громко оповещал всех, что идет в душ. Оттуда он выходил помытый, побритый и щедро побрызганный одеколоном. Он ловил первого, кто попадался ему на глаза, и говорил:

- Слушай, иди протри там, а то я немного налил.

«Немного налил» означало, что в ванную без тапок зайти невозможно, иначе утонешь. Хорошо хоть, мы жили на первом этаже.

Дальше начинался долгий процесс одевания.

- Нина, где мои брюки?
- Посмотри на нижней полке в шкафу.
- Я не вижу.

- Ну, они там одни лежат, как их можно не увидеть?

— Нет здесь ничего! Зато твои вещи полшкафа занимают! — начинал злиться папа. — А рубашка где?

— Да господи! — кричала мама и быстрым шагом шла из кухни в комнату. — Ничего найти не можешь! Ты тут наряжаешься, а я, между прочим, готовлю! Ну, вот же лежат, неужели сам ничего не можешь?!

— Да у тебя тут черт ногу сломит! — горячился папа: — Развела здесь бардак! Ничего не найдешь!

— Вот возьми и уберись! А мне готовить надо, — бросала напоследок мама и вновь удалялась на кухню.

— Готовить ей надо, — бурчал под нос папа, — а мне, можно подумать, больше заниматься нечем.

- Я что, в мятом пойду? — вновь доносилось из спальни.

- Ну, правильно, я сейчас все брошу и пойду тебе гладить! — взрывалась мама.

- Ладно, сам поглажу, — сдавался папа и шел за марлей.

Еще через час папа выходил из комнаты нарядный, порхающий, проверял у зеркала, все ли он сбрил, элегантно расчесывался и шел проверять свои владения.

Зайдя на кухню и увидев все ту же картину, он удивленно спрашивал:

— А вы что, еще не готовы? Скоро гости придут. Нин, ты что, их в халате и бигудях встречать будешь?

Мама бросала на него негодующий взгляд и, кое-как сдерживая себя, говорила:

— Иди стулья расставь или сооруди что-нибудь, где мы там все уместимся?

— Мда... — многозначно говорил папа и удалялся.

Обычно если не хватало стульев, мы их брали либо у соседней, либо просто клали на пару-тройку табуреток толстую перекладину, превращая все это в длинную лавку.

Праздник начинался в 18.00, мама традиционно в 18.15 закрывалась в ванной, чтобы привести себя в порядок. Гости постепенно начинали приходить, делать многочисленные комплименты детям. Одна комната автоматически превращалась в гардеробную, куда мы тащили куртки, шапки, шарфы и сумки гостей.

Через какое-то время мама выпархивала из ванной в своем зеленом бархатном платье, которое сидело по фигуре, в красивых туфлях, на ней были колечко и серьги в тон, аккуратная прическа завершала благородный образ. Из косметики были только подводка или тени и помада. С радушной улыбкой она встречала каждого, непременно оставляла на каждом легкий след от помады и привносила в комнату сладковатый аромат духов. И как ей это удавалось всего за пять минут? В то время как папе на это требовалось часа полтора.

С этого момента ни она, ни папа уже ничего не делали (ну, то есть в папином поведении ничего не менялось), завершали приготовления к ужину мы, мама только незаметно давала нам короткие поручения, все так же широко улыбаясь гостям.

Само застолье мало чем отличалось от любого праздника в те годы.

— Димочка, обслужи дам, — ласково говорила мама.

— Кто будет шампанское? — интересовался папа.

Звенели бокалы, гости активно пробовали салаты.

— Ниночка, какой необычный салат! Что там?

— Ой, я сама в первый раз готовила, по телевизору рассказывали, — дальше она подробно перечисляла, что в него входит, и напоследок обязательно добавляла: — Но это не я, все готовили дети! Они такие самостоятельные!

Далее гости, конечно, восхищались этими «удивительными» детьми, а через какое-то время всех нас спроваживали в соседнюю комнату, где был накрыт «детский стол». Но иногда, если гостей было не очень много, нам разрешали остаться. Но как только начинались песни, мы обычно уходили сами. «Ах, виновата ли я...» — заводила бабушка, пела пару строк, а с третьей ее подхватывали остальные, удивительно синхронно, будто в ансамбле.

Надо сказать, соседи никогда не ругались. Ну, а что ругаться — сегодня у нас праздник, завтра у них. Погулять все любили. А порой даже присоединялись.

В конце, после часовых прощаний в коридоре, все наконец расходились. Мужчины настаивали на том, что сейчас поймут такси, женщины, слегка пошатываясь, спорили, говорили, что и на автобусе прекрасно доедут. Чем все кончалось, было неизвестно, они уходили и там продолжали свой спор.

Как только дверь за последним гостем закрывалась, мама падала на диван и произносила:

— Боже, как я устала...

Папа усаживался за стол, наливал себе рюмочку и продолжал банкет как ни в чем не бывало.

— Дети, уберите со стола, — говорила мама, — а я спать, у меня сил нет.

И уходила в спальню.

Убирать после гостей я терпеть не могла, как, наверное, и остальные. Но деваться было некуда. Обычно мы делили обязанности: кто-то носил тарелки из зала на кух-

ню, другой их мыл, третий протирал полотенцем, четвертый ставил обратно в сервант. Папа еще долго сидел за столом, мы оставляли ему островок еды и напитков, потом аккуратно складывали стол-книжку так, чтобы не помешать.

— Тебе это нужно или унести? — спрашивали мы об очередном блюде (очень хотелось поскорее все убрать и лечь спать).

— Нет, можешь забирать, — говорил он.

Через какое-то время на столе оставалась всего одна тарелка с парой бутербродов, бутылка и рюмка.

Когда все было убрано, мы расходились по комнатам и ложились спать. А папа еще долго сидел перед телевизором, напевая себе под нос.

Путешествие, которое затянулось

Родители сменили много сфер деятельности, но в основном все они были связаны с торговлей. А чем еще можно было прокормить такую семью в девяностые? А любая торговля, как известно, связана с частыми отъездами. Это было самым страшным для меня. Я ненавидела момент расставания. Понимала, что не могу ничего изменить, но каждый раз плакала навзрыд. Помню, как-то устроила настоящую истерику. Меня никак не могли успокоить, в конце концов родители уехали. Я кинулась к двери в слезах. Помню, Ира сказала:

— Тебе не стыдно так себя вести? Ты просто избалованная девчонка! Они уже уехали, успокойся!

Я замолчала и села возле стенки. Все разошлись, а я еще долго так сидела, мечтая, что мама вот-вот вернется.

А однажды они уехали не одни. Взяли с собой Иру, Марину и Рому. Есения уже жила в Молдавии и выходила замуж. Родители поехали на свадьбу. Но почему-то меня и Олю было решено оставить дома под присмотром бабушки. Я страшно расстроилась, не понимала, почему такая несправедливость? Но мама была тверда в своем решении. Поехали они на машине.

О том, что произошло, первой узнала бабушка, она сказала Оле, а та мне. Где-то под Воронежем родители перевернулись...

Информация оттуда поступала нечасто, и что конкретно произошло, мы толком понять не могли. Только каждый день ждали известий. Оказалось, что меньше всего пострадали дети — у них только ушибы, а в целом все хорошо. Папа получил большое количество осколков в голову. Но тоже все поправимо. А вот мама... Как потом рассказывали, она буквально вылетела из машины. Ей раздробило колено. Врачи пришли к заключению: ходить она больше не будет.

Я с трудом могла себе это представить. Понимала, произошло что-то непоправимое, но как-то осознать не могла. Я только хотела, чтобы все поскорее вернулись домой. Особенно мама. Но их приезд все затягивался. Из больницы ее не выписывали. И нам оставалось только ждать.

Приехали они под Новый год. Первым вошел папа, он придерживал дверь, чтобы пропустить маму. И тут в дверях появилась она. На костылях. У меня были смешанные чувства. С одной стороны, увидеть свою маму, человека, которого любишь больше всех на свете, на костылях очень страшно. Кажется, внутри что-то оборвалось, я даже не могла найти слов. Но, с другой стороны, она здесь, она приехала! И она передвигается самостоятельно. Значит, есть шанс. Значит, когда-нибудь она еще сможет сама ходить! По крайней мере, очень хотелось в это верить. И мы верили.

В Самаре нашли хорошего врача, который обещал поставить ее на ноги. Она регулярно делала упражнения, старалась постепенно наступать на больную ногу. Ее упорству можно было только позавидовать. Я ни разу не видела, чтобы она опустила руки.

И через какое-то время мама окончательно избавилась от костылей. Сегодня она прекрасно ходит и даже танцует, еще как! Только иногда коленка дает о себе знать, и мама начинает немного прихрамывать или ложится в постель на пару дней, чтобы отлежаться. Но я точно знаю, что потом она встанет и будет жить прежней жизнью. Это моя мама. Она не сдастся.

Новый год

Новый год всегда был для меня особым праздником. Гостей мы не звали. И в этом тоже было что-то домашнее, уютное. Я верила в новогодние чудеса. Начиналось все за несколько дней, когда в доме появлялась огромная пушистая зеленая ель. Папа приносил ее с мороза, она так сильно пахла, что все понимали — вот он, Новый год. Однажды папа был в командировке, и елку так никто и не купил. Мне не верилось — как же так? Какой Новый год без елки?! Я приставала к маме и к остальным, но казалось, беспокоит это только меня. До Нового года оставалась всего пара часов, как вдруг в дверь постучали. Я открыла, а там... стоял папа с невероятно большой елкой! Он приехал и привез нам Новый год! Потом папа приносил из подвала коробки с игрушками. Мы стелили на пол газеты и начинали аккуратно раскладывать все игрушки, проверяя, целы ли они. Если какие-то были разбиты, они не выкидывались, когда елка будет наряжена, мы уложим под ней много кусков ваты, а сверху посадим эти разбитые игрушки. А рядом с ними будет сидеть настоящий большой Дед Мороз. Да, я была уверена, что он настоящий. Больше всего мне нравились игрушки в виде зверей или каких-то предметов. Они были такие блестящие, их так бережно вешали, боясь разбить хрупкое стекло. Новые никогда не покупали — зачем? У нас полно старых. Отдельной задачей было распутать гирлянды. Как бы мы их ни упаковывали, через год они все были спутаны. Потом гирлянды включали, и если какая-то из них не горела, папа забирал ее себе и долго выискивал ту самую лампочку, из-за которой не работает вся гирлянда. А возле телевизора ставили мигающего кота и светящийся домик. Котика не выключали до самого конца всех праздников. И ночью я засыпала под мигающую елку и тиканье, напоминающее звук поворотников в машине.

На сам Новый год было несколько фирменных блюд. Мы не покупали торт, а делали его сами. Для этого в магазине приобретались специальные коржи, а в качестве начинки шло все самое вкусное: грецкие орехи, бананы, киви, мандарины, зефир, мармелад, шоколад и собственноручно приготовленный крем из масла и сгущенки. В результате получалось такое многоэтажное чудо, которое гордо красовалось в центре стола.

Еще помню, мама готовила десерт из чернослива. Сам чернослив я не любила, но то, что она делала, было восхитительным — в саму ягоду она помещала целый грецкий орех и заливала сгущенкой, а потом относила на балкон на несколько часов. Поверьте, это очень вкусно...

Когда оставалась пара часов до праздника, все обязательно наряжались, делали прически. У мамы в шкафу хранились старые бархатные карнавальные маски. Мне нигде такие больше не встречались. Я каждый раз уговаривала всех надеть маски и даже подбирала их каждому. Лису отдавала Ире, мишку — Марине и так далее. А са-

ма надевала маску мартышки. Под бой курантов мы загадывали желание, а потом обязательно зажигали бенгальские огни, фотографировались. Конечно, главным героем вечера был телевизор. Каждый телеканал старался удивить, показать что-то интересное. И если мы пропускали новогоднюю сказку по какой-то программе, то обязательно потом, в зимние каникулы, смотрели ее в повторе. А вот подарки обычно не дарили. Их время наступало только утром. Хотя однажды, когда я училась в первом классе, за хорошую учебу родители пообещали мне купить игрушечного Санта-Клауса. У него были красные штанишки и красная курточка, в одной руке он держал пакет с игрушками, а во второй фонарик. Когда его включали, фонарик начинал светиться, а Санта-Клаус пританцовывать и напевать «Jingle bells, Jingle bells...». У меня было две четверки в четверти, и я очень боялась, что родители его не подарят. Но опасения были напрасны. За пятнадцать минут до Нового года они торжественно его вручили мне, и он пропел нам свою песенку много раз в ту ночь.

Каждое утро 1 января я бежала со всех ног в зал и заглядывала под елку. А там уже были заранее уложены красивые цветные коробочки или пакетики со сладостями. Чего там только не было! Дорогие конфеты, шоколадные батончики, жвачки, орехи, фрукты — настоящие сокровища! Мы растягивали свои подарки на несколько месяцев! Например, можно было откусить кусочек «Сникерса», а потом завернуть его и положить обратно. Подарки свои все прятали от других. Потому что мало ли что. Хотя у всех они были абсолютно одинаковыми — с равным количеством каждой сладости.

Я знала, что подарки делают родители, и знала, что ночью они кладут их под елку. Но ни разу мне не удалось увидеть, как они это делают, как бы старательно я ни пыталась не засыпать. Это было мое новогоднее чудо.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА (2017—2018)¹

Когда крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» выходили из бухты Чемульпо вдвоем против 14 японских военных кораблей, моряки на кораблях других стран, стоявших там же на рейде в этом международном порту (Англии, Франции, Италии), выстроившись на палубах, отдавали честь и приветствовали идущих на смерть героев. Россия должна восстанавливать такое же уважение к себе и восхищение со стороны всего мира. Вот национальная идея надолго.

Достоевский был счастливым страдальцем. И чтобы понимать его, надо самому быть счастливым страдальцем.

«Группа медленного реагирования» (надпись на майке).

Теория заговора. Конечно, большинство работающих против человечества или против какой-либо определенной страны не получают деньги и указания из какого-то одного центра. Таковыми являются лишь очень небольшое число исполнителей. Остальные же просто улавливают тренд и то, что это приносит большую прибыль, и действуют соответственно.

Почему в молодости, когда так много сил, недостает духа сопротивления, чтобы противостоять всеобщей моде, унификации? Причина, по-моему, вот в чем: в каждом случае создается свой кумир, образец для подражания совершенный, за которым надо тянуться, иначе ты слабак.

«Подросток». Единственный роман Достоевского, где никого не жаль (кроме несчастной Оли, конечно). Возможно, потому, что в подростковом возрасте вообще никого не жаль.

Карен Ашотович Степанян родился в 1952 году. Доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Достоевского, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, главный редактор журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН, завотделом критики журнала «Знамя», член Союза писателей Москвы. Автор монографий «Достоевский и язычество (какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?)» (1992), «„Узнать и сказать“: „реализм в высшем смысле“ как творческий метод Ф. М. Достоевского» (2005), «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского» (2009), «Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени» (2013), «Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“» (2014), «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» (2016), а также более 150 статей по проблемам русской классики, отечественной и зарубежной литературы. Живет в Москве.

¹ Предыдущие публикации фрагментов дневника см.: «Нева», 2016, № 5, 12; 2017, № 6, 11.

«Матильда». Почему-то, когда обрушивались на фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы», никто не вспоминал о свободе творчества.

Новое в футболе (впервые зафиксировано в России). Тренер (большой частью человек пожилой) во время матча бегаёт по своей технической зоне быстрее, чем игроки на поле.

Австралийский фильм Э. О'Киффа по «Преступлению и наказанию». Как если бы папуасы решили воспроизвести какой-нибудь сложный индейский или японский обряд чисто механически, не осознавая смысла. Тщательно воспроизводятся все сцены и диалоги романа, при этом совершенно не понимая ни смысла сцен, ни подлинного содержания диалогов, ни всего целого. «Родя Раскольниковф», как именуют героя почему-то все остальные персонажи, убивает ростовщика и его девушку только потому, что негде взять денег на аспирантуру (все происходит в университетском кампусе) и ещё ему очень нравится Наполеон (даже вешает постер у себя на двери в комнате общежития). Порфирий Петрович, дородный мужик, похлопывает «Родю», идущего «сдаваться», по плечу и на крупном плане удовлетворенно запивает эту историю глотком хорошего виски. Лужин — похотливый козел, лезущий с вызывающими поцелуями к Дуне, а остальное время проводящий в борделе. С чего стреляется довольный собой и соблазненными студентками почтенный профессор Свидригайлов, вообще непонятно. Соня — назойливая девица, пристающая к «Роде» с призывами признаться в убийстве. О Евангелии и речи нет. Эпилога вообще нет. Общий смысл при желании можно извлечь такой: убивать нехорошо; если вы оказались в трудном материальном положении и нечем заплатить за учебу, поищите лучше другой путь.

Много разных премий получил фильм в Австралии и в Европе.

Туго набитый большой рюкзак за спиной, конечно, очень облегчает жизнь своему владельцу в общественном транспорте (активно расчищает жизненное пространство вокруг), но когда видишь вдруг появившееся ныне огромное количество людей обоих полов и самых разных возрастов с рюкзаками на спине, кажется, что альпинисты со всего мира решили разом спуститься в московское метро и таким образом двигаться дальше к цели. А среди них почтенный дяденька с такими огромными наушниками на голове, как будто он только что встал из кресла пилота «боинга». Рюкзак у него, впрочем, был, по-моему, пустой.

Каждый раз, когда огромное количество людей вокруг, как по команде, начинает делать или носить одно и то же, воспринимаю это как очередное поражение человечества.

В последнее время случились две странные вещи, объяснения которым найти не могу: празднование в Киеве Дня благодарения (причем в середине сентября, за два месяца до собственно американского праздника) и решение о переходе в ближайшее время Казахстана на латиницу.

Беседа математиков на телеканале «Культура» о геометрии Лобачевского. Эта геометрия, говорилось, напоминает нам о том, что за пределами видимого, эмпирического мира существует иной мир. Но в то же время (если мы поймем это), если мы научимся видеть это, то сможем увидеть и в нашем эмпирическом мире присутствие другого мира. Но ведь это относится и к нашей жизни вообще, и к произведениям Достоевского в частности (в романе «Братья Карамазовы» Иван сравнивает Евклидову геометрию и геометрию Лобачевского)! То же самое: сначала нам показывают, что есть другой мир, а потом научают и *здесь* его присутствие видеть.

Выступление подростка Николая в бундестаге. «Невинно погибшие» в России немецкие солдаты. Да, волновался, да, сокращал речь. Но разбуди меня среди ночи и поставь на любую трибуну, я такого не скажу. Вот во время татаро-монгольского нашествия на Русь с той стороны тоже ведь были потери. Также «невинно погибшие»? В одном из прошлых «Дневников» я писал, что появляющиеся в соцсетях и в печати статьи, сочувственно описывающие страдания и гибель фашистских солдат в России, действуют главным образом на молодежь, иных источников в большинстве своем не знающую. Похоже, вот сейчас и начало действовать, как говорилось в одном старом анекдоте.

Но, помимо этого, существенно вот еще что. С утратой человеком свободы (ты должен думать так-то, носить то-то, читать то-то, ездить на том-то — чтобы быть в тренде; ты должен удовлетворять свои страсти, даже если раньше это считалось смертным грехом, и т. п., а если ты против всего этого, тебе не место в прогрессивном обществе) теряется, закономерно, и понятие ответственности. Те фашистские солдаты, которые пришли на нашу землю, пусть среди них и были такие, кто не участвовал в сжигании заживо стариков, женщин и детей, в пытках наших пленных, в изъятии крови у детей в концлагерях, в бомбежке поездов с ранеными и беженцами, — они выбрали Гитлера у себя в стране, а потом пошли воевать за него, захватывать чужие земли и убивать, сжигать и мучить живущих там людей. Вот должны они отвечать за это? Пусть по приказу — но ведь и приказ можно не выполнить, если он несправедлив. Выход всегда есть: и в Германии, и среди немецких солдат были те, кто выбирал собственную смерть вместо убийства.

Решения МОК по поводу наших спортсменов. Не буду даже осуждать за это самих чиновников МОК. Они, как утверждают даже либеральные СМИ, люди зависимые, на них давление и т. п. Печально, конечно, что среди них не нашлось человека, который бы заявил: «Коллеги, что же мы делаем? На основании показаний полусумасшедшего человека ломаем судьбы десятков людей!» Но это, в конце концов, их дело. Вина полностью лежит на наших спортивных чиновниках. Еще четыре года назад, когда появился первый фильм этого Зеппельта о российском допинге, надо было вкатить ему разоряющий многомиллионный судебный иск за клевету. Доказательств у него не было никаких, кроме показаний некоей супружеской пары, и даже если бы он не проиграл — в объективности европейских судей допустимо сомневаться, — для других это послужило бы свидетельством небезнаказанности подобных действий. Скорее всего, на том фильме все бы и закончилось. Но нет, не захотели терять свои теплые места в международных комитетах (которые, места, тогда еще были), ссориться с западными коллегами и т. п. Надеялись, что само рассосется. Не рассосалось. А теперь разорвать круг: доказательства вашей вины у нас есть, но мы вам их не покажем (МОК) — но не могли же они (МОК) принять такое серьезное решение без серьезных доказательств (зарубежная общественность) — почти невозможно. Для меня доказательством того, что махинации с пробами, если такие и были, делались не на государственном уровне, — то, что беспрепятственно удрал в Америку Родченков. Будь все это на уровне государства — его бы не выпустили.

Сейчас спортивные журналисты плачутся: спорту как зрелищу грозит гибель — вот спортсмен победил на соревнованиях, за него болели, он радовался, поднимали флаг и исполняли гимн — а потом прошло лет пять-шесть, выработали новые методы определения допинга, и на тебе: верни медаль, передай другому в коридоре своей квартиры, все результаты отменяются, все тогда зря радовались. Значит, и сегодняшней победе радоваться рано — надо полдюжины лет подождать? В одном из предыдущих «Дневников» я писал, что теперь соревнования спортсменов заменятся соревнованиями пробирок с мочой. Но ведь, казалось бы, решение простое: не обнаружен допинг в момент и сразу после соревнований — все, история закрыта, новые методы приме-

няем к сегодняшним соревнованиям. Но ведь тогда исчезнет счастливо найденная ныне возможность управлять и этой сферой человеческой жизни в интересах большой политики. Это вам не предварительная накачка судьи, чтобы он липовый пенальти поставил или занизил баллы фигуристке. Там спортсмены еще могут иногда справиться и с этим. А допинговое оружие смертельное — губит спортсмена сегодня и навсегда и разит его страну. Кто же откажется от такого? Если бы даже весь МОК опомнился и захотел отказаться — кто же ему даст?

Вот сейчас, в начале 2018 года, как сенсация преподносится выявленная хакерами из «Fancy bears» политическая подоплека происходившего. Но разве для этого нужно было взламывать переписку всех этих деятелей? Думающим людям все было ясно гораздо раньше.

Для меня лично одним из следствий всего этого «антидопингового» безобразия стало то, что не могу уже смотреть международный футбол (если он не с участием наших команд). Даже «Реал» — «Барселона». А ведь раньше любил. Но теперь борюсь с этим, но пока безуспешно — не могу отделаться от мысли, когда смотрю на зарубежных спортсменов: ведь каждый из них потенциально (а многие и актуально уже) в любой момент готов присоединиться к хору вопящих о «кровавых русских деньгах», «российских спортсменах-жуликах» и т. п., то есть потенциально (а многие уже и актуально) нам они чужие. А дела чужих разве интересны? Повторяю: борюсь с этим, не хочется никого видеть чужим — но пока безуспешно.

P. S. Эти строки были написаны в самом начале нынешнего года. С тех пор прошла по полной программе выполненная кампания измывательства над нашими спортсменами, прошла и сама Олимпиада. Стало окончательно ясно, что если раньше спорт считался паллиативом «горячих» войн, то теперь они стали практически синонимами. Отныне очистить «большой» спорт от политики и огромных денег будет невозможно. А поскольку и в обороте больших денег, и в умении выдавать белое за черное победа всегда будет на стороне тех, кто поднаторел в этом на протяжении многих веков, может, надо в перспективе покинуть эту зараженную территорию (там скоро все пойдет до полного абсурда) и начать *постепенно* культивировать спорт лишь как радостное занятие здоровых духом людей (а бизнесмены тут и там пусть ищут иные источники дохода)? А тягу к состязательности перенести в сферы кибернетики, науки, культуры? Может, России и здесь выступить в роли первопроходца?

Фразу, популярную в свое время (в годы космических мечтаний и всякого рода достижений астрофизики): «Мы не одиноки во Вселенной», я понимаю теперь так: у нас у всех есть Отец Небесный, все мы Ему дороги, и о всех нас Он не перестает заботиться (если б только мы всегда эту заботу умели увидеть и на нее ответить!).

В одном из английских городов медсестра в онкоцентре была уволена только за то, что вела с больными беседы о христианстве, а одному больному говорила, что его шансы на выздоровление увеличатся, если он поверит в Бога. Времена Юлиана Отступника возвращаются в Европе?

Хаос на почте. Талоны на обслуживание, световое табло, объявление очередного номера в очереди — и подолгу не могут найти посылку, не могут четко написать на извещении, в какое из помещений почты (их два) идти. Жена: «Еще букву не освоили, а уже на цифру перешли».

Инаугурация нового федерального канцлера Австрии С. Курца. Массовые демонстрации протеста. Странное дело: гордятся, что их страны по-настоящему демократические, но стоит только прийти к победе на выборах (большинством голосов народа) кому-то неуголному либералам, как сразу начинаются демонстрации протеста. На

всех уровнях блокируются действия нового руководителя страны, вплоть до угрозы импичмента (И. Додон в Молдавии, Д. Трамп в США). Казалось бы, прими выбор народа, коль ты демократ. Но нет.

Многие отечественные и зарубежные достоевисты любили писать о «страшном противоречии» во взглядах Достоевского: осуждая бунтующего против Бога Ивана Карамазова, он в то же время солидарен с ним в неприятии будущей мировой гармонии, построенной на слезинке ребенка (а поскольку слезинок этих уже немерено в истории — то, значит, в неприятии мировой гармонии вообще). Основывалось это на якобы сходстве рассуждений Ивана и слов самого Достоевского в его знаменитой Пушкинской речи о невозможности для Татьяны Лариной построить свое счастье на несчастье другого, вообще о невозможности «построить здание судьбы человеческой с целью осчастливить людей, дать им наконец мир и покой», если здание это надо основать на слезах одного только «честного старика».

Но ведь цель Ивана в беседе с Алешей в трактире и, в частности, в высказывании о слезинке ребенка — через констатацию *неизбежности* детских страданий (он лишь «очевидец» их: не случайно ведь выбрал себе такой псевдоним в своей журналистской деятельности!) — отвратить Алешу от Бога, подвергнуть вообще сомнению существование Всеблагочестивого Бога. Цель Достоевского в его словах о мировой гармонии в Пушкинской речи (да и во всей этой речи) — утвердить *действенное* неприятие любых страданий ближнего, сделать все, чтобы их не было (а свои страдания воспринимать как спасительные), то есть обратить людей к Богу.

Почему люди, в годы советской власти относившиеся к ней, как минимум, критически, не принимавшие официальную идеологию, цензуру, официозное искусство, весело пересказывавшие политические анекдоты, а затем восторженно приветствовавшие перестройку, фильм «Покаяние» Т. Абуладзе, первые публикации Солженицына на Родине, первые съезды народных депутатов (говорю сейчас не о диссидентах, это особая тема, но об огромном числе наших «обычных» граждан), — почему сейчас многие из этих людей оскорбляются и возмущаются, когда по ТВ, по радио, в фильмах, в публичных выступлениях и статьях поносится все, происходившее в советский период нашей истории, мажется черной краской, подвергается издевке и сомнению, почему возникает стремление защитить даже те фильмы и книги, которые эти же люди в свое время обвиняли в фальши и надуманности? Думается, потому, что большинство из этих людей ощущают и эту часть нашей истории как *свою* — в противостоянии тем, кто и тогда, и теперь различает две истории: свою собственную и историю страны, где довелось (к сожалению для части из них) родиться.

Потрясающе информативная и содержательная выставка «Некто 1917» в ЦДХ. Картины замечательных русских художников, написанные в этом революционном году и «вокруг» него.

Б. Д. Григорьев: «Кто не видел революцию <...> тот не увидел русского народа». Так ли? Так ли?

Портрет Н. Рериха кисти того же Григорьева. Страшно похож на Ленина. Случайность?

Картина К. Юона «Новая планета» (написана в 1921 году). Сравнить с «Планетой Солнца» в «Сне смешного человека» Достоевского.

Если б кто мне доказал, что Россия вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне России, то мне лучше хотелось бы оставаться с Россией, нежели с истиной.

Игорь ЯКОВЕНКО

ДРАМА ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ

На заре постсоветской эпохи в одной из радиопередач прозвучали примечательные слова, сказанные анонимной советской старушкой: «Не могли подождать, пока мы умрем». По-человечески ее можно понять. Эта женщина прожила долгую и, наверное, не самую легкую жизнь. Война и страшные послевоенные годы остались в прошлом, минули голодные и не слишком обустроенные 50–60-е. Жизнь как-то наладилась. Есть квартира в пятиэтажке и участок в шесть соток за городом. Дочка вышла замуж, бабушка нянчит внуков. Живут тесновато и скромно, но эта жизнь представляется устойчивой и надежной.

И вот по непостижимым причинам мир человеческой реальности — реальности единственно освоенной, привычной и абсолютно безальтернативной — затрещал по швам. Начались непонятные перемены, которые за пять лет привели к полному обвалу. Все то, что знала и во что верила эта старушка, рухнуло. Привычные стереотипы восприятия, установки, модели поведения утратили смысл, и как жить в этом новом мире, совершенно непонятно. А кроме того — невыразимо страшно. Насколько можно понять из приведенного высказывания, бабушка полагала, что во всем виноваты молодые и энергичные горожане: «больно грамотные», которым захотелось какой-то другой жизни. Их она и имела в виду.

Бабушке можно было бы сказать, что в переломные эпохи история не принимает в расчет чаяния и устремления уходящих социальных сил. Они оказываются очередной жертвой исторического процесса, и только. Но это звучит слишком абстрактно и, очевидно, лежит за гранью восприятия простого человека. Можно было бы указать на то, что помимо старших поколений, сложившихся в середине XX века, в позднем СССР живут десятки миллионов молодых, ориентированных на совершенно иные ценности, для которых советская действительность — обрыдлое и убогое прозябание. Напомнить, что молодые никогда не были склонны жертвовать собой ради психологического комфорта стариков. Наконец, можно было бы указать на то, что следующее за бабушкой поколение однажды может повторить ее сентенцию. И если следовать этой логике, то долгожданные перемены никогда не наступят.

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Профессор РГГУ. Автор 260 публикаций, в том числе одиннадцати монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное изменение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

Но что ей до всех и всяческих аргументов. Человеческая трагедия не избывается рациональными суждениями. Ее лечит время, механизмы психологической адаптации. Незаметно разворачиваются процессы включения в новую реальность. Срабатывает проверенная народная мудрость: «Стерпится — слюбится». Новое становится привычным и узнаваемым. В нем обнаруживаются положительные стороны. Апокалиптические страхи не оправдываются и отходят на второй план. Память о прошлом и ушедшем как-то тускнеет, отходит в тень, заслоняясь новыми радостями и тревогами. Впрочем, такая эволюция дана не всем. Есть люди, которые так и не могут примириться с революционными преобразованиями. Судьба этих людей печальна. Они доживают свой век, храня экзистенциальную связь с ушедшей эпохой и отторгая от себя окружающий мир.

Старшее поколение читателей помнит культовый роман 50–60-х годов прошлого века «Золотой теленок». В нем фигурирует персонаж — монархист Хворобьев. Хворобьев жил отшельником и ненавидел советскую власть. События, описанные в романе, охватывают реальность начала 30-х. Объективно переживший свою эпоху Хворобьев — фигура трагическая, при том, что Ильф и Петров делают его сатирическим персонажем. Таковы этические нормы победившей парадигмы. Отторгнутое подлежит осмеянию и профанации. На протяжении последних тридцати лет персонажи, типологически тождественные Хворобьеву, группируются вокруг газет «Завтра» и «Советская Россия», голосуют за КПРФ и ЛДПР, ходят на соответствующие митинги. Каждый качественный скачок порождает «бывших людей». Они являют собой зримое выражение трагедии истории.

Проблема, которая стоит за приведенным нами высказыванием, состоит в следующем: Как поколение бабушки, экзистенциально связанное с классическим советским прошлым, так и последующие поколения позднесоветских горожан, годами мечтавших о конце социалистического эксперимента, были порождены историческим процессом и в этом отношении объективно заданны и необходимы. Их конфликт неизбежен.

История — процесс качественного изменения социокультурного универсума. То есть — всей целостности самопроявлений человека в социальном, культурном, экономическом, антропологическом и других срезах обозначенного универсума. Далее, реальным субъектом истории выступает человечество как целое. В этом целом можно выделить более или менее устойчивые объекты — континенты, страны, цивилизации, отдельные народы, — а затем рассматривать историю названных сущностей. Но при всей привычности подобной процедуры такое выделение в достаточной степени условно. Историческая мифология навязывает массовому человеку видение истории «своего» народа как процесса, заданного имманентными законами саморазвития «нашей» целостности. Это — иллюзия, диктуемая врожденной (усвоенной с молоком матери) культурой и оформленная идеологами. Разумеется, большие общности — народы, государства, цивилизации — развиваются в соответствии с внутренне присутствующими закономерностями. Однако само возникновение этих объектов, их базовые параметры, время существования, обстоятельства схождения с исторической арены заданы всемирно-историческим процессом. Большие общности постоянно испытывают на себе воздействие соседей, воздействуют на них сами, находятся в непрестанной диалектике с ближним и дальним окружением. Воюют, торгуют, конкурируют за ресурсы. Внешний, по отношению к выделенному объекту, контекст формирует исторические вызовы, заставляет самоизменяться, рождает огромные, часто неразрешимые проблемы. Наконец, внешний контекст сплошь и рядом оказывается силой, разрушающей большие общности, исчерпавшие возможности дальнейшего развития.

И патриархальная советская старушка, и позднесоветский интеллигент рождались в рамках эволюции советского общества. Однако как их возникновение, так и смена этих поколений заданы не столько имманентной природой, сколько обстоятельствами всемирно-историческими, логикой модернизации России и активной борьбы за мировое господство, развернутой Советским правительством. Разумеется, крах социалистического эксперимента задан далеко не только данными обстоятельствами. Эти вещи осмыслены и хорошо описаны в последние десятилетия. Причем природа-детерминант имеет всемирно-исторический характер.

В данном аспекте трагедия истории состоит в том, что процессы качественного изменения универсума реализуются в двух формах. Первая — сравнительно приемлемое для массового человека постоянное изменение реалий окружающего его мира. Речь идет о качественных изменениях: новых промышленных технологиях, изменениях предметного пространства, образа жизни, информационной среды. И о связанных с этими инновациями трансформациях сознания и культуры: новые песни, новые ритмы, одежда, модели коммуникации, праздники и будни...

Я не смогу поведать своему сыну, что это такое — вафельные трубочки с заварным кремом, которыми торговали в моем детстве около метро. Как не смогу передать вкус настоящих бубликов, вымерших в середине 70-х годов прошлого века. И уж заведомо не смогу передать кому бы то ни было переживание чуда под названием «паровоз». Ни один фильм, ни самая талантливая проза не в состоянии выразить феномен паровоза. Это черное живое существо громко и глубоко дышало, выпуская клубы пара, дымило и протяжно гудело голосом раненого динозавра. Убаюкивающий и вводящий в транс ритм дыхания-движения паровоза, низкочастотная вибрация, распространявшаяся вокруг локомотива, тепло, исходившее от исполинского чрева, — все это надо почувствовать и пережить. Помню, в начале 80-х, в командировке, в городе Тольятти, я встретил паровоз, работавший на сортировочной станции, и стоял как зачарованный час или два, понимая, что, скорее всего, вижу эту радость последний раз в жизни. Пришедшие на смену паровозу тепло- и электровозы для меня — бездушные железки; функциональные и не рождающие никаких эмоций. Наверняка нечто похожее переживает человек, родившийся в деревне и помнящий, как в детстве мать вынимала из большой русской печи свежесвеженный хлеб. На смену этому хлебу — живому, незабываемому, хранящему смыслы хтонического переживания стихии огня и восходящие к неолиту переживания чудесного ритуала пресуществления воды и муки в несказанно вкусную «черняшку» — пришли вначале казенные буханки в сельпо, а потом — батоны в магазинах рядом с заводским общежитием. Универсум человеческой реальности меняется по частям; медленно, как бы незаметно, но неумолимо. Так что однажды зрелый человек осознает, что мир его детства существует только в его памяти и он не в состоянии передать этот мир своим внукам. По существу, это — одна из граней универсальной трагедии бытия. Она принята и освоена как неустранимое свойство жизни.

Но рядом с описанным есть и другая форма реализации процессов качественного изменения целого. Она не носит постоянного, «тлеющего» характера, а реализуется итерациями. Чаще всего это полноценные катастрофы: умирают боги, сникают конфессии и идеологии, рушатся царства, куда-то, сквозь пальцы расползаются и исчезают целые народы, распадаются государства. Базовые рамки человеческого бытия, структурирующие жизнь среднего человека, представлявшиеся вечными и неизменными, как небо над головой и земля под ногами, однажды неожиданно и неотвратно исчезают. Эта оглушительная форма выражения истории являет собою полноценную, масштабную трагедию, падающую на головы широких масс, которым выпало пережить крах мира своего детства, юности и зрелости.

За последние двести лет люди с грехом пополам научились жить в перманентно изменяющемся мире. Однако массовый человек взыскует вечности и неизменности базовых параметров бытия. Ему важно жить, осознавая, что его народ, его страна, тот порядок вещей, который был дан от рождения, стояли, стоят и будут стоять, несмотря на все частные перемены и испытания, выпадающие каждому поколению.

Все это — чистой воды иллюзия. Ни государство, ни национальная идентичность, ни социально-политическая система не даны человеку как вечные и неизменные. Они существуют постольку, поскольку успешно воспроизводятся изо дня в день и из года в год. И существуют до тех пор, пока это соответствует логике всемирно-исторического процесса. С данной точки зрения история человечества являет собой необозримый мартиролог народов, государств и цивилизаций, исчезавших по всему земному шару в течение последних пяти тысяч лет.

Любопытно, что гибель «своего» мира оказывается шокирующей неожиданностью не только для традиционного человека, слабо затронутого светом знания, но и для интеллектуала, ценностно связанного с уходящей реальностью. Знание о судьбах Вавилона и Карфагена, Константинополя и Теночтитлана не проецируются на данный от рождения универсум. История культуры сохранила множество записок и мемуаров современников больших исторических катастроф. Всякий раз падение очередного Карфагена переживается носителями идентичности не как важное, но тривиальное событие — гибели одной из сложнообозримого множества культур, возникавших в ходе истории человечества, но как крах Вселенной. «Наш» мир — мир по преимуществу. Римы и Теночтитланы — древние, давно исчезнувшие государства. Их гибель закономерна и в некотором смысле необходима, ибо она готовила подъем нашего народа и созданной им цивилизации. Наша реальность совсем иная. Она сакральна и вечна по онтологическим основаниям.

В греческой истории сохранилось два предания, иллюстрирующих работу традиционного сознания, разрешающего противоречие между мифологической схематикой и исторической реальностью. Согласно первому, в храме Святой Софии шла служба, когда распахнулись двери и ворвались турецкие воины. В последний момент священнослужители со священными сосудами в руках направились к южной стене храма. Стена расступилась и сомкнулась за ними. Иногда из толщи стены доносится глухое бормотание: это продолжается прерванная врагами служба. В тот день, когда Святая София будет возвращена христианам, стены расступятся, священнослужители выйдут из нее и продолжат службу, начатую несколько сот лет назад.

Другая легенда повествует о старике, жарившем на берегу моря пойманную рыбу. Когда старику сказали, что Константинополь взят турками, он ответил: «Скорее эта рыба вернется обратно в море, чем падет Константинополь». Как только он произнес эти слова, одна из рыб прыгнула со сковородки и упорхнула в воды Мраморного моря. По сей день в море плавает прожаренная с одной стороны рыба. В тот день, когда Константинополь будет освобожден от турецкого владычества, эта рыба выскочит из воды и прыгнет на сковородку.

Гибель Ромейской империи — невозможное событие, нарушение космических законов бытия. За этим стоят грехи православных и неисповедимая воля Создателя. Причем это чрезвычайное событие, безусловно, носит временный характер. Завершение испытания, посланного православному народу, будет означать восстановление извечного порядка вещей. Нормальное течение событий восстановится буквально с той точки, в которой было прервано османским завоеванием.

В данном случае мы сталкиваемся с психологической инерцией и специфической ценностной аберрацией. Конфессия/идеология, государство, цивилизация — разные грани того, что люди воспринимают как «свой мир». Одно дело осваивать новое, опи-

раясь на устойчивые рамки «своего мира», и совершенно иное попасть в новый мир, параметры которого неизвестны. Такая ситуация проблематизирует все, что составляет культурный актив среднего человека. Отсюда высокий уровень неопределенности и максимальный стресс.

Есть люди культурно-психологически приспособленные к существованию в изменяющейся реальности. Их не так много. С годами пластичность психики падает. Чем старше человек, тем сложнее адаптироваться к новому.

Не менее важна ценностная аберрация. Наш мир — единственно возможный, мир по преимуществу. За его границами — хлябь внешняя, в которой царят хаос и ужас жизни несчастных, живущих в окружении оборотней. «Там» все плохо и неестественно, неправильно. Крах нашего мира есть гибель Вселенной. Пережившего свой мир носителя рухнувших идеологических установок терзают страхи, омерзение, чувство одиночества, утрата осмысленности жизни. Любые успехи, любые блага будут отвергаться, ибо отрицают тот светлый и ушедший мир. Ценностная связь исключительно важна. Индоктринированные советские люди и антикоммунисты переживали конец советской эпохи совершенно по-разному.

Существует и третья позиция — позиция обывателя, который адаптируется к любой власти и любым обстоятельствам. Мы имеем в виду традиционного человека, живущего в горизонте родового сознания. Надо кормить близких, одеть, обууть их. Для этого необходимо выполнять те правила игры, которые доминируют сегодня. Эти люди по большому счету индифферентны к базовым параметрам окружающего мира. Они усваивают правила игры и сравнительно легко переходят к другим правилам, а по-настоящему озабочены биологическим выживанием. Здесь трагедия истории минимизируется.

Качественный аспект изменений

Вспомним примечательный документ «Плач Ипувера» (он же — «Речение Ипувера») — древнеегипетское литературное произведение, повествующее о голоде, бедствиях и вторжениях иноземцев. Мнения специалистов о датировке произведения разнятся от Среднего царства (XI—XII династии) до времени, предшествовавшего гиксоскому завоеванию. Ипувер описывает универсальную ситуацию заката и деградации некоторого общества. В свете этого проблема датировки отходит на второй план.

Бедствия можно свести к следующему: нарушение сложившейся общественной иерархии; обнищание богатых и обогащение бедных; общий беспорядок, который проистекает от пренебрежения законом и проявляется в разбое, грабежах и убийствах; сокращение численности населения; разрушение хозяйства и связанный с этим голод; засилье чужеземцев; забвение религиозных ритуалов (в первую очередь связанных с культом мертвых).

Итак, Ипувер пишет о циклических напастях, постигавших древние царства. Понимать общеисторические причины происходящего народы той эпохи были не в состоянии. Объяснения сводятся к забвению богов и слабости фараонов, то есть — отходу от вечных норм и правил. На самом же деле циклические напасти крайне болезненны, но не смертельны. Подлинно смертельны катастрофы, *несущие качественные изменения*. Прежде всего, они, как правило, необратимы. И, кроме того, качественные катастрофы *разрушают* и дезактуализуют *устойчивые пакеты социальных ролей*.

Этот сюжет заслуживает более подробного рассмотрения. Ассириолог В. Белявский рисует очень выразительную картину предсмертного величия Ассирии: «Ашшурбанипал, повелитель самой могущественной империи своего времени, был весьма раз-

носторонним человеком... Его столицу Ниневию называли логовом львов. У ее восточных ворот „Вход толп народов“ в клетках на собачьей цепи сидели цари, плененные Ашшурбанипалом, и толкли в ступах вырытые из могил кости своих предков»¹.

Другая не менее выразительная картина связана с судьбою римского императора Валериана I, взятого в плен царем Персии Шапуrom I Сасанидом в 260 году в битве при Эдессе. Пленение римского императора — явление уникальное. Судьба попавшего в плен императора также поражает. Шапур I использовал его спину как скамейку, когда садился на лошадь. Сцены триумфа над римлянами и победы над Валерианом запечатлены в скальных рельефах в Накше-Рустам и Накше-Раджаб около Персеполя. После длительного унижения таким способом римский император умер.

Прежде всего, описанные истории вызывают острое отторжение. Варварское, чисто азиатское понимание торжества над поверженным противником неприемлемо для нормального европейского сознания. Но у этих коллизий есть и другие аспекты. Метаморфозы царей, плененных Ашшурбанипалом, а также Валериана I ставят вопросы: что заставило этих людей выполнять те роли, которые предписали им победители? Почему это в принципе было возможно? Откуда покорность судьбе, что давало несчастным силы жить в новом качестве? В отличие от многих солдатских императоров, Валериан происходил из знатного рода. К моменту попадания в плен он был человеком зрелых лет. В Греции и Риме существовала устойчивая традиции самоубийства в безвыходной ситуации.

Развернутого ответа на наши вопросы не существует. Можно высказать одно соображение относительно социальных ролей. Дело в том, что человек усваивает и наследует не роли, а сценарии. Так, каждый из нас в детстве усваивает сценарий отношений взрослый — ребенок. А когда вырастает и обзаводится детьми, обнаруживает, что его поведение задается ролевыми характеристиками поведения его родителей. Этому можно противостоять и пытаться корректировать, что, однако, непросто. В общем же случае массовый человек реализует знакомый сценарий в той позиции, в которую сегодня поставила его судьба.

В свете этих соображений богач, подающий милостыню или проходящий мимо несчастного, несет в себе нищего; и, если с ним случится такая метаморфоза, быстро освоится с новой ролью. Следователи и другие чины НКВД без труда входили в роль подследственного и грамотно проходили свой путь к стенке. Технологических проблем не возникало.

Совершенно иная ситуация возникает в эпоху *качественных* преобразований. Если ролевые перемещения рожают возмущение и страдания, то качественные изменения ставят человека перед неразрешимыми проблемами. Ибо он не только не хочет, но не умеет, не способен, находясь в зрелом возрасте, осваивать новые роли. Здесь остается спиваться, деградировать, искать для себя нишу в криминальном пространстве. Все это — полноценные трагедии, порождаемые историческим процессом.

Отметим, что качественные преобразования осознаны как существенный момент всемирно-исторического процесса сравнительно недавно. Мыслителям прошлого история представлялась как процесс возвышения, расцвета, увядания и гибели одних народов и созданных ими государств и возвышения на их месте других народов. Момент качественного преобразования мира не схватывался не только обыденным, но и теоретическим сознанием.

Этому есть любопытное подтверждение в истории живописи. Когда художники эпохи Возрождения писали картины на новозаветные сюжеты, они одевали библейских персонажей в современные им одежды. Идеи о том, что полторы тысячи лет назад многое, в том числе и одежда, выглядело по-другому, не приходила в голову.

¹ Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 79.

Дело в том, что темп всемирно-исторического развития, понимаемого как процесс качественных преобразований, последовательно и неумолимо нарастает. Хронологический список важнейших инноваций показывает неумолимое уменьшение промежутков между важнейшими технологическими нововведениями, преобразующими всю социально-культурную реальность. Достаточно долго человек рождался, проживал свою жизнь и умирал в качественно однородной реальности. Изменения, которые можно увидеть в течение одной жизни, стали накапливаться в последние 2—3 века.

По оценкам специалистов, каменный век начинается около трех миллионов лет назад, когда первые гоминиды, живущие в Африке, догадались использовать каменные инструменты для решения бытовых задач. Внутри этого периода происходило развитие. Каменные инструменты совершенствовались, технологии обработки камня оттачивались. Но это было развитие в рамках одного качества.

Однако неолит, или каменный век, завершается в IV—III тысячелетиях до н. э., а на смену ему приходит энеолит, или медный век. Переход, связанный с освоением металлов, был подлинной революцией. Вначале люди используют самородную медь, а затем научились выплавлять медь из руды. Освоение металлов стало базовой предпосылкой разворачивания неолитической революции, то есть — перехода от охоты и собирательства к производящему хозяйству, которая завершается возникновением государства и цивилизации.

С возникновением государства начинается собственно история человечества. До 1917 года историки различали историю и предысторию. В советское время на место предыстории пришла «история первобытного общества». Мне дореволюционное терминологическое различие представляется более удачным, но это — частности. Важно другое: с разворачиванием истории открывается растянувшийся на тысячелетия драматический процесс диалога/противостояния цивилизации и варварства. Вначале (первые тысячелетия) государство борется с догосударственной периферией в смертельной схватке. Последние две тысячи лет цивилизация, очевидно, одолевает догосударственную периферию, последовательно разлагает ее, ассимилирует и расширяет свою территорию. Буквально в последние двести лет исчезают оставшиеся заказники догосударственного существования человека.

В III тысячелетии до н. э. начинается бронзовый век. Бронза гораздо прочнее меди. Она позволяет делать как орудия труда, так и оружие. Ранний бронзовый век характеризуется урбанизацией и появлением городов-государств, а также письменности. Разворачиваются те процессы, о которых говорится в предыдущем абзаце.

Поздний бронзовый век (1600—1200 до н. э.) на Востоке характеризуется расцветом мощных государств этого региона и их вассалов (Древний Египет, Ассирия, Вавилония, хетты, митаннийцы). Разворачивается острая конкуренция лидеров. Государство и цивилизация последовательно закрепляются и отвоевывают территории у догосударственного мира.

Бронзовый век на Ближнем Востоке завершается так называемым «бронзовым коллапсом». Под этим термином историки понимают переход от бронзового века к железному на Ближнем Востоке и Восточном Средиземноморье. Вот как характеризует эту эпоху Википедия: «В этом регионе смена эпох была связана с катастрофическими изменениями в общественном укладе, утратой многих производственных и культурных традиций, в том числе письменности, разрушением всех крупных государств и многих городов того времени. На большой территории наступает период „темных веков“»².

² Катастрофа бронзового века. Словарная статья. Википедия. ru.wikipedia.org>Катастрофа бронзового века.

На фоне больших и судьбоносных инноваций происходили более частные нововведения, которые также меняли историческую реальность. Древние греки изобрели «фалангу». Фаланга — боевой порядок пехоты, представляющий собой плотное построение воинов в несколько шеренг. Фаланга требовала от воина способности держать строй под напором противника и перестраиваться по команде. Иными словами, предполагала новое качество военного искусства и новые требования к воинам. Фаланга обеспечивала качественные преимущества греков, а также римлян, которые восприняли достижения греческой военной мысли и развивали ее вплоть до эпохи упадка империи, когда римская армия становилась в значительной степени варварской. И эпоха эллинизма, и Римская империя были бы невозможны без тех преимуществ, которые сформировала греко-римская античность. Новый уровень военного искусства и армия нового типа входят в эту целостность. Заметим, армии всего мира по сей день осваивают ходьбу строем и демонстрируют ее в парадных шествиях.

На смену бронзовому приходит железный век. Приблизительно с VII века до н. э. первобытные племена осваивают самостоятельную выплавку железа. Железная руда встречается значительно чаще медных и оловянных руд. Железо буквально преобразует окружающий мир. Появляется железный лемех, пригодный для распашки тяжелых лесных почв, и обитатели лесной зоны переходят к земледелию. Внедрение железа способствовало улучшению ирригационных систем: происходило совершенствование оросительных сооружений, улучшались водоподъемные сооружения (в частности, в середине I тысячелетия до н. э. стало использоваться водоподъемное колесо). Это привело к повышению продуктивности полей. Значительно ускорилось развитие различных ремесел. Начали интенсивно развиваться мореплавание, строительство зданий и создание дорог, а также улучшалась военная техника. Развивалась и торговля, а в середине I тысячелетия до н. э. в ходу появились металлические монеты. Иными словами, внедрение железа стало революцией.

В XIV веке нашей эры в Европе появляется огнестрельное оружие, которое полностью изменило подход к ведению боя. Эта инновация породила массу социальных, культурных и политических изменений. Огнестрельное оружие похоронило рыцарей, сделало ненужными классические средневековые замки³. Формирование централизованных государств и абсолютизм в Европе (XVII—XVIII века) связан не только с Реформацией и Контрреформацией, но и с новой реальностью, заданной огнестрельным оружием. Огнестрел продвигал Европу к Новому времени.

Помянем хотя бы одной фразой изобретение книгопечатания (Иоганн Гутенберг, XV век), которое сыграло ведущую роль в революционном развитии культуры в начале Европы, а затем и всего мира и стало существенным фактором разворачивания Реформации.

Наконец в конце XVIII века изобретена паровая машина двойного действия. Если до паровой машины человечество использовало энергию ветра или воды в мельницах, то с изобретением паровой машины человек получил неизмеримо более мощный и не зависящий от погодных условий источник энергии. Из этого выросла промышленная революция. Паровая машина запустила разворачивание машинной эры. Не только промышленность, но и сельское хозяйство заполняются массой станков и механизмов, позволяющих делать больше и лучшего качества. С этого момента технологические изменения рождаются в ускоряющемся темпе и постоянно преобразуют человеческую реальность. К середине XIX века в промышленно развитых странах складывается ситуация, в которой входящего в мир человека окружает одна технологическая

³ Римские папы запрещали христианам пользоваться арбалетом, «ненавистным богу и неподобающим христианину» (впрочем, безуспешно) однако запретить огнестрельное оружие церковь не смогла.

и предметная реальность, а мир, окружающий его на склоне лет, отличается массой больших и малых реалий: предметов, технологий, практик.

Таким образом, качественная сторона исторического процесса стала доминирующей. И если ранее средний человек мог не осознавать качественные перемены как главное содержание истории, то сегодня это становится очевидным для подавляющего большинства землян.

Эпохи революционных преобразований

Как было сказано выше, качественные изменения могут происходить в двух режимах — малыми приращениями, накапливаясь постепенно, и в ходе больших революционных скачков, когда жизнь изменяется сразу и радикальным образом.

Первый из этих режимов может восприниматься как тягостное изменение привычного бытия. При всей дискомфортности малых приращений, они терпимы. Иногда новое приносит удобства и блага, которые позволяют «подняться» наиболее динамичным. Революционные скачки всегда драматичны. Всегда отрицают устойчивый, казавшийся вечным мир и продвигают невиданные и непостижимые (душегубительные, дьявольские, пошлые и недостойные приличного человека) перемены. Именно так переживаются события эпохи революционных преобразований. Мы имеем в виду как политические и технологические, так и культурные революции. Чаще всего эти процессы накладываются друг на друга и сваливаются на голову маленького человека.

Отметим, что, как правило, традиционное общество противостоит переменам, минимизирует их, все время пытается выхолостить исторический и культурный потенциал нововведений и откатить назад. Поэтому однажды запускается процесс революционного преобразования застойной реальности. Тут и разворачивается трагедия исторического бытия.

Дело в том, что значительная часть традиционных обществ, переживающих революционное включение в эпоху напряженных перемен, состоит из людей в принципе неспособных к радикальным переменам. Их антропологические характеристики, актуальная культура, ментальность блокируют возможность включиться в новый мир. Так мы сталкиваемся с *общеисторической закономерностью, табуированной к называнию и осмыслению: люди, которые не способны освоить модели поведения и образ жизни, утверждающийся в ходе исторической трансформации, обречены на вымирание.*

Так люди, которые не склонны мигрировать вслед за капиталом, осваивать новые профессии, включаться в новые социальные роли в мире рыночной экономики, по выходе из традиционного общества обречены вымирать. Это жесткое суждение, однако такова реальность. Такова логика исторического процесса, на которую мы склонны закрывать глаза. Только *вымирание* в состоянии *обеспечить прерывание исторической преемственности тупикового опыта.* Речь идет о *выведении из бытия остро неадекватных конфигураций личностных характеристик и культурного сознания.*

Далее, и это очень важно, в реальности деградируют и вымирают далеко не все. В описываемой нами ситуации происходит флотация, или разделение фракций по параметру способности к модернизационному самоизменению. Все те, кто располагает экзистенциальным потенциалом самоизменения, уезжают в большие города, меняют профессию, приспосабливаются к новой жизни, спасают от безнадёжного прозябания себя и своих близких. Те же, кто не готов и не способен меняться, — спиваются, гибнут, убивая друг друга в бессмысленных пьяных драках, вешаются, замерзают «по

пьяному делу» в неотопливаемых помещениях. Это нормально. Нормально в том смысле, в каком нормальна и неустраима трагедия бытия⁴.

Понятно, что эти теоретические построения скандальным образом разрушают прогрессистскую мифологию. В эпохи качественных переходов история ставит человека перед выбором: верности привычным мифам или верности императиву выживания. Мифы исконны (реально они далеко не исконны, но актуальный миф переживается как вечная, несотворимая и неуничтожимая сущность)⁵, сакральны и переживаются как неотъемлемые основания личности. Пересмотр базовых оснований мировоззрения — исключительно болезненный процесс, на который способны далеко не все.

Одно из базовых положений советской мифологии состояло в том, что «народы творят свою историю». А поскольку в советском идеологическом словаре «народы» — сущность позитивная, это утверждение несло в себе как демократические, так и оптимистические смыслы. Всякий миф наряду с элементами истины содержит заблуждения и фантастические трактовки. В некотором смысле народы действительно творят свою историю. Они принимают или не принимают утвердившийся порядок вещей: воюют или дезертируют, работают на земле или разбегаются. Однако традиционное население сплошь и рядом превратно, мифологическим образом трактует политическую и социальную реальность. Народные устремления часто повернуты в невозвратное прошлое. Традиционный русский крестьянин веками чаял народного царя, «черного передела» и общинной жизни без чиновников. Этими устремлениями задавался выбор десятков миллионов людей в ходе Гражданской войны. В результате народ получил жесточайшее государство и второе закрепощение. А «черный передел» обернулся изъятием всей земли в пользу государства.

История немилосердна к заблуждениям. Она наказывает самых искренних носителей иллюзий, если эти иллюзии неадаптивны. Трагедия состоит в том, что люди, принадлежащие традиционной культуре, в массе своей не располагают гносеологическим и общекультурным потенциалом для того, чтобы извлекать уроки, преподанные историей.

Подчеркнем, речь идет о массе. Объективные свидетельства — адекватные и другие формы устного народного творчества, частные высказывания, зафиксированные в документах НКВД — фиксируют примеры вполне адекватного восприятия советской действительности. Расшифровку аббревиатуры ВКП(б) как «второе крепостное право большевиков» приводит Солженицын. Наколка «Раб КПСС» встречалась среди татуировок заключенных (см: Татуировки заключенных из личного собрания Д. С. Балдаева. СПб., 2001). В начале 30-х годов восходит любимая автором частушка: «Слева молот, справа серп — / Это наш советский герб. / Хочешь жни, а хочешь куй — / Все равно получишь моральное удовлетворение». Однако эти идеи и настроения не являлись доминирующими. Рядом с ними жили вполне фантастические построения. И, как мы знаем, широкие народные массы отторгли капиталистическую перспективу и с помощью государства вырезали кулачество.

Народные массы действительно творят свою судьбу. Но если мы говорим о традиционном обществе, это не есть осознанный и осмысленный выбор. В итоге массы получают совсем не то, что хотели обрести. Традиционный человек мыслит мифологически и воспринимает мир в эсхатологических моделях, верит авторитетам, склонен

⁴ Подробно эта тема исследуется в работе автора «Выведение из бытия и замещение исторического субъекта».

⁵ Так, прогрессистская мифология утверждается в России никак не раньше последней трети XIX века. А статус общегосударственной идеологии обретает в советскую эпоху.

к фантастическим объяснительным моделям (типа «засилья инородцев» и «мирового заговора»). Обобщая, *традиционный человек неадекватен задаче рационального постижения окружающей его реальности*. За этого человека выбор совершает присущая ему традиционная культура, которая заряжена на бесконечное воспроизводство собственного универсума. Совершать сколько-нибудь осознанный выбор способна элита. Но и здесь возможности маневра не безграничны. Выбор элиты, вступающий в неразрешимый конфликт с актуальной культурой широких масс, заканчивается поражением. Иными словами, *заходящая в тупик культура объективно лишена возможностей самоизменения*⁶. Отдельные люди, социальные группы могут покинуть обреченную культуру: поверить в иных богов, сменить подданство, уехать. Культура же как целое обречена на историческое снятие, которое всегда носит драматический характер.

Выведение из бытия — самое явное и страшное проявление. Трансформация морали, социальная динамика, исчезновение одних сословий и утверждение на их месте других, разительные изменения культуры — все это неизбежно мучительно, предполагает как выигравших, так и проигравших. Общество разделяется и заново объединяется, но уже на других основаниях. Отказ от себя вчерашнего сплошь и рядом оказывается условием выживания.

Сознательная борьба с изживаемыми традициями

Обратимся к другим аспектам исторической динамики — к *сознательной борьбе с изживаемыми традициями*. Мы имеем в виду борьбу с уходящими традициями/идеологиями через табуирование некоторых действий и уничтожение носителей этих практик.

Вообще говоря, табу — сложное и многоаспектное явление. Табу есть запрет, опирающийся на атрибут «священности» и абсолютной божественной императивности. Соблюдение табу охранялось репрессивными мерами (смертная казнь, конфискация имущества, разграбление). Бывали случаи, когда люди, имевшие несчастье нарушить табу, умирали скоропостижно от одного страха перед неминуемой карой небесной. Как отмечают исследователи, наиболее типичные формы табу встречаются в обществах, в которых уже выделилось сословие жрецов, у обществ с теократическим строем⁷.

В силу некоторой логики эволюционного процесса (мы можем пытаться ее реконструировать, выдвигая те или иные объяснения, но не более того) на достаточно ранних этапах антропогенеза произошла табуация целого ряда практик. Были табуированы копрофагия, каннибализм. Речь идет о верхнем палеолите (35 000—10 000 до н. э.). В это же время формируются нормы экзогамии и табуируется инцест. С возникновением семьи репрессивруется добрачная и внебрачная половая жизнь. Этот запрет особенно жестко предьявляется к женщинам.

Для нас все перечисленные выше табу самоочевидны и, может быть, за исключением запрета на добрачную и внебрачную половую жизнь, как бы естественны. Однако они не соответствуют устойчивым практикам животного мира. Каннибализм у животных является фактором естественного отбора и зафиксирован у множества видов. В том числе у млекопитающих, и в частности у приматов. Судя по всему, каннибализм был нормальной практикой у архантропов. Так, по утверждению специалистов, *Homo ergaster* был падальщиком. Копрофагия также биологически оправдана и фиксируется у многих млекопитающих. Она связана как с задачей приобретения и поддержания микрофлоры кишечника (слоны), так и с тем обстоятельством, что некоторые виды

⁶ И это — масштабная историческая трагедия.

⁷ «Табу» — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890—1907.

(грызуны) не могут с первого раза эффективно переварить растительную пищу. Поэтому они заново поедают полупереваренные растения. Человек отторгает эти практики.

С каннибализмом более или менее понятно. Каннибализм атомизирует человеческие сообщества. Он представляет собой очевидное препятствие к возникновению значительных объединений людей. На переходе к крупным социальным общностям (союзам племен, ранним государствам) людоедство табуируется. С копрофагией сложнее. Можно предположить, что освоение огня и переход к вареной/жареной пище снимает биологическую мотивацию поедания экскрементов. Наряду с этим есть искушение полагать, что за табу копрофагии стоит потребность в различении себя и остального животного мира.

Табу инцеста, судя по всему, также имеют биологический смысл, как бы эта табуация ни осмысливалась культурой. В отличие от животных, ведущих беспорядочную половую жизнь, люди создают устойчивые семьи. В такой ситуации практика близкородственного скрещивания ведет к значительному возрастанию вероятности рождения ребенка с серьезным генетическим (врожденным) дефектом или умственной отсталостью. В генетике данный процесс называют выщеплением рецессивных гомозигот⁸. Нормы экзогамии и табу инцеста утверждаются в доисторическую эпоху.

В архаических и традиционных культурах базовые табу подкрепляются целым рядом дополнительных запретов. «Генезис этих запрещений кроется в суеверном стремлении первобытного человека оградить всякое разумное с его точки зрения религиозное правило или запрет целым рядом параллельных запретов в областях совершенно индифферентных, руководствуясь либо простой аналогией с основным запретом, либо желанием оградить основной запрет от самой отдаленной возможности нарушения»⁹. Так в Талмуде закон о святости субботы подкрепляется запретом прикасаться к светильнику, носить платок в кармане и т. д. Таким образом, жизнь традиционного человека сопровождалась массой запретов, нарушение которых рождало психологические и социальные проблемы.

То, что мы воспринимаем как вечное и исконное, однажды было новым и скандално неслыханным. Архаический человек был намертво привязан ко всему, что традиционно и завещано ушедшими поколениями. Эта культурная диспозиция диктовалась спецификой ранних этапов истории человечества. Качественный скачок требовал закреплять намертво обретенные характеристики. И психика, и культура были ориентированы на чистое воспроизводство. Только табуация, опирающаяся на самые жестокие санкции, была способна поломать и обеспечить постепенное изживание отторгаемых практик. При всех обстоятельствах табуация стрессировала и угнетала человека. Особенно остро этот груз сказывался в фазе исторического изживания. Всегда есть люди, не склонные исполнять табу. Священный ужас возмездия, связанного с нарушением табу, — фон жизни архаического и традиционного человека. Созерцание казни нечестивцев-нарушителей табу и участие в этих действиях — тягостная норма такой жизни.

Отметим, что ни одно из перечисленных нами табу не утвердилось окончательно. Копрофагия и каннибализм осмысливаются сегодня как психическая патология. Во время массового голода практика каннибализма (как поедание умерших, так и связанная с убийством жертвы) фиксируется как устойчивое явление¹⁰. В маргинальной и алкоголизированной среде инцест — достаточно распространенная практика.

⁸ В последнее время среди специалистов высказываются суждения относительно биологической несостоятельности этого утверждения..

⁹ «Табу» — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890—1907.

¹⁰ Смотри материалы по голоду в Поволжье 1922, голодомору 1932—1933 годов, ситуации в осажденном Ленинграде.

Вообще говоря, в культуре всегда живет запрос на нарушение табу. Всякая культурная норма существует только на фоне отклонений и нарушений. Игра с запретным — одна из неустранимых и потому вечных культурно-психологических потребностей человека. В российском Интернете наблюдатель может заметить впечатляющий массив порнороликов отечественного производства на темы инцеста. Любые мыслимые варианты запретных сочетаний (отец-дочь, сын-мать, брат-сестра, дед-внучка и т. д.) разыгрываются и постоянно выкладываются на отечественных порносайтах. Нашему потребителю этой продукции нужна не просто «крутая порнуха», а нарушение сакральных норм. В англоязычном секторе Интернета подобных сюжетов заметно меньше.

Выше мы говорили о табу, истоки которых восходят к доисторической эпохе. Становление государственности принесло новые проблемы. Со временем крепнущее государство последовательно наступает на вековые, традиционные нормы жизни. Утверждая монополию на легитимное насилие, государство запрещает кровную месть, запрещает практику самосуда, борется с традицией частной войны. Вводит монополию на внешнюю торговлю, отменяет патриархальное рабство и т. д. В результате массовый носитель традиции попадает в ситуацию жесточайшего конфликта: нормы актуальной культуры императивно требуют от него одного поведения, а нормы и предписания власти — противоположного. Патриархальная культура требует от мужчины совершить акт мести по отношению к роду убийцы кровного родственника. Отец, узнавший о том, что его дочь потеряла стыд и обесчещена, только убив ее, смывает с семьи пятно позора. Подобные вещи и сегодня происходят на арабском Востоке, в Турции. Это так называемые «убийства чести» или «убийства за честь семьи»¹¹. А государство запрещает и жестоко карает за нарушение запрета. К примеру, в России (статья 105 УК РФ) кровная месть карается лишением свободы от восьми лет до пожизненного заключения. Иными словами, история ставит носителя периферийных, изживаемых моделей традиционного сознания в безвыходное положение. Трагедия многих поколений этих людей оказывается ценой утверждения новых ценностей и представлений.

То же самое можно сказать о процессах изживания паразитарных, варварских стратегий бытия, сформировавшихся в ходе истории. Мы имеем в виду набеги, ограбления, воровство как основу экономики, «береговое право», романтизированное массовой культурой пиратство и т. д. Медленное и мучительное изживание этих социальных групп, племен, культур; уничтожение присущего им мироощущения, этоса, картины мира и психологического типа — полноценная историческая трагедия, растянувшаяся на тысячелетия. Трагедия для всех субъектов обозначенной нами исторической драмы. И для тех, кто с точки зрения государства и цивилизации является варваром и преступником, и для их жертв, и для сил, уничтожающих догосударственную стихию.

Если мы обратимся к истории завоеваний Александра Македонского, то обнаружим следующую картину: Александр последовательно уничтожал горные племена, традиционно промышляющие грабежом земель сельских низин и взимавшие плату за проход через их земли: горных уксиев, пизидийцев, фракийских горных бессов, по свидетельству источников «пользовавшихся славой разбойников даже среди разбойников» и др. Если персидская империя терпела этот реликт догосударственного бытия на своих окраинах, то Александр руководствовался европейским стандартом и вырезал активных носителей варварского сознания. Иными словами,

¹¹ По оценкам Фонда народонаселения ООН, в исламском мире ежегодно совершается до 5000 «убийств чести» (NEWSru.co.il // Ближний Восток // Понедельник, 23 июля 2007 г.).

движение государства по пути стадийного развития оборачивается последовательным разрушением анклавов варварства и насильственным вписанием выживших варваров в государство.

Рассмотрим один частный сюжет — конокрадство. Древнегерманское право карало конокрада побитием камнями. Раннее русское право устанавливало «поток и разграбление» (высшая мера наказания, включавшая обращение в холопство и конфискацию имущества). Судебное уложение 1649 года устанавливает за кражу лошади на службе отсечение руки. В русской деревне конокрада ждал самосуд. Крестьяне забивали конокрада до смерти. Немцы-колонисты рубили руки.

Когда мы пытаемся осмыслить данное явление, надо понимать, что конокрад возникал не на голом месте. Конокрадом мог стать русский, татарин или цыган. Дело не в национальности. Среда, породившая конокрада, актуальная для него культура трактовала кражу лошади как лихое, геройское предприятие, достойное настоящего мужчины. Коня воровали деды и прадеды конокрада. Окружавшие его девушки знали, что удачливый конокрад — фартовый парень и завидный жених. Размыть эту культуру, маргинализовать ее и в перспективе уничтожить могли только жесточайшие санкции.

В современную эпоху, когда государство одержало победу и торжествует на большей части земного шара, все сравнительно не так плохо, поскольку наказывают по преимуществу виновных в конкретных деяниях. А на заре противостояния варварства и цивилизации, когда битва шла не на жизнь, а на смерть, государство попросту вырезало варварские племена. В качестве оправдания государства надо заметить, что варвары были нападающей стороной. Они грабили, разрушали города и селения, продавали людей в рабство. А в эпоху кризиса государства разрушали его практически начисто. Исходно это была борьба на взаимное уничтожение. Хроники ассирийских или вавилонских правителей хранят колоритные описания подвигов на ниве борьбы с военной демократией: вырезали, сожгли, распяли. Других способов унять беспокойных соседей в ту историческую эпоху не существовало. В свою очередь, варвары буквально охотились на людей государства, поставляли их на невольничьи рынки. «История лангобардов» Павла Дьякона повествует об остготах, топорами отрубавших руки крестьян в Паннонии, или о славянах, распинавших земледельцев и ремесленников на крестах вниз головой. Варвары разрушали города, вырубали виноградники и плодовые деревья и т. д.

Отступающая и обороняющаяся цивилизация маневрировала. Рим и Византийская империя подкупали варварских вождей, платили им дань, натравливали одни варварские племена на других. Но главным в этой борьбе был страшно медленный, постепенный процесс ассимиляции варвара в государство. Привыкая к могущественному соседу, варвары втягивались в жизнь на окраине государства. Нанимались на службу и постепенно, незаметно для себя становились людьми государства.

Огромную роль в процессах ассимиляции архаического человеческого материала в цивилизацию сыграл *институт рабовладения*. Здесь мы касаемся интереснейшей и слабо проясненной проблемы труда. Осмысливая природу неолитической революции, специалисты говорят о процессе *порабощения трудом*. Догосударственный человек, не вписанный в интенсивное производящее хозяйство, исходно минимизирует потребление и работает ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения минимальных потребностей. Все остальное время он отдает общению, отдыху, наркотическим практикам, псевдотрудовой деятельности типа любительской рыбалки. Переход человечества к следующей стадии исторического развития потребовал *другого антропологического типа*. На смену человека, ориентированного на отдых, пришел трудоголик. Там, где процесс замещения исходного типологии новой прошел полностью, возник-

ли зрелые и успешные цивилизации. На периферии этих регионов (или в лакунах), сохранилась в разных пропорциях как ориентация на минимизирование трудовых усилий, так и ориентация на паразитарные стратегии.

Однажды логика эволюционного преобразования сформировала тип трудоголика, который оказался адаптивен и перспективен стратегически. С этого момента статистически доминирующая часть человечества (представленная человеком, минимизирующим усилия) поступила в жернова истории. Предшествующая модальность человека вытесняется и маргинализуется. Процесс этот растянулся на тысячелетия.

Заметим, что субъект, ориентированный на минимизацию усилий, никогда не исчезает полностью. «Бывшие люди», бродяги, нищие, хиппи, самые разнообразные дауншифтеры; все те, кто вычеркнул себя из общих норм зрелой социальности и переместился на обочину жизни, реализуют альтернативный сценарий бытия, во многом восходящий к палеолитической реальности (охоты и собирательства). Эти люди свободны как от порабощения трудом, так и от ответственности за полноценную жизнь в государстве и цивилизации. Причем при первой возможности (мы имеем в виду социализм, государство всеобщего благоденствия, «welfare state») человек, ориентированный на минимизацию усилий и устойчивое потребление, возрождается и за пару поколений заполняет социальное пространство зрелых современных обществ.

Вернемся к рабовладению. Цивилизация и государственность тысячелетия существовали бок о бок с догосударственной окраиной. История сосуществования этих стратегий исторического бытия исключительно драматична. Сплошь и рядом догосударственный человек вписывался в цивилизацию через институт рабства, который представляет собой один из самых репрессивных социальных порядков, созданных человеком. Эти процессы разворачивались на огромных пространствах в течение тысячелетий. Другими механизмами инкорпорирования догосударственного человека в государство история в ту пору не располагала¹². Насильственное подавление исходных характеристик, навязывание новых норм и правил, утверждение новых практик достигалось жесточайшей репрессией, которая буквально ставила человека на грань выживания.

Рабовладение — один из важнейших элементов раннего государства, возникший в недрах предшествующей эпохи. Постоянно и остро нуждавшееся в самых разнообразных ресурсах государство взяло эту социальную технологию, развило ее, выстроило на основе рабовладения сложнейшую хозяйственную систему. В этой ситуации рабам была противопоставлена не семья патриархального хозяина и традиционная культура, требовавшая от раба повиновения, а мощь аппарата принуждения целого государства. Раб был вписан в такую систему хозяйственных отношений и деятельности, которая напрочь порывала с исходной архаической культурой и требовала от него невозможного. Требовала выхода за пределы своей собственной природы. Здесь результат мог быть достигнут только через тотальное насилие.

Тот, кто был не в состоянии жить в каторжных условиях, вымирал в самом буквальном смысле. Источники свидетельствуют о высоком уровне смертности государственных рабов. Остальные мутировали антропологически, психологически, культурно. Так в чреде поколений, усилиями людей государства, из наличного позднелитического материала творился человек исторической эпохи. Подчеркнем, из позднелитического человеческого материала, ибо палеолитический человек физически не способен к такой эволюции. Ни американские индейцы, ни аборигены Австралии, ни эвенки и другие народы палеолита не порабощались, поскольку оказывались не способны

¹² А когда такие механизмы появились, институт рабства себя изжил. Этому способствовало и то обстоятельство, что догосударственная окраина к тому времени разложилась и радикально уменьшилась в объеме.

к каторжной работе и быстро умирали¹³. Рабов везли из Африки или Азии, черпая их из племен переживающих эпоху раннего государства.

Через пять-шесть поколений устойчивого и ответственного раба, плотно вписанного в мир классового общества и систему производящего хозяйства, можно посадить на пекулий. Так запускался процесс превращения вчерашних рабов в частично зависимых (крепостных). Соответственно этому формируются более мягкие социально-экономические схемы, характеризующиеся снижением уровня репрессии, повышением уровня самостоятельности и снижением нормы отчуждения. Формируется частично зависимый работник. Но это возможно только на базе качественных изменений, соответствующих масштабу стадийного перехода.

На наш взгляд, описанное выше — мы имеем в виду и борьбу с варварами, и рабовладение — не что иное, как трагедия. Благостно написанные учебники истории скрывают одно обстоятельство: *если некоторая культура лежит на пути исторического процесса, история ее уничтожает*. А уничтожить культуру можно одним способом: выбив добрую половину носителей и поставив их детей и внуков перед выбором — остаться верными заветам предков и погибнуть или пойти по пути изменений и выжить.

История человечества идет через разрушение одних целостностей и утверждение, вызревание и пространственное расширение других целостностей. Эти процессы невозможны без взаимного перемешивания. Всякий раз история захватывает массы живых людей и бросает их в чуждую среду. Есть трагедия варвара, мир которого уничтожается. Мы позиционируем себя по другую сторону этой баррикады и не склонны фиксироваться на данной трагедии, но она есть и терзает позднего варвара, попавшего в чуждый и бесконечно противный мир цивилизации. В равной степени есть трагедия человека зрелой цивилизации, попавшего в варваризованную среду, которая обрекает на одиночество, задает чуждые нормы и модели поведения.

Трагедия в том, что эти сущности непреодолимы; от них нельзя убежать. Варварские попытки разрушить цивилизацию и вернуть мир к вождельной норме в конечном счете кончаются поражением. Судьба человека цивилизации, выброшенного в варварский мир, также трагична. Поскольку люди цивилизации принадлежат письменной культуре, они оставляли свидетельства своих страданий. Так, сосланный императором Августом в Малую Скифию (современный город Констанца в Румынии) поэт Овидий создает пронзительные «Скорбные элегии» и «Письма с Понта». Похожая история происходила с Макиавелли, который, попав в опалу, удалился из города-государства Флоренции в глушь, утратил привычный круг общения и попал в среду, которая позволила ему описать свою жизнь следующим образом: «Пообедав, я возвращаюсь в остерию. Там в это время бывает ее хозяин, с ним обыкновенно мясник, мельник и два трубочиста. В их обществе я застреваю до конца дня, играю в крику и трик-трак. Мы воюем из-за каждого кватрино и крики наши слышны в Сан-Кашино. Так, спутавшись с этими гнидами, я спасаю свой мозг от плесени и даю волю злой моей судьбине: путь она истопчет меня как следует, и я погляжу, не сделается ли ей стыдно»¹⁴.

Следующий исследовательский сюжет связан с *идеологически мотивированным подавлением и уничтожением противников*. А также с *диффамацией и подавлением побежденных и статусно второсортных, которых терпят, постоянно указывая на их место*.

Идеологическая мотивация появляется вместе с монотеизмом. Политеистическое сознание толерантно. Язычник исходит из того, что у «нас» есть наши боги. Что же

¹³ Если иметь в виду американский континент, надо учитывать и то обстоятельство, что индейцы, лишённые иммунитета к европейским инфекционным заболеваниям, массово вымирали. В то время как африканские рабы как жители евразийско-африканского континентального целого обладали необходимым иммунитетом.

¹⁴ Дживилегов. Никколо Макиавелли // Никколо Макиавелли. Сочинения. Том I. ACADEMIA, 1934. С. 43.

касается других людей, то им покровительствуют и ими управляют другие боги, которые к нам не имеют отношения. Греческие или римские авторы спокойно описывают верования и ритуалы других народов, устанавливают соответствия между теми или иными богами, дивятся редким обычаям. Разноплеменная толпа в больших городах, смешанные браки и жизнь бок о бок вели к тому, что до эпохи утверждения монотеизма каждый человек мог принимать те или иные верования. Это было его личным делом.

Победа монотеизма диктует совершенно иную картину мира. Если Бог один, то все иные боги суть бесы и демоны, противостоящие настоящему, то есть «нашему» Богу. В Библии политеизм номинируется язычеством, понимаемым как *измена* единому Богу. Само существование язычников, поклоняющихся своим ложным богам, есть вызов и оскорбление Творца. Однако еще большим оскорблением Бога является любая ересь как сознательное отклонение от догматов веры. Уровень ожесточения в среде христиан и мусульман (да, впрочем, и ортодоксальных иудеев) по отношению к еретикам существенно превосходит отчуждение и ненависть к язычникам.

Обратимся к истории христианства. Возникшее в I веке на территории Палестины как одно из мессианских движений внутри иудаизма, христианство формируется в напряженном конфликте с иудаизмом. После Первой иудейской войны (66–70) и разрушения Иерусалимского храма пути иудаизма и христианства окончательно разошлись. Центр христианской проповеди переносится в столицу империи — Рим.

Вышедшее за рамки еврейского народа христианство разворачивает напряженную и в высшей степени драматичную борьбу за души людей. В этой борьбе христианство противостоит многовековой культуре античного общества. Христианство рождается в эпоху идейного кризиса античного мирозерцания и притязает на кардинальную смену парадигматики всего общества. Напряженный прозелитизм раннехристианских проповедников сталкивается как с противостоянием миллионов носителей традиционного сознания, так и с языческим государством, инстинктивно сторонящимся любых идейных брожений и стремящимся сохранить базовые основания римского целого.

Параллельно молодые христианские общины переживают доктринальное ветвление. Разные учителя по-разному трактуют те или иные аспекты формирующейся доктрины. Причем каждое направление естественно притязает на обладание единственной сакральной истиной. Поскольку истину и жизнь человек может обрести только во Христе (Ин. 14:6), любая альтернатива автоматически обрекает человека на гибель. Так возникает еще один фронт борьбы на уничтожение. Идеологическая борьба внутри христианства, борьба за статус ортодоксии переживет эпоху противостояния язычникам и продолжается на всем протяжении истории христианства. Термин «секта», первоначально употреблявшийся для образования философских школ, с началом христианской эпохи становится обозначением религиозных общин, отколовшихся от господствующей церкви. Точно такую же эволюцию переживает понятие «ересь». Уже апостол Павел помещает «ереси» в один ряд с грехами волшебства и идолослужения (Гал. 5:20).

Религиозные практики и образ жизни христиан несли в себе вызов традиционным устоям. Христиане отказывались отмечать народные праздники, участвовать в мероприятиях императорского культа, публично критиковали древние обычаи. Эсхатологическая устремленность раннего христианства, отторжение античного образа жизни вели к тому, что римляне видели в христианах людей, проникнутых ненавистью к человеческому роду. Христиане отторгались как образованным античным обществом,

так и невежественной толпою. Их обвиняли в черной магии, а также приписывали христианам инцест и каннибализм.

Это — интересный момент. Традиционное сознание приписывает онтологическому противнику жестко табуированные практики. Пройдет не так много времени, и точно те же обвинения прозвучат из уст христиан в адрес язычников, евреев, сектантов, «поклоняющихся дьяволу». Традиционно-архаическое мышление стереотипно. Авторы, описывающие ритуалы ведьм, утверждают обязательный ритуал поцелуя Дьявола в анальное отверстие. Здесь необходим культурологический комментарий. Как известно, человек произошел от обезьяны. Обезьянам, так же как, например, собакам, присуще нозально-анальное приветствие. Попросту говоря, самец обнюхивает анальную зону самки и выясняет — есть ли у нее течка или нет. Вставший на ноги человек вначале отошел от этой практики, а затем жестко табуировал ее. В этой табуации он отделял себя от остального животного мира. Так же как и табу на поедание экскрементов, перед нами одна из самых древних табуаций. Соответственно, ведьмы *должны* совершать это отвратительное действие. При этом традиционный человек не задается вопросом: откуда у Дьявола анальное отверстие? Это же ангел бесплотный. Что и зачем он может выделять из своего тела. И почему эта зона должна омерзительно пахнуть? Можно представить себе дьявола тождественно человеку, «по образу и подобию». Но крылья *бесплотному существу* в принципе не нужны. Равно как и система пищеварения со всеми ее функциями и элементами.

Отношение государства задавалось тем, что культ правителя империи являлся частью государственной религии. Надо помнить: жрецы и понтифики в Риме были государственными чиновниками. Для христиан поклонение «гению императора» (отказ принести жертву перед статуей императора) было невозможным, что расценивалось как преступление.

Первое гонение на христиан произошло при Нероне. Начиная со времени правления императора Домициана (96) разворачивается эпоха более или менее систематических гонений. Время сравнительно мирного развития христианских общин сменялось периодами преследований христиан со стороны общеимперских или местных властей. Сплошь и рядом источником гонений становилась враждебность широких масс. Чернь видела в христианах причину любых несчастий и стихийных бедствий. Провинциальные правители часто сталкивались с разъяренной толпой, требовавшей без суда казнить христиан, и иногда уступали этим требованиям.

Самым суровым было так называемое «Великое гонение» (303–313), начавшееся при императоре Диоклетиане и продолжавшееся при его преемниках. Масштаб жертв Великого гонения, по сегодняшним меркам, скромный. Погибло 3000–3500 человек.

Эпоха гонений породила яркую христианскую публицистику. Возникает апологетика (раздел теологии, посвященный рациональной защите истинности вероучения). Раннехристианские писатели-апологеты II–III веков защищали христианство и писали сочинения, направленные против его гонителей. Цитата из Тертуллиана: «Если Тибр вошел в стены, если Нил не разлился по полям, если небо не дало дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия, то тотчас кричат: христиан ко льву. Столь многих к одному? Спрашиваю вас: прежде Тиберия, то есть прежде пришествия Христа, сколь великие бедствия обрушились на землю и города?»¹⁵ — дает представление о вершинах этого жанра.

Гонения и противостояние традиционалистской массы не могли остановить распада античного космоса. Христианская община неумолимо росла. Миланский эдикт

¹⁵ Тертуллиан. Апология. Гл. 8.

императоров Константина и Лициния от 313 года о веротерпимости на территориях Римской империи был важным шагом по пути превращения христианства в официальную религию империи.

Но после эдикта *начинается самое интересное*. Можно было бы подумать, что с установлением веротерпимости в империи кончается эра идеологического насилия и подавления инакомыслия. Однако не тут-то было. Церковь двигалась к победе, пронизывая элиту римского общества. К III—IV векам христианство освоило культуру античности в той мере, которая позволяла найти дорогу к сердцу и разуму интеллектуальной и политической элиты империи. *Стратегическая цель*, поставленная лидерами *христианской общины*, — *нерушимый союз с государством*. Христианская проповедь проникает на самые верхние этажи римского общества. Декларация веротерпимости рассматривалась как шаг на пути к окончательной победе, которая состояла в превращении христианства в официальную религию империи и искоренении язычества. Борьба на уничтожение с язычеством разворачивается практически сразу после Миланского эдикта.

Буквально сразу после эдикта начинаются шаги, направленные на ограничения и стеснения языческих культов. В этой битве участвуют лидеры христианской общины, их сторонники, сочувствующие, монахи. Чернь, всегда готовая принять участие в любом погроме и поживиться за счет несчастных, получает идейное обоснование бесчинства. Вчера еще правоверные носители античной идентичности сначала превращаются в людей второго сорта, а потом — в гонимых.

Хроника этих событий печальна и поучительна:

В 314 году Анкирский собор предаёт осуждению культ Артемиды.

324 год — император Константин объявляет христианство единственной официальной религией Римской империи. Разворачивается практика разрушения и ограбления языческих храмов. Христианские церкви строят на деньги, полученные в результате разграбления храмов языческих. Император Константин приказывает «казнить всех магов и прорицателей».

Император Констанций (правление: 337—361) разворачивает новые масштабные гонения язычников. Вводится смертная казнь за все виды «идолопоклонства» и жертвоприношений. Принимается новый эдикт, повелевающий закрыть все языческие святилища. Некоторые из них оскверняются. Проходят первые сожжения хранящих языческую мудрость библиотек в разных городах империи. Запрещаются все виды гаданий и астрология.

Руины языческих храмов используются как каменоломни. Рядом с закрытыми языческими храмами создают предприятия для изготовления извести. Разбитые статуи языческих богов систематически пережигают в известь¹⁶.

364 год — император Флавий Клавдий Иовиан правил недолго (363—364), но вошел в историю гонений на язычников. По его приказу сожжена Антиохийская библиотека. Борьба велась не только с язычниками, но и с иудеями, которых ограничивали в правах, преследовали и насильственно обращали в христианство. Вообще говоря, практика принудительного обращения в христианство становится всеобщей, а возвращение христианина к вере отцов с некоторого момента рассматривалось как уголовное преступление.

Разрушение языческих храмов, убийство жрецов, уничтожение памятников превращаются в рутинную примету эпохи. При императоре Валенте (370) *языческие книги сжигают на площадях*.

¹⁶ В 70-е годы прошлого века в глубинке Владимирской области бодрый старичок с комсомольским прошлым рассказывал автору о том, как в 30-е годы он «раздевал церкви», а другой респондент напомнил: иконами раздетых церквей топили районную электростанцию. Нет ничего нового под луной.

Борьба с язычниками идет полным ходом в V и VI веках. В VII веке она несколько затихает, но это связано с изживанием языческой традиции. Языческие практики, тайные жрецы, празднования календ и исполнение ритуалов прослеживаются вплоть до IX века. Но это уже разрозненные остатки целостной традиции, уничтоженной победителями.

Описанные нами события если и излагаются, то сбивчиво и скороговоркой. Христианские авторы склонны утверждать, что язычество скончалось, так сказать, «своей смертью». Это не так, языческое сознание, безусловно, переживало кризис и в широкой исторической перспективе было обречено. Но христианство сделало все для того, чтобы ускорить этот процесс и уничтожить язычество¹⁷.

Параллельно с фронтом противостояния язычеству открылся второй фронт — доктринальной борьбы внутри христианской общины. Прежде всего, шла борьба за параметры учения. Складывалась ортодоксальная доктрина, в ходе этой борьбы одни объявляли свою трактовку подлинно христианской, обвиняя сторонников всех иных трактовок учения в ереси. Это напряженная, захватывающая драма, развернувшаяся на трех континентах (поскольку Римская империя владела землями в Европе, Азии и Африке), растянувшаяся на два века. В интересующем нас отношении примечательны формы и методы борьбы, идейно-психологическая атмосфера и, наконец, положение «маленького человека», оказавшегося в жерновах большой исторической схватки, в которой определяются идейные и политические параметры крупного учения.

Описанная борьба породила крайнее возбуждение и ожесточение. Насилие, клевета, обвинение во всех смертных грехах. И наконец, война до победы либо война на уничтожение. Вот как описывает ситуацию, сложившуюся в империи к V веку, специалист: «Епископы требовали абсолютной лояльности от своих клириков и последователей... Монахи играли особую роль частной армии и священных боевиков, которые по приказу харизматического епископа могли громить языческие храмы, избивать и убивать оппонентов и запугивать соперничающих богословов... Миряне также принимали участие в этих битвах — в виде толпы или организованных бандитских групп»¹⁸.

Чтобы понять причины всеобщего ожесточения, надо помнить о том, что христиане первых веков жили в ожидании скорого Пришествия и конца «этого мира», погрязшего в грехах. Борьба на уничтожение «еретиков» шла до победы либо до раздела страны. По мнению специалистов, успехи ислама в Египте и Азии напрямую связаны с борьбой между холкидонцами и монофизитами (две основные доктрины в христологических спорах).

Параллельно били конкурентов и еретиков, откровенно позиционирующихся за рамками христианства, таких, как гностики и манихеи. Заодно били евреев, которые воспринимались как особо злостная ересь. Так св. Кирилл Александрийский (376—444) «возглавил бесчисленную толпу, которая грабила синагоги и выгоняла из домов иудеев, чьи предки поселились в городе еще семь столетий назад»¹⁹. Мы зафиксировали значимый аспект ранней истории христианства, менее всего известный широкой аудитории. Дальнейшие события подробно описаны и вошли в актив исторического сознания.

А далее разворачивались всем известные процессы: бесконечные войны христиан и мусульман (с 630-х годов до конца XIX века), крестовые походы на Восток, крова-

¹⁷ Подробнее история насильственного уничтожения язычества излагается в ряде публикаций. Например, см.: Власис Рассаиас (Vlasis Rassias) «Сокрушите их» — Афины, 2000: <http://www.proshkolu.ru/user/antic/blog/260842/>

¹⁸ Филипп Дженкинс. Войны за Иисуса. М., 2012. С. 72—74.

¹⁹ Там же. С. 165.

вое подавление средневековых ересей: павликиан, богомилов, катаров, вальденсов, лоллардов. Крестовые походы против еретиков, инквизиция. Войны Контрреформации, европейские революции и революционная борьба с церковью. Перманентный антисемитизм от эпохи крестовых походов до середины XX века: еврейские гетто, погромы, ущемление евреев в правах, знаковые судебные процессы: «дело Бейлиса» в России и «дело Дрейфуса» во Франции, геноцид армян, голодомор, холокост и т. д. Данный список можно продолжать и детализировать бесконечно. Все эти эпизоды всемирной истории оборачивались болью и страданиями миллионов людей.

Один из прекрасных памятников романского зодчества — аббатство Клюни — погиб в ходе Великой французской революции. Закрытое в 1790 году, аббатство в 1793 году сожжено и разграблено окрестными крестьянами. В 1798-м остатки аббатства были проданы и несколько десятилетий использовались как каменоломня. Наше глубочайшее убеждение состоит в том, что самые разнообразные гонения, которые пережил христианский мир с эпохи Реформации, вплоть до настоящего дня являются формой исторической ответственности за союз церкви и государства, восходящий к эпохе утверждения христианства.

Вообще говоря, символические события в истории случаются чаще, чем нам это кажется. Когда говорят о семье императора-мученика, загубленной безбожными большевиками, почему-то забывают о «воренке». Претендент на русский престол, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II, вошедший в историю под именем «Иван Воренок», повешен около Серпуховских ворот в июле 1614 года. Так разрешалась династическая коллизия и снималась проблема легитимности взошедшей на престол династии Романовых. Было найдено достаточно радикальное решение. Муж Марины Мнишек, атаман Иван Заруцкий, посажен на кол, сын — Иван Дмитриевич — повешен. Сидевшая в тюрьме, однако венчанная и коронованная русская царица Марина Мнишек не могла быть повешена прилюдно. Ее утопили и объявили, что *«умерла с тоски по своей воле»*. Вернемся к «воренку». Тяжелобольного трехлетнего ребенка палачи на руках несли к виселице. Династия Романовых как начинается, так и завершается убитым мальчиком.

Суммируя. История христианства трагична с момента возникновения и до сего дня. И это не особенность христианства. Ровно то же мы можем сказать об иудаизме, исламе, буддизме и других мировых религиях. Террористы-шииты взрывают бомбы в суннитских храмах. А террористы-сунниты ничем не уступают шиитам. Мусульмане в Турции, Египте или Пакистане при случае бьют и вырезают местных христиан. Индусы в Западной Бенгалии периодически нападают на мусульман, и наоборот. Мусульмане Китая периодически восставали; в настоящее время правительство страны реализует последовательную политику растворения мусульман-уйгуров в массе китайцев. Религии объединяют «своих» и одновременно дистанцируются от «чужих». Борьба с «чужими» — общебиологическая универсалия борьбы за территорию и ресурсы. Такова неустранимая диалектика человеческого бытия.

Надо сказать, что самые серьезные гонения не выступают предпосылкой того, что, придя к власти, гонимые будут реализовывать политику терпимости. Обратимся к сравнительно близкому хронологически материалу. Речь Посполитая была ликвидирована в 1795 году с разделом страны между Россией, Пруссией и Австрией, на фоне поражения восстания Тадеуша Костюшко. Далее 124 года разделенная Польша существовала в рамках поглотивших ее государств.

В рамках российского фрагмента Речи Посполитой последовательно проводилась политика русификации. На некоторых этапах она смягчалась, на других — после восстаний — ужесточалась. Закрывался Варшавский университет, усиливалась цензура,

запрещались книги Адама Мицкевича и других авторов. После подавления Январского восстания 1863—1864 годов реализовывалась жесткая политика интенсивной русификации, символом которой стал губернатор Северо-Западного края М. Н. Муравьев-Виленский, прозванный народническими и либеральными кругами «Муравьев-вешатель». Использование польского языка запрещалось в школе, деловой переписке, общественных местах, запрещались церковные книги на польском языке, поляки вытеснялись из государственных учреждений. Одновременно поощрялось распространение православия. Была ликвидирована Греко-католическая церковь, униатов принуждали к переходу в православие и т. д.

И это были годы нескончаемого противостояния. Поляки создавали тайные общества, подпольные школы, эмигрировали во Францию и Италию, противостояли онемечиванию и обрусению, писали исторические исследования, излагавшие события в соответствии с национальной идеологией, учили своих детей истории и культуре родной страны, разучивали и тайно исполняли национальный гимн Польши «Мазурку Домбровского». При первой возможности включались в движения, направленные на воссоздание государства. Упомянутый нами Домбровский командовал Польским легионом под началом Франции (1796—1807). Стратегическая цель этого предприятия — восстановление польской государственности. Наконец, на территории Российской империи поляки дважды восставали в 1830—1831 и 1861—1864 годах. Для ликвидации этих возмущений потребовалось использование значительных контингентов российской армии.

По итогам Первой мировой войны в 1918 году провозглашается независимое польское государство. На международном уровне воссоздание польского государства было оформлено Парижской мирной конференцией 1919 года. И окончательно оформлено Версальским договором (июнь 1919 года).

Здесь неизбежно вспоминается пассаж из выступления В. Молотова на внеочередной сессии ВС СССР 31 октября 1939 года: «Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого *уродливого детища Версальского договора*, жившего за счет угнетения непольских национальностей».

Восстановленное польское государство было многонациональным. Собственно поляки составляли 68 % населения. Можно было бы предположить, что исторический опыт, пережитый польским народом, вдохновит его на толерантную национальную политику, но не тут-то было. Польское правительство последовательно реализовывало линию на ополячивание всех граждан непольской национальности. Так, на территориях с доминирующим украинским населением уничтожались православные и греко-католические церкви, монастыри и культурные центры. Преследовались учителя и священники, украинское население вынуждали записываться поляками и переходить в католичество.

Одновременно для закрепления «польскости» польское правительство инициировало раздачу земель и переселение военных поселенцев «осадников» из Центральной Польши на земли, населенные преимущественно украинским населением. Поселенцам выделялись имения и земли, предоставлялись кредиты, налоговые льготы и списания задолженностей, разрешалось иметь оружие и т. д.

Естественно, такая политика вызывала противостояние национально мыслящего актива украинского общества. В июле 1930 года структуры ОУН в Галиции инициировали широкую антипольскую акцию саботажа (в основном поджоги домов, складов

зерна и сельхозинвентаря). В ответ на это правительство страны провело акцию «пацификации» (умиротворения). Формы и масштаб этих акций были таковы, что члены британского парламента обратились к секретарю Лиги Наций с просьбой о проведении расследования. В 1932 году Лига Наций осудила действия польского правительства по отношению к украинскому населению.

Польша возникла на развалинах трех империй: Австро-Венгерской, Российской и Германской. Однако польская элита реализовывала вечную стратегию имперской силовой интеграции. До идеи национального государства элита межвоенной Польши не доросла.

Надо отдавать себе отчет в том, что ценности секуляризации, идеи неотъемлемых прав человека, представления о нормах толерантного отношения к конфессионально, расово, идеологически иному утверждаются буквально на наших глазах. В массе регионов мира эти нормы отменяются либо признаются номинативно. Иных гнобят, а в конфликтных ситуациях уничтожают при первой возможности. Такова реальность нашего бытия. И в этом — очередная грань драмы всемирно-исторического процесса.

Войны и всемирно-исторический процесс

Кровавые войны, революции, крестьянские и гражданские войны — один из важных механизмов, обеспечивающих разворачивание исторического процесса. В этих катаклизмах выбиваются широкие слои исторически обреченных. Снимается энергия протеста против течения истории (изменения мира в недолжном направлении), складываются предпосылки смирения с неизбежным.

Большая война — интегратор нового исторического качества. Выбиваются целые социальные категории (традиционное крестьянство, аристократия, рыцари), исчезает (резко маргинализуется) культурный космос, ими порожденный и их воспроизводивший. Складываются новые социальные связи, модели поведения и механизмы. Поднимаются новые социальные силы. В результате формируется качественно новый паттерн. Причем неременное условие всего этого — страдания людей и душегубство.

Большая, в пределе, мировая война выступает механизмом исторического синтеза нового качества. Эта закономерность неоднократно подтверждалась историей. Тридцатилетняя война (1618—1648), войны, порожденные Великой французской революцией (1789—1813), Первая мировая (1914—1918), Вторая мировая война (1939—1945)²⁰.

В процессах революционных преобразований присутствует исключительной важности момент — экзистенциальный отрыв от старого, исконного привычного и безусловного. Мало *разрушить старое*. Если оно просто разрушено, его могут попытаться реставрировать. Такое происходит сплошь и рядом. Необходимо обеспечить *экзистенциальный отрыв* от изжитого и отторгаемого. Этот отрыв обеспечивается страданиями широких масс и горами трупов. Гибель широких масс не только вышибает вчерашних людей и подрывает механизмы воспроизводства их актуальной культуры. Она создает ситуацию ритуально переживаемого массового жертвоприношения. Только ужас этого жертвоприношения в состоянии обеспечить искомый экзистенциальный отрыв. Войны, террор, голодомор — эти события перелистывают страницу в книге истории. Делают устойчивую жизнь «до того» допотопной, позавчерашней, неактуальной, отчужденной по сложно формулируемому, но императивному основанию. В этом *телеология ужасов и массовых страданий*.

²⁰ Подробнее см.: «Мировые войны и всемирно-исторический процесс».

Внутренний конфликт зрелого/позднего варвара

Если вывести за скобки идейных сторонников чистого палеолита, таких, как Пол Пот (разрушавший города и видевший идеал в жизни палеолитических племен, оставшихся в глубинке страны), то массовый варвар разрывается в амбивалентном переживании цивилизации. Она несет смерть варварскому миру, и за одно это ее надо уничтожить. Но в то же время цивилизация обладает массой вожделенных благ, которые желанны и необходимы. Это противоречие неразрешимо. Драма варвара выливается в совершение, казалось бы, иррациональных, немотивированных поступков (варварское своеволие). Для него характерны перманентное загаживание и разрушение среды зрелой цивилизации.

Варвар и архаик, попавший в среду зрелой цивилизации, непременно хаотизирует эту среду, загаживает в прямом и переносном смысле, отказывается воспроизводить тот уровень упорядоченности и эстетического оформления, который свойствен данной среде. «Слишком» упорядоченная предметная среда вызывает в душе варвара метафизический протест. Он должен оторвать штaketину от забора, написать на стене непотребное слово и помочиться в лифте. Нас возмущает такое поведение, но надо отдавать себе отчет в том, что за варварской хаотизацией стоит переживание окружающего тебя мира как холодного, чуждого и неподлинного. В детстве варвара, в его семье, в окружающем его мире все по-другому. Проще, естественней, понятней. По сути, мы сталкиваемся с инстинктом сироты, выброшенной в холодный чужой мир.

Варвар убежден в том, что множество моментов в поведении человека цивилизации противоречит человеческому естеству, делается из соображений престижа, желания отделиться от «простого человека», унижить его. Никто из «наших», то есть — нормальных людей, так себя не ведет. Вкусы и интересы человека цивилизации варвару чужды и непонятны. Он пребывает в убеждении, что на симфонические концерты или в музеи «они» ходят из престижных соображений: показать свои туалеты, зайти в буфет, познакомиться с нужными и интересными людьми, подтвердить свой статус и т. д.

Поскольку отдельного человека в традиционной культуре не существует и каждый живет под присмотром всех, носитель традиционного сознания не постигает, почему нельзя подслушивать чужие разговоры и читать чужие письма. В равной степени он активно отрицает идею святости чужой собственности, которая есть предметное воплощение выделенности отдельного человека из родового, семейного, общинного целого и т. д.

При всем этом мир зрелой цивилизации очевидным образом побеждает. Попытки дедов и прадедов сегодняшнего внутреннего варвара разрушить этот мир ни к чему не привели, а сам он переместился в пространство современного города. Жизнь в этом пространстве сложна, требует мобилизации внутренних сил, однако она куда более сытая, гарантированная и удобная. В ходе этого противоречивого существования традиционно-архаический человек осваивает новые реалии, культурные практики, обретает новые потребности. А его сын, родившийся в городе, сызмальства живет в мире гаджетов, Интернета, селфи и других невиданных и непонятных старшим радостей.

Мы не задумываемся над тем, что жизнь мигранта первого поколения сложна, внутренне противоречива и во многом безрадостна. Жизнь горожанина второго поколения несколько проще, но также не сахар. Устойчивый внутренний комфорт связан с принадлежностью традиции, насчитывающей века и поколения.

Можно рассмотреть и такое явление, как *активное противостояние процессам наступления государства на мир внутреннего варвара*. Сегодня эти процессы затихли, но

еще пятьдесят лет назад можно было наблюдать самоизоляцию предместий, рабочих поселков и сельской глубинки от культуры и реальности большого города. Традиционная община стремилась жить своим миром, настороженно относилась к людям со стороны, по возможности решала любые конфликты своими силами, без обращения к агентам власти. Слишком серьезное погружение в культуру большого общества не поощрялось. «Больно грамотный» — очевидно чужой человек. Пришедшее в каждый дом телевидение сломало механизмы самоизоляции маргинальной части общества от нормативного образа государства. К 70-м годам прошлого века энергия противостояния иссякла и растворилась в новом образе глубинки, внимающей центру.

Скачки как неустрашимый момент истории

Вектор исторической эволюции предполагает периодически резкие, скачкообразные преобразования революционного характера. Есть неустрашимое противоречие между императивом развития, а значит изменения, и структурой как фактором, обеспечивающим устойчивость и неизменность. Структура, всегда и при всех обстоятельствах, задает границы изменений. Жесткая — узкие границы, мягкая — более широкие, но структура всегда *ограничивает*. Противоречие между императивом изменений и структурными границами больших социокультурных феноменов разрешается историческими скачками.

Масштабные скачки происходят через большие войны, революции и гражданские войны, гибель цивилизаций (гибель Римской империи, падение Теночтитлана, падение Византии). Формирование и утверждение мировых религий и рождение некоторых цивилизаций также по историческим меркам происходит скачкообразно. Коммунизм, семьдесят лет притязавший на статус мировой религии, возник и воплотился в советский проект за десяток лет. Такого рода события затрагивают жизнь миллионов людей, рушат устойчивую картину мира, создают невиданную реальность, к которой приходится приспособляться ценой многих страданий.

Наконец, скачки разделяют общества на два противостоящих лагеря: людей нового мира и людей старого мира, проигравших и выигравших. Всегда и при всех обстоятельствах эти процессы глубоко драматичны.

Заметим: когда складывается *ситуация неразрешимого конфликта структуры и императива изменения*, история формирует общественное сознание субъектов исторического действия таким образом, что они сами рвутся в бойню, приветствуют разрушение обрыдлого мира и преисполняются убеждением, что «победа будет за нами». Эсхатологическая истерия плюс зачарованное движение к краю обрыва — если отрешиться от трагизма ситуации, удивительное явление. В этом отношении показательны общественные настроения перед началом Первой мировой войны. Можно вспомнить и о том, что антисоветские слои советского общества ждали и приветствовали гибель СССР.

Достаточно часто итоги вождельных преобразований лежат в диапазоне между разочаровывающими и ужасными. Однако они необратимы, и в этом — общеисторический смысл скачкообразных слов и революционных преобразований. Цели и ожидания субъектов масштабного исторического действия революционного характера никогда не совпадают с более или менее ставшим результатом революционных преобразований (эстаблогический сценарий, видение будущего из прошлого, помещение себя в центр, иллюзия того, что именно мы, «народ», есть решающий субъект действия и будет так, как мы хотим, а не так, как это соответствует непреложными законам истории).

У реформаторов эта дистанция (между задуманным и итогами) уже. Многие, создавшие в 1952 году Европейское объединение угля и стали, дожили до Европейского экономического сообщества, и не демонстрируют разочарования, хотя среди сравнительно молодых людей масса критиков европейской бюрократии. А последние годы в некоторых европейских странах звучат голоса, призывающие к выходу из ЕЭС.

Драма истории в зеркале массового сознания

Осознание драмы исторического процесса начинается очень давно. Разумеется, осознание *происходит в мифологических моделях*; тем не менее это рефлексия всемирно-исторического процесса. Истоки такого осознания лежат на заре становления государственности и цивилизации. Отсюда идея золотого века, присутствующая в мифологиях многих народов мира, которая восходит ко временам неолитической революции и является *реакцией на введение земледелия* (Мирча Элиаде)²¹. В основании этого концепта лежит идея блаженного, райского состояния первобытного человечества, жившего в гармонии с природой. Существенно более поздние идеи «потерянного рая» и «благородного дикаря» вырастают из мифологии золотого века.

Если идея золотого века фиксирует начало процессов вхождения человечества в историю, то идея смены веков: золотой — серебряный — медный — железный века, сформулированная Гесиодом и Овидием, являет собой полноценную философию истории. Смена веков ведет к моральной деградации людей, жизнь на земле становится все хуже и хуже. Общий исторический пессимизм, вдохновлявшийся мифологизированными воспоминаниями о реальности палеолита, превращается в доминанту исторического мышления.

Страх истории как страх перед катастрофическими переменами преследовал традиционного человека веками. Источники перемен могут быть разными: завоевания, климатические катастрофы, вредные пришельцы, разрушающие дорогой и устойчивый мир. Важно, что эти перемены губительны и императивны.

Сегодня мало кто отдает себе отчет в том, что архаическая тенденция сакрализации правителя служила гарантией от «ярости» природных стихий. Сакральный правитель предстательствует перед богами и ограждает наш народ от космических катастроф.

Отметим, что миллионы людей переживают мировые религии как силу, которая остановит течение времени и утвердит наступление Вечности. То же можно сказать о религиозно переживаемых, великих тоталитарных идеологиях XX века. Фашизм и коммунизм объединяет перспектива отмены постылой и страшной истории и наступления прекрасной Вечности.

Можно зафиксировать противоположную тенденцию. Начнем с эпохи Возрождения. В XIV—XV веках в Европе складывается общептимистическое мироощущение. Однако эти идеи и настроения надо соотносить с масштабом бытования возрожденческого сознания. Подавляющая масса обывателей жила за рамками высокой культуры и несла жесткое бремя существования в обществе, выходявшем из позднего средневековья.

Следующая волна исторического оптимизма падает на эпоху Просвещения, во многом переплетавшуюся с идеями Возрождения и питавшуюся ее соками. Просвеще-

²¹ Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении. Гл. 4. Ужас перед историей // М. Элиаде. Космос и история. М., 1987.

ние активно боролось с идеологией и институтами феодального общества. Исторический оптимизм, вера в силу разума, утверждение гражданского равенства и политических свобод, вера в преобразующие потенции научно-технического прогресса — все эти идеи лежали в русле глубоко позитивного понимания будущего человечества.

Однако реализация идей Просвещения для многих оказалась, как минимум, неоднозначной, что вызвало противоположную реакцию. Романтизм, идущий на смену эпохе Просвещения, по времени совпадает с промышленной революцией, то есть с эпохой напряженных перемен, и воплощает *негативную реакцию* на эти процессы. Отрицает культ разума и утверждает культ природы, культ чувств и естественного в человеке. Востребованным оказывается образ «благородного дикаря», вооруженного «народной мудростью» и не испорченного цивилизацией²². Просветительской идее прогресса и тенденции отбросить все «устаревшее и отжившее» романтизм противопоставляет интерес к фольклору, мифу, сказке, к простому человеку, возвращение к корням и к природе. Романтики утверждают ценность средневековья и, соответственно, феодальных отношений, от которых отрещивались возрожденцы, и т. д.

Следующая оптимистическая парадигма — идеология Прогресса. В самом общем смысле прогресс трактуется как направленное движение от низшего к высшему. Движение от дикости к вершинам цивилизованного состояния, основанного на высших научно-технических, политико-правовых и нравственно-эстетических достижениях.

Идеология Прогресса, складывавшаяся в XVIII и достигшая своего апогея в XIX веке, стала последней версией позитивно-оптимистической трактовки истории человечества. Первая, а затем Вторая мировые войны похоронили эту идеологию. Сегодня мы живем в реальности, которая позволяет комбинировать самые разные идеи и теоретические модели. Крах коммунистического эксперимента фиксирует угасание хилиастической эсхатологии. Тоталитарные режимы XX века, две мировые войны, ядерная угроза подорвали оптимизм двух предшествующих веков. Грядущее, которое становится все более непрогнозируемым, вызывает больше тревог, нежели надежд.

В последние десятилетия идеи технологической сингулярности, глобальной экологической катастрофы, деградации и гибели мира белого человека, очередной мировой войны оформляют современные версии страха истории.

Мы живем в той части мира, которая вот уже два поколения существует без страшных катастроф. Окружающая нас устойчивая реальность — это урбанизация, рост благосостояния, демографический спад, что смещает перспективу осознания природы истории. Возникает ощущение, что страшные эксцессы возможны где-то «там», в третьем мире. Описанная стабильность воспринимается нами как базовая характеристика бытия. Что далеко не очевидно.

Выскажем некоторые суждения общего характера.

Нельзя остановить развитие технологий. Нельзя остановить или изменить вектор развития науки. Человек не в силах воздействовать на демографические процессы. Эти и другие соображения указывают на более общее:

Человек не является целью исторического процесса. Человек — материал, средство разворачивания истории. Цель, если допустимо мыслить эти процессы в категориях целеполагания, лежит в пространстве, охватываемом гипотетическими религиозно-философскими построениями. Одно более или менее очевидно — человек не субъект истории. Он реализует некоторые программы и способствует разворачиванию предсуществующего эйдоса. При всех гигантских (буквально, здесь нет никакой авторской

²² В России эта тенденция нашла свое развернутое воплощение в интеллигентском сознании.

иронии) потенциях человека, во всемирно-исторической перспективе он задан и изменяем. Человек не «царь природы».

В конце XIX века на Украине и юге России возникла секта малеванцев. Одна из основ их учения состояла в том, что «Христос вывел нас из Египта труда». Сектанты переставали работать, готовить пищу, женщины не прибирались в домах. Люди сидели и молча выбирали друг у друга вшей. Малеванцы нутром чувствовали существо пресловутого «порабощения трудом», которое отделяет доисторического человека от человека зрелого неолита, и переживали его как тяжелое бремя, знак утраты палеолитической невинности.

За неолитом непосредственно начиналась история. История ввергает человека в закабаление трудом и помещает его в перманентно усложняющееся социокультурное пространство. Она требует от человека многообразных компетенций. Перманентно упраздняет и отменяет усвоенный образ жизни. Трансформирует реальность таким образом, что исходные и естественные устремления оказываются нереализуемыми. А новые устремления, предписанные эпохой, чужды природе этого человека и не реализуемы им в силу массы обстоятельств. Все это если не трагедия, то полноценная драма.

Мы не задумываемся над тем, каков общебиологический смысл смерти отдельных особей. Смертность всего живого — универсальная характеристика бытия. Однако фундаментальные характеристики живой природы не являются случайными. Смерть отдельных особей имеет свою телеологию. Эволюция вида, то есть таксона более высокого уровня, требует вымирания отдельных особей. Они должны родиться, вырасти, оставить потомство и в отпущенное природой время погибнуть от старости. Рекомбинация наследуемых признаков и неизбежные мутации в стратегическом плане обеспечивают дрейф вида, приспособление его к изменяющимся условиям внешней среды, а также развитие.

Эти же соображения справедливы для более широких исторических общностей: племен, государств, народов, локальных цивилизаций. Гибель одной сущности и рождение другой, которой предстоит занять ее место, можно описывать в позитивных и даже восторженных категориях. Однако, по нашему разумению, все эти процессы неустранимо драматичны.

Обобщая, история перманентно ставит человека в новые условия, предъявляет к нему новые требования, навязывает новые нормы и ценности и утверждает непривычные (неправедные, неслыханные, скандальные) модели поведения.

Мы живем в эпоху смены парадигмы общеисторического развития и гибели цивилизаций. А это означает, что настало время для непредвзятого размышления о природе исторического процесса.

ЗЛОЙ САРКАЗМ ИСТОРИИ И КАЗУС ЭДИПА (Теологический взгляд)

Нравственного прогресса не было, нет и не будет

Окружающая нас немилосердная к нам реальность заставляет задаваться трудными вопросами, среди которых преобладают те, что раньше называли «вечными» или даже «проклятыми»: почему человек не становится лучше? Почему исторический процесс так и не превратился в нравственный прогресс, на который рассчитывали такие авторитетные атеисты, как французские философы-просветители XVIII века и марксисты XIX—XX веков? Почему зло, повсеместно бесчинствующее в мире, неистребимо, обладает невероятной искусительной силой и не собирается покидать историческую сцену? Как человеку жить в этих условиях явно сгущающейся тьмы и безысходности, что делать, во что верить, на что надеяться? Почему история последнего столетия оказалась похожа не на картины процветания, обещанного материалистами-прогрессистами, а на ночной кошмар больного каторжника Родиона Раскольниковца? Вот он, этот пророческий сон: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса»¹.

Нынешняя оносительно мирная геополитическая передышка все больше выглядит подготовкой к такому рукотворному апокалипсису, по сравнению с которым кошмар Раскольникова покажется детским мультиком.

В середине XX века человечество вступило в атомную эру. На исторической сцене, где разыгрывается мировая драма, чья-то безжалостная рука повесила заряженное атомное ружье. И по законам драмы, раз оно появилось, то до конца представления ему суждено выстрелить. Это означает, что уже существуют те антигерои, которым суждено взвести атомный курок, а затем и нажать на спусковой крючок. Равно существуют и те, в кого попадет заряд. И их, судя по всему, будет очень много, бесконечно много. И это радикально меняет суть всего происходящего на земле, изменяет строй мыслей и характер действий миллиардов людей, остро ощутивших, что их хрупкие жилища стоят у подножия мировой Силоамской башни (Лк. 13,4), которой суждено рухнуть и похоронить под собой уже не восемнадцать человек, а миллионы жизней.

В катастрофические времена, какими бы секулярными, атеистическими они ни были, всегда находятся люди, вспоминающие Бога, думающие и говорящие о Нем. Дает о себе знать важная закономерность. Оказывается, в экстремальных обстоятельствах, под лавинами катастрофических перемен, на войнах, в больницах, тюрьмах, люди с несравнимо большим вниманием, чем в обычных условиях, вслушиваются в слова тех, кто говорит им о Боге. Для тех, кто находится на смертном одре, на эшафоте, тонущем корабле или в горящем доме, слово *Бог* звучит иначе, чем на пляже или в ресторане. В благополучные, тучные годы число верующих, как правило, убывает, а в страшные, тощие времена возрастает.

Атакующее зло, сотрясающее умы и коверкающее души, заставляет исторического человека как бы очнуться и начать думать о том, что прежде не удостаивалось его внимания, находилось за пределами его понимания. Катастрофы, губящие живую плоть, способны выводить из дремоты, встряхивать разум, выталкивать дух на новые экзистенциальные траектории. Вспоминаются пронзительные строки харьковского поэта Бориса Чичибабина:

Живу на даче. Жизнь чудна.
Свое повидло...
А между тем еще одна
душа погибла.

¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 6. Л.: Наука. 1973. С. 419–420.

У мира прорва бедолаг, —
о сей минуте
кого-то держат в кандалах,
как при Малюте.

Я только-только дотяну
вот эту строчку,
а кровь людская не одну
зальет сорочку.

Уже за мной стучатся в дверь,
уже торопят,
и что ни враг — то лютый зверь,
что друг — то робот.

.....

Не зря грозой ревет Господь
в глухие уши:
— Бросайте всё! Пусть гибнет плоть.
Спасайте души!

И это относится не только к отдельным личностям. Большим человеческим сообществам, симфоническим личностям наций и народов тоже свойственно выдвигаться через потрясения и катастрофы на новые рубежи мироотношения.

Между тем массовое атеистически-материалистическое сознание, ошеломленное ужасами последнего столетия, продолжает держаться убеждения, будто испортившись, а то и просто прервавшиеся отношения человека с Богом не имеют к этим ужасам никакого отношения. И вот оно-то первым застывает в недоумении и растерянности. Подобно пушкинскому Сальери, оно меланхолически констатирует: «Нет правды на земле, но нет ее и выше». Не наблюдая вокруг себя свидетельств торжества истины и справедливости, оно в их поиске не апеллирует к трансцендентному миру и Божьему авторитету, поскольку не верит в их существование. Оно уже давно пребывает в обстановке растянувшегося на столетия расставания с Богом и совершенно разучилось осмысливать безжалостную историческую динамику с ее социальными, политическими катаклизмами, нравственными кризисами и духовными катастрофами в классических категориях библейско-христианского миропонимания. Сегодня современные профессиональные гуманитарии в своей массе, как никогда, далеки от библейского, евангельского интеллектуального опыта и совершенно не умеют им пользоваться. В их плоские, одномерно-профанные картины мира не вписываются трансцендентные реалии с их смысловыми высями и мистериальными глубинами. Им чужда мысль о том, что жизнь — это не просто драма, но мистерия, в которой профанное есть только узкая кромка прибоа беспредельного океана трансцендентного. Им недостает духовного слуха, чтобы в доносящемся гуле таинственного запредельного мира отличать сочиненную Творцом вселенской мистерии музыку небесных сфер от дьявольского скрежета, доносящегося из inferнальных глубин, где, как сказал бы Гераклит Эфесский, «все полно демонов». Давно привыкшие считать, что степень присутствия Бога в мире равна нулю, что Он либо безмолвствует, либо вообще «умер», они не догадываются о том, что за молчание Бога принимают собственную духовную глухоту, что Он никогда не умирал, никуда не исчезал, не самоустраивался и уж тем более не вручал демонам мандатов на повсеместное правление и вездесущее доминиро-

вание. И хотя демонические силы много себе позволяют и создают впечатление, будто владеют такими мандатами, это далеко не так. Впечатление обманчиво, и в ловушку обмана попадают в первую очередь сами жертвы атеистических, материалистических, агностических, скептических и прочих иллюзий. Робеющие перед демонами лжи и насилия, теряющиеся от их тотального натиска, бесцеремонного напора, они первыми поддаются под их власть и многое от них перенимают. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть роман Ф. Достоевского «Бесы»².

Для гуманитарного сознания, имеющего дело с историческими катастрофами, есть слишком много неясного, необъяснимого в фактах приоритета зла над добром, демонического над человеческим. Непонятно, почему секулярный рассудок, отвергающий трансцендентного Бога, с готовностью признает существование трансцендентного дьявола и трансцендентных демонов. В этом отношении примечательны позиции Томаса Манна в романе «Доктор Фаустус» и Карла Густава Юнга в его публичных выступлениях. В эпоху разгула, а затем поражения нацизма они открыто и доказательно рассуждали о власти демонических сил над человеческими существами, не касаясь при этом вопросов власти Бога над теми же самыми людьми. Их тексты по сей день оставляют впечатление полной незащитности человека перед дьяволом.

Впрочем, если вдуматься, все выглядит достаточно прозрачным: демонические силы, желающие обезопасить себя и быть уверенными, что их жертвы не вспомнят о Боге, не призвут Его на помощь, проводят предварительную анестезирующую блокаду их душ и умов. Подобно двум больным зубам, душа и ум человека обкалываются со всех сторон различными анестезирующими препаратами в виде секулярных доводов. В результате они становятся нечувствительны ко всему, что исходит от Бога, и позволяют демонам делать с собой все, что тем заблагорассудится.

Чтобы пациент очнулся, вернул себе отнятую у него нормальную чувствительность к положительной трансцендентности, воспользовался притупившимся было духовным слухом и зрением, нужны определенные условия, необходимо нечто экстраординарное. И здесь, как это ни печально, на помощь человеку приходят экстремальные испытания, катастрофические потрясения и тяжкие страдания.

«Проклятые» вопросы

О демонах можно красноречиво рассуждать за письменным столом в уютном кабинете, но когда находишься у «бездны на краю», перед зияющим инфернальным провалом обрушившейся судьбы локальной цивилизации, исковерканной исчадиями ада в человеческом облике, то уже не до умствований. У того, кто чувствует свое полное бессилие, возникает иное стремление — возопить к Богу, взмолиться о помощи или даже отчаянно потребовать защиты от политических демонов и выпестованных ими моральных идиотов. И вот тут-то злополучного страдальца может поджидать то, на что он никак не рассчитывал: единственным ответом на его отчаянный и требовательный вопль может оказаться тишина. Известно немало трагических свидетельств пострадавших узников советских и нацистских концлагерей XX века, которые жаловались на молчание Бога.

Откуда эта тишина? Что произошло с Богом? Неужели Он забыл о страдающих, гибнущих людях, раздавленных жестокостью и ужасом? Куда Он удалился? Почему оставил их на произвол злой судьбы? Отчего не отзывается и бездействует? О чем свидетельствует Его молчание?

² См.: В. Багинин. «Бесы»-2014. Теология катастроф // Нева. 2014. № 11.

Рассудок, пребывающий в разладе с верой, бьется в плену этих вопросов как рыба об лед, тщетно пытаясь найти сколько-нибудь удовлетворительные объяснения могуществу зла и беспощадности смерти. При этом его версии чаще всего укладываются в ту формулу раздраженной обиды и горького отчаяния, которую прописала поэтесса Елена Шварц:

Я думала — меня оставил Бог,
 Ну что с того — он драгоценный луч
 Или иголка — человек же стог. Жесток...
 Я отвернулась от него — не мучь.

Но кто из нас двоих жесточе и страшней?
 Конечно, тот, кто не имеет тела, —
 Он сделал нас бездонными — затем,
 Чтобы тоска не ведала предела.

Человек с частично или полностью секуляризованным рассудком чувствует, как его одолевает состояние тоскливой растерянности, гнетущей опустошенности, эпистемологической фрустрации. Ум как бы упирается в стену, перестает что-либо понимать, и в голову начинают приходить самые странные мысли. Так появляются наукообразные по виду, но нелепейшие по сути объяснения, в которых, к примеру, такие одиозные формы зла, как кровожадные стратегии тоталитаризма, объявляются манифестациями абсурда, в принципе не поддающимися внятному, убедительным объяснениям. Получается, что если рационально понять и обосновать их природу невозможно из-за недостатка духовно-интеллектуальных ресурсов, то следует самоустраниться от дальнейших изысканий, выдворить их за пределы познания и тем самым легализовать свое право «умыть руки».

Однако, к счастью, есть и другой путь, с другими средствами, дающими возможность заглянуть за границы территорий профанного мира, всмотреться, точнее, вдумать-ся в запредельность высших откровений, где господствуют уже иные слова и смыслы: Бог, грехи, проклятия, воздаяние, возмездие... На этом уровне мироистолкования качественно изменяется содержание вопрошаний: «Если Бог существует, то как Он допускает все это безумие? Если Бог благ, то почему Он позволяет существовать столь страшным видам зла? Почему Бог, о Котором говорят, что Он всемогущ, не может ликвидировать зло или, по крайней мере, защитить невинных?» Так современный разум оказывается внутри старинной, ставшей уже классической проблематики Теодицеи³.

Но демоны не дремлют, и потому одновременно на территорию Теодицеи вторгаются искусительные мысли-сомнения. Вкрадчиво и вместе с тем настойчиво они вещают о тщетности скорбного знания, в котором слишком много печали, о его опасном свойстве нарушать душевный покой людей, мешать их нормальной жизни, о напрасности страданий жертв, сожранных тоталитарными левиафанами, о бесполезности исторических уроков и т. д. Доверчивый рассудок не только послушно внемлет суфлирующему шепоту своего Мефистофеля, но и вторит ему. Так они вдвоем ткуют паутину вновь подоспевших анестезирующих соображений. Ее липкая, обволакивающая субстанция способна совершенно парализовать ум, если ее не начать разрывать сле-

³ Семантическая конструкция понятия Теодицеи двуедина, складывается из двух греческих слов — *Теос* (Θεός — Бог) и *дики* (δική — справедливость, правосудие) и традиционно толкуется как «оправдание Бога» или «Богооправдание». Таково общее название богословско-философского дискурсивного пространства, в пределах которого ведется поиск рациональных путей, средств и методов согласования реальности Божьего присутствия в мире с человеческим опытом зла.

дующими твердыми, жесткими вопросами, лишенными искусительной, смущающей, духовно разоружающей, деморализующей демонической подоплеки. В данном случае достаточно, например, спросить: почему, скажем, Эммануэля Левинаса («Useless Suffering»)⁴, или Ханну Арендт («Банальность зла»)⁵, или Эли Визеля («Ночь»)⁶ и многих других представителей многострадального еврейского народа интересуют причины могущества зла, а представителей других народов-страдальцев они занимать не должны? Почему для одних людей страдания миллионов сородичей имеют существенное этическое значение и мощные экзистенциальные последствия, а для других они обладают микроскопической нравственно-экзистенциальной значимостью?

Если мыслящее «я» продолжит рассуждать в регистре Теодицеи, то его непременно посетят недоумения и предположения: «Если Бог *не хочет* устранить зло, значит, Он не благ? Если Бог *не может* ликвидировать зло, оскверняющее подконтрольную Ему земную территорию, следовательно, Он не всемогущ? Тогда выходит, что недобрый и слабосильный бог — совсем не тот, кем его считают?»

То есть снова и снова на общих для экзистенциального и исторического сознания территориях возникают и повторяются в разных вариациях все те же «вечные», «проклятые», не поддающиеся легкому разрешению вопросы. Из них образуется замкнутое пространство, откуда секуляризованный рассудок не может вырваться, несмотря на все его старания.

«Боже, как Ты терпишь такое?»

Те, кто склонны считать, будто живут в условиях постсекулярности и postmodernity, уверены: modernity умерла. И действительно, мир, судя по всему, решительно расстается с ней и готовится отслужить заупокойную литургию. Уже ничто не мешает всмотреться в черты усопшей и мысленно воссоздать пройденный ею исторический путь в его доступной полноте и открывшейся сути. Однако эта возможность не из приятных. Слишком тяжелое и мрачное впечатление оставила ее финальная, закатная, старчески-маразматическая, буйная пора. Растянувшаяся чуть ли не на весь XX век, она такова, что этот период впору называть даже не *осенью модерности*, а *dark modernity*. Потому, вероятно, расставание с ней не рождает особых сожалений.

А ведь все начиналось так славно. Сменяли друг друга исторические сезоны модерности. Была весна с «цветущей сложностью» проникновенных символов Данте и многообещающих идей Лютера—Кальвина. Затем было лето с его пышным созреванием сложнейших культурных форм, с барочностью Шекспира и Баха, грезами Руссо, универсализмом Бетховена и Гегеля. Потом наступила осень модерности, плодоносная пора, уже отдающая легким запахом вначале прели, а затем и последовавшего тления у Достоевского, Бодлера, Ницше, Пруста, Кафки. И, наконец, пришла зима модерности, а с нею и все более глубокое промерзание некогда плодоносных почв былой христианской культуры. У Николая Заболоцкого есть стихотворное описание того, как замерзала река, как ее одолевало предсмертное томление, как по ней пробежала финальная смертельная судорога, оставившая после себя омертвевшую, остекленевшую, безжизненную, ледяную поверхность. Читать эти строки так же тяжело, как и толстовскую «Смерть Ивана Ильича».

⁴ Levinas E. Useless Suffering // *Entre Nous: Thinking of the Other*. New York: Columbia University Press, 1998. P. 91–101.

⁵ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа. 2008.

⁶ Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М.: Олимп, 1993.

Подобным свидетельством смерти культуры модерности стала гибельная судорога абсурда самоуничтожения, пробежавшая по миру от советского ГУЛАГа, через нацистский Аушвиц, к нью-йоркским небоскреbam-близнецам. После нее уже окончательно наступила настоящая зима с глубоким промерзанием большинства источников духовной жизни, с духовным омертвением многого из того, что недавно было еще живо.

Многовековой жизненный цикл завершился. На наших глазах финишная черта исторического марафона превратилась в линию, с которой стартовала новая эпоха, еще не имеющая собственного имени и пока вынужденная откликаться на не слишком вразумительный позывной *Postmodernity*. Наследница, связанная родственными узами с погребаемой эпохой, оказалась в двусмысленной ситуации. Суть ее отношения к темпоральному, историческому трупy, пожалуй, наиболее точно передают известные ахматовские строки:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.

И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.

А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнаёт,
И внук отвернется в тоске.

Казалось бы, время не материально и физической смерти не знает; его прожитые отрезки не хоронятся, не утилизируются человеком. Их судьба иная и напоминает участь рек, которые, впадая в океан, радикально изменяют свою природу. Времени свойственно вытекать из вечности и впадать в нее. Вечность, проникающая в живую плоть, обращается во время, протекает сквозь нее, а затем, оставив ее вместе с жизнью, опять становится самой собой, то есть вечностью.

Отношения с вечностью не менее сложны, чем отношения с историческим, биографическим, экзистенциальным временем. Модерность, отжившую свое, нельзя закопать в землю и забыть. У нее иная природа, и потому она продолжает свое существование, по меньшей мере, в двух формах. Во-первых, она имеет вид духовно-исторической реальности, осевшей в текстах и артефактах, и потому в любую ее область можно, при желании, заглянуть через тонкую оптику гуманитарных инструментов. Во-вторых, ей свойственно существовать в виде необозримой галактики духовных и практических, нынешних и будущих следствий, чьи причины остались локализованы внутри исчезнувшей модерности. Необозримый конгломерат причинно-следственных гирлянд продолжает присутствовать внутри нас, детерминировать наши мысли, чувства и поступки. И хотя они практически всегда пребывают в нашей современности, с нами и внутри нас, однако мы понимаем эту самую современность чаще всего крайне неудовлетворительно. Во многих случаях даже совсем не понимаем, теряемся в недоумениях, впадаем в растерянность перед многими ее антропологическими и социальными проявлениями, особенно перед теми, которые имеют трагический или

гротескный вид. Создается впечатление, будто мы смотрим на нее сквозь какие-то «тусклые стекла», не проясняющие, а скрывающие от нас ее сущность.

Нынешнее время — смутная, духовно истощенная, скудная и сумрачная «пора меж волка и собаки», когда в огромном числе умов и душ давно уже истаяли давние исторические миражи, ренессансные идеалы, оптимистические просвещенческие иллюзии и наивные прогрессистские грезы. На наших глазах решительно рвутся веревки одних смысловых связей и затягиваются узлы новых, поражающих своей умопомрачительной замороченностью. Под напором духовного безвременья великое множество душ опрокидывается в состояния смятения, уныния, тоски, экзистенциальной меланхолии. В этих условиях ищущий, беспокойный ум, не могущий понять, откуда берутся все новые, ранее не виданные формы зла и почему этот поток обладает неиссякаемой мощью, теряет ориентиры, останавливается и начинает крутиться волчком на одном месте, подобно пляшущему дервишу.

Действительно, на закате *modernity* мировое зло пережило впечатляющие качественные метаморфозы. XX век прибавил к его привычным, банальным, ординарным формам еще и экстраординарные, в том числе государственные практики целенаправленного растления, регулируемого одичания, управляемого вырождения многомиллионных человеческих масс. В рукотворных истребительных катастрофах полицейско-государственных, военно-политических геноцидов все происходит не по Дарвину: на огромных территориях выживают среднейшие, погибают сильнейшие.

Новые стратегии геополитических злодейств оказались чудовищно результативны и в практическом, и в духовном смыслах. Европейские гуманистические иллюзии не выдержали конкуренции с дьявольскими идеологемами коммунизма и нацизма и были перемолоты в прах машинами тоталитарного идеологического и жандармского террора. Философские сказки о нравственном прогрессе либо намертво заоченели на Колыме, либо сгорели в печах нацистских лагерей.

Когда папа Бенедикт XVI прибыл в Освенцим и увидел дьявольские печи, превратившие в пепел полтора миллиона мужчин, женщин, младенцев, стариков и старух, юношей и девушек, мальчиков и девочек, то он признался, что не может подобрать слов ни для объяснения, ни для утешения: «В этом месте, — сказал он, — не хватает слов. И тут может быть только мертвая тишина — тишина, из своей глубины вопиющая к Богу... Как мог Ты потерпеть такое?»

Удивительно, но факт: отчаянное недоумение продемонстрировал не полуверующий рационалист, не полуневевающий скептик, а умудренный содержательной жизнью и небанальным опытом старец христианин. Старый вопрос Теодицеи нового времени задал истинный интеллеktуал, признанный богослов, автор многих книг, посвященных отношениям человека с Богом. И его слова никого не поразили, поскольку не только в современном секулярном мире, но и среди христиан он не одинок в этих чувствах тяжелой, мучительной растерянности. После Освенцима миллионы людей, в том числе и философы⁷, продолжали вопрошать, как Бог смог, посмел допустить запредельное зло рукотворных, умело, с дьявольской изобретательностью сконструированных катастроф ГУЛАГа, голодомора, холокоста?

Им вторят новые поколения «совопросников века сего», проживающие на территориях современной Евразии: «Как Бог допускает, что идея тоталитарного караматовского Скотопригоньевска по сей день жива, а трагический опыт зла, замешанный на страданиях бесчисленного множества людей, продолжает приумножаться? Почему этот травматический опыт не выполняет катарсических функций? Почему вместо

⁷ Наш старший современник, известный философ Г. Йонас утверждал, что Бог, допустивший Освенцим, не может быть признан всемогущим. А раз так, то от Него необходимо отказаться (Jonas H. The Concept of God after Auschwitz: A Jewish Voice. *Journal of Religion* 67, number 1 (1987): p. 1–13).

того, чтобы очищать и преобразовывать экзистенциальные структуры современной постсекулярной души и включать механизмы метанойи, он демонстрирует повсеместные сбои систем духовной ориентации? Почему он вместо того, чтобы исцелять, иницирует сломы в механике работы исторической памяти, заставляет забывать жизненно важные приемы упаковки и распаковки впечатлений, соответствующих универсальным, абсолютным смысловым, ценностным критериям? Откуда берется вопиющая дисфункциональность тех душ, сердец, умов, которые уже забыли девиз „Это не должно повториться“ и с готовностью подхватили дикий клич современных бесов: „Можем повторить“? Куда провалилась память о железных тоталитарных кафкианских бóронах XX века, перепахавших и перемесивших в кровавое тесто многомиллионные человеческие массы? Почему Бог не препятствует превращению опыта чрезмерного зла и страданий в новые формы зла? Почему то, что могло бы стать лекарством, становится ядом? Какие силы и обстоятельства превращают массовый предельный, сумеречный опыт несчастного существования в тромбы, блокирующие кровотоки в нравственных организмах человеческих сообществ? Почему Бог допускает системную регенерацию „государств-мошенников“ (Деррида), фарсово-гротескных социумов, пораженных духовной проказой народов, этически отталкивающих общественных систем, патологически порочных социальных, партийно-мафиозных конгломератов, способных лишь на то, чтобы стимулировать растрение, распространять разложение, сеять смерть?

В таких системах зло давно перестало быть локальным, очаговым и обрело признаки тотальности. В масштабных социальных фарсах, вызывающих изумление и отвращение, участвуют неисчислимые множества людей, пораженных проклятиями безверия и безмыслия. Их ленивые умы легко впадают в состояние растительно-животной тупости, самосознание едва теплится, а души гибнут раньше плотских оболочек. Ставшие выкидышами мировой культуры, они порождают и взращивают потомства еще более оголтелых моральных идиотов. Они же выстраивают вокруг себя силы и структуры, парализующие в них интерес к гамлетовским вопросам, гасящие всякую свободную и высокую мысль, удерживающие обывательский рассудок внутри привычной безобразной реальности, мало чем отличающейся от череды кошмарных сновидений. А когда у них самих в руках оказываются перья, микрофоны или клавиатуры ноутбуков, то их усилиями социогуманитарный мир превращается в „слепое зеркало“, не позволяющее разглядеть знаков истины»⁸.

История и теология

Среди гуманитариев, слабо ориентирующихся в анналах библейско-христианского интеллектуального опыта, существует предубеждение, будто теология исключает рациональный подход к истории. Это не так. Теология, напротив, настаивает на том, что рациональный подход к истории необходим. Однако при этом она уточняет: он необходим, но не достаточен. Его недостаточность присутствует не в нем самом, а в его глубинных основаниях, в питающей его почве. Этой почвой служит не столько антропология разумности-рассудочности, сколько деятельность индивидуального духа с его духовностью (одухотворенностью), верой, нравственностью, без которых разум либо туп и ленив, либо холоден, равнодушен и скептичен, либо же становится имморальным и циничным.

Имморальностью, цинизмом, идеологической ложью пропитана огромная часть советских и нынешних исторических сочинений, от диссертаций до учебников. Иде-

⁸ См.: М. Хайдеггер. Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 126–127.

ологизированная рациональность советского сознания настаивала на том, что творцом истории является человек. С этой идеей можно согласиться лишь до известных пределов. Она выглядит верной, если принять во внимание весь массив предельного опыта поздней модерности, который свидетельствует: геополитические катастрофы XX столетия действительно являются устрашающим результатом действий конкретных людей с их психическими комплексами, преступными наклонностями, замороженной рассудочностью, поврежденной совестью, полным безверием и податливостью самым диким демоническим соблазнам. Поспрашивайте современных политиков, как они понимают место человека в истории, и будете поражены убожеством тех картин мира, с которыми они живут, по которым ориентируются и выстраивают стратегические линии своей деятельности.

Да, история — это великое поприще для человека. Но он — не единовластный хозяин на нем. Иначе он мог либо предвидеть и избегать многих подстерегающих его опасностей, либо давно бы истребил себя как вид. Но он чуть ли не на каждом шагу убеждается, что далеко не все в его воле, что помимо него действуют какие-то невидимые силы и могущественные факторы. Он постоянно убеждается, что у него опять что-то «пошло не так», что снова вмешалось и подключилось нечто неожиданное, непредвиденное, не входившее в его расчеты. В результате все карты оказались смешаны, и история заскользила опять в неизвестном направлении, о котором он и не подозревал.

В микросоциальном масштабе чаще всего впросак такого рода попадают мои коллеги-социологи, чьи опросы предоставляют либо крайне убогие данные о сути того, что происходит в обществе, либо вообще дают ложную информацию. Это происходит из-за того, что они слишком мелко копают. Для них потолок со свисающими с него причинно-следственными цепями, на которых подвешены все социальные субъекты, — это государство и общество. Ну, а то, что эти два последних сами находятся во власти еще более могущественных детерминант трансцендентного характера, им не приходит в головы. Отсюда регулярно наступающие их промахи и конфузы.

Это и многое другое заставляет настаивать на важной истине, известной еще древним, но ныне почти забытой: история — это драма, в которой основные детерминирующие силы располагаются на высшем, трансцендентном уровне, а все прочее, вся человеческая комедия, очень похожая на трагедию, разворачивается на уровне нижнем, профанном. В ней, как в Книге Иова, действуют три ведущих субъекта — Бог, сатана и человек. За Богом стоят благие силы созидания, за сатаной — темные силы разрушения, а человеку дано размышлять, взвешивать, выбирать, использовать на всю мощь свой разум, дух, веру (если она есть), совесть, делать ставки на свет или тьму и действовать тем или иным образом. И во всей этой практике избирательных предпочтений роль рационального, аналитического мышления чрезвычайно велика.

Теология настаивает на том, что история — это поприще прежде всего Бога, на котором Он трудится вместе с людьми, направляя их, вдохновляя, мобилизуя и отбивая, по их мольбам, нападки демонов. В тех же случаях, когда люди не веруют, Бог предоставляет их самим себе, оставляет без защиты от сатанинских сил и последние получают огромный простор для своих разрушительных инициатив.

Другая отрезвляющая библейско-богословская истина гласит: Бог никогда не обещал человеку совершенно безоблачного благоденствия за пределами Эдема. Не обещал Он и нравственного прогресса по причине того, что все люди до единого повреждены грехом. Для большинства человечества мировая история закончится очень плохо. Они погибнут среди апокалиптических ужасов. Спасутся лишь те, кто доверился Сыну Божьему Иисусу Христу. Он защитит всех, кто уверовал в Него, кто готов беречь и отстаивать свою веру до последнего вздоха.

Эти истины, которые пытались довести до людей священнописатели, работавшие над библейскими текстами, доступны даже детскому пониманию. С ними были согласны самые блистательные умы прошлого: Аврелий Августин, Данте Алигьери, Жан Кальвин, Рембрандт ван Рейн, Иоганн Себастьян Бах, Федор Достоевский и другие гении человечества. Но эти истины почему-то не устраивают современного человека. Он кладет духовный опыт всех этих гениев на одну чашу весов, а на другую помещает идеи Маркса, Ленина, Фрейда и прочий интеллектуальный хлам, заимствованный у нескольких десятков второстепенных ученых-атеистов. И вторая чаша оказывается в его глазах весомее первой. Спрашивается: а где его рациональный подход к процедуре взвешивания? Где его способность здраво мыслить, трезво оценивать и вдумчиво выбирать? А она дремлет. Почему? По причине глубокого сна его духа и веры, которые в самый ответственный момент, когда надо выбирать между абсолютным и относительным, истинным и ложным, пониманием и непониманием, ничем не могут помочь бедному интеллектуалу. И тот легко принимает массы наукообразных, но пустопорожних словосочетаний за коллекцию бриллиантов, делает на них ставку и терпит сокрушительное поражение, видя, как все, на что они ориентировали, а он рассчитывал и надеялся, «пошло не так», что история не желает подчиняться выморочным теоретическим выкладкам и все больше напоминает неуправляемый «бесовский хаос». Так сон веры порождает еще больших чудовищ, чем сон разума.

Однако бодрствующая вера не должна быть декоративно-эстетическим приложением к его жизни, не должна ограничиваться праздничными посещениями помпезных театрализованных зрелищ, устраиваемых разряженными в золото исполнителями заученных ритуальных действий и туманных речитативов на непонятном языке. Она не должна быть обрядоверием и свечкоустановливанием. Вера — это прежде всего личные отношения с живым Богом, Которому человек безоглядно доверяет, в истинность Слова Которого безусловно верует и постоянно использует это как главное руководство в своей жизни, деятельности, творчестве, размышлениях, научных поисках.

Если же все это игнорировать, упорствовать и продолжать стоять в позиции секулярного толкователя происков исторического рока, то все будет совершаться по сценарию истории древнего Эдипа. Габриэль Гарсиа Маркес оставил нам блистательную в своей точной лаконичности фразу, вскрывающую суть трагической судьбы царя Эдипа. Он назвал трагедию Софокла самым лучшим в мире детективом: в нем следователь, ищущий преступника, обнаруживает, что преступник — он сам. Секулярный человек, полагающий себя творцом истории и ищущий виновных в происходящих мировых катаклизмах и катастрофах, в конце концов остается наедине с ошеломляющей истиной: виновный — он сам. Да, прежде всего именно он, атеист и материалист, игнорирующий онтологический факт существования трансцендентной реальности, оставшийся без подстраховки свыше и без защиты от угроз, идущих из inferнальных глубин демонического. Он вынужден делать не то, что считает необходимым, а то, что ему навязывают полчища персональных мифистифицированных.

В результате и оказывается, что вокруг регулярно появляется «явное не то», что все опять «пошло не так», «все не так, ребята...», что обстоятельства отчего-то изменились на противоположные. И он начинает жаловаться на эти неожиданные, слишком резкие и потому пугающие повороты истории, на разрывы между ожидаемым и случившимся, на «иронию истории», на сарказм рока, играющего с ним злые шутки и подсовывающего последствия, не вытекающие, казалось бы, из наличных причин.

Так, когда-то библейский Лот, племянник Авраама, пожелал удалиться от дяди, выбрал плодороднейшие земли и надеялся на полное благоденствие. Но в результате оказался среди содомитов, в Содоме, который был проклят Богом и сожжен, а сам Лот

лишился жилья, имущества, потерял жену и оказался вовлечен двумя своими дочерьми в тяжкий грех инцеста.

Историческое сознание, страдающее от превратностей исторической судьбы, от возникающих разрывов смыслов, сбоя понимания, умственного слабосилия, становится воистину «разорванным», очень напоминающим описанный в гегелевской «Феноменологии духа» тип «разорванного сознания». В этом своем виде оно малопригодно к эффективной, плодотворной работе не только с историей современности, но и вообще с историческим материалом как таковым.

Там, где для теологии очевидны разрывы между волей Бога и волей человека, глухого к Его повелениям, но зато внимательно прислушивающегося к искусительным повелениям суфлирующего Мефистофеля, секулярное сознание усматривает просто разрывы в ткани исторического полотна.

Если человек действует поперек воли Бога, то он фактически слепнет, подобно, например, фараону из Книги Исход, не желавшему слушать Моисея и отпустить израильтян из Египта. Получив за свою духовную слепоту и глухоту десять египетских казней, разоривших его страну, фараон, в конце концов гибнет и сам вместе со своим войском.

Теодицея

Теология истории никому ничего не навязывает. Она только предостерегает мыслящего человека от исторического верхоглядства. Она напоминает, что, кроме профанного измерения, у истории имеется еще и трансцендентное, что для полноты аналитической картины каждого исторического события и факта необходимо учитывать оба эти уровня-измерения.

Чтобы научиться этому, надо иметь представление о природе трансцендентного, о характере трансцендентной детерминации исторических событий. Вводят же человека в этот бескрайний мир истин и тайн Библия и теология. Они рассказывают о том, как Бог в Своем довременном бытии создал, помимо вселенной, еще и Книгу мировой истории, сотворил своего рода метароман или сверхроман истории мировой цивилизации с вписанной в него судьбой каждого человека, народа, государства.

Понять и принять это не слишком трудно. Но отчего-то получается это у очень не многих. И здесь возникает целый каскад крайне непростых вопросов. Спрашивается, если люди верят на слово таким мыслителям, как, скажем, Руссо, Канту, Гегелю и другим, то, что им мешает поверить мудрому Слову Самого Бога, являющегося истинным Автором Библии, вдохновившим несколько десятков людей записать Его Откровение? Для чего нужно подходить к Откровению с позиций не герменевтики доверия, а герменевтики подозрительности? Какой в этом смысл? Ответов на эти вопросы множество, но все они сводятся, по сути, к одному — чтобы доверять, надо верить, иметь веру, хотя бы самую малую, пусть с горчичное зерно. Без нее даже самое скрупулезное изучение Библии, как, к примеру, современными религиоведами, историками религии, ничего не прибавляет к рациональному миропониманию сущего и должного, прошлого и настоящего. Без нее о Боге и обо всем прочем, включая историю в целом и любой из ее фрагментов, можно рассуждать вкривь и вкось и выдавать эти кривотолки за интеллектуальные новации. Так, еще при Лейбнице, а затем во времена Канта секулярный, фаустовско-мефистофелевский рассудок стремился доказать, будто Бог — плохой управленец и не может справиться с этим полубезумным миром. Разрабатывалась система доказательств, предназначенных для нанесения авторитету Бога максимального урона, нацеленных на то, чтобы бесповоротно скомпромети-

ровать Его в глазах верующих. В итоге проект удался, цель была достигнута, и именно этот компрометирующий настрой стал на многие годы главным фактором, отталкивающим христианское сознание от библейской Теодицеи Иова как Богопрославления и заставляющим сочинять новые, пронизанные фаустовским настроением квазитеодицеи как Богообвинения и ратовать за «смерть» Бога.

Те философы, которые лояльно относились к библейско-христианской интеллектуальной традиции, пытались использовать смягчающие формулировки и сглаживать острые логические и этические углы новой Теодицеи. Так, Кант для этого прибегнул к концепту *целесообразности*. По его версии, Теодицея ставит вопрос о нецелесообразности многого из того, что существует в сотворенном Богом мире. У него речь идет о моральной нецелесообразности зла (греха, преступления), о физической нецелесообразности бедствий и причиняемых ими страданий, о нецелесообразно устроенном механизме воздаяния, не позволяющем справедливой каре своевременно настичь каждого преступника.

Логика такого рода вполне соответствует логике современных гуманитариев, изображающих гулаговский геноцид как пример не просто предельного и запредельного зла, абсурдного в своей беспрецедентной массовости и жестокости, но и как вопиюще нецелесообразную практику.

Но тот же Кант справедливо замечает, что кажущаяся резонность подобных соображений будет разбиваться, подобно волне, о библейский утес из трех контраргументов, свидетельствующих о высшей мудрости Создателя. Бог обладает святостью (как Творец-законодатель), благодатью (как Правитель-миродержец), справедливостью (как Высший Судья)⁹. Иными словами, у Бога все целесообразно, все включено в законосообразную цепь подконтрольных Ему причин и следствий, все справедливо. Только сложность в том, что сама эта цепь лишь в очень малой степени доступна умственному созерцанию и пониманию большинства людей. Отсюда их недоумения, нелепые предположения, глупые претензии и опрометчивые выводы.

Действительные отношения между Богом и злом разворачиваются отнюдь не по тому сценарию, который прописывают в своих квазитеодицеях хитроумные и коварные богоборцы. Их низкой точке зрения противостоит высокая точка зрения, которая имеется у Бога как главенствующего Субъекта Теодицеи и которую наиболее адекватно может постичь лишь христианский ум, опирающийся на христианскую веру. Присутствие этих двух полярных позиций внутри единого дискурсивного пространства придает мировой Теодицее вид интеллектуально-этической драмы, делает ее структуру антиномичной, складывающейся из тезисов и антитезисов:

- Существование зла целесообразно (тезис). — Существование зла нецелесообразно (антитезис).
- Существование страданий целесообразно (тезис). — Существование страданий нецелесообразно (антитезис).

В результате обладатель секулярного рассудка, неспособный выбраться из этого интеллектуального капкана, не нашедший в антиномиях ничего утешительного, отступает ни с чем, возвращается на исходные позиции. Как гласит старинный перевод Первой Книги Царств: «вкушая, вкусих мало меду... и се аз умираю» (1 Цар. 14, 43). При этом неудачник и сам не понимает, как близок был к заветному рубежу, за которым располагались искомые ответы на «проклятые» вопросы. Ведь Теодицея включает не только каверзные вопросы и соответствующие им столь же каверзные ответы, но и предполагает альтернативные версии ответов совсем иного рода. Но до них наш атеист, увы, не может добраться. Ему ничего не остается, кроме самоуспокоительной

⁹ И. Кант. О неудаче всех философских попыток теодицеи. — Он же. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 62.

резюмирующей сентенции: «Я так и предполагал, что Бог — это фикция, нулевая величина. Зло несравнимо могущественнее этой вымышленной фигуры, которая ничего не может с ним поделать. Об этом свидетельствуют мировая история, XX век и окружающая повседневность». Далее выстраивается галерея рациональных и вместе с тем исключительно негативных конструкций, изображающих:

- картины мира, истории человечества, цивилизаций и культур, из которых удален «беспольный Бог».
- модель человека как антропологического мутанта, стиснутого непреодолимым для него опытом зла, легко поддающегося воздействию механики государственного растления, беззащитного перед диктатурами тотального насилия, не видящего пользы в таких человеческих свойствах, как вера, совесть, достоинство.
- эпистемологические схемы мыслительной деятельности, из которых удалена «беспольная» теологическая рефлексия о прошлом и настоящем, сущем и должном.
- редуцированные карты памяти, в которых нет места «беспольному» историческому знанию о немислимых страданиях и кровавых слезах миллионов мучеников, отсутствует понимание того, почему и для чего страдают народы.
- воспитательные программы, построенные на намеренном и повсеместном игнорировании «беспольного добра», «беспольной честности», «беспольной свободы», «беспольного права» и т. д.

«Беспольность» такого рода он легко обращает в бессмысленность. И действительно, какой смысл беспокоить себя картинами чьих-то страданий, мыслями о них. Времена Ивана Карамазова, не находившего себе места из-за «слезинки ребенка», замученного ради общего блага, давно канули в прошлое. Его литературных и нелитературных праправнуков совершенно не волнуют миллионы жизней и судеб, сброшенных в котлован имперской вавилонской башни. По его воле на место вытесненных «беспольностей» водворяется всеобъемлющий комплекс программ новой «польности», которые на поверку оказываются прагматическими стратегиями по интеллектуальному, эмоциональному, экзистенциальному одомашниванию зла, привитию толерантности и даже любви к нему, проектами приручения демонов, инфернализации культуры и превращению ее в монструозную демонодицею.

Государство, создавшее индустрию по культивации массового «ленивого разума», ставшее фабрикой «беспольных жизней», лишенных высокого смысла, превратило большую часть того, что некогда создала христианская цивилизация, в «факультет ненужных вещей», в балласт «беспольных» смыслов, ценностей и норм. Пустующие же площади умов и душ сдаются в аренду различным видам зла, вплоть до самых темных, откровенно инфернальных. Так, внутри новых теодицей прочно утвердилось зло, которое не молчаливо противостоит Богу, но открыто нападает и яростно чернит Его. Для интеллигентского сознания все это оборачивается духовной слепотой и глухотой, гуманитарным косноязычием, смысловой невнятицей объяснительных рассуждений, которые выглядят вполне рациональными, но ничего не объясняют, поскольку их авторы видят прошлое и настоящее как бы сквозь «тусклое стекло». Их мысли и слова, лишенные катарсической, преобразующей силы, как это ни странно, действительно достигают своей цели, усугубляя впечатления беспольности и бессмысленности страданий, перенесенных мучениками XX века.

Попутно возникает феномен фаустовского ресентимента, когда зло продолжает произрастать из завистливого отношения современного доктора Фауста к могуществу демонических сил, которым все дозволено, все по плечу, все доступно. Он уже не призывает: «Будем как боги!», а открыто заявляет: «Будем как бесы, демоны, мифистифели! Будем во всем подражать им, равняться на них! Станем гениями зла!» И де-

монический ресентимент предстает уже не только как их завистливое желание доктора Фауста сравняться своей деструктивной деятельностью с inferнальными силами, но и как стремление подчинить этому доминирующему намерению политическую, экономическую, культурную, научную жизнь и деятельность как можно большего числа людей.

В условиях массового умопомрачения и общего духовного истощения нормальному, то есть цивилизованному и мыслящему, человеку становится нечем дышать. Он видит, что мир уже не просто лежит во зле, но погрузился в него по самую макушку, захлебывается и утопает в нем. Ему понятно, что совершающееся происходит не случайно, а вполне законосообразно, но вот что делать с этой законосообразностью, ему еще надо обдумать и решить.

Не отсюда ли то пока едва заметное, но уже вполне реально намечающееся перемещение современной культуры из секулярного состояния в постсекулярное. Как будто среди масс гуманитарных интеллектуалов пронеслась передаваемая из уст в уста весть: «Ницше был не прав. Бог-то, оказывается, не умер! Он жив и возвращается из изгнания! Эра Его молчания вот-вот закончится».

Не предчувствием ли надвигающихся геополитических катастроф нового типа объясняется намечающийся теологический разворот мирового гуманитарного, в том числе и исторического, сознания, уже явно ощущающего скудность интеллектуальной пищи с пастбищ позднейшей модерности, выжженных бесцеремонным секуляризмом.

ГЛОБУС КОНЧИЛСЯ?

Трагизм социального бытия чувствовали еще древние греки: столкновение родовых и государственных норм выражает трагедия Антигоны, а бессилие человека перед роком, его неспособность предвидеть ход событий выражены трагедией Эдипа. Статья же Игоря Яковенко говорит о неустрашимом трагизме истории вполне рационально. Ввиду чрезвычайной важности поднятой темы предлагаем нашим читателям ответить на следующие вопросы (самые интересные ответы будут опубликованы).

А первые отклики публикуем сегодня.

1. Существуют ли исторические закономерности, которые невозможно изменить никакими человеческими усилиями?

2. Если субъектом истории не является человек, то что служит движущими силами истории? И как следует отдельной личности вести себя по отношению к этим силам, если они неодолимы?

3. Есть ли какая-то «передовая» социальная группа, способная предвидеть ход исторического процесса? Выдвигавшиеся на эту роль интеллигенция и рабочий класс явно с этой миссией не справились.

Алексей Машевский, поэт, философ (Санкт-Петербург)

1. Человек — существо, живущее в Культуре. По поводу, что такое культура, существует не менее нескольких сотен суждений. Не ввязываясь в дискуссию, укажу только на принципиально виртуальную природу человеческой культуры.

Животное существует в своей экологической нише. Информационное поле, ему доступное, ограничивается потребностями выживания, соответствующими данной природной среде и физиологическим особенностям определенного вида. Попугай, порхающий в лесах Амазонки, знать ничего не знает о льдах Антарктики, тем более о планетах и звездах Млечного Пути. Он не рефлектирует по поводу возможности извержения супервулкана или прилета пришельцев. Мы, люди, — другие. Наша духовность, состоящая в рефлексии, то есть способности не только существовать, но и искать смысл своего существования (значит, давать оценку себе и всему, с чем мы вступаем в контакт), делает нас потенциально открытыми тотальности любых природных феноменов. Как только в существе вида *homo sapiens* пробуждается искра духа¹, оно оказывается один на один с бесконечно избыточным информационным полем, выжить в котором можно лишь, наложив на горизонталь природных форм вертикаль ценностных предпочтений. Важнейшая функция культуры, в коконе которой, выйдя из природы, теперь только и может существовать человек, состоит в том, чтобы снять избыточную информационную нагрузку за счет отделения важного и значимого от второстепенного и маргинального. Вся проблема только в том, что мы далеко не всегда можем знать, что является значимым, а что маргинальным.

Исторически возникает множество различных культур, одних сменяют другие. Но все они задают определенную целостную мифологему миропонимания, позволяющую

¹ С эпохи классицизма стало принято называть ее разумом.

человеку структурировать информационное поле, в котором он живет, и минимизировать количество факторов, влияющих на выбор жизненных стратегий.

Очевидно, что упрощенная модель мира, фиксируемая мифологемой, всегда отлична от оригинала, отлична от наличной Реальности в ее совокупности имманентных и трансцендентных форм. Однако сказка ложь — да в ней намек... Виртуальный образ мира, поддерживаемый данной культурой, на определенной стадии исторического развития действительно может выражать существенные черты социальной и природной реальности. Он помогает вырабатывать адекватный ответ на вызовы времени. К сожалению, не навсегда.

Стержневая мифологема тесным образом связана с историей данной человеческой общности, традициями, религией, языком, ментальными установками. Однако время идет, климатические, демографические, экономические, технологические, геополитические, социальные условия меняются, а выработанная данной культурой мифологема остается прежней. Отказаться от нее зачастую бывает труднее, чем уйти с исторической сцены. Вернее, такой отказ и знаменует для данной цивилизации уход с исторической сцены. Есть, конечно, весьма пластичные культуры, допускающие широкую трансформацию базовых мифов, как бы задающих «ментальную группу крови» определенного народа. Но рано или поздно они все равно приходят в противоречие с Реальностью, разрывая сковывающую оболочку виртуальной мифологемной матрицы. В этом, собственно, и состоит трагизм исторического процесса, делающего неизбежным крах любой конкретной культуры, любой сложившейся системы верований, любого образа жизни². В основе всех перманентно случающихся в истории кризисов — сама противоречивая природа человека: существа *ограниченного* в плане своих физических и ментальных возможностей, но нуждающегося в *целостном* (то есть *безграничном*, учитывая тотальность Универсума) видении мира для *осмысленной* жизнедеятельности.

Мы вряд ли способны своими усилиями ликвидировать описанное выше противоречие. Потому исторической закономерностью будет оставаться кризис и распад любой социальной общности, чьи модели мировидения начинают приходиться в противоречие с действительностью. Сейчас в такой кризис входит поствозрожденческая потребительская цивилизация, основанная на науковерии и либерализме.

2. В соответствии с тем, что было сказано выше, движущей силой исторического процесса служат большие и малые кризисы, заставляющие отдельного человека и социальные общности (выжившие во время цивилизационного коллапса) менять систему мифов и идеологием, или, говоря проще, свое сознание. Это приводит к частичному или полному переформатированию культуры, естественно сопровождающемуся социальными потрясениями, гибелью значительной части населения и распадом прежних цивилизационных форм.

При этом хочу заметить, что, с моей точки зрения, именно человек является субъектом исторического процесса, в отличие от биологических видов — субъектов биологической эволюции или гипотетических субъектов постистории, каковыми, по-видимому, станут носители искусственного интеллекта. А это значит, что человек и человечество не является высшей целью, а служат всего лишь необходимым звеном развития Универсума. Признание этого очевидного факта, как мне кажется, заставляет считать

² Кстати, если вдуматься в сказанное, станет очевидным, что никакого «конца истории» до тех пор, пока ее субъектом является *homo sapiens*, не предвидится. Просто потому, что, во-первых, не может существовать одной тотальной мифологемы (одной тотальной виртуальности — виртуальных миров по определению много) и, во-вторых, никогда ни одна человеческая мифологема не сможет описывать Реальность с исчерпывающей полнотой. Разве что на земле наступит Царство Божие, и все будут пребывать неотменимо в Его воле, то есть осуществлять свою жизнедеятельность согласно Божественному всеведению.

ущербными этические системы, провозглашающие интересы человечества наивысшей ценностью. Вообще, на процессы, происходящее в социуме, следует смотреть с точки зрения, выведенной за пределы социальной плоскости. Это освобождает от многих идеологических детерминаций, но усиливает осознание трагичности бытия.

3. Никакой класс или социальная группа зафиксировать нарастающее несоответствие Реальности и ее виртуальной интерпретации, закрепленной в культуре, не в состоянии, хотя бы потому, что классы и социальные группы сами являются частью данной культурной парадигмы. Это несоответствие ментально ощущается каждым человеком, выражаясь в овладевающем всеми духе исторического пессимизма.

На уровне же артикулируемых высказываний предвидеть ход исторического процесса удается тем, кто обладает, так сказать, развитым индивидуальным механизмом контакта с Реальностью. Это пророки, художники, философы, ученые — разумеется, я имею в виду тех, кто является таковыми по призванию, а не по своему социальному статусу. Вообще предвидеть будущее способен каждый, кто, во-первых, имеет в себе силы выйти из автоматизма задаваемых данным социумом жизненных сценариев и, во-вторых, владеет аппаратом описания, развитыми языками — философским, теологическим, художественным, научным, — учитывая при этом историческую изменчивость их форм.

Александр Мелихов, писатель (Санкт-Петербург)

1. Я бы скорее сказал, что существуют исторические случайности, меняющие ход событий неуправляемым образом. Это могут быть климатические изменения, новые технологии или коллективные мечты, как религиозные, так и социальные, но все они не управляются волей отдельных лиц или отдельных групп.

2. Что бы ни служило движущими силами истории, эти силы, как правило, не имеют отношения к индивидуальной морали, и потому нет никаких оснований вменять себе в обязанность содействие им. А поскольку противостоять им отдельной личности не под силу, то ей остается лишь руководствоваться эстетическими критериями: по возможности не делать того, что лично ей представляется безобразным, и поддерживать то, что представляется ей красивым. И не могу представить, чтобы кто-то мог ощущать красивой поддержку исторических сил, стирающих с лица земли то, что ему дорого. Продлевать жизнь тому, что любишь, даже после его исчезновения — в человеческой памяти, — разве не ради этого мы все и живем?

3. Предвидеть меняющие ход истории случайности и их последствия еще никому не удавалось: последствия любых человеческих поступков всегда тонут в лавине побочных эффектов. Однако всегда находятся отдельные личности, которым удается вовремя перейти на сторону будущего победителя, — они-то и склонны называть его успех прогрессом.

Константин Фрумкин, философ (Москва)

1. Вопрос сформулирован не вполне корректно, поскольку движение мировой истории со всеми ее закономерностями само является результатом человеческих усилий. Соответственно, возникает вопрос, кто «субъект усилий», который будет менять движение истории.

Если под человеком понимать человека как родовое существо, как человечество — то оно само творит историю с поправкой на влияние географических, природных и тому подобных факторов.

Если же взять одного человека, любого индивида — то встает вопрос: может ли индивид своими усилиями преодолеть усилия миллионов других индивидов? Ответ, разумеется, отрицательный.

Если под «человеческими усилиями» понимать усилия политические, то они приносят результат, как правило, не очень долгосрочный — ибо горизонт планирования у людей невелик, да и человеческая жизнь коротка. Однако опыт коммунизма показывает, что благодаря политическим усилиям в мировой и национальной истории могут появляться «развилки».

Возвращаясь же к вопросу о закономерностях, нужно отметить, что важнейшей силой мировой истории является стремление человека улучшить свою жизнь, которая, используя способности человеческого разума, порождает идущую через всю мировую историю тенденцию к увеличению технологического могущества социальных систем, сопровождаемую многими побочными следствиями — в частности, ростом продолжительности жизни, ростом численности человечества и другими аспектами развития цивилизации.

2. Фундаментальной движущей силой истории является человеческая природа, включающая в себя, в частности, интеллектуальные способности, что, в свою очередь, порождает производную психологическую силу — ту, что называют прогрессом, или, как говорил Маркс, развитие производительных сил. Важным обстоятельством также является идущее в истории дарвиновское соревнование и отбор человеческих коллективов, технологий и алгоритмов социального взаимодействия. Что касается отдельной личности, то для нее взаимодействие с историческими силами выступает в форме простого и повседневного взаимодействия с окружающей средой. Тут у человека две стратегии: прогнуться под мир или прогнуть мир, то есть адаптироваться к среде или изменять среду. Хотя способность к изменению среды у индивида и невелика, она не нулевая, каждое нестандартное взаимодействие хотя бы немного меняет среду, а если человек оказывается синхронным в своих действиях с другими людьми — среда меняется, а индивид сам оказывается частью исторических сил.

3. Предвидение будущего — дело не социальной группы, а отдельного интеллектуала, учения, теории, науки, аналитического центра. Предвидят будущее такие люди, как Рей Курцвелл, Артур Кларк или Маркс — разумеется, с большим количеством ошибок. Но понятие «передовой» группы связано не со способностью предвидеть (это вопрос теории), а с тем, что эта группа уже вовлечена в социальные отношения, которым суждено распространиться и стать доминирующими в будущем обществе. Сегодня — насколько это вообще можно предвидеть — такой передовой группой кажутся фрилансеры и представители «креативного класса», не связанные жестко с одним местом работы и даже с одной страной, легко меняющие проекты и местожительства и способные стать проводниками прогресса на его нынешнем этапе. Человек будущего — креативный космополит-фрилансер. Впрочем, за его спиной виден и другой, менее привлекательный социальный персонаж будущего — паразит, вечный безработный, не нашедший себя в роботизированном мире будущего и рассчитывающий только на социальные выплаты.

Вячеслав Рыбаков, писатель (Санкт-Петербург)

1. Один из самых симпатичных и человеческих персонажей братьев Стругацких, Виктор Банев из «Гадких лебедей», в ответ на мизантропические филиппики своей подруги в адрес человеческой природы заметил: «В прошлом веке в провинции это еще как-то звучало бы... общество, по крайней мере, было бы сладко шокировано, и блед-

ные юноши с горящими глазами таскались бы за тобой по пятам. Но сегодня это уже очевидности. Сегодня уже все знают, что есть человек. Что с человеком делать — вот вопрос. Да и то, признаться, уже навяз в зубах».

Боюсь, примерно так же дело обстоит и с историческими закономерностями.

Разум — не более чем средство получать «продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами». Человек от начала времен придумывает себе орудия, средства и формы организации, чтобы побеждать погарантированное, жить полегче и есть послаще, но только и знает, что со скрежетом зубным, а подчас и с ужасом приспосабливается к собственным выдумкам, к тем неожиданным, непредвиденным и порой принципиально непредвидимым опасностям и издержкам, что они с собой несут.

Скажем, неолитическая революция — переход человеческих общин от охоты и собирательства, от полной подчиненности сиюминутной удаче к принципиально более надежному и более продуктивному хозяйству, основанному на земледелии и одомашнивании животных. Если уж научились делать, скажем, мотыгу и если уж поняли, что, посеяв зерно, почти наверняка, приложив толику стараний, будешь сыт — обратного хода нет. Ни один нормальный человек не пойдет в контрреволюционеры. А если кто и пойдет из неких смутно-горделивых соображений или из верности традициям, враз ставшим нелепыми, тот обречет себя и свою семью на голод, на полную зависимость от случая, на бесконечное продолжение непосильных блужданий по лесам в поисках хоть заваливающей мышки, которую можно будет, давясь с голодухи слюной, обглодать до хвостика. И все это тогда, когда соседи, чтоб им пусто было, беззаботно жрут теплый душистый хлеб, выращенный и испеченный своими руками!

Но тут-то, как гром среди ясного неба, неожиданно-негаданно приходит конец первобытному равенству и начинается классовое общество со всеми его прелестями.

Еще открытие пороха называют революцией в военном деле. Рубились-рубилась, из луков и арбалетов стреливали — и вдруг бац! Бомбарды, мушкеты... Латы — насквозь, крепостные стены — вдребезги. Все меняется радикально: тактика, стратегия, фортификация, логистика, военное финансирование, представления о мастерстве и мужестве... Нельзя сказать, что меняется к лучшему. Просто все это отвратительное дело — массовое избиение друг друга — становится на порядок более эффективным, и придерживаться старых норм оказывается невозможно. Оказывается самоубийственно, вот в чем дело. Контрреволюционер тут — если он, конечно, не безоружный святой — просто дурень; ему не дорога ни своя жизнь, ни жизни тех, кто ему доверен и за кого он отвечает. Но ведь безоружный святой — вообще вне этого процесса. Он и против избиения друг друга мечами и протазанами возражал.

И запустился процесс, который в итоге снивелировал такие замечательные качества, как личная храбрость, верность ограничивающим зверство боевым ритуалам, благородство к противнику... Пузатый оператор ударного дрона играючи, между двумя анекдотами разбрызжет и лучника Робина Гуда, и Дон Кихота с его копьём наперевес, и Роланда с Дюрандалем, и Артура с Эскалибуром. Хотя обесточь его на пару минут — сам по себе он никто. Ничтожество, винтик механизма глобальных репрессий, наученный только нажимать кнопки, а в свободное от убийств время — с бутылкой пива в руке орать перед телевизором, когда хавбек удачно проходит по краю. И при том уверенный, что — свободен.

У нас на глазах произошла еще одна явная революция. В один прекрасный день ничего никому плохого не сделавшие мастера и мастерицы эпистолярного стиля, со всем их великолепным, бисерным почерком, с их надушенными ленточками для перевязывания пожелтевших любовных посланий, оказались обречены на сухой, безликий э-мэйл. Хоть после каждого слова смайлики ставь — души тексту не добавишь. Однако ж кому охота ждать ответа на свои письма неделями, да еще и волноваться —

вдруг почтальон мешок с почтой в канаву уронит... Контрреволюционеру вместо того, чтобы в тридцать секунд одним пальцем набрать интересующий его топик в поисковике, придется попотеть, за любой справкой волочась в библиотеку. И ради каждого письма тащиться на почту, покупать конверт, наклеивать марку, потом снова тащиться — под дождем ли, в пургу ли — к почтовому ящику... При том, что даже все эти сизифовы усилия не дадут ему ни малейшего шанса прикрепить к письму самый короткий аудиофайл. Право возиться с бумажками у контрреволюционера, конечно, есть. Но смысла в реализации этого права — ни малейшего. Только себя мучить.

Но вот — игровые зависимости, порносайты, флеш-мобы, инструкции по минновзрывному делу в каждом доме...

Всякое масштабное изменение — это потери. Невосполнимые, горькие. Я так хорошо мышей в лесу выслеживал, лучше всех в племени, жена мной гордилась, дети мной восхищались, соседи мне завидовали, я только-только собирался старшему сыну свои производственные секреты передавать, а вы, окаянные хлеборобы, сделали мой талант и мои отточенные навыки никому не нужными и просто смешными!

Однако принципиально важно усвоить вот что.

Вред, который изменения к новому наносят тем, кто не может к ним приспособиться, кто им сопротивляется или просто складывает руки и идет ко дну, НИЧТОЖНО МАЛ по сравнению с тем вредом, который наносят те, кто, вовсе не сопротивляясь изменениям, порой напротив — приспособляясь к ним быстрее остальных, начинает использовать их в своих эгоистических, корыстных интересах.

Полагаю, под пышным и ничего не объясняющим термином «исторические закономерности» скрывается что-то подобное. Вопрос не в том, соглашаться ли с тем, что такие закономерности сильнее индивидуальных волей, желаний и иллюзий, или не соглашаться. Ясно, что сильнее. Вопрос в том, что с закономерностями делать. А ответ, думаю, вот каков: пытаться их понять, а поняв, извлечь максимум самым широким образом понимаемой пользы. Не переть против изменений, которые все равно произойдут, а по возможности ставить их себе на службу.

Одна из легко вычисляемых польз такого рода — поелику возможно облегчать участь тех, кто от назревших, неизбежных изменений теряет. Даже если тебе лично на них в силу особенностей твоего характера плевать — все равно ломать голову над тем, как подстелить им, падающим в слишком жесткое и угловатое будущее, хоть клочок соломки.

Уже потому хотя бы, что все ярые сторонники обновления тоже когда-нибудь состарятся и тоже окажутся одинокими и бесприютными в совершенно чуждом им мире, и этот мир тоже будет в очередной раз решать, оставить их подыхать под забором, объяснив напоследок, что они такой конец закономерно заслужили, или проявит толику милосердия. Нет кары страшней, чем долгая бессмысленная старость в ушедшем далеко вперед мире, которому ты давно осточертел. Вот посмотреть хоть на Михаила Горбачева. Ему и загробного ада уже не надо.

А еще — для того, чтобы меньше становилось тех, кто сопротивляется новому. Чтобы новое не приходило ни шатко ни валко, через пень в колоду. Чтобы оно не искажалось старым, не запаздывало, не оказывалось слишком болезненным, не вызывало слишком сильного отторжения. Чтобы противники изменений становились их сторонниками. Ведь новое все равно придет — но чем более мучительным будет его приход, тем меньше от него будет толку. И самое главное: пока ты будешь мыкаться с его насильственным, по трупам, внедрением, пользу из него, из этого нового, извлекут другие. Твои конкуренты. Да и просто эгоисты, прохиндеи, преступники. И ты, именно ты, окажешься в проигрыше. Всего лишь потому, что спокойно констатиру-

вал: те, кто не может приспособиться к новому, должны вымереть, и ничего тут не попишешь.

Попишешь. Если захочешь. Если уразумеешь.

2. Движущими силами истории являются, похоже, научно-технический прогресс, его социальные последствия, попытки психологического приспособления к ним и юридического их введения в приемлемые рамки.

Эти силы неодолимы.

И все же — одолимы.

Например, главной и судьбоносной исторической закономерностью современности является то, что после вовлечения красного Китая в мировое разделение труда и мировую финансовую систему, распада СССР и краха коммунистического проекта капитализм стал фактически глобальным, и после этого глобус кончился.

Между тем система постоянно расширяющегося воспроизводства, на которой стоит капитализм, не может существовать без экономической, а если экономика подводит, то силовой экспансии. Когда расширяться некуда, когда число потребителей уже невозможно увеличить, экономика падает и капитализм рушится сам собой, по внутренним причинам, безо всяких большевиков. Большевики возникают тогда, когда капитализм в кризисе, а не наоборот. Расширяться ныне стало некуда. Даже завоевание Марса тут не поможет, потому что вряд ли даже после такого триумфа количество рабочих мест на Земле удастся существенно увеличить за счет продажи тампаксов прекрасным марсианкам.

Человечеству придется приспособливаться к этой новой реальности.

Одной из версий такого приспособления является создание относительно небольшого мирового острова — впрочем, скорее архипелага — стабильности и процветания, окруженного стремительно варваризирующимся миром нарочито разжигаемых национальных и религиозных конфликтов, хаоса, старых и новых болезней, примитивных технологий и примитивных эмоций. Все мало-мальски талантливое и продуктивное в этом мире должно будет стать Ванами, Иванами — да, в общем, и Джонами тоже, не помнящими не только своего родства, но даже своего пола, безликими родителями А и Б с неизвестной гендерной принадлежностью, и благодаря этому обновлению безо всякой рефлексии нескончаемо кочевать туда, где комфортней, соглашаясь там на любую роль. Остальные, кто помнит родство, кто верит во что-то, кроме стремления просто выжить хоть чучелом, хоть тушкой, обречены будут за эту свою память и эти свои веры нескончаемо воевать друг с другом и уничтожать друг друга. Так будет обеспечиваться безопасность и неприкосновенность архипелага. Так будет сокращаться население, что в обществе потребления является единственным способом идти в ногу с истощением и сокращением мировых ресурсов. И так, сколь бы парадоксальным это ни казалось, для промышленности архипелага будут открываться новые рынки, потому что в мире хаоса вообще не станет промышленности; варвары будут истреблять друг друга в штанах, пошитых в архипелаге, оружием, сделанным в архипелаге, ради барахла, купленного в архипелаге, и развлекаться блокбастерами о прогрессивном истреблении злых варваров, снятыми в архипелаге.

Является ли возникновение такого мира исторической закономерностью?

Нет, конечно.

Историческая закономерность — это то, что глобус для капитализма должен был раньше или позже кончиться, и вот он кончился.

Остальное — лишь целеполагание весьма немногочисленной части человечества, лишь проект, основанный на использовании исторической закономерности в корпоративных корыстных целях.

Если оно не напорется на какое-то иное — необязательно диаметрально противоположное, просто принципиально иное — целеполагание, то проект реализуется. И тогда уж те, кто его реализовал, получают полное право сказать, что он был ОБУСЛОВЛЕН исторической закономерностью.

А если напорется, тогда начнет возникать некая новая реальность, которая не будет целиком соответствовать ни тому целеполаганию, ни этому, а окажется чем-то совсем третьим. Но это третье наверняка будет не столь кособоким, не столь несправедливым, не столь щедрым к подлому меньшинству и не столь безжалостным к обласпанному большинству.

Конечно, если твое целеполагание — это всего лишь загодя подготовить себе тепленькое местечко на архипелаге, тогда, понятно, для тебя эта тенденция неодолима.

Увы, если ты, как Дон Кихот, один-одинешенек выступишь с копьём совести против дрона планов влиятельнейшей мировой группы, ты тоже вряд ли многого добьешься.

Хотя уже сам факт такого выступления даст понять, что альтернатива все-таки возможна.

У другого персонажа Стругацких, Кандида из замечательной «Улитки на склоне», поиски нравственной истины завершились так (прошу прощения за длинную цитату): «А дальше? Обреченные, несчастные обреченные. А вернее, счастливые обреченные, потому что они не знают, что обречены; что сильные их мира видят в них только грязное племя насильников; что сильные уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов...; что все для них уже предопределено и — самое страшное — что историческая правда ...не на их стороне, они — реликты, осужденные на гибель объективными законами, и помогать им — значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке его фронта. Но только меня это не интересует... Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова... Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! Если бы меня подобрали эти..., вывели и обласкали бы, приняли бы меня как своего, пожалели бы — что ж, тогда бы я, наверное, легко и естественно стал бы на сторону этого прогресса, и Колченог, и все эти деревни были бы для меня досадным пережитком, с которым слишком уж долго возятся... А может быть, и нет, может быть, это было бы не легко и не просто, я не могу, когда людей считают животными. Но может быть, дело в терминологии, и ... все звучало бы для меня иначе: враги прогресса, зажавшиеся тупые бездельники... Идеалы... Великие цели... Естественные законы природы... И ради этого уничтожается половина населения? Нет, это не для меня. На любом языке это не для меня. Плевать мне на то, что Колченог — это камешек в жерновах их прогресса. Я сделаю все, чтобы на этом камешке жернова затормозили».

А действительно — что дальше?

Дальше...

Дальше — никто еще не опроверг тот простенький тезис, что идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами.

3. Предвидеть можно лишь то, что жестко запрограммировано, задано однозначно. Даже профессионалы-метеорологи то и дело попадают впросак с такими простыми предвидениями, как прогнозы погоды. А исторический процесс еще более стохастичен, еще более наполнен качественными скачками и, следовательно, еще более многовариантен.

Но дело-то в том, что, в отличие от погоды, он проявляется через чувства, мысли, планы и действия людей, а значит, в определенной мере от них все же зависит. Основные его закономерности, если смотреть непредвзято и неангажированно, вполне

просматриваются, а дальше речь идет уже о желании, воле и искусстве использовать эти закономерности для достижения своих целей. Вопрос в том, каковы эти цели, насколько они смертоносны для окружающих. Мы же не спорим, этичен или нет процесс деления урана, способен ли человек ему противостоять, а если не способен, то что ж тогда нам, бедным, делать. Просто одни делают атомную бомбу, а другие — ледокол.

Стоит заглянуть в песочницу, где одни трехлетние малыши, высунув от сосредоточенности языки, затаив дыхание, благоговейно пекут куличики, а другие, тоже трехлетние, растущие с ними бок о бок, с хохотом эти куличики топчут. Одни получают радость и наслаждение от созидания, другие от разрушения. Откуда это берется, когда, в каком возрасте? Почему у одних трудолюбие есть, стыд есть, бережность есть, сострадание есть, и с возрастом они, если только не надламываются под давлением обстоятельств, лишь развиваются, осознают себя, ищут и находят средства поведенческой реализации, а у других — вообще ни фиги подобного? Вот где собака зарыта...

Но, полагаю, она зарыта во всех социальных слоях более или мене равномерно. Во дворцах и в хижинах, в столицах и в глубинке. Среди мужчин и женщин. Среди родителей А и родителей Б.

Другое дело, как людям, жаждущим всю жизнь печь какие-нибудь полезные, нужные, добрые куличики, находить и опознавать друг друга, координировать усилия, учиться доверять один другому? Это — проблема. Но она явно выходит за рамки заданных редакцией вопросов. А я и так тут слишком много наговорил.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Прежде всего договоримся о позициях, с которых будут идти рассуждения. Если мы всецело принимаем эту, заданную позицию — никем и ничем не изменяемых событий, то это трагический, почти античный фатализм или же откровенный детерминизм. Если мы будем пытаться спорить с этим положением — тогда это в лучшем случае вариация адаптационного процесса. Но тогда кто и к кому здесь приспособливается? Человек ко времени — или время к человеку?

Время — категория неодушевленная, континуум «пространство-время» — абсолютно космический, изначально установленный и безличный. К человеку он имеет непосредственное отношение только лишь потому, что человек его ОСОЗНАЛ. И это осознание приспособил под себя, под свою возможность мыслить, под свой, по Тейяру де Шардену, психизм: назвал все именами, обозначил символами, подвел под категории, расчленил на набор признаков, — одним словом, хорошенько поработал с материалом. В данном случае и это осознание — материал, и время — материал, и тем более история, не только история Земли, но и история цивилизации на ней — материал.

Мы все и всегда работаем с материалом. Каменщик строит дом, философ строит здание осмысления сущего. Время к человеку не может приспособиться прежде всего потому, что мы думаем: время — не одушевлено. Но кто всецело поручится, что это так? В сознании верующего одушевленный Богом Космос — это единая субстанция, Дух, по вере, пронизывает все, он реет, где хочет, и Дух Святой — быть может, самая серьезная космическая реальность, которую просто еще не вогнали в набор формул и констант; не поверили гармонию алгебры, сиречь наукой.

Самый трагический, для человека воистину ужасный вопрос здесь — вопрос смерти. Если есть фатальная неизбежность конца всеобщего движения, значит, всемирную гекатомбу невозможно остановить, предупредить, нельзя обезвредить то время, в котором она наверняка состоится?

Если к своей смерти мы, за всю жизнь, приучены относиться хотя бы с виду спокойно (однако все знают, что это главная трагедия отдельно взятой жизни — уход с Земли — и главная ее несправедливость!), то к грядущей смерти цивилизации мы спокойно отнестись не можем. Все в нас восстает против всепланетной обреченности. Иван Ефремов в «Часе Быка» писал о пороге Синед Роба, при переходе через который цивилизация уже обречена, и обратного исторического хода нет. Такая цивилизация никогда не сможет выйти в Большой Космос и достигнуть высот развития — именно потому, что она довольно быстро сама обрекает себя на уничтожение.

Неизменяемые исторические закономерности? Да вот же они: начнем: *повторяемость революций*. Революции будут приходить в общество регулярно. И уходить, оставляя после себя — что? цветущий сад или выжженную пустыню? Правомерны оба варианта. Но факт повторяемости революций — несомненен. *Повторяемость войн* — разве мы от них ушли хоть на йоту? И разве уйдем? Данте гулял по кругам Ада, и мы по ним гуляем тоже: просто для нас, для цивилизации, эти круги растянуты в пространстве-времени, только и всего. В великой «Божественной комедии» вся эта философская формула очерчена сильнее некуда. Мне скажут: но ведь вектор на Рай тоже уже задан!

Господи, не есть ли Райский Сад несбыточная мечта человека и человечества, лицом к лицу оказавшегося с бесчеловечием и холодными мирами, с жестокостью красиво, да, но абсолютно равнодушно упорядоченной Вселенной...

Итак, повтор. Реприза. Любая реприза уже — рок. Закономерность. Ничто не повторяется просто так; любой цикл имеет внутренние ритмы. Реприза — музыка миров. В том числе и человеческого.

Терроризм, как социальный вид, подвид войны, тоже набирает обороты и повторяется. *Повторяемость терроризма* — иллюзия безвыходности или ее реальность? Часть общества живет внутри этого террористического цикла. Порушить его — значит найти, открыть механизм его закономерности. Только ли в энергетике радикального ислама дело? Может быть, дело в чем-то другом? И надлежит вытащить на свет эту тщательно упрятанную тайну?

2. Еще раз: давайте разделим сами себя на два громадных духовных региона. Первый регион — верующие. Второй — неверующие. Атеистов гораздо больше, чем мы можем себе представить. Верующий человек говорит: «Все в руце Божией». И склоняется перед Богом, и повторяет: «Господи, да будет воля Твоя, а не моя». Ему легче всех, он счастлив. Тем, что он дитя, и у него есть Отец, к стопам Которого он припадет: его и накажут, и обласкают, и поймут, и простят. И направят на путь истинный — Бог предоставляет верующему самому делать выбор.

Неверующий человек говорит: «Какой еще Бог? Я сам! Мы — сами!» И начинает все делать. сам. Для неверующего человека человек вообще, Человек Царствующий, является альфой и омегой и цивилизации, и культуры, и всего бытия. Все для человека, все во имя человека! Человек, опьяняясь идеей помощи самому себе, легко может и обмануть сам себя. Ему выгодно обманывать других; но и себя он обмануть не прочь — просто даже потому, что так удобнее жить. Все можно оправдать тем, что тот, кому приказали: делай! — все не так сделал. И — наказать его! В тюрьму, на плаху!

Вспоминаю Бетховена, знаменитый случай с его учеником Францем Рисом. Ученик закончил переписывать рукопись учителя. Бетховен приходит с прогулки домой и видит на столе титульный нотный лист. На нем начертано рукой Риса: «Закончено, с помощью Божией». Бетховен окунает перо в чернильницу и быстро, рассерженно пишет поверх блаженного автографа Риса: «О человек, помоги себе сам!»

И это тот Бетховен, что под конец жизни создает последние сонаты, последние квартеты, Торжественную мессу, Девятую симфонию — музыку, продиктованную Богом и обращенную прямо к Богу...

Но довольно сантиментов. Субъектом человеческой истории является именно человек. Есть еще и биоистория — история возникновения жизни на земле; дальше внутрь времен пойдем — геоистория: здесь речь о том, как планета зародилась и как развивалась. Есть еще и космоистория — она называется космогония, это наука о происхождении планет, звезд и галактик. Существование человечества как такового, как феномена, завершающего всю мегаисторию, занимает на этой стреле времени слишком маленький отрезок. Нам пока нечем гордиться. Мы еще не перешли порога Синед Роба — и не дай бог нам его когда-нибудь перейти. Но если нам удастся упасть себя от обреченности, если детерминизм сменится на вариабельность, если, как бы сказал верующий человек, мы поборем дьявола, тогда другим станет сам предмет разговора.

А отдельная личность — что ж, у нее всегда свой выбор. Мы, каждый, видим преодолимость смерти. И чем ясней и безусловней мы осознаем неизбежную смерть, тем ярче, полнее, сильнее и прекраснее мы живем свою жизнь. Живем каждый день как последний.

А неодолимые силы в цивилизации — вот они, они же всегда перед нами; они — наш плакат, наш учебник, наша жестокая агитационная брошюра. Мы можем им верить и пойти вслед за ними, беспрекословно салютуя им и повинуюсь им, а можем и не верить! Если Бог изначально назначен разделить людей на овец и козлищ и если воистину будет Страшный суд — вот вам и результативность, вот мощнейший ответ на все наши вопросы. Страшный суд, последний Приговор и Жена, облеченная в Солнце. Все уже воссоздано в Откровении; для кого-то это бабушкины сказки, для кого-то — великая истина в последней инстанции, от которой на мятущуюся душу нисходят свет и покой.

Как следует вести себя мне самой, я могу тут ответить. Перекреститься и спокойно глядеть на то, что произойдет, если оно и вправду будет происходить. Мы не уйдем от судьбы. Не уйдем от смерти. И не уйдем от гнева Божьего.

Бедные, мы себя так ведем по отношению к Земле, что, если она живая, если она — по Станиславу Лему — наша планета Океан, она давно уже должна была крепко разгневаться на нас, ее мучителей, и навеки поглотить нас. И больше не возвращать в этот мир.

3. Никогда и нигде, ни в одной земле, ни в одном государстве нет некой инициативной группы, что способна была бы собраться, выработать блестящий план, вписать туда ряд великолепных проектов и назвать это все: «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА». И выиграть тендер. Беда в том, что сам человек и есть исторический процесс! И, значит, он должен взаимодействовать сам с собой! Эта историческая тавтология — тупик. Что касается масс, рассматриваемых в свете глобальных социальных движений, то массы сейчас разделяются не на множество классов, как раньше, а, варясь в едином цивилизационном вареже, отчетливо сохраняют только два лика: богатых и бедных. Ты богат, или ты беден — вот и вся твоя характеристика. Конечно, классовые различия еще имеются, но они стираются тем легче, чем быстрее цивилизация движется к тотальному социуму, к глобализму.

Кто же будет теперь толкать историю вперед? Какой пассионарный класс? Богачи или бедняки? А может, борцы с терроризмом?

Никто не знает...

Ход времен всегда предвидели ПРОРОКИ. От библейских Иезекииля, Иеремии и Исаяи до Нострадамуса и Ванги, во все века, особенные, не как все рожденные люди предвидели и провидели время. Но эти биографии земных пророков у многих ассоциируются с откровенной мистикой. Если же без мистики — ученые, историки, философы, но так или иначе ОТДЕЛЬНО ВЗЯТЫЕ ЛИЧНОСТИ предвидели ход истории. Они его осмыслили, продолжали в будущее, вслепую нащупывали ходы, а иной раз

и ясно видели эту тяжелую временную поступь. И фиксировали ее для людей. Для грядущего.

Нас всех интересует будущее. Люди посещают гадалок и экстрасенсов, чтобы взглянуть туда хоть краем глаза. Не лучше ли возблагодарить Бога за то, что мы не знаем этого? Никто не знает часа своего. И это прекрасно. Ведь у нас тогда в запасе вечность.

Евгений Степанов, писатель (Москва)

1. Полагаю, что такие исторические закономерности существуют. Одна из них заключается в том, что социально-общественные формации претерпевают изменения очень медленно и некардинально. Демократия приживается в большинстве стран очень неохотно. Игорь Яковенко в статье, опубликованной в журнале «Нева», пишет: «Ни государство, ни национальная идентичность, ни социально-политическая система не даны человеку как вечные и неизменные...»

Я с этим и согласен, и не согласен.

Конечно, ничего вечного (кроме души) нет. Но вот социально-политические системы, по большому счету, меняются не сильно. То есть оболочка меняется, а суть остается прежней.

Как правило, обществом управляют одни и те же (одинаково устроенные) люди (а также их потомки). Это крошечный процент наиболее активного и пассионарного населения, который будет управлять при любом режиме, будь то социализм, капитализм, рабовладельческий строй или феодализм, который, на мой взгляд, сейчас довольно прочно укрепился в России и во многих других странах. Этим пассионариям, по сути, все равно, как называться. Например, бывший губернатор Нижегородской губернии Шанцев раньше был первым секретарем Перовского райкома партии, а президент Ельцин — первым секретарем Свердловского обкома. Подобные примеры могу приводить долго. Множество олигархов (некоторых из них я знаю лично) раньше работали в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, райкомах и горкомах партии и комсомола (кстати, М. Б. Ходорковский, если не ошибаюсь, трудился во Фрунзенском райкоме ВЛКСМ), КГБ, профсоюзах и т. д.

Нужно признать: есть бедные и богатые, активные и ленивые, родовитые и безродные, умные и глупые. Человечество неоднородно. И, разумеется, те, кто сильнее, будут стараться устроить себе более комфортную жизнь.

При этом не надо забывать, что даже при капитализме есть *жизненно необходимые* элементы социализма, социальной защищенности (самый яркий пример — шведская модель общества, германская). И даже при сталинском социализме, который я, разумеется, не идеализирую, были элементы капиталистического строя.

Вот цитата из книги, составленной Л. Г. Коноваловым: Сталин. Цитатник. — М.: Махаон, 2016: «...Сталин создал великолепно работающую систему предпринимательства — честного, производственного, а не спекулятивно-ростовщического. В то время функционировало сто сорок тысяч частных мастерских и предприятий в сферах пищевых, химической промышленности, металлообработки, ювелирного и даже оборонного дела. На них работало около двух миллионов человек. Частными предприятиями производилось 40 % мебели, 70 % металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. При этом на два года частные предприятия освобождались от большинства налогов и госконтроля над розничным ценообразованием. У госпредприятий таких льгот не было. В предпринимательском секторе работало около 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и даже два

научно-исследовательских института. В этом секторе действовала своя, негосударственная, пенсионная система, а артели могли предоставлять своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента, оборудования, строительство жилья».

Бизнес существовал и при так называемом брежневском «застое». Продавцы на рынках, шабашники, профессиональные спортсмены, деятели культуры, искусства и науки, которые получали гонорары за свои литературные произведения, концерты и статьи... Я уж не говорю про нелегальных предпринимателей — всевозможных цеховиков, арендодателей квартир, комнат и углов, частных маклеров и т. п. Все, кто хотели и могли заработать, зарабатывали.

Есть бизнес и в постперестроечной России. Он не всегда белый, а часто, как говорят, серый.

То есть речь идет всего лишь о *степени* легитимности предпринимательской деятельности в той или иной общественно-экономической формации. В какие-то эпохи такой легитимности больше, в какие-то — меньше. Но процент активного (пассионарного) населения сильно не увеличивается. Большинству людей достаточно того, что даст государство, партийный функционер, хозяин, начальник или кто-то еще.

Основная историческая закономерность заключается в том, что люди — разные. И пассионариев меньше, чем обывателей. И пряников на всех не хватает.

2. Движущими силами истории являются пассионарии — 5 % населения земного шара. Это им постоянно что-то нужно, это они открывают Америку, устраивают революции, завоевывают Северный полюс, открывают космос, прокладывают новые торговые пути, создают рабочие места и т. д. Важно — куда направлена активность пассионариев.

Что было сделано в не худшее для нашей страны брежневское время? Над пассионариями-управленцами был серьезный надзор — партия, Комитет партийного контроля, возглавляемый А. Я. Пельше, КГБ и т. д. Да, они, пассионарии-управленцы, конечно, были состоятельными людьми, имели лучшие квартиры в домах ЦК, казенные дачи, путевки в Пицунду и Ялту, спецпайки, но не более того. И при этом работали. Очень много и эффективно работали. Свой инстинкт пассионариев-управленцев они реализовывали прежде всего в силу заложенных природой дарований, жажды власти, даже чувства ответственности.

Перестройка отменила (как выяснилось, на время) контроль. И вот тогда эти самые пассионарии-управленцы пустились во все тяжкие, превратившись реально в феодалов.

И не случайно многие из них оказались в дальнейшем на скамье подсудимых.

Сама система вседозволенности оказалась пагубной.

3. Знаю точно, что такая передовая группа есть. Это люди, которые имеют *собственное* дело. Причем неважно, в какой экономической сфере это дело и сколько у тебя сотрудников.

Бизнес дисциплинирует, делает человека лучше. Ты не имеешь право подвести клиента (иначе он уйдет от тебя), обидеть коллектив (иначе сотрудники уволятся), ты должен постоянно учитывать баланс интересов. Предприниматель не имеет права обмануть — репутация в бизнесе дороже всего. Обманешь в малом — потеряешь все. То есть вести дела нечестно просто невыгодно.

Конечно, далеко не все могут заниматься бизнесом. Это особый дар, особое состояние души.

Я думаю, что задача государства заключается в том, чтобы, максимально заботясь о пассивном большинстве, поощрять в энергичных, целеустремленных людях стремление к свободе, к труду на собственные средства производства, увеличивать — хотя бы медленно, постепенно! — число граждан, работающих не по найму, а на собствен-

ных (пусть и микроскопических) предприятиях. Свободный человек полезен государству, как никто, — он создает рабочие места, платит налоги, он берет ответственность за себя, за коллектив. И в конечном счете — за страну и мир.

Михаил Стригин, поэт, философ (Челябинск)

О соотношении объективного и субъективного в истории человечества однозначно сказать невозможно по той причине что оно разное на разных этапах существования цивилизации. Но то, что силы, скрывающиеся под каждым из этих понятий, играют свою роль, и часто существенную, это почти очевидно, что проявится в дальнейшем размышлении. Как и в любой аварии, имеются два ее участника, при наличии одного авария как таковая невозможна. История творится противостоянием личности и социума. Отсылаю читателя к моей статье [Стригин М. Б. Аналитический и синтетический этапы эволюции произвольных систем: онтологические особенности и характеристики // Современный ученый. 2018. № 8. С. 31–39], где было показано, что произвольная система ведет себя подобно нелинейному маятнику. Социальные группы (политическая партия, общество книголюбов, государство) — это различные виды систем, которые можно описать при помощи ряда параметров (правил внутреннего устройства, законов). Обычный, хорошо нам известный маятник гармонично осциллирует между двумя точками. Нелинейный маятник отличается от него тем, что он ведет себя гармоничным образом только в определенный период, а затем в некоторый момент начинают сказываться несущественные на первый взгляд факторы, и система — маятник начинает двигаться хаотически, а спустя еще некоторое время скачком выходит на новую устойчивую траекторию. Скачок имеет сингулярный вид. Социальные группы ведут себя аналогично нелинейному маятнику, отличаясь только масштабом и временными длительностями.

Любая социальная группа после ее возникновения форматируется кем-то — и общество книголюбов, и ЛДПР, и государство имеют своего лидера и свою основополагающую метафору, выражаясь иначе, свой основной лозунг. На этом этапе роль личности превалирует над социумом, когда воля и харизма личности в состоянии повести за собой. На основании явленного лозунга формируются основные параметры системы — социальные законы, определяющие его существование, после чего социальная группа, государство в том числе, входит в гармонический период, когда система осциллирует между двумя точками, определяемыми инертностью социума и его активностью. На этом этапе роль личности несущественна, социумом управляют законы. Но в определенный момент начинают сказываться скрытые факторы, они могут быть как внутреннего характера, так и внешнего. Внешние — это чаще всего объективные, связанные с ресурсами причины, которые выходят на первый план. На физический маятник подобным образом влияют как внутренние факторы, например, растягивается подвес (усталость материала), так и внешние — происходит столкновение с посторонним телом. В системе государство внутренними факторами является, например, усталость от однообразия жизни в рамках установленных законов, которая провоцирует недовольство, внешними факторами являются, например, изменение климата и исчерпывание ресурсов. И тогда система под названием государство входит в хаотический, рассогласованный период. На этом этапе роль личности также несущественна, в обществе царят страх и паника. Но одновременно внутри социума идет поиск новой личности, которая согласует в новом контексте систему — государство, который сингулярно выведет ее на новый уровень. Этот этап прекрасно описан Достоевским в романе «Бесы», когда социум устал от монархии как формы устрой-

ства государства. Следующий этап — этап синтеза, когда новый лидер рождает новую метафору — новый лозунг, формирующий новые законы. На этом этапе роль личности вновь становится преобладающей. Социум участвует в формировании законов в той или иной мере. И дальше система — государство эволюционирует по уже описанному порядку. К этому можно добавить, что гармонический этап государства по своей сути может иметь две структуры: либо демократию, либо тоталитаризм, и чаще всего они сменяют друг друга.

Выразив общую концепцию, можно ответить на поставленные вопросы следующим образом.

1. Существование трех периодов в эволюции произвольной системы, в том числе государства, — это объективный закон, который никак не зависит от человека. Один из самых поразительных и объективных нюансов жизни субъекта заключается в том, что усталость от существующего миропорядка начинает появляться в нем уже сразу после появления этого порядка, которая наравне с объективными внешними факторами подтачивает любую идеальную систему и приводит к периоду хаоса. Человек, с одной стороны, стремится все упорядочить, с другой стороны, он тут же начинает этот порядок разрушать.

2. Роль субъекта существенна на этапе синтеза. Но в этот период реализация потенциала человека в области социального чревата большими рисками для него, поскольку этот период характеризуется крайней неустойчивостью. В остальные периоды социальная активность субъекта не принесет значительных плодов. Но поскольку точек приложения энергии человека большое множество, то он может реализовать свой потенциал в других творческих направлениях. Участие человека в социальной жизни можно проиллюстрировать следующей метафорой: социум напоминает волну, в которой каждая частица играет свою роль, но наверх выносит единицы, большинство остаются подложкой для вершины волны. Именно тот факт, что каждый субъект принимает участие в социальной жизни, осложняет предвидение ее результатов, поскольку вероятность какого-то события, например, того, что вы станете мэром, определяется множеством параметров. И несмотря на пессимистичность по поводу того, что на выборах все предопределено, практика часто показывает обратное. Об этом говорят последние выборы в США.

3. Можно попробовать на эту роль поэтов, они во все времена обладали даром предвидения. Но если серьезно, то именно интеллигенция формирует зачатки следующего периода по причине того, что просвещение формирует идеалистичный взгляд на жизнь. А поскольку любая социальная система — это давление отдельного субъекта над обществом, она не может быть идеальной для всех. Выражаясь старинной поговоркой: кому-то арбуз, а кому-то свиной хрящик. И поэтому появляются персонажи подобно Марку Волохову из произведения «Обрыв» Гончарова, которые хотят перековать систему на свой лад. Но формируя следующий этап, интеллигенция автоматически предвидит его, а поэты, подобно Достоевскому, разоблачают их.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*

Владимир РЕЦЕПТЕР

МИХАЙЛОВ, ОДНОКУРСНИК ТОВСТОНОГОВА

Театр, как союз чистосердечных людей.
Тетрадь А. С. Михайлова

Это документальный рассказ об одном из очень дорогих мне людей. Здесь — его письма ко мне, а значит, его голос, и несколько официальных свидетельств времен, вытеснивших на его долю.

«Странное сближение», которое порой отмечал А. С. Пушкин, заключается в том, что все мои учителя — руководитель актерского курса в Ташкентском театральном-художественном институте им. А. Н. Островского Иосиф Вениаминович Радун, тогдашний руководитель Узбекского Академического театра драмы имени Хамзы Александр Осипович Гинзбург, новый руководитель Ташкентского русского драматического театра имени М. Горького Александр Семенович Михайлов, подаривший мне роль Гамлета, и Георгий Александрович Товстоногов, с которым я проработал в БДТ четверть века, — были однокурсниками, окончившими Московский ГИТИС. Их учителями были Василий Григорьевич Сахновский и Андрей Михайлович Лобанов, получавшие образование из рук самого Константина Сергеевича Станиславского.

После ноябрьских праздников 1929 года Саша Михайлов уехал в Москву, и сразу же был принят в Студию первого рабочего театра Пролеткульта на Чистых Прудах. За его плечами был список ролей, сыгранных в кружке Казанской электростанции, среди которых значились и заглавные: мольеровский Тартюф, Федька-есаул в пьесе Ромашова и другие...

Как-то в конце 30-х годов студентов представляли В. И. Немировичу-Данченко; они подходили к рукопожатию, как под благословение: «Гинзбург... Михайлов... Товстоногов...»

Характеристика 21 августа

А. С. Михайлов, проработав сезон 1942–1943 года в Нарымском окружном театре, зарекомендовал себя хорошим производственным, режиссером, организатором сложных постановок. Увлечательно работающий с актерами, имеющий достаточную эрудицию, вкус и хорошую школу.

Художественный руководитель Нарымского окр. театра, артист академического театра драмы им. Пушкина В. В. Меркурьев...

Владимир Эмануилович Рецепттер — народный артист России, лауреат Государственной премии России. Двадцать пять лет работал в АБДТ им. М. Горького. Создатель и художественный руководитель Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге (с 1992 года) и театра «Пушкинская школа».

1.11.44. г. Кострома.

Режиссеру худож. руководителю Костр. драм. т.
Уважаемый тов. Михайлов А.

Отдел театров сообщает Вам, что приказом начальника Управления по делам искусств при СНК РСФСР тов. Беспалова, за успешную и плодотворную творческую работу во всесоюзном смотре молодых режиссеров, в котором Ваш спектакль¹ получил положительную оценку — Вы премированы ценным подарком (отрез на костюм). Сообщите, каким путем Вам может быть вручена Ваша премия.

Уважающий Вас инспектор отдела театров управления Салеев...

В 1951 году А. С. Михайлова перевели из Волгограда в Куйбышев. Осенью он заезжал в Ленинград и купил там общую тетрадь в твердом коричневом переплете, чтобы, кроме списка своих постановок, заносить в нее «Памятки, записи, замечания». Эпиграф, взятый из А. П. Ленского, предупреждал: «Режиссер был и будет ответственен за все».

Эти «записи» — себе и для себя, — поэтому кое-что, на равнодушный взгляд, может показаться прописью, но их ценность определяется не общей теорией театра, а конкретными обстоятельствами жизни Михайлова.

В декабре 1964 года он писал мне из Минска:

С новым годом!..

Знаешь, хочется писать тебе, как сыну. Я понимаю — на это надо иметь особое право, но что поделаешь с сердцем. Как-то так получилось, что для меня ты природнился. (Тем более, что это тебя ни к чему не обязывает).

...Почему? Да просто мне хочется оставить в тебе свою каплю... Сам я могу, вероятно, немного, а у тебя многое впереди. Только считай не годами, а хотя бы сутками. Я знаю, что такое проиграть во времени, упустить время, и совсем не для себя, для дела. Поверь мне...

Вышло так, что я почти не видел спектаклей Михайлова, но в двух из них играл. Нас сблизил «Гамлет», неполных два года в Ташкентском театре и семнадцать лет переписки. Менялись мои адреса в Ленинграде, Михайлов менял адреса городов: Казань, Минск, Смоленск, Волгоград, Ульяновск...

Я чувствовал по письмам, что каждый раз, приезжая в новый город, Михайлов испытывал необыкновенный прилив энергии. Ему казалось, что именно здесь, именно с этими актерами и возникнет тот счастливый чистосердечный союз без борьбы самолюбий, без чванства и провинциальной самовитости, наконец, без допотопных интриг, о котором он мечтал всю жизнь. И когда удавался действительный контакт, а такое было не однажды (восемь сезонов в Волгограде; Пермь; бурный взлет Смоленского театра), когда горожане начинали валом валить на «Гамлета» или на «Жаворонка», на «Оптимистическую трагедию» или на «Маскарад», а вслед за «гвоздем сезона» и на другие спектакли, даже тогда, когда следовало послушаться старой поговорки: «От добра добра не ищут», его охватывало новое беспокойство, душа требовала перемен, и впереди маячил какой-то прекрасный город, кажется, на Волге, в котором должен возникнуть наконец светлый союз художников...

Когда киношная судьба свела меня с Георгием Бурковым — он задумал создать творческий центр Шукшина, я формулировал нерешаемые задачки о центре Пушкин-

¹ «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» А. Н. Островского.

ском, — мы с ним, то есть с Жорой, вспоминали работу с Михайловым: Бурков встречался с ним в начале 60-х в Перми, я — сразу после этого в Ташкенте...

18 ноября 1974 г. Ульяновск

...Наконец-то я вновь в театре, вновь главреж. Назначение состоялось 11 ноября. Летом мы с Верой Георгиевной, катаясь на пароходе, были здесь и удивительно по сердцу пришелся нам этот городок на Волге. Вера говорит — вот бы где поработать нам!.. Так и случилось...

Смотрю спектакли, присматриваюсь ко всему...

Пока все дело в планировании. Нет точного плана, графика работ, персональной ответственности. В расписании все время «сюрпризы». Порядок дня рыхлый. Спектакли начинаются по заказам коллективного зрителя, как банкеты в ресторане. То в 12 дня, то в 14, то 19.30, то 18.30, то 18 ч. режим актера нарушен и нарушен беспорядочно. Опоздания, недовольства. Чувствую — жду моего решения...

...Директор — актер и может быть неплохим. Это угадывается. Говорит пока о творчестве сообразно образованию — Щепкинское училище. Но в практике уже преобладает директор... Пока он пытается спасти театр тем, что и сам, и ряд других работают на износ. Торопится...

Пытаюсь его расположить, не пугаю. Чувствую настороженность, но надеюсь, что возникнет взаимопонимание. Хочет-то он хорошего.

В первых числах декабря здесь дней 10 будет у нас Московский Пушкинский, а мы — репетировать и немного выезжать. Это — затея директора ради выполнения годового плана. Ну, что ж, пока пусть будет так, хотя это не дело. Сейчас лучше бы не о плане, а о количестве своих спектаклей думать. В этом вся суть... Я к маю обещаю театру дать репертуар на 1975—1976 годы, конечно, ориентировочный. И дам! Даже прикинем распределение по режиссерам, художникам и в основе по актерам. Сейчас в театре просто бич — бесплановость. Думаю о трехлетке по классике...

История «врастания» в новый коллектив, или история «отторжения», в сущности своей напоминает историю «Человека со стороны», описанную Игнатием Дворецким в востребованной временем пьесе. Странно, что Михайлов не ставил ее. Это, на мой взгляд, была его тема, и сам он подходил на роль ее героя — Чешкова...

В чем была главная причина «неуживчивости» Александра Семеновича? В характере? Да, в известной степени. Но характер — производное каких-то других причин и обстоятельств. Каких же? Здесь догадка, а не утверждение. Михайлов был прежде всего художником, человеком, рвущимся к высокой художественной правде из плена жестких, иногда меркантильных, часто местнических условий.

Он остро чувствовал разницу между привычным спокойным существованием по бытовой правденке, в котором долго барахтался новый для него театр, прикрываясь демагогическим лозунгом «реализма», и той истиной, которую открыли ему блистательные по завершенности довоенные работы МХАТа — прежде всего спектакли Немировича-Данченко...

Это был конфликт мечты и действительности...

Впрочем, повторяющийся сюжет ничему Михайлова не учил. Он не желал извлекать «уроков», слишком озабоченный строительством. Брезгуя «дипломатией», он предпочитал разговор с «открытым забралом». Даже если это давало выигрыш и по сути, и во времени, то позже оборачивалось против него. Он не терпел помех и перебивов в своей работе, становился язвительен: «Беда в том, что в управлении культуры главенствуют странные люди, некая помесь бывших пионервожатых с бывшими участниками самодеятельности, люди, не имеющие отношения к искусству и понятия об организации творческого процесса. Эдакие люди без профессии, а главное — совершенно не любящие театр, актеров, творческих людей...»

3 февраля 1975 г. Ульяновск.

...Пишу тебе с оказией. Наш завлит Слава Неустроев едет в Ленинград на семинар. С ним и посылаю это письмо и огромную просьбу: помоги ему сориентироваться в новинках драматургии и, если возможно, кое-что приобрести, познакомиться с Вашим завлитом, проникнуть в «тайны» репертуара ленинградских театров и раздобыть у вас экземпляр «Адвоката Ульянова». Очень ты этим поможешь нашему театру и мне...

Я с утра до ночи в театре и никому не писал... Почему?..

У театра 25 тыс. дефицита, 9 тыс. картотека, труппа — 19 актрис, 17 актеров, репертуар отыгран, посещаемость низкая, напряженный режим работы — «латанье тришкина кафтана». Грипп создает постоянные «ЧП», замены, отмены, вводы... Скверно налажено снабжение цехов материалами, оснащение техникой и т. д. и т. п. Эксплуатационный план составляется на ходу и всего на 15 дней вперед...

Вся сила сосредоточил на своем спектакле и стараюсь не расплыться, хотя тучка, мелочь повседневная подступают к горлу, преодолеваю различные предубеждения, сомнения и недоверие ко мне...

Одно из важнейших обстоятельств, осложняющих работу, — неукомплектованность труппы. Надо не прозевать выпускников институтов Ленинграда и Москвы, а я вот раньше II половины марта не могу этим заняться... Если есть связи, может, кого соблазнишь Ульяновском и мной. Нужны семь пареньков разных, даровитых и особенно хоть одного смешного, острого. И одного, с которым можно было бы попробовать Володю Ульянова. Нужна девочка трепетная («тростинка»), красивая... Извини, что одолеваю тебя заботами... но наши сложившиеся многолетние отношения подталкивают меня к тому. И потом это ведь по принципу: возможно — хорошо, а нет, так, значит, нет, потому что невозможно, из-за обстоятельств, а не из-за отношений...

Пьесу «Защитник Ульянов», которой у нас в БДТ открывалась Малая сцена — работал Ю. Аксенов, а выпускал Г. Товстоногов, — я Михайлову «схлопотал» у Дины Шварц, завлита, а с молодыми актерами помочь оказался не в силах, так как с Театральным институтом на Моховой связи еще не имел...

Как он репетировал?..

Многое бы я отдал за то, чтобы еще раз встретиться с ним в работе и осмыслить предложенный Михайловым процесс. А сейчас боюсь напутать и наврать, наши отношения не допускали и не допускают приблизительности и фальши...

6.02.63 г. Казань.

...Очень меня порадовали твои наблюдения над «методом» режиссуры в БДТ. Понимаешь, мы превратили маленькую особенность системы — «задачку» — в самоцель, перестали думать о синтезе, пренебрегли ЗАМЫСЛОМ и почему-то эта ошибка как-то особенно культивируется и «кое-где» возводится в основу основ. Жаль! Мне-то думается, что задача в куске и в любом конкретном случае — это то, что может интуицию пробудить и потом врезаться в стремление к целому, и целого — к финалу, а все — ради того, с чем уйдет зритель (при работе на партнера). Вот в этом я окончательно убежден... Как работаю — нравится всем (почти). Очень увлечен народн. СССР Абжалилов (Захар Бардин) — артист настоящий и болельщик мой, но все та же «маститость»... Хочется еще найти такое, что удалось «современцам», Олегу...

А теперь о твоём «Гамлете», о моноспектакле... Вот что пришло мне в голову — подумай: тексты не гамлетовские, которые тебе будут необходимы — попробуй решать как бы через ощущения самого Гамлета, как бы через то, КАК он их слышит и ЧТО

в них воспринимает, ЧТО с ним делает текст того или иного партнера. Понимаешь? Все глазами Гамлета, все через его мысли. Точнее твоя 2-й план...

Да, я чертовски люблю вашего брата, молодежь... До чего же видна разница... И тут не простое отрицание старого, опыта, традиций. Отнюдь! Я ведь видел близко, в творчестве, в репетициях Качалова, Леонидова, Тарханова, Москвина, Хмелева и много много раз Немировича. Это почти чудо. Тут дело в другом.

Наша язвительная беда сегодня — чванство, зазнайство и не то чтобы просто зависть, а какая-то особенная разобщенность...

Ты... попробуй в Ленинграде завести дружбу с молодыми физиками, медиками, математиками. Поищи молодых, настоящих. В них сейчас, наверное, самое главное проявление современного характера...

А. С. Михайлов был назначен главным режиссером Ташкентского театра им. М. Горького в сентябре 1960 года. Я и еще пятеро моих товарищей по курсу были недавно зачислены в штат. Он появился внезапно, как налетел, и словно поселился в театре — небольшого роста, сухощавый, крепкий, остроглазый, с темным сидящим хохолком. Стал ходить на спектакли. Мы гадали: что-то будет, что нам предстоит?.. Институтская вера в правду действия крепко в нас засела. Театралы насторожились.

На следующий день после «Преступления и наказания» в постановке О. Черновой, где я играл Раскольников, Михайлов позвал меня в кабинет и без предисловия объявил о том, что нам предстоит «Гамлет». Мне следовало начать предварительную работу: читать, выбирать перевод (он предоставил эту возможность начинающему артисту!), задумывать и сочинять свою роль. Сначала это была лишь моя тайна, позже об этом было объявлено худсовету, и появилось распределение ролей, в котором интересные работы получили мои однокурсники (Офелия — Э. Дмитриева, Лаэрт — Ю. Мироненко).

21 дек. 1964 г. Минск.

...Рискованная, острая штукавина задумывается у меня с «Маскарадом». Не знаю даже, пойду ли на нее полностью... Представляешь, сколько огребу шишек?! А делать Арбенина хотел бы с тобой. Ведь там все дело в постарении (преждевременном) молодого поколения. Ты бы это сумел понять. Что значит обнажить сердце, душу, мысли перед обществом? Проклятые «традиции» заковали в черепашью броню лермонтовскую драму!

А вот насчет «К морю-океану» Петухова ты был бы против и ошибался бы, как и в «Цветах живых». (Хоть МХАТ все же отверг пьесу...)

Михайлов относился к возникающей роли Гамлета бережно, даже трепетно, он тщательно готовил меня к встрече с труппой, «проходил» по действию акт за актом, сцену за сценой, радовался каждому моему предложению и спору, и когда за длинным столом, составленным из нескольких и накрытом зеленой тканью, собрались на первую читку все исполнители, то есть почти весь театр, я хотя и чувствовал «экзаменационность» ситуации, но, кажется, был к ней внутренне готов.

Читка была экзаменом и для Михайлова, ему за это время пришлось, видимо, выслушать немало сомнений на мой счет. Он ставил «Гамлета» во второй раз, после Перми, где спектакль стал удачей, где до сих пор и театр, и зрители помнят долгий и полнокровный «Михайловский период»². Я был в Перми на гастролях и слышал об этом от многих театралов...

² 1954—1960 гг. М. Горький «Враги», Б. Ромашов «Огненный мост», У. Шекспир «Два веронца», Н. Погодин «Кремлевские куранты», У. Шекспир «Гамлет», Вс. Иванов «Броненосец 14-69», М. Соболев «Товарищи романтики», М. Горький «Егор Булычев», В. Кочетов «Братья Ершовы», Вс. Вишнев-

Там Гамлета играл И. Кастрель, а Розенкранца (или Гильденстерна) — будущий руководитель Московского Ленкома Марк Захаров. О Кастреле на зрительском обсуждении спектакля колхозник сказал: «Вот бы нам такого председателя!» Михайлов сам сообщил мне об этом, встретив, конечно, скептическую реакцию, которая его не смутила. «Партийность» входила в его состав, и Александр Семенович смотрел на руководство театром с твердых позиций. Он искренне хотел соединить идеологию и художественность, в отличие от Георгия Александровича, который в БДТ и сознательно, и подсознательно пытался отделить «мух от котлет».

Наш «Гамлет», разумеется, не должен был походить на пермского.

26.02.64 г. Казань.

...Очень бы хотел посмотреть твоего концертного «Гамлета», но пока командировки не предвидится. Было мне в твоём (нашем) Гамлете особенно дорого желание сделать человека лучше. Его воздействие на Гертруду, на Офелию, на Розенкранца и Гильденстерна, его своеобразный гуманизм. Вероятно, без партнера это донести сложнее? Я лично больше всего за это люблю Гамлета: эта его черта делает глубже все остальное... И, думается мне, это особенно важно сегодня!.. Жаль, что не могу увидеть тебя и поговорить, но стоит мне сейчас повернуть голову вправо, и ты, и твой Гамлет смотрят куда-то внутрь себя, и я вспоминаю дорогую мне работу с тобой...

Михайлов умер накануне восьмидесятого года в Ульяновске. Путь к могиле был труден, потому что хоронить на машине повезли в Волгоград, чтобы положить возле матери. Дорогой его растрясло, как в письме ко мне писала его жена, а теперь вдова Вера Георгиевна, потерявшая душевное равновесие, растерянная вконец и одинокая. Ей казалось, что Михайлова «убили» его враги, которые на все способны, что торжествуют зло и несправедливость, а знакомый редактор «боится» печатать его некролог; хотя чего бы это бояться, он был наивный и чистый, как ребенок. Веру Георгиевну мучило то, что ему, как живому, продолжали приходиться письма, и поздравления с Новым годом, и выражения любви, добрые пожелания, в том числе и от меня, попадали в руки ей, а не ему, что никто не знает ни о его смерти, ни того, каким он был на самом деле, а всем писать ей не под силу, и может быть, я напишу о Михайлове, спрашивала она...

Потом Вера Георгиевна прислала мне «документы» — газетные вырезки, выписки из приказов, несколько фотографий и, наконец, заветную коричневую тетрадку, заполненную едва ли не на одну треть...

Но ведь это уже было со мной однажды!..

Когда умер Петр Семенович Давыдов, настоящий большой актер, простой и учивший простому, тот, кто решительней всех толкнул меня на сцену... Я уже однажды сидел вот так, над небольшой стопкой пожелтевших бумажек, за которыми стояла живая жизнь. Я уже пытался утешить вдову, исправить несправедливость, когда далекого от столиц артиста забывают со смертью, а если болезнь свалит его за пять лет до этого события, забывают при жизни: в кино не снимался, до телевидения не дожил...

А теперь — Михайлов...

Я стал перечитывать письма, накопившиеся за семнадцать лет, и понял, что только сам Михайлов, своим голосом, смог бы о себе рассказать... И сколько же судеб, яр-

ский «Оптимистическая трагедия», А. Салынский «Барабанщица»... С А. С. Михайловым как главным режиссером сотрудничали в Перми режиссеры Я. М. Киржнер, Г. М. Сумкин, Н. М. Басин, художник Н. С. Ломоносов, композитор В. Горочих, среди актеров были Л. В. Мосолова, М. Захаров, И. Кастрель...

ких и накрепко связанных с другим временем, коснулось моей судьбы. И так много от них осталось во мне, что неоплатны мои долги перед Михайловым, Давыдовым, Козловым и другими... И все-таки я тоже должен попытаться передать хотя бы главное из всего того, что мне досталось от них. И что-то о них самих. О тех, кого успел потерять. Может быть, этим я как-то связал бы рвущееся время...

Тов. Михайлов Александр Семенович.

За Ваши заслуги в области советского театрального искусства Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 29 мая 1959 года присвоил Вам звание заслуженного деятеля искусств РСФСР...

5 июня 1962 г. Казань.

Режиссура — проклятая, интереснейшая работа, во время которой каждый раз режиссер подвергается «облучению», грозящему «белокровием». Единственная защита его — в способности «увлекать».

...Первая застольная читка «Гамлета» прошла благополучно, и начались общие репетиции. Шла весна 1961 года. Однажды, посреди работы, что-то ворвалось с улицы, я не сразу понял, что именно, и вместе со всеми, во главе с Михайловым, чуть ли не бегом, мы рванулись со сцены через фойе и маленькую проходную прямо на улицу. Передавалось важное сообщение.

Улица Карла Маркса до землетрясения была воистину главной артерией в жизни Ташкента, наподобие одесской Дерибасовской. Здесь, начиная от сквера, росли мощные деревья, и в их тени допоздна двигались встречные потоки гуляющих; здесь назначались свидания, знакомились, ссорились, узнавали новости... Напротив Театра Горького над двухэтажным зданием старого универсама (его теперь нет, снесли так же, как и здание театра) был прикреплен выносной динамик, и вот из него-то громко на всю улицу раздавался дикторский голос: запустили Гагарина...

Я стоял на тротуаре в черных чулках и в черном колете (старом, из подбора, новы́й на меня только шили), еще оглушенный репетицией. Я стоял в колете на Карла Маркса, где каждый третий был моим знакомым, и ничего не мог понять. Опомнившись наконец, я укрылся в проходную и, выглядывая через приоткрытую дверь, сообразил, в чем дело и что произошло. Все стали постепенно возвращаться, и только Михайлов долго еще стоял посреди улицы и улыбался с торжествующим видом...

12 апреля 1961 г. Тетрадь.

Наш советский человек Ю. А. Гагарин совершил первый полет в космос... Если для нас... такие события станут великим ориентиром, если преданная забвению фантазия потрясет душу, сердце и разум художника — придет та степень творческой отдачи, которая и нас введет в этот новый мир чудес, потрясений и света. Сегодня быть гражданином — значит быть активным, действенным фантазером, мечтателем!

19 июля 1979 г. Тетрадь.

К «Оптимистической трагедии». Смерть в строю. (Пирамиды и сфинксы... будды и идолы, скорбные лики рублевских святых, и космос, и хаос... радио-позывные первого спутника Земли — в поэтический образ спектакля).

В чем «трагическая вина» в этой пьесе?

Впервые очищением (катарсисом) является ощущение вины не у одного героя трагедии, а у целого матросского полка. Борьба с противником — это только острые предлагаемые обстоятельства, а главное — борьба с самим собой...

Создать строй, даже если необходимо, то смертью своей и умереть в строю (к фильму, найденному еще в 1959 году). Сквозное действие.

Почти девочка, трепетная и одержимая, принесла им великую идею, а ее хотят изнасиловать. Трагическая вина всего полка перед лицом ее смерти очищает их и превращает в поистине революционный полк балтийских матросов. Мертвая, стоит она в строю (буквально, и образно) вечно живых матросов Революции. Наконец-то и навсегда полк этот обретает свой строй!

28 апреля 1972 г. Волгоград.

...Я сейчас с головы до пят в Шекспире, открыл для себя удивительную его пьесу, в которой Шекспир ВЕСЬ и в которой все — Шекспир. Начал репетировать его трагедию со счастливым концом, написанную сразу вслед за «Гамлетом». Это «Конец — делу венец» — Трагедийный...

Премьера «ташкентского» «Гамлета» состоялась 14 мая 1961 года, а 2 июля, то есть через полтора месяца, мы уже играли следующую — комедию Марселя Эмэ «Третья голова». В ней Михайлов поручил мне блистательно эффектную, в полную противоположность Гамлету, роль жизнерадостного и легкомысленного шансонье Валорэна. Попав в трудное положение, этот «эстрадник» шутит, смеется, поет, дурачится и дурачит других, а в конце концов все-таки погибает. На меня «работал» явный контраст ролей, Михайлов доверял мне и давал полную свободу...

Но в театре к тому времени начались репертуарные споры и трения какого-то другого рода, началась борьба, которая закончилась тем, что главный режиссер А. С. Михайлов не поехал с нами на гастроли в Москву.

К этим гастролям он поставил еще два спектакля и руководил моим режиссерским дебютом — постановкой «Бабьих сплетен» Гольдони, но контакта с начальством так и не наладил. Директор театра Василий Константинович Козлов его не поддерживал.

Ну что мне было делать? Я и любил, и уважал их обоих...

Козлов был моим первым театральным наставником. Там, в «старшем драмкружке» Дворца пионеров имени Сталина, мы «священнодействовали», там царила почти студийная атмосфера строгой дисциплины и огромного «серьеза». Мальчики и девочки ходили на репетиции истово, педагогический такт и талант Козлова славились на весь город. Там были «этюды» сродни тем, которые входят в программу театрального института, там был «застольный период» с обсуждением ролей и обстоятельств, там школьники узнавали «метод физических действий» и учились боготворить Константина Сергеевича Станиславского. Мы собирались за полчаса до прихода Козлова и ждали, глядя из окон, как он идет степенно, неторопливо, чуть склонив голову набок, через густой парк из старинных дубов и карагачей к парадной лестнице бывшего дворца бывшего наместника Туркестанского генерал-губернаторства, мимо двух больших каменных оленей. Там Козлов был небожителем. Или, по меньшей мере, наместником высших сил. И я на всю жизнь запомнил, как однажды, перед ответственной сценой в ответственном спектакле, он вдруг наклонился ко мне и шепнул на ухо: «Ну, Володя, рваните!» Он был на «вы» со школьниками, — и вдруг такое понятное мальчишеское словцо... Ну, конечно же, я «рванул»!.. Там Козлов был небожителем...

А в театре — директором. Пройдя через театральный институт, к нему «под начало» поступили несколько бывших «кружковцев» и все продолжали чувствовать себя «школьниками» перед ним. Строгий, совершенно седой, с лицом римского патриция, Василий Константинович был с нами принципиально сдержан, ничем и никак не выделяя бывших учеников...

А Михайлов... Он дал мне сыграть Гамлета и Валорэна... И мы подружились с ним, хотя ни слова об этом друг другу не сказали... И он опирался на меня, но опирался, как художник, не приглашая участвовать в своем споре с Козловым и теми, кто не стал Михайлову поддержкой...

Я любил и уважал их обоих...

Спасибо им еще и за то, что они не стали тянуть меня, начинающего артиста, в разные стороны, предлагая поучаствовать в закулисной схватке, что вели себя со мной, как подобает учителям...

Потом, через несколько лет после моего переезда в Ленинград, оставил Ташкент и В. К. Козлов. Он уехал в Свердловск и преподавал там в театральном училище, вызвав к себе любовь новых учеников. Среди них был Сергей Арцыбашев, руководивший в Москве Театром им. В. Маяковского, и, встречаясь, мы с ним всегда вспоминали нашего Василия Константиновича. А когда я гастролировал с БДТ в Свердловске — дело было летом, во время каникул в училище, — мы с Козловым не повидались, его в городе не было, но я оставил ему письмо, и он мне ответил:

Дорогой Володя!.. Рад был Вашей весточке и тем добрым чувствам, которые Вы сохранили к прошлому. Да, оно (прошлое) «неотменимо и не случайно», но для Вас оно дорого, как начало, для меня, как... полдень и вечер, которые тоже, увы, уже позади, и это тоже неотменимо и не случайно...

И все-таки мне повезло и я с Вами дважды встречался. В Ленинграде по телевидению я видел Диккенсовские «Трудные времена», а здесь, в Свердловске, в день прилета, в качестве сюрприза, я увидел Вас в передаче со стихами и Достоевским («Смешной человек»). Увидел в новом качестве «нового Рецептера», в очень органичной характерности высокого класса. Смотрели всей семьей и единодушно порадовались Вам... Доброго Вам пути!.. Ваш В. Козлов.

Это у меня единственное письмо от него через много лет после разлуки...

Василий Константинович Козлов умер в Свердловске...

Александр Семенович Михайлов — в Ульяновске...

Как сказано у Карамзина: «Может быть, теперь они примирились».

Когда Ташкентский театр гастролировал в Москве, после «Гамлета» и «Третьей головы» я посылал Михайлову эпистолярные отчеты...

4 июня 1962 г. Ташкент.

...Получил твое письмецо — благодарю. Очень меня волнует: «Гамлет», напиши подробнее, кто играл 1-й спектакль, как «Мышеловка», что удалось сделать с оформлением и оркестровой ямой? (Яма должна была быть закрыта выносным помостом. — В. Р.). ну и конечно, что и как принимали (играли ли сегодня, 4-го, «Третью голову», где, и каков прием). Я понемногу укладываюсь, жду вызова... Все мои мысли с вами в Москве и с тобой в частности. Очень хочу тебе хорошего, но и трудного (так даже лучше)...

Р. С. Чтобы не очень волноваться — думай во время спектакля только об одном, как переделать партнера в интересах твоих — Гамлета...

1 августа 1962 г. Казань.

...Удивительное дело — город твоего детства и юности... Как заставляет пересматривать твой рабочий путь!

Читаю и перечитываю твоего первенца³ и не раз буду читать и молодым, и не молодым... (Так получилось, что самое горькое и самое крепкое, настоящее (при всех плюсах и минусах) совпало у меня с тобой...).

О предложениях: И Москва, и Ленинград соблазнительно, но только не ТЮЗы. (Не твое это дело. Тебе нужен зритель мыслящий и зрелый, а точнее — театр, не ограниченный «возрастным контингентом»). Из всех предложений лучшее — Товстоногов, но именно он... В Ташкенте оставаться не советую... дело в том, что сейчас тебе нужен скачок и именно сейчас, пока ты на трамплине. Это не вопрос карьеры, это дело нового этапа. И на роль не соблазняйся, конечно, и Тиль соблазнительен, и Ромео, до некоторой степени любопытен (если продолжить астанговское начало), но сейчас дело не просто в роли. Дело в единомышленнике... выбирай на жизнь в театре, а не на дебют. Дебют, на худой конец, можно и провалить, а вот жизнь провалить нельзя...

А ведь Ташкентский театр для меня не просто прошлое, а кусок жизни, в котором продолжаю разбираться с «розгами в руках»...

Да и вообще, пока человек жив, по-моему, у него не может быть просто «прошлого», «настоящего», «будущего». Живет. Значит, каждое лыко в строку...

16 мая 1953 г. Тетрадь.

Мы, режиссеры, допускаем часто одну существенную ошибку, которая пагубно влияет на всю нашу работу и нарушает необходимое спокойствие: вместо того, чтобы любить конкретного живого актера Иванова, Петрова, Сидорова, мы создаем в своем воображении высокий идеал актера вообще и поклоняемся ему, тоскуя по этому идеалу, разочаровываемся в каждом встречном живом актере, перестаем видеть в нем истинно, конкретно хорошее...

Я надеюсь, что пишу о Михайлове как о счастливом человеке, счастливом мечтателе и деятеле театра потому, что он всегда оставался верен себе и своему замыслу, всегда хотел заглянуть далеко вперед и всегда принадлежал своему времени. Его спектакли то бурно хвалили, то ругали, но лучшим, ценнейшим в них было ощущение его неуспокоенной, ищущей личности.

Может быть, ему самому надо было играть Гамлета. Или дядю Ваню. Иногда мне казалось, что в письмах ко мне он разговаривал *с самим собой*, спорил, задавал вопросы. Как будто я был не я, а актер в нем самом или некое олицетворение соратника и единомышленника, без которого не выразить души.

10 мая 1964 г. Казань.

...Из трех моих любимых актеров, с которыми счастливо свела меня жизнь в работе, остался ты один. В 1951 г. Умер мой «дядя Ваня» — Наум Адольфович Соколов — великолепный актер, всегда воплощавший замысел; в этом году умер мой «Глумов» — Владислав Александрович Соколовский (в Горьком) — беспокойный артист, также всегда решающий свою «идею»... Тебе надо жить много и долго. Обязательно! И бесконечно глубоко вынашивать свои замыслы. Это самое лучшее, что нам дано. Вынашивать и воплощать!

Я бы выбросил к чертовой матери все мои 69 постановок. (Всего А. С. Михайлов поставил 91 спектакль. — В. Р.) и поменял бы их на один большой десяток (и чтобы не спеша, с актерами-единомышленниками): «Гамлет» и «Венецианский купец», «Чайка» и «Дядя Ваня», «Бесприданница» и «Свои люди — сочтемся», «Женитьба» и «Горе от ума», «Оптимистическая трагедия» и то, что еще не написано.

А вообще — еще бы лучше — бросить режиссуру и стать актером, нашлись бы свои роли.

³ Сборник стихов «Актерский цех».

1944 г. Тетрадь.

Шекспир. «Сон в летнюю ночь». В этом спектакле пришлось исполнять роль Оберона...

1949 г.

Волгоград. Шекспир. «Много шума из ничего». В этом спектакле мне пришлось играть роль Борахио. (Заменял заболевшего И. Г. Лапикова)...

1957 г.

7, 8 ноября мне пришлось играть роль Пеклеванова...

30 окт. 1972 г. Волгоград.

...Очень меня радует твое все более крепнущее решение взяться за режиссуру всерьез и основательно, но ни в коем случае не советую тебе бросать свое актерское ремесло. Ни в коем случае!

Я в свое время сделал эту ошибку и до сих пор глубоко каюсь. Во-первых, я неверняка обеднил себя как режиссер, во-вторых, лишил себя прямой непосредственной проверки на зрителе... Когда-то, давно-давно и Немирович, и Сахновский со-блазняли меня актерской работой во МХАТ (подчеркнуто мной. — В. Р.). Вот теперь «кусаю локоть». Поздно. Поздно...

13 ноября 1972 г. Волгоград.

...В субботу вечером и в воскресенье днем смотрел спектакль («Конец — делу венец») московский шекспировед Игорь Александрович (очевидно — Шведов. — В. Р.). Еще молод, хоть и лыс. Нет ему и сорока. Чем-то похож на самого Вильяма и чуть на современного русского священника. По-видимому, уже с прочно сложившимся взглядом на то, как надо ставить Шекспира. (А я вот каждый раз именно этого-то и не знаю).

«Спасибо, — сказал он, — всегда хорошо, когда театр открывает для тебя в Шекспире то, чего ты еще не увидел.» При разборе в суждениях был скромн и прост. Особенно хвалил и им был удивлен — Пароля. Просил задуматься о нюансах. Возражал против трагедийного накала спектакля. И актеры (судя по воскресному вечернему спектаклю, который шел сразу после обсуждения) начали главное для меня спускать на тормозах...

Что ж?.. Это естественно. Видно, не удалось до конца и глубоко увлечь их этим. Сам виноват. Хотя... актеры... в силу профессионального своеобразия (за редким исключением) немного предатели, легко поддаются не только на авторитет критиков, но даже поклонников и поклонниц...

Один мой «приятель» — гитисянин в Минске сказал: «Мне не важно, чтобы я играл очень уж хорошо, важно, чтобы партнер мой играл хуже меня»... Но это так, к слову пришлось...

11–12 дек. 1971 года. Волгоград. (Карандашом)

...Ты приболел и написал мне свое письмо, я тотчас же ответил. Теперь я «очень и очень болен» — напиши мне. Меня предала и продала выращенная немного и мною актриса... И мне трудно. Я ведь человек на возрасте. Вы, ваше поколение, мне просто бесконечно дороги, и если я от вас отстану, хоть на секунду, я буду попросту последний... Прости за выражение. (Я пишу после бутылки коньяка, выпитого в диком одиночестве). Пишу трезво...

25 мая 1975 г.

...Я не сомневаюсь в твоих отношениях ко мне. Не усомнись и ты. Если хоть капля в тебе будет мое продолжение, хоть сотая доля микрона — я жил не зря. Толь-

ко ты чертовски ответственен за каждый свой шаг перед ушедшими и хоть что-то сделавшими во имя твоего бытия. Будь на высоте, не хандри и главное — не думай о людях и актерах худо. Очень, очень немало плохого. Уж это-то я знаю! Все же творчеством движет оптимизм и вера. Дай тебе Бог это понять!

Впрочем, были не только письма. Мы виделись то в Москве, то в Ленинграде. Михайлов налетал бурно. И из-за краткости свиданий мы не спали почти до утра, обсуждая все — от театральных новинок сезона до судеб русского театра. Он курил, вскакивал, усаживался, укладывался, снова вскакивал и курил и все рвался к светлому будущему.

И вот я снова с ним, окруженный его репликами, его монологами, его паузами... На дворе осень, приближается театральный сезон без писем Михайлова. Вокруг меня, обгоняя друг друга, мешаются все эти годы с ним, города и годы, его жизнь во времени и во мне, я слушаю, будто заново, все, что уже прежде слышал. И вдруг начинаю чувствовать неощутимую прежде вину перед ним.

Да, расписание, репертуар, режиссерское управление... Но ведь были времена, когда он звал меня так, что надо было все бросить и лететь в Минск, Смоленск, Ульяновск!.. Не слишком ли я дисциплинированный? Ему было нужно... «Приезжай, приезжай!.. Очень тебя прошу... Может, выберешь время...» Не выбрал, не выбрался, виноват...

4 ноября 1975 г. Волгоград.

Особенно не дает мне покоя пьеса «Свои люди — сочтемся». Дело не в юбилее Островского, дело в том, что занозился я этой пьесой лет 6—7 тому назад, если не больше и никак не могу отцепиться. Я тебе, кажется, немного писал об этом замысле — «Король Лир по-русски и шиворот навыворот». До слез смешная трагедия о издевательствах человека над человеком ради того, чтобы хоть чего-то значить для себя и окружающих. Эдакая борьба за микровласть, за превосходство. Ну, в общем, этого не расскажешь, это надо действительно импровизировать с хорошими актерами и по принципу «сорежиссуры» с ними...

По-моему, это в чем-то очень про сегодня, про неизжитое, устойчивое и до смешного проклятое... Своеобразная связь прошлого Гоголя с будущим Салтыковым-Щедринным.

Я уж и роли распределял и «лезет» на Большова Ваш Трофимов, а на Рисположенского — Лебедев.

Даже дней 10 тому назад написал письмо Георгию Александровичу, два дня держал его в столе (это было предложение разовой постановки у Вас в театре), а потом разорвал (подчеркнуто мною. — В. Р.).

Если предложить свою постановку в БДТ — он так и не решился, то приглашение Товстоногова в Ульяновск считал принципиально важным для строительства своего последнего коллектива единомышленников. Переговоры о «Протоколе одного заседания» шли абсолютно конкретно.

Февраль 1976 г.

...С 1 февраля я уже не работаю в Ульяновском театре. (Освобожден по «состоянию здоровья»). Как все это получилось?..

14 октября я через Москву выехал к Вам, имея от Облфо и Облисполкома 23 тыс. рублей для театра на все расходы по постановке Товстоноговым «Протокола». (У театра на картожке в этот день было 14 тыс. и угроза выговора директору на кустовом совещании в Куйбышеве). 19-го я вернулся домой и вечером выехал в Куйбышев. Тут выяснилось, что управление и дирекция взяли деньги на погашение

картотеки и без моего ведома отказались от Товстоногова, более того, уже распределили роли и отдали «Протокол» очередному режиссеру, а не мне (подчеркнуто мною. — В. Р.). По-видимому, затем и посылали меня в Ленинград, чтобы за моей спиной все это проделать. Вот как бывает.

До сих пор не могу написать Георгию Александровичу объяснительного письма с извинениями.

«Расправа» со мной, как теперь уже совершенно ясно, готовилась нач. упр. Культуры Москвитиной и директором Заборовским с первого дня моей работы в Ульяновске. Готовилась со знанием дел такого рода... В результате криз (гипертония, давление 190 на 100) и скачет до сих пор...

Все тяжело переживаю и знаешь, почему особенно тяжело? Потому что видел удивительную репетицию «Холстомера». Это для меня незабываемо, это в моей художественной, человеческой теме. Это меня потрясло, и после этого особенно тяжело оказаться ненужным, бесполезным, особенно тяжело!..

22 мая 1978 года. Ульяновск.

...Ваши дни и часы в музее Достоевского, уверен, когда-нибудь будешь считать счастливейшими в жизни. Всего вам трудного, доброго и светлого. Благословляю от всего сердца, души и разума. Даже завидую. Только не падайте духом!.. Пусть, что не удалось мне в свое время — удачи Вам. Хотелось бы погреться у вашего костра, оттаять душой. Я все эти дни думаю о тебе, о твоей затее и, признаюсь, волнуясь...

Ваш зал на 100 мест! Это чудесно, это обязывает вас быть пристальными, скрупулезными в репетиционном исследовании. И психотехника нужна такая, чтобы уметь бледнеть, краснеть, покрываться гусиной кожей от каждой вновь пришедшей (возникшей) ассоциации, от натренированной эмоциональной памяти. Вероятно, чем теснее в зале, тем просторнее для искренних эмоций. Думаю, что это отлично, что зритель сможет заглянуть в актерский зрачок и не упустить ни одной мелькнувшей в нем мысли. Студийная же атмосфера сама по себе чудо!..

1 сентября 1978 г. Ульяновск.

...Предполагаю, что все лучшее сегодня в театре, в актерском и режиссерском мастерстве развивается по законам Пушкина, но еще сколько поисков и открытий на этом пути впереди...

Май 1979 г. Ульяновск. Последняя открытка.

...Каков коллектив и степень одержимости?..

Когда Александр Семенович скончался, я написал о нем, как мог, и, чтобы напечатать наверняка, спросил у Товстоногова, не согласится ли он сделать небольшую врезку о своем однокурснике, подписав ее всеми титулами. Он сказал:

— Да, конечно! — и спросил: — Володя, а вы можете набросать мне «черновик»?

Писать сам он не любил. Я сделал это в тот же день; Гоге понравились и статья, и врезка; я тут же послал ее, кажется, в «Театр»...

Но публикации мы со вдовой Михайлова Верой Георгиевной не дождались...

Наталья ГРАНЦЕВА

ШЕКСПИР И ПРОБЛЕМЫ ГЕМЕЛЛОЛОГИИ

Прелестная или неприятная?

Комедия — тот жанр, который не предполагает непременного знакомства зрителя с литературным первоисточником. Особенно это очевидно по кинокомедиям: кто из читателей этого эссе после просмотра удачной во всех смыслах киноленты бежал в библиотеку с целью немедленно ознакомиться со сценарием? Более вероятно, что он побежал на повторный киносеанс, чтобы на слух воспринять комические перлы и цитировать впоследствии их наизусть.

Вторая особенность жанра комедии — уверенность массового зрителя в том, что основная задача веселой пьесы — рассмешить, развеселить, развлечь человека, пришедшего в зрительный зал. Никакого специального, важного смысла комедия не несет. Поэтому неважно, есть ли в комедии какие-то фактические и смысловые несуразности, провалы в логике действий персонажей, сюжетные нестыковки... Для минимизации этих несовершенств существуют режиссеры!

Показательна в этом смысле и история визуального воплощения шекспировской комедии «Двенадцатая ночь», существующей во множестве как театральных, так и кинематографических версий. Это — одна из самых любимых и российскими зрителями пьес. И можно с уверенностью предполагать, что большинство из тех, кто с удовольствием смотрели спектакли и киноленты, не обращались к тексту комедии.

Сегодня мы попробуем заново перечитать «Двенадцатую ночь»¹. Эту всем памятную чудесную историю о близнецах, сестре и брате, которые в результате кораблекрушения расстались и оказались в благословенной стране Иллирии и там не только воссоединились, но и нашли свою любовь.

Большинство маститых шекспироведов, которые по долгу службы и по призванию изучали шекспировские тексты, высоко оценивают это произведение. Более того, считают, что, написанное в период творческого упадка Великого Барда, оно парадоксаль-

Наталья Анатольевна Гранцева — поэт, эссеист — родилась в Ленинграде, окончила Литературный институт им. Горького. Автор семи книг поэзии и исторической эссеистики. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Весь Шекспир. Комментарии Васильева. М.: Олма-Пресс, 2004.

ным образом сохранило все мастерство драматурга, достигнутое в созданных ранее комедиях.

Авторитетный шекспировед Г. Брандес пишет об этой пьесе возвышенным слогом:

«„Двенадцатая ночь“, пожалуй, самая прелестная и самая гармоническая из написанных Шекспиром комедий; во всяком случае, это та из них, где все тона, какие только затрагиваются, тон серьезного чувства и шутки, мечтательности, нежности и смеха, сливаются друг с другом, как нельзя лучше и полнее. Это симфония, где ни один голос не лишний, картина, покрытая золотым лаком, в котором растворяются все краски. Эта пьеса не так брызжет остроумием и веселостью, <...> чувствуется, что радость жизни у Шекспира достигла высшей точки, откуда она готовится перейти в грусть, <> она представляет собой замкнутое целое»².

Гармоническое, замкнутое целое. Симфония. Картина, покрытая золотым лаком...

В чем же состоит шекспировский «упадок»? Шекспировская энциклопедия разъясняет:

«Традиционные комедии Шекспира пришли в упадок, „по словам А. Аникста, кажется, он исчерпал все возможности комизма“. Повторы налицо: уже в четвертой пьесе появляется девушка, которая надевает мужскую одежду и прикидывается мужчиной (причем это шестая подобная героиня по счету), тема близнецов, чье сходство приводит к путанице, повторяет „Комедию ошибок“. Однако Шекспир собирает все силы собственного мастерства и создает в итоге самую, вероятно, лучшую свою комедию»³.

Применительно к современному писателю современный критик бы заявил, что автор исчерпался, сам себя перепевает... Но в случае с Шекспиром исследователи дают нетривиальный рецепт: автору надо сначала совсем исписаться, исчерпать все возможности паразитирования на паре расхожих сюжетных ходов, почти деградировать — только тогда можно рассчитывать на создание лучшего произведения в избранном жанре.

Неужели осознание собственного творческого упадка привело Шекспира к жизнерадостному и романтическому настроению, переданному в комедии «Двенадцатая ночь»?

«„Двенадцатая ночь“ — последнее произведение Шекспира, исполненное жизнерадостного и романтического настроения, — пишет комментатор пьесы в современном издании. <...>

Действие происходит в вымышленной стране Иллирии на берегу Адриатики; главное занятие ее обитателей — развлечения и любовь. Любовь правителя страны Орсино к Виоле⁴ и ее Оливии к ее брату Себастьяну — комедия чистых, прекрасных чувств, рисующая гармоничную и полную красоты жизнь»⁵.

Возвышенный зачин комедии вызывает возвышенные чувства и сравнения и в душе современного автора:

«„Двенадцатая ночь“ начинается лирической фугой в сопровождении оркестра:

О музыка! Ты пища для любви!
Играйте же, любовь мою насытите,
И пусть желанье, утоляясь, умрет!
Вновь повторите тот напев щемящий...»⁶

² Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

³ Шекспир. Энциклопедия. М.: Алгоритм, Эксмо; Харьков: Око, 2007.

⁴ Виола — музыкальный инструмент и фиалка, символ невинности и скромности.

⁵ Весь Шекспир. Комментарии Васильева. М.: Олма-Пресс, 2004.

⁶ Котт Я. Шекспир — наш современник/Пер. с польского В. Климовского. СПб.: Балтийские сезоны, 2011.

Это восторги, ощущения, ассоциации, исходящие от людей, профессионально занимающихся изучением шекспировского наследия. Предполагается, что на протяжении трехсот лет погруженные в исследование любимого предмета специалисты — самые авторитетные знатоки Шекспира. Их оценка не подлежит обсуждению.

Однако и здесь, как мы это замечали не раз и ранее, мнение специалистов-шекспироведов кардинально расходится с мнением специалиста-поэта. Вот, например, как характеризует комедию «Двенадцатая ночь» выдающийся англо-американский поэт У.-Х. Оден в лекции, прочитанной 5 февраля 1947 года:

«„Двенадцатая ночь“ — одна из неприятных пьес Шекспира. Это не комедия для школьников, вопреки бытующему мнению. Большинство персонажей недостаточно индивидуальны, чтобы обладать комической глубиной, и в пору создания пьесы Шекспир, похоже, совсем не был склонен к веселью».

Неожиданное заявление!

По сложившейся традиции профессиональные филологи-шекспироведы не обращают никакого внимания на мнения профессиональных поэтов! Предполагается, что филологи понимают поэзию лучше, чем И.-В. Гёте, Б. Л. Пастернак, У.-Х. Оден.

Мы же вправе задать два вопроса. Первый: на каком основании поэт называет прелестную, гармоничную, жизнерадостную, лучшую комедию Шекспира — неприятной? И второй: почему же и у нас, нынешних читателей комедии, возникает подобное ощущение?

Может быть, потому, что текст шекспировской комедии противоречит традиции филологического восприятия, которому неизвестны поэтические технологии? Может быть, потому, что традиция зрительского восприятия не видит конкретного смысла, заложенного в пьесе, и довольствуется восприятием подросткового/школьного возраста фильмов и спектаклей с пометкой 12+?

Несмотря на жизнерадостную тональность комедии, множество рассуждений о любви, в меру искрометных шуток и разнообразных песенок, которые вроде бы характерны для лирических/любовных комедий, уважаемые исследователи затрудняются внятно определить основную тему произведения.

«Драматическая конструкция „Двенадцатой ночи“ обнаруживает мастерство, которого достиг Шекспир в умении вести одновременно десяток различных интриг таким образом, что очень трудно установить главную интригу»⁷.

Напротив, британские исследователи, посвятившие свою книгу доказательствам того, что тексты Шекспира были написаны дипломатом елизаветинской эпохи Генри Невиллом, уверены в том, что комедия «Двенадцатая ночь» — своеобразная сатира на некоторых реальных дипломатов-британцев, и усматривают в персонажах знакомцев Невилла/Шекспира, которым он изощренно отомстил. Исследователи считают, что в образе камеристки Марии изображена фрейлина королевы Мэри Фиттон, а в образе дворецкого Мальволио — престарелый ее ухажер дипломат Вильям Ноллис.

«В „Двенадцатой ночи“ именно Мария пишет письмо Мальволио, советуя ему надеть желтые чулки, подвязав их крест-накрест. Интересно знать, не Мэри ли надоумила Ноллиса, желая отделаться от его ухаживаний, выкрасить бороду в рыжий цвет? Он ведь действительно выкрасил бороду, и это имело для него ужасные последствия — Ноллис стал всеобщим посмешищем».

Переноса на сцену свои счеты с коллегой по дипломатическому корпусу, считают исследователи, Шекспир/Невилл якобы хотел ему отомстить за то, что тот считал Невилла виноватым в срыве переговоров в Булони.

⁷ Маген Ж.-М., Маген А. Шекспир. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

А вот и та самая художественная сверхзадача, которую, по мнению исследователей, стремился реализовать в «Двенадцатой ночи» Шекспир/Невилл: «Желтые чулки должны были напомнить двору о смешной рыжей бороде Ноллиса. Как, вероятно, радовался Невилл, отомстив своему врагу!»⁸

Так что же представляет собой основная тема комедии?

Музыкально-романтические приключения? Сатирические дипломатические разборки?

Поэт Оден, назвавший пьесу неприятной, скорее бы воспринял героев как дипломатов-мстителей, если бы он был сторонником версии, что шекспировский канон создан Генри Невиллом. Однако поэт, по-видимому, придерживался стратфордской версии, традиционной. Поэтому в его понимании на сцене действуют герцоги, графини, моряки и остроумные пьяницы. Он пишет: «Общество в „Двенадцатой ночи“ выглядит почти непристойным. Персонажи открыто гонятся за выгодой, они, в целом, жалкие, а часто и коварные люди»⁹.

Что ж, и циничные, жалкие, коварные люди, выведенные в комедии «Двенадцатая ночь», могут быть влюбленными шутами и музыкантами независимо от социального статуса. Особенно если для них нет никакой разницы между любовью и фантазией. Поэтому, как считает выдающийся шекспировед Г. Брандес, основная тема комедии — все-таки вопрос сердца.

«Шекспир в монологе, которым открывается пьеса, напоминает, что на английском языке той эпохи фантазия и любовь обозначались одним и тем же словом (*fancy*), любовь, понимаемая более как дело воображения, нежели как вопрос сердца — основная тема, которая здесь разрабатывается»¹⁰.

Однако и это мнение ныне можно считать устаревшим. Более продвинутые шекспироведы разрабатывают применительно к пьесе «Двенадцатая ночь» более «модную» тему: «На сцене будет выявлена, — пишет польский исследователь, — подлинная тема Иллирии: любовный делириум или метаморфозы пола»¹¹.

Говоря по-русски — бред со зрительными галлюцинациями (белая горячка), замкнутый круг, где женщина превращается в мужчину, а мужчина в женщину... Действительно, герои и героини не раз говорят о своем безумии и инкриминируют сумасшествие тем, кто верит в любовь. Но свидетельствует ли это о том, что дело дошло до белой горячки по причине не установленной твердо сексуальной ориентации?

«Виола превратилась в Цезарио, потом Цезарио стал Виолой, которая превратилась в Себастьяна. Что же в конечном счете являлось иллюзией в этой комедии ошибок? Ответ один: пол. Любовь и влечение переходит с юноши на девушку и с девушки на юношу».

Это, по мнению исследователя, метаморфозы пола, которым подвержены все шекспировские герои (наиболее выразительно — в сонетах!). Это, конечно, не светлое, романтическое чувство, которое навеяно как тонкий аромат фиалки музыкой, а нечто мучительное и рискованное! «Желания стремятся утолить голод, но давятся собственным аппетитом. Стилистика и интонация в монологе Герцога знакомы нам по „Сонетам“. Стилистика — изысканная, интонация — искренняя. В ней звучат напряжение и тревога. Любовь — вступление в зону риска и ненадежности; в ней все возможно»¹².

⁸ Джеймс Б., Рубинстрайн У.-Д. Тайное станет явным. М.: Весь мир, 2008.

⁹ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

¹⁰ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

¹¹ Котт Я. Шекспир — наш современник/Пер. с польского В. Климовского. СПб.: Балтийские сезоны, 2011.

¹² Там же.

Таким образом, по мнению современного исследователя, в комедии «Двенадцатая ночь» Шекспир выступил пламенным пропагандистом сексуальных практик, ныне победно шагающих по планете под сенью радужного флага!

Вот, оказывается, в чем была художественная задача, которую решал хитроумный Шекспир в пьесе, которую уважаемое шекспироведение считает до сих пор комедией для школьников!

Бородатый исполин и горячая картофелина

Герцог Орсино — главный мужской персонаж.

«Заботливой, почти ласкающей рукой обрисовал Шекспир каждое отдельное из многочисленных лиц пьесы.

Симпатичный и утонченный герцог, при своем сентиментальном характере и болезненной фантазии, томится безнадежной любовью. Он любит прекрасную графиню Оливию, которая знать его не хочет и которую он тем не менее продолжает мучить своей эротической настойчивостью»¹³.

Настойчивость проявляется в том, что герцог ежедневно посылает приближенных к графине Оливии с уверениями в небывалой любви. Даже под ее окнами серенад не поет! А поет о любви только в собственном саду в компании друзей. Странная бездеятельность.

«Персонажи „Двенадцатой ночи“ — люди богатые и праздные, а их общество пронизано меланхолией»¹⁴.

«Герцог, который вплоть до сцены узнавания думал, что влюблен в Оливию, бросает ее, как горячую картофелину, и тут же влюбляется в Виолу»¹⁵, — неприязненно резюмирует любовные безумства герцога Орсино поэт У.-Х. Оден.

Юность — рвущийся товар, утверждает в одной из песенок. Сама по себе она шутивая и очаровательная. Но человек, по-настоящему влюбленный, уж, конечно, не станет говорить возлюбленной, что любовь преходяща, и это замечание известного поэта справедливо.

«Герцогу хочется быть то ли верным Тристаном, то ли блестящим Дон Жуаном. В конце концов он женится на первой женщине, которая призналась ему в любви»¹⁶.

«В финале Орсино более потрясен изменой „пажа“ („евнуха“. — *Авт.*), чем потерей Оливии»¹⁷.

Несимпатичный герой. Столь же бесцветны и другие. «Себастьян принимает предложение Оливии жениться на ней через пару минут после знакомства. И тот, и другой заслуживают презрения... Эти люди одерживают над жизнью свои маленькие, гадкие победы»¹⁸.

«Образ Мальволио обрисован несколькими штрихами, но с несравненной уверенностью. Он неподражаем в своем напоминающем индийского петуха величии, а жестокая шутка, предметом которой он является, разработана, как целый рудник комизма»¹⁹.

¹³ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

¹⁴ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

¹⁸ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

¹⁹ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

«Мальволио становится источником комического. Но — обузданный миром веселья и любви, Мальволио уходит со сцены непобежденный и остается рядом в реальной жизни»²⁰.

«Упоенный собственным величием Мальволио попадает на удочку и вслух выражает свои чувства, вызывая торжество участников проделки. Вместе с тем в этой комедии, как и в других, нет сатирического освещения персонажей. Мальволио комичен, вызывает смех, но без резкого осуждения»²¹.

Современный исследователь не согласен с коллегой: «Не склонный по характеру своего смеха к созданию сатирической комедии, Шекспир тем не менее наводит хотя бы отдельные характеры на сатирическую резкость. Один из наиболее памятных — дворецкий Мальволио („Двенадцатая ночь“»²².

Скучный трезвый зануда дворецкий — рудник комического? Над чем же потешаются обитатели дома графини Оливии? Видимо, шекспироведы не вполне это понимают, поэтому выдвигают зыбкие предположения.

«Предполагают, что, изображая его, Шекспир набросал один из первых эскизов к портрету религиозного ханжи и фанатика-пуританина»²³. Но никто не мешает исследователям к уже существующим добавить и собственные предположения. «В Мальволио запечатлен человеческий тип гораздо более общий и вечный — лицемер, <...> он обретает значение эпохального порока, рядящегося в одежды новой религии и новой нравственности». Правда, в тексте Шекспира ничего лицемерного в действиях Мальволио не обнаруживается и о «новой религии» ничего не сказывается...

Непривлекательной персоной предстает перед зрителем трезвенник Мальволио, которого обзывают пуританином и всячески троллят. Так хулиганистые школьники во все времена подшучивают над строгими учителями. Он слишком правильный, он информирует графиню о порядке в доме, встречается с посланником герцога Цезарио (Виолой). «Мальволио не хватает самоуверенности и хладнокровия, а другие мужчины, если не считать Антонио, и вовсе бездеятельны»²⁴.

Вряд ли можно считать благородной деятельностью беспробудное пьянство и провокационные подставы в сторону дворецкого Мальволио, осуществленные шутлом Фесте, сэром Тоби и сэром Эндрю Эггючиком. «В отличие от Фальстафа (которого, на первый взгляд, можно сравнить с сэром Тоби), они не обладают мудростью, умом и развитым самосознанием и не способны на подлинную любовь»²⁵.

Сравнение сэра Тоби с Фальстафом, конечно, правомерно лишь «на первый взгляд», но этот первый уже давно стал единственным — других вариантов нет. «Сэр Тоби — один из шекспировских фальстафов, выродившихся в чисто фарсовую фигуру»²⁶. Однако уважаемым шекспироведам несказанно мил этот псевдофальстаф, вот и Г. Брандес добавляет к его образу такие характеристики, как «Веселый кутила и бонвиван сэр Тоби».

Весьма тяжеловесны и неизящны пьяные шуточки «пары дворянчиков: сэра Тоби Белча и сэра Эндрю Эггючика», натужным остроумием блещет и шут Фесте, который тоже время от времени бегаёт в подвал за бутылкой ячменного пенного.

²⁰ Весь Шекспир. Комментарии Васильева. М.: Олма-Пресс, 2004.

²¹ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

²² Шайтанов И. О. Шекспир. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

²³ Там же.

²⁴ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

²⁵ Там же.

²⁶ Шайтанов И. О. Шекспир. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия., 2013.

Г. Брандес пишет: «Шут, как бы по соответствию с основным тоном пьесы, менее остроумен и более музыкален, чем Оселок в пьесе „Как вам угодно“, но зато он преисполнен сознания значения своей профессии и <...> по временам произносит что-нибудь безмерное забавное»²⁷.

Получается, что герои-мужчины комедии не только не привлекательны, но и даже не слишком комичны и остроумны, а это уж совсем непростительно для «лучшей» и «прелестной» комедии. Как же выглядят в пьесе женщины?

«Женщины в „Двенадцатой ночи“ играют ключевую роль. <...> Так, волей в пьесе обладают только женщины, а это признак больного общества. Мария, влюбленная в сэра Тоби, обманом женит его на себе. Оливия загорается желанием обольстить Цезарио, едва с ним познакомившись. Виола и вовсе предстает «пожирательницей мужчин». Все дамы в пьесе добиваются того, к чему стремятся»²⁸, — сообщает поэт Оден.

Главное действующее лицо в «Двенадцатой ночи» — Виола. «Сама зависть должна была бы назвать ее сердце прекрасным» (Себастьян).

Из-за кораблекрушения «Виола потеряла своего брата-близнеца и боится, что он утонул. Тень смерти, следовательно, является планом начала этой комедии. Виола, решив отправиться на поиски брата, переодевается в мужскую одежду и поступает на службу к герцогу Орсино, скоро она становится его конфидантом»²⁹.

«Мотивы, побуждающие Виолу переодеться в мужское платье, вполне условны и служат лишь для того, чтобы привести в движение сюжет»³⁰.

Действительно, не вполне ясно, почему героиня не может явиться к герцогу Орсино в собственном платье, в сопровождении капитана? Почему она решает не предаваться скорби по погибшему в морской пучине брату, а петь и играть на музыкальных инструментах в герцогском мужском коллективе? Может быть, она считает холостого герцога женоненавистником? Но ведь он якобы влюблен в прекрасную Оливию! Здесь, на первых страницах комедии, мерцает какая-то загадка...

Впрочем, шекспировская энциклопедия тоже фиксирует нечто непонятное в начале пьесы.

«Во второй сцене первого акта Виола говорит спасшему ее капитану, что намерена пойти на службу к Орсино в качестве евнуха, упоминает, что поет, играет на разных инструментах. Однако в дальнейшем она никак не проявляет таких способностей.

Если Цезарио считался евнухом, как его могла полюбить Оливия? Почему Орсино не упомянул об этом, когда она заговорила о браке? Почему позже он не обвинил Цезарио в обмане? Почему он обращался с Цезарио как с мальчиком, а не как с евнухом?»³¹

Может быть, славный иллирийский герцог содержит гарем? И к нему опасно являться в женском платье?

А может быть, он, сразу заявивший, что на него объявлена охота, просто не пускает в свой дворец женщин, как Оливия не пускает в свой дом мужчин? Оба страдают манией преследования?

Это было бы неудивительно. Обе героини — откровенные эротоманки.

«Оливия нарисована, как существо, лишенное равновесия, внезапно переходящее от чрезмерной ненависти ко всему земному к полному забвению горя, в которое оно

²⁷ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

²⁸ Там же.

²⁹ Маген Ж.-М., Маген А. Шекспир. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

³⁰ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

³¹ Шекспир. Энциклопедия. М.: Алгоритм, Эксмо; Харьков: Око, 2007.

хотело погрузиться. <...> Она все же неминуемо производит такое впечатление, как будто она охвачена легким эротическим безумством, вполне соответствующим безумству герцога, и сумасшествие их обоих находит себе в высшей степени остроумную и забавную пародию в чисто комической влюбленности Мальволио в свою госпожу и его самонадеянной фантазии, будто она ему платит взаимностью»³².

Вот так, едва ли не осуждающе, характеризует одну из главных героинь даже Г. Брандес, забывая о своей привычке описывать шекспировских персонажей возвышенно и почти восторженно.

Неуравновешенная, непоследовательная, охваченная эротическим безумством графиня Оливия пользуется у мужчин большим успехом. У всех, кроме герцога.

«Молодая красавица отказывается даже принимать его. Потому что дала обет семь лет оплакивать смерть брата и отца. Однако, несмотря на обет, графиня влюбляется в мнимого пажа Цезарио, не зная, что перед ней в роли посланца Орсино является Виола. В Оливию влюблены и глуповатый дворянин сэра Эггючик, и ее дворецкий Мальволио, и шут Фесте»³³.

Прекрасный брат Виолы Себастьян, как две капли воды похожий на псевдопажа Цезарио, тоже мгновенно покоряется эротическому напору Оливии. Перед очарованием виолоподобного Себастьяна не смог устоять, как считают некоторые продвинутые шекспироведы, и еще один тайный поклонник, и портреты влюбленных героев уже воссозданы неумейной фантазией исследователя.

«Антонио, другой капитан корабля, влюблен в Себастьяна. Он спас его во время крушения и теперь гоняется за ним по всей Иллирии. Он предан и отважен, но вместе с тем смешон и простоват. Он должен быть большим и толстым, очень некрасивым и заросшим бородой, до умопомрачения похожим на первого капитана, который сопровождал Виолу. Шекспир часто переводит в буффонаду ту же тему, которую трактовал серьезно либо лирически. Себастьян близнец и двойник Виолы. Если Виола была мальчиковатой, то Себастьян должен быть девоподобным. Теперь бородастый исполин преследует по Иллирии девоподобного мальчика. Это предпоследняя из метаморфоз „Двенадцатой ночи“»³⁴.

И это не последнее, уверены, открытие в новейшем шекспироведении.

Смех спустя рукава?

Шутки шутками (несколько неприятными), но все-таки остается много вопросов. Как при невозможности определить главную тему пьесы «Двенадцатая ночь», как при таком количестве не слишком привлекательных героев и героинь, остроумие которых выглядит довольно бледно, а действие почти отсутствует, — как можно причислить эту комедию к лучшим произведениям Великого Барда?

Конечно, традиционные герои комических произведений не обязаны быть персонажами высоко нравственными и непорочными. Большинство авторов всегда были верны завету Аристотеля, который прямо утверждал, что лучших людей изображают трагедии, а худших комедии. Поэт У.-Х. Оден почти убедил нас в непривлекательности персонажей «Двенадцатой ночи», некоторые из его аргументов мы привели в этом

³² Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

³³ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

³⁴ Котт Я. Шекспир — наш современник / Пер. с польского В. Климовского. СПб.: Балтийские сезоны, 2011.

эссе, но далеко не все. Однако мы были бы вправе ожидать в произведении, завоевавшем лавры «лучшей» и «прелестной» комедии, хотя бы технического и композиционного совершенства. Но не тут-то было!

У непредвзятого читателя пьесы возникает много смысловых претензий к тексту. Мы уже упоминали о том, что на первых страницах встречаем желание Виолы быть представленной герцогу... евнухом. Это экстравагантное намерение никак в дальнейшем тексте не отражается и вряд ли добавляет хоть крупицу юмора к «руднику комизма».

Добавим для будущих составителей шекспировских энциклопедий еще несколько личных наблюдений, которые прошли мимо внимания исследователей и которые можно отнести либо к небрежностям автора, либо к умышленно необъясненным несуразностям.

Например, в одной из сцен сэра Тоби называет камеристку Марию «боцманом». Что это означает? Имеет ли она какое-то отношение к кораблям и где ее капитан? Или это перл пивного британского юмора?

Например, мы знаем, что в результате кораблекрушения потеряли друг друга брат и сестра, Виола и Себастьян. На самом деле, как следует из шекспировского текста, подлинное имя брата — Родриго. Возникают два вопроса. Почему юноша признается капитану, что пользуется вымышленным именем? И почему его сестра при встрече называет брата не Родриго, а Себастьяном?

Тема капитанов, спасших брата и сестру, проработана спустя рукава. В списке действующих лиц, предваряющих комедию, значатся два капитана. Так и следует из шекспировского текста: один, безымянный, спас Виолу, а другой, по имени Антонио, спас Себастьяна/Родриго. Один, безымянный, спокойно перемещается по Иллирии и даже вхож в герцогский дом. Второй — Антонио — враг иллирийцев, его бросают в тюрьму. Спрашивается, сколько капитанов было на затонувшем корабле? Или брат и сестра плыли в Иллирию на разных кораблях?

Заявлена и сразу брошена тема перстня, который якобы возвращает Оливия Виоле. Далее перстень не играет никакой роли. Зачем он был нужен вообще?

Так же небрежно поступил драматург и с жемчужиной, которую якобы Оливия вручила Себастьяну. Когда? Зачем? Далее жемчужина из текста исчезает бесследно.

Неужели все эти несуразности и небрежности добавляют комизма? На сцене они вообще незаметны, а у читателя пьесы вызывают досаду. Может быть, поэтому У.-Х. Оден назвал комедию неприятной? Потому что это все вовсе не смешно? Да и песенки, включенные в текст, оказываются ни к селу ни к городу. А ведь, по мнению поэта, «три знаменитые песни в „Двенадцатой ночи“ содержат своего рода ключ к пьесе»³⁵.

Ключ? О чем же эти музыкальные вставки? В первой песне, считает У.-Х. Оден, звучит голос стареющего вождения, «Шекспир буквально навязывает нам такое прочтение, ведь единственные слушатели песни, сэра Тоби и сэра Эндрю, — двое старых, жалких пьяниц».

Вторая песня — переработка фольклорной темы. Следом Виола «мне кажется, говорит совсем не игриво:

Мы больше говорим. Клянемся больше;
Но это — показная сторона:
Обеты щедры, а любовь бедна.
Акт II, сцена 4»³⁶ (перевод Э. Линецкой).

³⁵ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

³⁶ Там же.

Третью песню исполняет шут, когда все ушли со сцены.

«Так эпилог пьесы представляет собой бессмысленное стихотворение. Иными словами, шут утверждает, что ничто в человеческой жизни не имеет смысла»³⁷.

В эпилоге — полная бессмыслица? И в бессмыслице — «ключ» к «Двенадцатой ночи»?

Однако не над этим шекспировским нонсенсом должен был, видимо, размышлять студент, слушавший лекции У.-Х. Одена. Он должен был бы размышлять над классификацией комедий вообще, предложенной поэтом. Оден четко описал четыре разновидности шекспировских комедий. А вслед за этим сделал неожиданный вывод: «„Двенадцатую ночь“ невозможно отнести ни к одной из упомянутых разновидностей»³⁸.

Судя по доступным источникам, ни оденовские студенты, ни шекспироведы, выросшие из студентов впоследствии, не задумались над этим парадоксальным заявлением... А ведь могли бы задать логичный вопрос: если «Двенадцатую ночь» невозможно отнести ни к одной из разновидностей комедий, то комедией ли она является вообще? Может быть, именно об этом туманно говорил Оден?

Почему же маститый поэт не мог прямо заявить, что пьеса «Двенадцатая ночь», вероятнее всего, не комедия? Почему ходил вокруг да около этой простой мысли, нелестно характеризовал героев, доказывал бессмысленность песенок, называл шутки героев несмешными?

Ответ прост. Каждый грамотный читатель знает, что в Первом фолио, наиболее аутентичном издании (1623) шекспировского канона, пьеса «Двенадцатая ночь» размещена именно в разделе комедий! А где еще она может быть? Не в разделе трагедий, это очевидно!

Наша гипотеза состоит в том, что тогда, в середине XX века, поэт Оден был одним из немногих, которые увидели в совокупности особенностей «Двенадцатой ночи» четкую хроникальную составляющую. Без риска оказаться в сумасшедшем доме поэт Оден, конечно, не мог в уважаемом филологическом сообществе открыто заявить: «Двенадцатая ночь» — историческая хроника. Он мог только, надеясь на студенческую сообразительность, побуждать молодых слушателей к самостоятельным выводам...

Справедливости ради надо заметить, что такая самостоятельность может оказаться весьма психологически дискомфортной...

Однако не только автор этого эссе ныне в своих волонтерских поисках дошел до мысли о том, что шекспировские комедии (не менее непревзойденные, чем его же трагедии) являют читателю пятую разновидность комических пьес — хроника под маской комедии. А ключ к прочтению таких пьес Шекспир оставил для нас вовсе не в песенках, а в своей драматургии!³⁹

Впрочем, и профессиональные филологи-шекспироведы ныне, по сути, приходят к такому же выводу! Чем, как не сатирической хроникой, можно назвать комедию «Двенадцатая ночь», если авторитетные исследователи Уильям Д. Рубинстайн (профессор университета в Уэльсе) и британский филолог Бренда Джеймс в книге «Тайное станет явным» доказывают, что в комедии выведены друзья и родственники британского дипломата Генри Невилла! А написана им комедия на основе фактов, предшествующих визиту в Лондон венецианского принца Орсино! Исследователи доказывают, что в основе сюжета «Двенадцатой ночи» — реальные исторические лица и реальные события начала XVII века!

³⁷ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

³⁸ Там же.

³⁹ Гранцева Н. Герои России под маской Шекспира. СПб.: Союз писателей СПб., 2015.

Обеты щедры, а любовь бедна

Авторы книги «Тайное станет явным» (Шекспир без маски) собрали множество интересных данных о биографии Г. Невилла и его дипломатической службе, которые на первый взгляд могут послужить фундаментом для обоснования разрабатываемой версии о том, что именно этот исторический персонаж — истинный Шекспир.

Именно Г. Невиллу по долгу службы могла быть раньше всех известна информация о визите Орсино в Лондон. «Невилл относился к тем немногим, кому были известны планы Орсино — сообщил ему о них Уинвуд, в письме, присланном 20 ноября 1600 года»⁴⁰.

Но здесь-то и кроется слабое место гипотезы. Авторы считают, что премьера «Двенадцатой ночи» состоялась 6 января 1600 года, а для написания пьесы, на первых страницах которой появляется имя Орсино, полутора месяцев явно недостаточно. Приходится допускать, что для создания поздравительной пьесы Г. Невилл мог получить информацию о визите венецианца еще ранее от своих агентов...

Впрочем, версия о времени написания комедии «Двенадцатая ночь», предложенная пропагандистами Г. Невилла, не единственная.

«Текст комедии дошел до нас только в фолио 1623 года. Намеки в тексте позволяют определить время написания комедии — осень 1599 года»⁴¹.

Даже внимательный читатель пьесы никаких намеков на осень 1599 года в тексте не видит. Однако маститый шекспировед Г. Брандес утверждает на весьма зыбком основании, что «„Двенадцатая ночь, или Что хотите“ **должна быть** написана в 1601 году»⁴².

Почему же именно «должна»? Аргумент таков: в своем дневнике за 1602 год студент-юрист Джон Мэннингем сообщает, что он присутствовал на театральном представлении в своем колледже Мидл Темпл:

«На нашем празднике мы смотрели пьесу под названием „Ночь королей, или То, что вы захотите“, очень похожую на „Комедию ошибок“ или на „Менехмы“ Плавта, но больше всего похожую на итальянскую пьесу „Ошибки“. В ней есть хороший оборот, когда управляющего заставляют поверить, что его госпожа, вдова, влюблена в него, подбрасывая ему письмо, как если бы оно было от нее, предписывающее ему смешное поведение и одежду и т. д. И когда он все исполняет, ему дают понять, что его держат за сумасшедшего»⁴³.

Действительно, пьеса, весьма похожая на шекспировскую «Двенадцатую ночь», могла быть показана студентам юридической корпорации в феврале 1602 года, но разве не могла она быть написана раньше?

Резюме таково: «Точное время создания комедий „Как вам это понравится“ и „Двенадцатая ночь“ неизвестно»⁴⁴.

Здесь мы сталкиваемся с устоявшейся традицией воспринимать Шекспира как автора, буквально с колес пускающего свои тексты на сцену. Но в данном случае исчезает мотив профессионального драмодела — это уже не изысканный подарок, приуроченный к визиту высокопоставленного венецианца Орсино!

Как видим, в стройных шекспироведческих рядах нет единого мнения по поводу даты написания и постановки пьесы. И это — не единственный случай подобных расхождений во мнениях.

⁴⁰ Джеймс Б., Рубинштейн У.-Д. Тайное станет явным. М.: Весь мир, 2008.

⁴¹ Весь Шекспир. Комментарии Васильева. М.: Олма-Пресс, 2004.

⁴² Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

⁴³ Маген Ж.-М., Маген А. Шекспир. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

⁴⁴ Шайтанов И. О. Шекспир. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

Поэтому не случайно в шекспироведческих работах читатель едва ли не на каждом предположении спотыкается об оговорки «вероятно», «по всей видимости», «считается», «принято думать» и т. п. Это дает право и читателю сомневаться в любом утверждении, высказанном специалистами, и, более того — сомневаться даже в том, что выглядит достоверно и убедительно.

«По всей вероятности, „Двенадцатая ночь“ была одной из четырех пьес, представленных в Уайтхолле для двора труппой лорда-камергера накануне 1602 года, и игралась она в первый раз в тот вечер, от которого получила свое заглавие»⁴⁵.

Поскольку в шекспировское время календарный год в Британии начинался 25 марта, то выражение «накануне 1602 года» означает, что пьеса могла играть при дворе в январе—феврале—марте 1601-го? Считать 6 января кануном 25 марта — это все равно что ныне считать октябрь кануном Нового года!

Никаких свидетельств того, что труппа лорда-камергера играла 6 января 1601 года комедию «Двенадцатая ночь», в природе не существует, это надо сказать прямо. Единственный достоверный факт — «правда, среди четырех пьес, зарегистрированных в 1600 году, ее нет».

Вся «вероятность» заключается в том, что рассматриваемая комедия могла быть попросту безымянной! А поскольку безалаберный Шекспир не удосужился дать комедии название, то постфактум ее и стали называть «Двенадцатая ночь». Г. Брандес в сноске сообщает: «Twelfth Night (Двенадцатая ночь) — английское название праздника Крещения»⁴⁶.

Может быть, в шекспировское время Крещенский сочельник и называли двенадцатой ночью (в православной традиции это последний день Святков), но читатель, уверен, все-таки с трудом сможет поверить в то, что уважающий себя драматург только после премьеры — да и таким формальным манером — дал название пьесе. Кому известен в истории театра еще хотя бы один подобный прецедент?

«Очевидно, что „Двенадцатая ночь“ — не последняя комедия, но уже в ее названии обещано, что праздник подходит к концу, поскольку оно указывает на последний день Рождества»⁴⁷.

Но можем ли мы верить тому, что название шекспировской пьесы «указывает» на последний день Рождества? В нашей-то православной традиции всякие чудеса и чудачества наблюдаются, если верить Николаю Васильевичу Гоголю, накануне Рождества, в Рождественский сочельник. А в последний день Рождества, в Крещенский сочельник, накануне Богоявления, по христианской традиции принято раскаиваться и отягощаться самым строгим постом. Почему ж в шекспировской Британии все происходит не по-христиански? Молодые герои «Двенадцатой ночи» поют и музицируют, а взрослые зубоскалят и пьянствуют?

Есть еще один неприятный факт. На страницах комедии, как говорят шекспироведы, праздник подходит к концу. Но в эпилоге, который У.-Х. Оден назвал бессмысленным, после всех своих проделок шут приглашает зрителей продолжить веселье!

Был создан мир Бог весть когда,
И дождь, и град, и ветер,
Но мы сюда вас ждем, господа,
И смешить хотим каждый вечер!⁴⁸

⁴⁵ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Шайтанов И. О. Шекспир. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

⁴⁸ Весь Шекспир. Комментарии Васильева. М.: Олма-Пресс, 2004.

Шекспироведы нас убеждают, что праздник подошел к концу, а Шекспир вместе со своим героем собирается завтра, послезавтра и каждый вечер вообще праздник продолжать!

Такие заявления были бы логичны для начала рождественских праздников, а не для их окончания.

Не слишком ли много несуразностей в пьесе? Неужели невозможно точно установить день и год, в который произошло событие, изображенное Шекспиром в хронике-комедии «Двенадцатая ночь»?

Современные исследователи фиксируют особое отношение Шекспира к истории и времени. «Будучи реалистом в „высшем смысле“, он акцентировал внимание зрителей на коренных, общечеловеческих проблемах бытия, не связанных *решающим образом* с конкретным временем, — хотя и на актуальные запросы своего времени отвечал, как мы видели, всеобъемлюще»⁴⁹.

Посмотрим внимательно на текст пьесы. В предыдущих наших эссе мы заметили, что внутри самих комедий («Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего», «Как вам это понравится») Шекспир прямо в тексте датировал сюжет, размещенный в пьесе. Во всех этих произведениях, по нашей гипотезе, были изображены москвичи, составившие образовательный десант, направленный Борисом Годуновым в июле 1602 года в Лондон⁵⁰. Появление русских на территории францисканского монастыря и знакомство с девочками-капуцинками Шекспир показал в комедии «Бесплодные усилия любви». Цель визита — заключение брачного договора между московским недорослем королем и британкой принцессой. Смотрины происходили в ходе рождественских праздников, москвичи дарили своим пассиям подарки и играли спектакль (рождественский фарс) о самих себе под названием «Девять героев». В этом спектакле русские авторы обещали, что в будущем сыграют более девяти ролей!

Потенциальные супруги, 13-летний Фердинанд и 12-летняя Принцесса, договорились встретиться ровно через год! То есть перед рождественскими каникулами. Не исключено, что общение молодых планировалось продолжить в таких же театрализованных формах.

Не имеем ли мы в «Двенадцатой ночи» продолжение этого сюжета? Есть ли в нем переключки с текстом «Бесплодных усилий любви»? Есть ли в тексте содержательные хронологические указания?

Да ведь прямо в тексте комедии подвыпивший сэр Тоби Белч напевает: **«Двенадцатого декабря...»**

А что такое 12 декабря по юлианскому календарю (старому стилю)? Это ныне 25 декабря по григорианскому, то есть Рождество шекспировской эпохи. Это «двенадцатая ночь» декабря, а не Крещение!

12 декабря — единственное точное календарное указание, помещенное в текст Шекспиром. Но можно ли утверждать, что действие пьесы происходит спустя год после знакомства героев? Они должны были бы тогда на год повзрослеть!

Так и есть.

Тогда, год назад, Принцессе было 12 лет. Теперь ей (Принцессе-Виоле) уже 13, об этом сказано прямо в тексте (значит, Королю-Орсино — около 15).

Тогда, год назад, Король подарил Принцессе бриллиант (перстень?), который оказался у Розалины. Теперь Виоле (Принцессе?) перстень возвращает Оливия (Розалина?).

⁴⁹ Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016.

⁵⁰ Шестаков В. Русские в британских университетах: Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб.: Нестор-История, 2009.

Уже этих «меток» достаточно, чтобы идентифицировать прочих героев комедии-хроники «Двенадцатая ночь» и снять многие претензии к тексту, предъявляемые исследователями. Пробуем ответить на некоторые возникавшие вопросы.

Когда написана комедия «Двенадцатая ночь»? — Не позже 12 декабря 1603 года.

Что означает название пьесы? — Название означает, что она игралась, первый и последний раз, перед Рождеством 1603 года.

Почему Шут собирается и дальше смешить зрителей? — Потому что рождественские праздники только начинаются!

Почему Орсино (Король) с восторгом предается музицированию? — Потому что собирается принять участие вместе с девушками-капуцинками в музыкальном рождественском фарсе. При помощи Виолы (Принцессы) разучивает с друзьями слова песенок.

Почему Орсино (Король) говорит, что на него объявлена охота? — Потому что ему не нравится Виола (Принцесса), на которой он обещал год назад жениться.

Почему Виола (Принцесса) просит назвать ее «евнухом»? — Потому что таким образом объявляет себя как бы мальчиком, живущим в закрытом женском обществе (монастыре/училище).

Почему Виола (Принцесса) приходит в дом Орсино (Короля) в мужском костюме? — Потому что в колледжах францисканского монастыря девушки могли получать образование только в мужских костюмах.

Кто написал текст рождественского фарса, запечатленного в «Двенадцатой ночи»? — Текст написали два автора. Один использовал мотивы популярных историй о кораблекрушениях и близнецах, потерявшихся и нашедшихся, — это был человек, который в пьесе «Бесплодные усилия любви» запечатлен в образе дона Адриано де Армадо. Теперь он — безымянный капитан, приведший Виолу (Принцессу) к Орсино (Королю). Другой автор сочинил для спектакля песенки и разработал потешную историю о ложной влюбленности госпожи в слугу. В пьесе «Бесплодные усилия любви» этот человек запечатлен в образе Олоферна. Теперь он — Мальволио («злая воля»), скучный педант, который требует бумагу, перо и чернила.

Поскольку со дня знакомства школьниц-капуцинок с московскими абитуриентами прошел год, то ныне кое-что уже изменилось. Русские недоросли, сдав экстерном школьную программу, поступили в колледж. Продолжили обучение и девушки. Теперь они, видимо, все ходят в мужских костюмах, волосы убраны под береты. Они упражняются в фехтовании и в искусстве кулачного боя. Но все еще безумно боятся «сражаться» — Виола (Принцесса) страшится до обморока нанести пощечину взрослому мужчине.

А почему панически боится ударить мальчика (Виолу) сэр Эндрю? — Да потому, что он знает, что перед ним девушка!

Ходят ныне в мужских костюмах и другие девушки-капуцинки, поэтому одну из них сэр Тоби Белч («отрыжка») называет Боцманом, а другая оказывается обладательницей жемчужины и называет себя то Родриго, то Себастьян.

Русские студенты и сопровождающие их взрослые тоже изменились⁵¹. Однако мы прекрасно их узнаем!

Косноязычный пьяница, женолоб и любитель говядины — сэр Эндрю Эгьючик («бледная щека»). Теперь на монастырских харчах он похудел, да к тому же слиш-

⁵¹ Арсеньев А. В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887.

ком активно занимался танцами и фехтованием вместо изучения языков. Он жаждет на ком-нибудь жениться, но пока не получается. Прежде мы его знали как слугу по имени Башка.

Молодой демагог-остроумец, которого в комедии «Бесплодные усилия любви» звали Бироном, теперь уже прикладывается к бутылке наравне со взрослыми, но, по существу, не изменяет себе: он крутится вблизи Оливии (Розалины-эффиопки) и развлекает ее не вполне удачными шуточками. Теперь мы видим его в органичном образе Шута.

Два других русских студента-неразлучника находятся по-прежнему рядом с главным юным героем, теперь их зовут Валентин и Курио.

Менее выпукло выписаны роли и других известных нам персонажей.

В рамках предлагаемой нами интерпретации комедии-хроники «Двенадцатая ночь» становится ясно, что собственно смешное, комическое не ограничивается обманом Мальволио и подброшенным любовным письмом. Автор (Шекспир) не только дал актерам смысловые смешные имена-клички, но и высмеял уже замыленную в театре историю о двух близнецах, неотличимых друг от друга. Науки гемеллологии⁵² в то время еще не существовало, и само слово близнецы предполагало полную идентичность двух людей. Это теперь мы знаем, что близнецы могут быть совершенно разными!⁵³

Конечно, четыре девушки-капуцинки отличались друг от друга, невзирая на одинаковые костюмы и головные уборы, но когда одна из них (Себастьян) утверждала, что похожа как две капли воды на Виолу (Принцессу), это должно было заставить зрителей покатываться со смеху!

В пьесе «Бесплодные усилия любви» жемчуг был подарен героине, которую звали Мария и которую сравнивали с утенком.

А высокопарное сравнение низкорослого утенка с высокой белокурой Виолой (Принцессой) — безусловно, было комично до слез!

А еще смешнее оказывалась сценка, когда Оливия (Розалина) в маскарадном женском костюме графини и с лицом, закрытым маской, бросалась в объятия этого женоподобного утенка-Себастьяна!

Смешно, видимо, было всем, кроме герцога Орсино (Короля). Он, влюбленный в Оливию (Розалину-эффиопку), был почти оскорблен...

Герою придется, надеялся Шекспир, все-таки жениться на той, которой обещал это сделать год назад. Герой не смог разглядеть в суженой ту, которой признавался в любви и которой давал обет вступить в брак.

И чуткий поэт У.-Х. Оден точно уловил печальную окраску вывода, который сделала Виола (Принцесса) из душевных бесед с Орсино. Действительно она говорила о мужчинах и о самом Орсино вовсе «не игриво»:

Мы больше говорим. Клянемся больше;
Но это — показная сторона:
Обеты щедры, а любовь бедна.

Но прикажешь ли сердцу?

Видимо, об этом мы узнаем из других пьес...

⁵² Гемеллология — это наука о каких-то парах, точнее — о том, что бывает, когда люди появляются на свет парами... Иными словами, гемеллология — это наука о близнецах. http://www.topauthor.ru/chto_takoe_gemmel

⁵³ Дизиготные (двуяйцовые, неидентичные) близнецы развиваются из двух одновременно оплодотворенных яиц. <http://www.atheism.ru/science/science>.

РЕЦЕНЗИИ

**«НЕЛАСКОВАЯ ЛАСТОЧКА» ИЛЬИ ФАЛИКОВА
СРЕДИ КНИГ О ПОЭТЕ МЦ**

Илья Фаликов. Марина Цветаева. Твоя неласковая ласточка. М.: Молодая гвардия, 2017. 854 с.

В известной биографической серии ЖЗЛ, где писатели повествуют о жизнях и творчестве замечательных людей, 1807-м выпуском появилась большая, 850-страничная книга Ильи Фаликова под поэтичным и легкокрылым названием: «Марина Цветаева. Твоя неласковая ласточка». Ласточка залетела на титульный лист книги из «Черновых тетрадей» Марины Ивановны, к которым и далее биограф обращается, сверяясь с эмоциональными «волнами» жизни своей героини, поэта, оставившего свой заметный, мерцающий во времени след.

Книге предпослано на отдельной странице посвящение, причем оно — более чем выразительное — звучит так: «Наталье Аришиной, соавтору этой книги». Илья Фаликов на презентации, которая прошла в Центральной библиотеке им. Н. А. Некрасова в Москве, назвал свою супругу «Мой научно-исследовательский институт», это означало, что именно она, Наталья Сергеевна, выбирала, изыскивала материал из писем, дневниковой и художественной прозы, поэзии Марины Цветаевой, чтобы потом совместно с Ильей Зиновьевичем этот разноголосый материал организовать, придать ему концептуальное, смысловое направление.

Книгу о М. Цветаевой создавали два поэта. Ведь Наталья Аришина, как и Илья Фаликов, талантливый поэт, обладающий тонким и порою резким пером, автор семи поэтических книг. И сам Илья Фаликов писал эту книгу, именно «прозревая» в творчестве Цветаевой, как поэт, понимая ее поэтически, по-своему...

До «Неласковой ласточки» он издал в 2015 году, в малой серии ЖЗЛ, книгу о поэте Борисе Рыжем с подзаголовком «Дивий камень», а за год до того, в 2014-м — в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...», — книгу «Евтушенко. Love story».

...Цветаева у Фаликова предстает на фоне времени и своего дальнего и ближнего окружения, и окружение это встает из небытия живыми лицами, поступками, впечатлениями, оценками. Все это очень живое, вот что главное в книге. Полагаю, именно «жизненность» писательско-биографической манеры поэта Ильи Фаликова помогла убедить читателей, что провидение на сей раз «поручило» жизнь и поэтическое наследие Марины Ивановны «в надежные руки» — как могла бы сказать сама Цветаева.

Получилось поэтико-биографическое исследование. В книге иной раз прямо сквозит поэтичность, выдающая автора-поэта. Вслушайтесь в такое предложение: «Издательство „Костры“ скоро потухнет, став пеплом и золой, но цветаевскую книжку успеет выпустить вторым изданием» (с. 277).

И анализ творчества М. Цветаевой исследуется теоретико-поэтически. Вот какой вывод делается из сравнения словесных «портретов» барона Врангеля у Маяковского и у Цветаевой: «МЦ правильно говорила о левизне своей формы. Оба портрета — чуть не одной кисти, одной школы и выучки, с особинкой цветаевской напевности. Здесь рядом и Пастернак. Это модернисты десятых — двадцатых годов, недалеко отстоявшие и от французского, например, соседства — в частности, Гийома Аполлинера, не раньше, впрочем, Хлебникова отказавшегося от пунктуации» (с. 603).

Благодаря именно сердечному, пусть сдержанному, без восторгов, вниманию Ильи Фаликова к своей героине, он избег учительственного, поучающего тона, в который, бывало, впадали в 1980-е годы маститые литературоведы в отношении М. Цветаевой.

С 1980-х годов выходили книги А. Саакянц о Марине Цветаевой, которые потом фактически «объединились» в один объемный том, который стал подробнейшим биографо-литературоведческим, основательным трудом, названным «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» (1999). Эта уже весьма большая книга вышла приложением к семитомному собранию сочинений Марины Цветаевой. Нечто подобное произошло с книгами крупнейшего питерского исследователя, известного цветаевода Ирмы Кудровой. Она издавала книги, отражающие конкретный период, то есть тот или иной этап биографии Марины Цветаевой, такие, как: «Версты, дали... М. Цветаева 1922—1939» (1991); «После России. Марина Цветаева. Годы чужбины» (1997), тематически завершающую — «Гибель Марины Цветаевой» (1997). Потом был объемный «Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой» (2002) и, наконец, солидное и уважаемое издательство АСТ издало книгу Ирмы Кудровой «Марина Цветаева: незаконная комета» (2016).

Однако задолго до Саакянц и до Кудровой появилась полная и основательная биография: «Марина Цветаева. Миф и действительность», зарубежный автор которой — графиня Мария Разумовская. Книга вышла в 1981 году на немецком языке, в 1983 году выпущен был русский перевод. В одном из своих интервью М. Разумовская сказала: «Марина Цветаева — великий поэт. Вообще я случайно наткнулась на ее творчество, хотя сорок лет работала в национальной библиотеке в Вене и отвечала за русскую литературу, но Цветаеву открыла в достаточно зрелом возрасте, когда мои родственники прислали мне из России ее самиздатовский сборник... Это было в конце 1960-х — в начале 1970-х годов, когда и на Западе, и в России вышли воспоминания, переписка, сборники произведений поэтессы. Я тоже решила представить свою версию жизни, творчества и гибели Марины Цветаевой. Я считаю ее одиночкой, индивидуалисткой в положительном смысле, ее нельзя сравнивать ни с кем...» Книга Разумовской аналитичная, снабженная полными текстами стихотворений поэта, не потеряла значения до сих пор, несмотря на то, что в первых изданиях были неточности, позже исправленные в русском переводе, вышедшем уже в Москве в издательстве «Радуга» (1994).

А еще более ранней попыткой приближения к жизни и творениям М. Цветаевой была книга американского исследователя Саймона Карлинского «Марина Цветаева: ее жизнь и творчество» (1966). Многие положения и утверждения этой монографии сегодня выглядят неверными и наивными, но надо учитывать, что тогда творчество поэта фактически не было исследовано. Русский перевод книги Карлинского вышел с критическими комментариями только в 2015 году...

Особняком стоит книга Виктории Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», первое издание ее в «Синтаксисе» на Западе, в Париже, датируется 1988 годом. Потом она была выпущена и в Москве, в серии ЖЗЛ. Об этой книге Анастасия Ивановна Цветаева писала: «Да, к сожалению, нередки у В. Швейцер — „домыслы“. Свое размышление она подает в столь утверждающем тоне, что у читателя может остаться впечатление, что дело идет о факте. И происходят ошибки...» В то же время она была признательна В. Швейцер: «Такой труд заслуживает благодарности и уважения. Страницу за страницей, год за годом прослеживает Виктория Швейцер, воссоздавая юность, зрелость, последний период, конец... Читатель входит глубоко в сложный ряд тем бытия и быта, подтверждая замысел и название книги. Но думаю, что почти невозможно написать столь сложное исследование, нигде не ошибаясь». Особенно ценна у Виктории Швейцер та часть ее исследования, где она соотносит судьбу Поэта

с дневниками матери, М. А. Мейн-Цветаевой, и глубоко анализирует психологические мотивации ее судьбы, значимые подробности ее недолгой жизни.

Как и в случае с Викторией Швейцер, с Анной Саакянц, так и с Ирмой Кудровой, Анастасия Ивановна старалась высказаться по поводу того, что литературные критики и цветаеведы пишут о сестре. Написала, например, критический разбор «Корни и плоды» по поводу статьи «Листья и корни» Ирмы Кудровой («Звезда», 1976, № 4) и «Размышления над книгой Анны Саакянц „Марина Цветаева“».

В больших «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой немало страниц посвящено старшей сестре, Марине Цветаевой, и их ближнему родственному и дружескому кругу. В предисловии к полному тексту «Воспоминаний» она писала: «Мои воспоминания — это семейная хроника. В моей памяти равное место занимают все мои близкие — мать, отец, моя сестра Марина и все, кто пришли позднее. Но душевная, кровная и возрастная близость к Марине часто выдвигает ее вперед на этих страницах. Все впечатления моего детства и юности связаны с ней» (А. Ц. «Воспоминания», в 2 т. Т. 1, с. 18). В подходе к воссозданию образа Марины Цветаевой она не всегда «совпадала» со своею племянницей, дочерью Марины Цветаевой, Ариадной Сергеевной Эфрон. Та до своего отъезда в СССР из Франции резко разошлась с матерью. Стала коммунистически настроенной. Участвовала в делах отца, сотрудничавшего во Франции с иностранным отделом НКВД. В 1955 году, обращаясь к помощнику Главного военного прокурора в связи с реабилитацией отца, она писала о «нашей работе за границей». А потом, уже сама пройдя сталинские тюрьмы и лагеря, Ариадна Сергеевна стала ревниво относиться к памяти матери, публиковать совместно с Анной Саакянц ее поэтическое и прозаическое наследие.

Ариадна Сергеевна написала в письме к Анастасии Ивановне 8 апреля 1959 года, еще до всех осуществленных и неосуществленных публикаций: «Относительно Ваших воспоминаний: только из Вашего последнего письма я узнала о том, что это вовсе не воспоминания о маме, а мемуары — тогда, конечно, мои „претензии“ отпадают — о чем же тогда, действительно, спорить?..» Ранее А. Эфрон сам факт написания мемуаров тетей, сестрой матери, горячо приветствовала (вспомним о том, что А. Цветаева была еще до революции писателем, автором двух автобиографических по характеру книг)... Есть и еще письмо А. С. Эфрон, касающееся «Воспоминаний» Анастасии Ивановны, 5 октября 1958 года. Вот извлечение из него: «Милая Асенька, еще добавление: переписываю, каждый день понемногу, Ваши воспоминания. Они очень хороши, талантливы, своеобразны. Их своеобразие, как говорят знатоки и ценители, которым я даю их почитать — сродни маминому и пастернаковскому. Для меня это — клад, воскрешение маминых, а через нее и моих собственных — истоков...»

Но возвратимся к наиболее крупным исследователям жизни и наследия М. Цветаевой, не относящихся к ее семье. Тут нельзя не назвать книгу американской писательницы Лили Фейлор «Марина Цветаева», в России издана в 1998 году. Эту книгу, выдержанную в психоаналитическом ключе, Барбара Хелдт метко назвала «психобиографией». И это правда. Только и у Л. Фейлор наряду с психологическими прозрениями можно встретить явно ошибочные высказывания, например: «Лето 1916 года Цветаева провела с дочерью, Асиным сыном и их няней на даче у сестры неподалеку от Александрова, родной деревни отца». Дача в реальности была городским домом в Александрове, откуда еще Иван Грозный правил Русью, и это была некогда столица Московского царства, а не деревня. Почему отца? Да потому, что деревенька Ново-Талицы находится в той же Владимирской губернии, где и древняя Александровская Слобода. Из владимирского священнического рода происходил отец сестер Марины, Анастасии и самой старшей, Валерии, — филолог и искусствовед И. В. Цветаев... Сразу веришь,

что перед нами ученица Симона Карлинского, также нечуждого подобных фактографических ошибок. Фамилия писательницы Фейлюр в буквальном переводе ее *звучания* с английского — failure — звучит как «провал, ошибка», однако книга ее о Марине Цветаевой все же *провалом совсем не является*, она отнюдь не лишена озарений, находок, оригинального взгляда на стихи и биографические подробности трагической и ранимой жизни Поэта...

А уж где действительно — «всякое лыко в строку», так это в книге парижской крупной славистики-цветаевода Вероники Лосской «Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников» (1989). Автор просто, без разбора, под одну обложку собрала — цитатами — достоверные и недостоверные слухи о Марине Цветаевой. Даря эту книгу автору этих строк, А. И. Цветаева на ней написала: «Дорогому Стасику, сплетни о моей сестре. Пасха 1993 г.»...

Широта творчества Марины Ивановны наиболее полно теоретически отражена в исследовании академика Вячеслава Всеволодовича Иванова, который выделил семь основных стилистических направлений, «семь Марин Цветаевых». Анастасия Ивановна говорила, что считает Кому — так друзья и родные называют детским прозвищем Вячеслава Всеволодовича — гениальным. Недавно он навсегда покинул нас, и мое письмо к нему с вопросом — где же была опубликована (и была ли?) авторизованная машинопись, которую я читал у Анастасии Ивановны, — осталось без ответа...

Анастасия Ивановна отстаивала неподверженность сестры ничьим литературным влияниям. Особенно не согласна она с мнением Виктории Швейцер, которая утверждала, что на М. Цветаеву оказал влияние О. Э. Мандельштам.

«У Виктории Швейцер: Без Мандельштама ее (Марины) рост не был бы так стремителен, не устремлялся бы внутрь, в душевные глубины. В этом она глубоко ошибается, не учитывая Маринину поразительную безграничность ума и таланта и ее полную неспособность подвергаться какому-либо влиянию на всю жизнь...» — так написала А. И. Цветаева («Независимая газета», 1991, № 59, 21 мая, с. 7).

С нашей же точки зрения, *духовное влияние* и на М. Цветаеву, и на Б. Пастернака (в меньшей степени на А. Блока) оказал только Р.-М. Рильке, о котором Марина Ивановна в письме (9 мая 1926 г.) напишет: «Вы — воплощенная пятая стихия: сама поэзия, или (еще не все) Вы — то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой — Вас...» Такого она не написала бы ни одному из смертных, а только Рильке, *причисленность* коего к лику «бессмертных» она чутко осознавала.

(Что касается влияния Рильке на А. Блока, то в пояснение скажем, что в своей записной книжке за 1906 год поэт упоминает о книге «RMR Das Buch der Bilder», то есть о «Книге образов» Рильке. К тому же литературовед С. А. Небольсин в статье «Об одном событии в лирике А. Блока» указывал на возможное родство стихотворения Рильке «Der Schutzengel» и блоковского «Ангела-Хранителя»... См. в кн. «Революция 1905—1907 годов и литература» — М., «Наука», 1978, с. 101 и далее.)

В книге И. Фаликова говорится еще о двух гипотетических, возможных стилистических «соприкосновениях» творчества Марины Цветаевой с современниками. В «...Твоей неласковой ласточке» говорится о том, что «бредовый стих Чурилина» если не подвинул, то подсказал МЦ дорогу в сторону неправильного, «небрежного стиха». Именно в 1916-м МЦ окончательно вышла на новую ритмику-метрику вплоть до пунктуации: «Тире и курсив, — вот единственные, в печати, передатчики интонаций» (с. 134). Но почему бы тогда не обратить внимания и на более ранние, легкие, скользкие влияния — на сходные черты пунктуации у В. В. Розанова, исповедальными, интимными текстами которого сестры увлекались?.. Да, у него также было, хо-

тя и скромнее выраженное, «летающее» тире, он и дружески, и эпистолярно, письмами влиял на Анастасию Цветаеву, писала ему и Марина...

Все-таки необходимо учитывать, что стилистика модернизма тогда витала в воздухе, И. Фаликов говорит и об этом: «Срабатывал хлебниковский принцип гениального черновика» (с. 135).

И его правоту мало кто сможет оспорить, когда идет речь о другом знакомце М. Цветаевой — о К. Бальмонте: «На утра своих поэтических дней МЦ, несомненно, училась у него мелодичности стиха и строфопостроению («Бальмонту подражала 14-ти лет») (с. 137).

Илья Фаликов, привлекая в «широкое информационное поле» своей книги дружеские либо критические высказывания ее современников-писателей, делает доброе и полезное дело для читателей, которые никогда не полезут в отдаленные закрома специальных библиотек и архивов, где хранятся давние рецензии на творчество МЦ. А писатель-биограф, которому нужно создать представление об основных чертах Цветаевой-поэта, приводит порой полузабытые, но очень емкие высказывания, убедительные, многое нам говорящие!.. Чего стоит, например, тонкое свидетельство Андрея Белого, который писал о МЦ: «В чем же сила? В порывистом жесте, в порыве. Стихотворения „Разлуки“ — порыв от разлуки. Порыв изумителен жестикуляционной пластичностью, переходящей в мелодику целого...» (с. 302). Да, Фаликов дает творчество Цветаевой и глазами современной ей литературной критики, порой сочувствующей, порой резко ее отвергающей.

При именовании Марины Цветаевой Илья Зиновьевич пользуется инициалами Поэта — МЦ. Это обоснованно. Она и сама так подписывалась, и так ее в своем дневнике именуется сын, Георгий Эфрон.

В новой книге мир пристально смотрит на МЦ, но еще более пристально сама МЦ смотрит на мир, ее окруживший. Мы видим, как в ней то дремлет, то просыпается лирическая героиня ее стихов либо мать своих детей, то собеседник по переписке Анны Тесковой или Ариадны Берг, то наблюдательный и пристрастный, склонный к самоанализу созерцатель жизни, то путешественник, которого везут мимо Европы на корабле, который взял курс на ее негостеприимную родину...

В книге немало жизненно выпуклых сцен, они выгодно оттеняют выводы и рассуждения. Так и должно быть в книге историко-биографического жанра. Мы без розовых очков и ложной героики видим и фатальное одиночество поэта, и крайний индивидуализм, и презрительное «не снисхожу» в гордые минуты, и «невстречу» с полубезумным от депрессии поэтом Борисом Пастернаком, и теряющего себя от белой горячки и своей творческой переполненности, вечно влюбленного К. Бальмонта... Видим и ее напряженные взаимоотношения с сестрами мужа, С. Эфрона, видим ее предотъездный разрыв с дочерью Ариадной, видим, как постепенно отдаляется от нее сын-подросток Мур-Георгий...

Взгляд на героиню со стороны сменяется голосом Цветаевой, мы плывем по водам прилива документально-биографической прозы, длящейся в увлекательном континууме повествования. Это повествование постепенно создает цельность насыщенного и, конечно, неизбежно разнородного текста.

Если говорить о частных моментах, содержащихся в книге, то один момент особенно привлекает внимание: «Асе не пришлось по вкусу „Поэма воздуха“, она — выслушав — просто не поняла ее, и МЦ в объяснение сочинения напустила туману: „Знаешь, я попыталась описать, что бывает со мной, когда я после черного кофе — засыпаю... Точно куда-то лечу, — это еще не сон, — трудно объяснить словами...“» (с. 544).

У автора этих строк из бесед с Анастасией Ивановной о словах ее сестры о той поэме сложилось иное впечатление: как раз у Анастасии Ивановны было вполне опре-

деленное понимание смысла текста сквозь все туманы. Она мне говорила: «Там Марина описывает состояние, когда она поднимается в наиболее высокий слой *астрала* (то есть чувственного мира), но далее стучается головой о *ментал* (о сферу чистой мысли)...» Так что младшая Цветаева понимала поэму мистически и по-своему... Впрочем, заметим, что в книге сказано о первом впечатлении от поэмы, наш же с Анастасией Ивановной разговор состоялся годы и годы спустя.

Особенно ценно и важно то, что автор И. Фаликов дает и свой взгляд на крупные, основные с его точки зрения, поэтические, прозаические и драматургические произведения Марины Цветаевой. Он пристально всматривается в них. И стихи Цветаевой становятся яркими узелками на ткани биографии поэта.

Благодаря автору мы видим, как в плане жизни души для МЦ был важен и глубинно пережит диалог с ее корреспондентами: Пастернаком, Гронским, Штейгером, Вишняком. Как она была одинока и как душа ее была обуреваема жадой живого отклика: «*Наконец-то встретила / Надобного — мне: / У кого-то смертная / Надоба — во мне*». Этой «надобой» она и жила. Когда стала никому, в том числе и сыну Георгию, не нужна, а те, кому могла быть тогда нужна — сестра Ася, муж Сергей, дочь Ариадна, — были уже за колючей проволокой, вот тогда и свершилось непоправимое: она своей рукой оборвала нить собственной скитальческой жизни...

И. Фаликов показывает, как личность поэта ценна для мира. Ценна эмоциональная природа Личности, она не менее драгоценна, чем фактография, чем интересные подробности, связи, имена... Событийный план у Фаликова тоже явлен достоверно. Пунктирно даны и исторический, и эпохально-событийный слои жизни. Нельзя сказать, что образ и лик поэта поданы вне эпохи, путь МЦ проявляется на конкретном, прописанном отдельными штрихами фоне эмоционально окрашенных, заповедных поэту подробностей и примет.

Книга Ильи Фаликова обогатила мировое цветаеведение опытом биографии, в которой естественно встретились правда о жизни поэта с вдумчивым, документально подтвержденным анализом, идущим по следам своеобразной, трагической и обреченной судьбы Марины Цветаевой.

Станислав АЙДИНЯН

НЕИССЯКАЕМЫЕ СЮЖЕТЫ

Алексей Балакин. Близко к тексту: Разыскания и предположения:

[статьи 1997–2017 годов]. СПб.: ООО «Издательство „Пальмира“»;

М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. — 357 с.: ил.

Любая наука богата неразрешимыми или трудноразрешимыми проблемами. Автор книги «Близко к тексту» литературовед Алексей Балакин предпочитает называть проблемы сюжетами. С таким подходом работать гораздо интереснее и, как мы увидим ниже, результативнее. Сравнивая себя с сыщиком, Балакин обозначает интригу, набрасывает сюжет и приступает к расследованию. Это кропотливый процесс, однако на выходе мы получаем четкие ответы, если, разумеется, их удастся выявить. Чаще всего удается. Доказательство тому — книга, в которой собраны статьи о творчестве Пушкина и ряда других литераторов XIX века; не обойден вниманием и век XX, он представлен любопытнейшим исследованием о путешествиях писателя Юрия Казакова по Русскому Северу. Есть здесь и своего рода изюминка: в сборнике впервые за всю историю отечественной литературы напечатана поэма А. Ф. Воейкова «Искусства

и науки». О том, что побудило Балакина пойти на столь неожиданный шаг, мы еще поговорим, а пока давайте внимательно вчитаемся в его сюжеты.

«Понять смысл темной фразы в письме, найти даты жизни канувшего в Лету литератора, обнаружить настоящего автора стихотворения, которое более ста лет входило в сборники другого — вот цель и смысл работы историка литературы, его профессиональное счастье».

Это слова автора книги. А вот и первый (и, возможно, самый любопытный) его сюжет. Перед нами стихотворение «Вишня» — в сознании многих характерный образец эротической поэзии Пушкина. Впрочем, для более искушенных читателей уже давно не секрет, что авторство «Вишни» до сих пор не установлено. Парадокс же заключается в том, что именно «Вишня», как правило, становится первым «пушкинским» стихотворением, с которым мы знакомимся еще в детстве. Как получилось, что первые строфы этого текста прочно укоренились в нашем сознании, вошли в десятки детских хрестоматий и вдохновили многих композиторов на создание песен? За всем этим стоит конкретный человек, чье имя и называет автор книги, развивая свой сюжет и доводя его до логического конца.

А вот еще одна интрига. В поэме «Граф Нулин» персонаж превозносит французского актера Потье. Мы привыкли воспринимать это как должное: дескать, говорит он о нем с восторгом, и ничего удивительного здесь нет. Между тем Нулин берет свои восторги отнюдь не с потолка. Его высказывание имеет под собой богатую традицию, которую в 10-х годах XIX века заложил не кто иной, как граф Раstopчин. Анекдот о Раstopчине и актере Потье передавался из уст в уста; читатель позапрошлого столетия сразу угадывал эту подоплеку, однако нам для прояснения темного места требуется пространный комментарий, представленный в виде увлекательной статьи.

А что удалось выяснить насчет пушкинского круга? В этом отношении показателен сюжет, остроумно названный «Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка». (Его также можно было назвать «Повесть о том, как поссорился Василий Львович с Александром Сергеевичем».) Анна Львовна Пушкина, тетка поэта по отцовской линии, ничем особым себя не прославила. Однако ее смерть послужила началом к небольшой семейной ссоре, вспыхнувшей между поэтами В. Л. Пушкиным и А. С. Пушкиным. Излагать всю историю в рамках рецензии нет смысла, однако подытожить ее можно с помощью весьма метких эпитетов, подобранных автором: «сентиментальный дядюшка и колкий племянник».

Упомянуто и о более серьезной размолвке, вернее, настоящей литературной войне. Речь, разумеется, идет о Фаддее Булгарине. Конфликт наметился сразу же после выхода пушкинской «Полтавы». Так получилось, что роман Булгарина об Иване Выжигине раскупался публикой с большей охотой. Сам Булгарин прекрасно это видел и не преминул сделать выпад против Пушкина в печати. Однако отнюдь не Булгарин бросил в поэта первый камень. К тому времени отрицательные отзывы стали появляться в журналах спонтанно, и исходили они подчас от лиц, несколько не заинтересованных в конкуренции с Пушкиным. И это еще один сюжет, который разрабатывает Балакин.

Что касается сюжетов, не связанных с Пушкиным, то здесь следует выделить историю о двух забытых поэтах, чьи имена до поры можно было увидеть лишь в одном из стихотворений Некрасова: «И, может быть, проснется Шарш / И отзовется Печенегов!..» Что касается Печенегова, то на сегодняшний день о нем так ничего и не известно. Однако автору книги удалось собрать сведения о человеке, которого Некрасов назвал Шаршем. Фактов набралось с лихвой, и теперь биография Петра Якимовича Шаршавого сделалась всеобщим достоянием.

Наверное, нужно как-то объяснить, почему в книгу со столь занимательными сюжетами попала поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» — быть может, она кому-то видится здесь чужеродным элементом? Конечно же, это не так. Дело в том, что более десяти лет А. Балакин готовил к выходу научное издание текстов Воейкова. Он сличал черновики, проводил время в архивах — словом, занимался кропотливой литературоведческой работой. Издание планировалось, но так и не вышло (будем надеяться, что оно еще появится). Между тем поэма «Искусства и науки» уже была выверена, и нужно было ее напечатать. Потому-то она и попала в сборник статей как подтверждение тому, что профессиональные филологи блестяще работают не только над собственными научными текстами, но и восстанавливают тексты, которые, казалось бы, канули в небытие.

Еще со студенческих лет А. Балакин регулярно ездит в научные экспедиции в северные районы России. Это старая филологическая привычка — экспедиции чаще всего посвящены сбору русского фольклора. Так случилось, что Балакину удалось проехаться по маршруту писателя Юрия Казакова, который посвятил Русскому Северу немало замечательных произведений, среди которых выделяется «Северный дневник». Именно этот факт, а также давняя любовь к творчеству Казакова побудила автора написать большую статью, в которой он рассказывает о том, что сегодня происходит с местами, некогда воспетыми Казаковым. Не обойдены вниманием и люди Севера. Балакину удалось выяснить, что случилось с героями «Северного дневника»; могилы некоторых из них он посетил, обходя местные кладбища; также он разговаривал с теми, кто сохранил в памяти лица и характеры ушедших предков.

Статья о Русском Севере несколько выбивается из корпуса работ Балакина, ее можно назвать путевым очерком, однако она удивительным образом дополняет книгу и придает ей почти мистическое очарование.

Таков этот сборник. В рамках рецензии не удалось упомянуть обо всех сюжетах и интригах, собранных автором, но этого и не нужно делать. Запас сюжетов неиссякаем, особенно если за дело берется одержимый (в хорошем смысле слова) человек. Автор книги несомненно таков. Ему удалось раскрыть несколько интереснейших тайн, и он не собирается останавливаться. Это ли не лучший повод для того, чтобы вновь войти в библиотеку и начать разрабатывать новый сюжет?

Виталий ГРУШКО

КОПИИСТ ИЛИ ВОССОЗДАТЕЛЬ? ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ ЛОХОВ

Т. В. Вересова, М. Г. Талалай. Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение. М.: Старая Басманная, 2017.

Не так давно в нью-йоркском магазине я видела висящие на стене копии с картин мастеров: Рубенса, Фрагонара, Клода Моне. Сделаны они были с помощью фотографии, причем с максимальным приближением к подлиннику. А до этого много лет назад в Москве как-то посетила выставку рукотворных копий мировых шедевров. Нужно сказать, что последняя вызвала у меня реакцию отчуждения. Все же я, как, наверное, и многие из читателей, всегда предпочитала «оригиналы» «спискам». Оригинал и копия. Мне долгое время казалось, что их взаимоотношения не отличаются большой градацией, так же как у предмета и его тени. Но вот у меня в руках книга, которая заставляет усомниться в общепринятой истине. Ее авторы, краевед и журналист

из Пскова Тамара Васильевна Вересова и исследователь из Италии Михаил Талалай, назвали героя своей книги «Человек Ренессанса». Между тем Николай Лохов (1872 — 1948), чья научная биография впервые представлена авторами, был... копиистом. Правда, сам он называл себя «восстановителем». И те, кто сталкивался с ним и его работами, готовы были подтвердить: да, талант, да, человек Ренессанса.

Сначала несколько слов об авторах книги. Они счастливым образом нашли друг друга, занимаясь каждый своей деланкой. Псковитянка Тамара Вересова наткнулась на фамилию Лохова благодаря своим изысканиям в области краеведения. Михаил Талалай, чьей постоянной темой является «русская Италия», не мог не остановиться на фигуре русского художника, жившего во Флоренции и своим искусством вызывавшего восхищение итальянцев. Объединенными усилиями написана книга — собранная по крупницам биография художника, чью «русскую часть» воссоздала Вересова, а «итальянскую» — Талалай.

Рассказу о художнике предшествует знаменательный эпиграф — слова, сказанные о Лохове его соотечественником и современником, автором неповторимой и колдовской книги «Образы Италии» — Павлом Муратовым: «Талант и вера этого удивительного человека были руководимы торжественной целью, которой можно дать только одно простое имя — Россия».

И еще один материал, на этот раз с итальянской стороны, предваряет биографию художника — эссе внука Лохова Николо Кручани «Мой дедушка», переведенное на русский язык Михаилом Талалаем; во второй части книги оно дается на языке оригинала.

Биография Николая Лохова событиями не богата. Родился во Пскове в известной купеческой семье, учился в самой престижной в городе Губернской гимназии, где, кстати, училась целая плеяда талантов, принесших славу России: известный иллюстратор Гоголя Агин, два одареннейших брата — микробиолог Лев Зильбер и писатель Вениамин Каверин — и их близкий друг, автор «Подпоручика Кижского», «Смерти Вазир-Мухтара» и «Пушкина» Юрий Тынянов. Но и это не все. В этой же гимназии учились художник и режиссер-экспериментатор Николай Евреин, известные физики братья Кикоины. После такого перечисления должно следовать, что наш герой прекрасно учился и стал гордостью своей гимназии. Не стал. Учился Лохов с трудом. И в гимназические годы, и позднее, в университетские, учение ему не очень давалось. Да и то сказать — учился он в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом отделении, изучал естественные науки. Иначе говоря, занимался явно не своим делом. При этом, как позднее напишет его жена, целые дни проводил в музеях и на выставках: «Студентом он знал во всех подробностях все музеи Петербурга и посещал все выставки». Тут он был у себя дома.

Учению мешало и еще одно обстоятельство: студент был политически неблагонадежен, находился под гласным надзором полиции и даже был выслан из Санкт-Петербурга к себе на родину во Псков. Нет, «верным ленинцем» Николай не был, но увлекался Марксом и состоял в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Революционные дела сблизили его с будущей женой Марией Митрофановной Сизаревой, дочерью адвоката из города Сумы, учившейся на Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге. Поженившись, молодые «удрали за границу» — это был единственный способ спастись от полицейского преследования. В Париже родился их сын Борис. За границей же Николай Лохов начал свои первые опыты копирования. В 1905 году «по амнистии» семья возвращается на родину, и Лохов, с его уникальным даром, оказывается человеком востребованным. Иван Владимирович Цветаев заказывает у него для своего новосозданного Музея изящных искусств в Москве 70 копий картин и фресок Итальянского Возрождения.

А теперь несколько слов в сторону. Книга, присланная мне из Италии, содержит большое число фотографий, в том числе и цветных, копий Николая Лохова с картин и фресок великих художников: Мазаччо, Фра Беато Анжелико, Симоне Мартини, Джотто и других. Все они публикуются впервые — и все они потрясают. Особенно в цвете. Здесь, как и в построении всей книги, авторы используют «зеркальный принцип», помещая копии рядом с оригиналом. Читатель может заняться сопоставлением. Что поразило меня — не только полное совпадение зрительного образа, но и внутреннее наполнение картин Лохова. Все же подделка чаще всего обличает сама себя своей «пустотой». У Лохова — и потрясающая игра красок, и вхождение в «строй» картины, в духовную связь с ее создателем. Замечу, что авторство Лохова на некоторых картинах все же легко определить. Целомудренный русский мастер пририсовал фиговый листок к чреслам Адама и Евы во фреске Мазолино да Паникале «Искушение Адама и Евы», ок. 1435, и невероятной силы трагической фреске Мазаччо «Изгнание Адама и Евы из рая», 1426—1427, обе фрески находятся в капелле Бранкаччи, в церкви Санта Мария дель Кармине во Флоренции.

Для того чтобы выполнить такой огромный заказ, Лохов с семьей едет в Италию, поселяется во Флоренции, сняв студию на Via degli Artisti, и приступает к своему непомерному по сложности и трудоемкости проекту. Из писем, опубликованных в книге, можно представить, какова была эта работа. Над одной копией художник трудился много месяцев, случалось и полтора года. Для копирования фресок возводил леса, писал под потолком, как его великие предшественники, что до красок, то делал их сам. В студию на Via degli Artisti стекались итальянцы — поглазеть на «безумного» il russo, воссоздателя шедевров.

В 1913 году умирает Иван Цветаев, через три года уходит из жизни спонсор проекта В. В. Якунчиков, идет Первая мировая война, и в октябре 1917 года в России происходит большевистская революция. Каждое из этих событий могло повергнуть художника в уныние, лишить веры в осуществление его замысла — сделать копии шедевров для России. Но он упорно продолжает работать, лихорадочно ища поддержки, средства для продолжения работы.

Помощь приходит из Америки. Супруги Беренсон, чета известных американских искусствоведов, будучи в Италии, неожиданно открывают для себя необычный дар русского мастера, начинают пропагандировать его у себя на родине. Мэри Беренсон писала на страницах «Американского художественного журнала»: «Моему мужу¹ потребовалось посмотреть работы художника в течение нескольких минут, чтобы убедиться в том... что это были не обычные „копии“, которые мы так ненавидели и которым не доверяли всю свою жизнь, а самое точное и правдивое воспроизведение, приближение к творениям великих мастеров».

С грустью прочитала в статье Мэри, что в студии Лохова стояли работы, «которые все еще ждали отправки в Москву». Эта фраза напомнила мне, как эмигранты первой волны, добравшись до какой-нибудь «третьей» страны, ставили в углу нераспакованные чемоданы, ожидая, что совсем скоро возвратятся на родину.

Именно Беренсоны устроили знакомство Лохова с Хелен Фрик, знаменитой меценаткой, дочерью не менее знаменитого мецената Генри Фрика, подарившего Нью-Йорку свою великолепную коллекцию произведений искусства. Заинтересовавшись работами Лохова, Хелен покупает у него всю коллекцию и помещает их в Питтсбургский музей. Часть лоховских работ была куплена музеем Фогта при Гарвардском университете, некоторые другие приобретает Портлендский художественный музей.

¹ Бернард Беренсон (1865—1969) — знаменитый американский искусствовед и художественный критик, родился в Виленской губернии и был увезен в Америку в десятилетнем возрасте.

Осталось сказать вот о чем. Книга о Николае Лохове получилась разнообразной по материалу — тут и письма, и дневники, и статьи, и даже некрологи; много в ней и того, что называют «зрительным рядом»: фотографий, цветных и черно-белых репродукций как произведений итальянских художников, так и копий Лохова. Кроме работ самого маэстро, в книге приводятся репродукции картин двух его ближайших друзей-художников Евгения Климона и Эрика Прена, чья преданная дружба скрасила жизнь русского мастера. Судя по репродукциям, оба интересные художники, к сожалению, как и Лохов, в России совсем неизвестные. Возможно, книга Вересовой и Талалая побудит искусствоведов заняться и их творчеством.

Знаю Михаила Талалая как исследователя и знатока русских надгробий в Италии. Вот и в этой книге он не упустил случая рассказать, где похоронен русский художник, и привести надпись на надгробной плите на итальянском и — в своем переводе — на русском языках. Супруги Николай и Мария Лоховы похоронены на некатолическом кладбище Аллори по дороге из Флоренции в Сиену, и надпись на их надгробии гласит: «Прекрасный художник Н. Лохов, не желая создавать свое, посвятил всю жизнь исполнению совершенных „повторений“ великих мастеров Ренессанса».

А ведь правильно написали итальянцы, в самую точку.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Николай Хлестов. Нетерпеливый шаг тени. М.: Вест-Консалтинг, 2017. — 276 с.

В книге Николая Хлестова поднята еще не осмысленная до конца тема: психология человека во времена перестройки. Поведение, слова, поступки советских еще людей, вступающих в неизведанное. Главный герой повести, давшей название сборнику, — из когорты чиновников дипломатической службы. Доперестроечная «жизнь Отдела вслед за жизнью своего ведомства бежала своим нужным бегом, разделяя судьбу страны и народа. А с ней бежали бумаги, чиновники, совещания и согласования, начальство и подчиненные». Служебные интриги, подсиживания, поиски в документах антисоветчины, которой там нет, формалистика, партийные проработки, приспособленчество. И как только новые веяния коснулись и Отдела, реакция незамедлительна: появляется план «Производственные задачи управления в свете перестройки». В светню, в вязкую повседневность затянут и герой повести. Задыхаясь в действительности, переживая личные драмы, он давно уже пишет роман, где фиксирует раздвоение своей личности: его альтер-эго — Хобот, нос, способный подмечать несуразности жизни, заглядывать в души. На протяжении всей повести герой размышляет о смыслах жизни, о природе власти, о религии, об уникальности чувств, о человеческом в человеке. Есть переключки с русской классикой: «Нос» Гоголя, «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого. В киноповести и ее синопсисе «Три» трагикомично изображены три дня из жизни коллектива Государственного комитета по правам человека (ГКПЧ, что так некстати переключается с ГКЧП). Три дня, 19—21 августа 1991 года, которые потрясли весь мир. Первый отклик сотрудников ГКПЧ на выход за пределы обыденного: стихийное собрание и коллективное распятие чего погорячее. Потом реагируют по-разному: кому-то важнее личная жизнь, любовь, дела семейные, пробитое колесо, очередь в парикмахерскую. Кто-то бросается в омут революции, «не стыдится своих

слез демократии, которая давно-давно исстрадалась и дождалась своего часа в нашей стране», и ждет, что «Запад раскроет нам свои объятия, и мы все станем единой семьей. От нас перестанут шарахаться, как от чумных. У нас появятся более пристойные союзники. Мы станем такими же богатыми, счастливыми, а главное — свободными». Звучат и другие голоса: «Кто нам раскроет объятия? Кому мы будем нужны счастливые и богатые? А особенно свободные и независимые?» Опыт руководства опирается на формулу: лучше переждать, а на всякий случай заготовить приказ в одном экземпляре о наказании тех, кто пошел на баррикады, прикрыться им в будущем, если победит ГКЧП, в противном случае — разорвать. И вообще: «Где указания, как жить и действовать?» Комичные диалоги отражают настроения людей, привыкших к устоявшемуся образу жизни и не понимающих, что их ждет впереди. И неизвестно, как бы повернулась жизнь семьи главного героя, если бы не раздался детский плач: «Мама, не ходи в революцию! Никто из семьи Мартынюк не пошел в революцию. Революция прошла без них». У Н. Хлестова несомненный дар: сочетать в своей прозе лирическое и сатирическое. Хороши рассказы, композиционно выверенные, стилистически безукоризненные, с точными концовками. За внешне безыскусным повествованием проступают глубокие смыслы. От лица неодушевленного, лестницы в старом доме, ведется первый рассказ. Она помнит, когда перила «были не то что нынешние — протезы пластмассовые, да и только! То были деревянные, отполированные. ...Я не говорю о ковровых дорожках при входе. Они исчезли». В монологе лестницы воссоздается целая эпоха (от Великой Отечественной до перестроечных времен), бытование одной семьи в эту эпоху, переживания бывшего веселого молодого человека, а ныне одинокого старика, не желающего отправиться следом за дочерью в эмиграцию («Лестница»). А можно ли в двух словах определить, что такое счастье? Убеленный сединами человек, вспоминая свои детские муки в ожидании мамы, запаздывающей на родительский день в летнем детсаду, смог: «Счастье? В двух словах? Это когда мама приехала!» («Мама приехала»). Труден путь к Богу Василия. В советское время отговаривала теща, намекая, что жену Любу, машинистку в райсовете, попрут со службы, где протолкнут продукты заказы. Рухнул СССР, крестился Василий. Но чтение книг священного писания напоминало кружки политграмоты, беседы со священником — партсобрания. В церкви во время молитв мучили скоромные мысли: то женская фигура «душу раскачивает», то вспоминается гад начальник, то рожа соседа по дому. И только образ бабушки, что потеряла в войне сыновей, прожила трудную жизнь советской крестьянки, но любила всех: детей, внуков своих и не своих, людей вообще, преображает Василия. «Оказывается, можно жить так ясно, так понятно, опираясь на простые вещи. Не раздумывая ни о чем, лишь помня одно: добро есть добро, а остальное от лукавого. ...Что-то приподняло и понесло Василия. Не в силах Бог, а в правде!» («Василий Блаженный»). Ремейком чеховского рассказа является рассказ «Толстый и тонкий»: времена изменились, люди нет. Как и сто лет назад, радость встречи двух однокашников на вокзале в Женеве омрачена разницей статусов: менее успешный впадает в подобострастный экстаз, узнав, что его друг — успешный банкир, чем вызывает у последнего брезгливое недоумение и грусть. Сочувствуя одним своим героям, смеясь над другими, Н. Хлестов показывает нам, какими мы были.

Илья Рейдерман. Из глубины. Избранные стихотворения. СПб.: Алетей, 2017. — 424 с.

Илья Рейдерман — один из последних с корабля великой русской поэзии, длившихся традиции Золотого и Серебряного веков. Русский поэт, философ, культуролог, музыкальный критик, несуетную жизнь в «провинции у моря», в Одессе, и сосредото-

точенную работу мысли и души он предпочел мельканию в литературных кругах столицы. В поэзии он уже более полувека. Его ранним произведениям доброжелательно внимали П. Антокольский, А. Ахматова, А. Сергеев. Еще в юности он отвернулся от авангарда, бывшего тогда знаком сопротивления политической системе, выбрав традицию философской лирики, «неслыханную простоту» классики. Сегодня И. Рейдерман уверен, что авангардизм сыграл разрушительную роль в нашей культуре. Себя он позиционирует как человека литературы, еще шире — культуры, русской и мировой. В себе, в своей личности, в своих стихах он попытался удержать единство этой культуры, ведь «если внутри рвутся какие-то нити — это всегда катастрофа». В сборник, подготовленный к 80-летию поэта, вошли стихи из тринадцати сборников разных лет. Собранные под одной обложкой, стихи дают представление и о масштабности творчества И. Рейдермана, и о его мировоззренческой основе. Ведущие темы его лирики — Время, Природа, Человек и мир, Поэт и мир. Но главное — бытие, бытие как полнота существования, как проникновение в сокровенную суть окружающего мира, растворенность в нем и гармоничное единение с ним. «Поэт изначально — певец Бытия. Начиная с Гомера. Он воспевает! Он возносит до небес бытие, все предельные проявления природного и человеческого», — утверждает И. Рейдерман. «Открыть себя — как в мир открыть окно. // И это в детстве было: не меньше, // а первый дар — быть с жизнью заодно // и повторять в себе ее движение. // Но как же уберечь нам этот дар // от взрослой недоверчивости нашей?» «Мир льется в сознание мое, как река, // как будто бы рухнула разом преграда. // И бабочка — та, что из райского сада — // влетает и машет крылами, легка. // И словно бы в руки плывут облака, // и дерево можно обнять, словно брата. // Я с миром един — и чего еще надо?» Поэтическое «я» растворяется в многообразии природы: в береге моря, в тумане, в дожде, в дереве в полдень, в сирени... «Я как песчинка на ладони Бога...» Но есть и горький вопрос «Человек, ты царь природы? // Что ж глядишь ты, словно вор, // на нахмуренные воды, // зимний серенький простор?..// Что ж ты царство проворонил? // Где владения твои?» У поэта, что живет, «частицу вечности в руке держа, // как будто соль на кончике ножа», особое отношение со временем, постоянная готовность «и с вечностью немой вступить в союз». В поисках высших смыслов жизни, осознавая ее трагедийность, поэт напрямую обращается к Богу: «Господи, слышишь скрежет зубовный и плач?»; «Как снова стать живым? Как смерть избыть?» В сборник включены стихотворения из книги «Молчание Иова», в основе которых ветхозаветные сюжеты и подражания псалмам. Наследник Серебряного века, одну из своих книг он демонстративно назвал «Вместе», вся она состоит из стихотворений под эпиграфами, вариаций на стихотворные строки Пушкина, Ахматовой, Пастернака, М. Цветаевой, Мандельштама, Рильке. «За каждой мыслью — голоса других. // За каждым словом — ожиданье слова // и созидают глубину живого // все те, кого и нет среди живых». Фантазии, навеянные музыкой композиторов прошедших времен и современных, взяты из книги «Музыка». Отдельная, глубоко волнующая автора тема: отношения поэта с социумом. Современному социуму, считает он, поэты не нужны, ему нужны функционеры, поверхностные люди. И «трудно хранить и „перевозить“ из прошлого в будущее смыслы русской культуры — преодолевая равнодушие чиновников и элементарную неграмотность молодых». В одном из завершающих сборник стихотворении, «Диалог поэта и читателя», читатель говорит: «Ведь если вы не знамениты, я книжку вашу не открою». Поэт отвечает: «Мы тайное живущих братство. // ...Мы знаем: в адской топке века // не все сгорает без остатка...» Поэт призывает: «Так откажись, восстань, беги из плена. // Плюнь в телевизор. Не читай газет. // Истории нет больше. Тьма историй // взамен. Вконец запутанный клубок. // Все истины уже погибли в споре. // Сознания нет, и обморок глубок». Самое серьезное в поэзии, уве-

рен поэт, — манифестация духовных потребностей. «Кричать сквозь воздух, обложивший ватой? // Как сохранить гармонию и лад? // Стихи в книжонке тощей напечатанной // и брось как можно дальше — наугад. // Стихи, в которых есть живая влага, // еще не позабытая душа. // И почему-то им нужна бумага, // что перелистывается, шурша». Завершает книгу большое «Интервью с самим собой», где сказано и о творческой позиции мастера, и о его пути. «И мы мгновенья собираем, // переплавляем, раздаем. // А что на свете оставляем? / Себя. Во времени своем».

Станислав Айдинян. Четырехлистник: Константин Бальмонт, Анастасия и Марина Цветаевы, Анатолий Виноградов. Очерки, статьи, исследования. М.: Экслибрис-Пресс, 2017. — 424 с.

Когда-то в юности Станислава Айдиняна случилось знаковое событие, определившее его «путь» в Серебряный век: в букинистической лавке Одессы он выбрал ветхую книгу без обложки, том стихов К. Бальмонта из собрания сочинения 1908 года. В книге обнаружил карандашный автограф одного из стихотворений поэта, подлинность которого впоследствии лично подтвердила старшая дочь поэта Н. К. Бруни-Бальмонт. Работа над биографией и творчеством А. Виноградова, автора книг «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Черный консул», «Братья Тургеневы» привела С. Айдиняна к Анастасии Цветаевой (1894—1993): до революции А. Виноградов входил в ближайшее окружение сестер Цветаевых. Айдинян стал литературным секретарем А. Цветаевой, ее бессменным редактором, помощником, другом. Они познакомились, когда А. Цветаевой было восемьдесят девять лет. «Она была стремительна в движениях, а тем более в мыслях, которые ее тонкой сухою рукою воплощались ежедневно в удивительно поэтическую прозу». В перерывах меж работами над рукописями она рассказывала ему о своей «серебряной юности», о Волошине, об Эллесе, Брюсове, Бальмонте, А. Белом и о своем отце, основателе Музея изящных искусств им. Императора Александра III (ныне ГМИИ им Пушкина), и сестре — Марине Цветаевой. Через призму воспоминаний А. Цветаевой С. Айдинян постигал атмосферу Серебряного века, сложный и противоречивый духовный мир творивших его людей, узнал много малоизвестных, а то и совсем неизвестных эпизодов из жизни героев этой книги, их знакомых, близких, друзей. Переплетение судеб, литературных и житейских, сближения, расхождения, яркие, самобытные характеры. Жрецом музыкального поэтического ключа предстает в воспоминаниях современников К. Бальмонт, близкий друг М. Цветаевой. А ведь когда поэт сам пришел знакомиться к юным сестрам Цветаевым, они прикинулись дурочками. «Обе сестры — личности большой воли. Оттого в них — резкая энергичность жеста, энергичность пера, у каждой своеобразного, заостренного в свою тему», — пишет С. Айдинян. Отмечает и «эффект близнецовости» у сестер, специфическую душевную связь. Трагична судьба А. Виноградова (1888—1946). В юности он искал «мистическое озарение», в Ясной Поляне спорил с Л. Толстым, после революции возглавлял Румянцевский музей, спасал книги императорских и частных библиотек, крупный чиновник от культуры, в 1930-е годы он стал известным советским писателем. А в 1932 году подал документы на поступление в летное училище и в годы Великой Отечественной войны летал с экипажами тяжелых бомбардировщиков за передовой край, писал очерки и репортажи. В 1946-м застрелился. Было в его жизни и юношеское увлечение А. Цветаевой. Две разные версии этой истории, в новелле М. Цветаевой «Жених» и в записанном на магнитофон рассказе А. Цветаевой, представлены в этой книге. В книгу вошли как авторские статьи, очерки, исследования, так и записи бесед автора с Анастасией Ивановной, фрагменты писем и дневников героев, большие от-

рывки из произведений и «Воспоминаний» А. Цветаевой. Приведены и выдержки из дневника И. Цветаева, где говорится о внимании и участии, проявленных лично Николаем II и Романовыми при создании Музея изящных искусств. Значительная часть текстов опубликована впервые, некоторые дополнены и переработаны, что-то публиковалось в периодике. Младшая дочь профессора И. Цветаева очень рано взялась за перо. Совсем юной девушкой опубликовала в 1915 году свои богоборческие, философские «Королевские размышления», чем очень огорчила близких. Затем последовала ее вторая книга «Дым, дым и дым. 1916», эссе о сфере сокровенных и противоречивых чувств, причудливо переплетенных с мыслью. Много рукописей пропало в 1937 году. Гибли люди, гибли рукописи, гибли книги. В середине 80-х годов «Воспоминания» А. Цветаевой стали сенсацией. С. Айдинян анализирует известные и малоизвестные тексты А. Цветаевой. Историю создания многих произведений, реальную подоплеку сокрытых в них смыслов поведала ему сама А. Цветаева. «И в один из наших вечеров, листая книгу, созданную в годы Первой мировой войны, раскрывала тайны литер, снимала покровы с героев, которые к тому времени все уже были в ином мире». А. Цветаева считала, что реальность богаче вымысла, и своими произведениями подтверждала столь парадоксальное мнение: в ее текстах отражалась реальная жизнь. В 1919 году она стала верующим человеком. И это, как полагает автор, помогло ей вынести испытания тюрьмой, лагерями, ссылкой, гибелью любимых. Особая страница — смерть М. Цветаевой, расследованием которой занималась ее сестра. Реставрируя события, мотивы, настроения Марины и ее сына, А. Цветаева никого не обвиняла. И не рассматривала версию, будто М. Цветаеву уничтожили сотрудники НКВД. А. Цветаева в своих беседах касалась очень личного, сокровенного. Истории своей любви, прошедшей через всю жизнь, любви, в которой больше было разлук, чем свиданий; истории замужества; самоубийства близкого друга юности в 1913 году, в эпоху повальных самоубийств... Обо всем этом автор пишет очень тактично и деликатно, сознавая, что один из глубинных лейтмотивов последней Цветаевой — попытка воскресить к жизни преданных забвению, дать возможность им прожить еще миг. А. Цветаева выступает в этой книге как связующее звено между Серебряным веком, его поэтами, творцами и нами.

Брендан Симмс. Европа. Борьба за господство. Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2017. — 736 с.

В книге английского историка Берндана Симмса каскад событий, стран, имен, дат. Конфликты внутренние и внешние, кризисы, геополитические потрясения, не единожды перекраивающие карту Европы. Неудивительно: история Европы как борьба за господство в ней и поиск европейского баланса сил представлена с 1450-го по 2011 год. Геополитическая колода перетасовывалась неоднократно: возвышались одни страны, выбывали из числа главных игроков другие, появлялись новые динамичные элементы. Геополитические «узоры» сплетались из амбиций: французских, испанских, австрийских, прусских, британских, российских, американских. Интересы сталкивались, альянсы заключались и разваливались, проводилась политика сдерживания и изоляции Франции, Британии, Германии. (Мы — не первые, не последние, на кого нацелен этот вид борьбы.) В XVIII веке неостановимый «русский марш» сделал Россию равноправным, а часто и главным игроком на международной арене. С тех пор рост ее влияния расстраивал ее соседей. Б. Симмс пишет сжато и лаконично, сводя многоцветную историю стран к единой картине, распространяя борьбу за Европу на другие континенты. Один из основных тезисов: приоритет внешней политики над вну-

тренней. Именно давление международных событий, необходимость укреплять могущество государства стимулировали внутренние реформы. Даже устойчивость лидеров зависит от успехов внешней политики. По мысли автора, из-за неудач внешней политики пал Людовик XVI; русскую революцию 1905—1907 годов вызвал протест против нежелания царя энергичнее воевать с Германией; за неудачи во внешней политике сняли Хрущева. В 1990-е годы приоритет внешней политики Европой и США утрачен, сохранился он только в России. Другой основной тезис автора: центром европейского равновесия сил и пересечения стратегических интересов великих держав на протяжении веков оставалась Священная Римская империя, сегодня — это Германия, главная арена международного соперничества. Кто контролирует Центральную Европу, тот контролирует всю Европу и тем самым доминирует в мире, быстро поняли США, приложившие немало усилий к европейской интеграции, призванной послужить «двойному сдерживанию»: Германии и Советского Союза. Об истории рождения за океаном «самой демократической страны», нынешней «хозяйки» Европы, о зависимости Европы от США сказано немало. Много цитат из речей западных политиков, начиная с XIX века, где Россия характеризуется как оплот реакционности, наиболее грозная и могущественная сила, угроза свободам и правам человека. От либеральных клише, странных с точки зрения русского человека, не свободен и сам западный профессор. Так, по его мнению, только ужасы русской зимы заставили отступить Наполеона. Апофеоз: «к середине 1990-х годов „западническая“ риторика первой половины десятилетия (когда регионам советовали брать столько суверенитета, сколько они смогут „переварить“) сменилась восхвалениями неделимой „Великой России“». Неудивительно поэтому, что Ельцин одержал победу на выборах 1996 года». У нас иное мнение о причинах этой победы. Наверное, и не все страны согласятся с интерпретациями Симмса своей истории. Мотивы действий западных стран, как правило, благородны: «расширение Европы велось в целях самообороны»; ресурсы ресурсами, но и стремление установить повсюду «цивилизованные» нормы поведения, «гуманизация» — причина колонизаций и экспансий. Благородные цели вдохновили и на бомбежку Югославии. Автор прослеживает рождение идей, которые поныне окрыляют Запад. Так, еще в конце XVIII века американский просветитель Пейн заявлял, что Америка «сражается не только ради себя, но и ради всего мира и смотрит далее преимуществ, которые может получить сама». Со временем многие американцы поверили, что их свобода может сохраниться только при активном распространении по всему миру их правил жизни. Есть противоречия: с одной стороны, подчеркивается неоправданная озабоченность СССР, вплоть до паранойи у Сталина, сближениями главных европейских держав, с другой — подтверждается, что западные страны откровенно нацеливали Гитлера против СССР. Симмс сам указывает, что предложения президента Эйзенхауэра по разоружению являлись фактически пиар-акциями, рассчитанными на обман Советского Союза. Иногда автор честно пишет о вещах, о которых его коллеги предпочитают не вспоминать. Например, о цене обещаний западных лидеров: «Ни одно британское правительство не рискнет ни одним британским гренадером ради защиты Польши» (Чемберлен). Книга Б. Симмса — это взгляд западного историка на европейские события прошлого и настоящего, отличный от отечественной историографии. На момент написания книги (2013) Европа, по мысли автора, пребывала в кризисе, глубочайшем со времен Второй мировой войны: противоречия между европейскими государствами, между Европой и США, между США и Россией. Анализируя прошлое — тупики, в которые заходила европейская политика, неиспользованные возможности, просчеты политиков, — автор не пробует предсказать будущее, он задает вопросы о будущем Европы, на которые ответов у него нет.

Ольга Романова. Сон юности. Записки дочери Николая I. М.: Алгоритм, 2017. — 272 с.: ил.

«...Невозможно было представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным», — писал один из современников о второй дочери Николая I. Светлыми являются и записки великой княжны Ольги Николаевны (1822—1892) о своем детстве, о юности в семье, где все любили друг друга. Претендентов на ее руку было немало. Фрейлины недоумевали: «Как, в девятнадцать лет все еще не замужем?» Но император, сам счастливый в семейной жизни, разрешил любимой дочери следовать зову сердца, и лишь в 1846 году, пережив несколько любовных драм, она вышла замуж за принца Карла Вюртембергского. В 1864 году принц стал королем Вюртемберга, а Ольга — королевой. Воспоминания охватывают период с 1822-го по 1846 год. Самые первые впечатления связаны с похоронами Александра I: мрачная роскошь похорон поразила ее детское воображение. Еще одно детское впечатление — поездка в Москву в 1826 году на коронацию отца: девять дней по проселочным дорогам с брусьями с правой стороны, воткнутыми просто в песок. В памяти остался отблеск пышного коронационного торжества в Грановитой палате: «Вокруг нас — необычного вида женщины в восточных одеяниях: татарки, черкешенки, жительницы киргизских степей. Все это было ново и непривычно. Восток, его люди и обычаи — все это привлекало любопытство чужеземцев и создавало вокруг древнего города, с его золотыми куполами и причудливыми башенками, блестящий ореол». Живых картинок счастливой детской жизни много. С одной стороны — очень строгое воспитание, с другой — много свободы. Царские дети (у Николая I их было семеро) лазили по веревочным лестницам трапезий, прыгали через заборы, играли в прятки на сеновале. Забавы для детей придумывал и сам отец. Воспитателям он сказал: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных». Юность — это в первую очередь бесконечный поток развлечений: праздники, балы, маскарады, поездки по стране и за границу, главным образом в немецкие земли, к многочисленным родственникам, ибо российский и немецкие двory связывали тесные родственные связи. Супругой Николая I была прусская принцесса из королевского дома Гогенцоллернов. Немецкая родня постоянно приезжала и в Петербург. Были и обязанности: следуя примеру бабушки и матери, стоявших во главе всех отечественных женских институтов, сестры из собственных сбережений учредили общественный фонд для содержания начальных училищ для девочек. Позднее Ольга Николаевна инициировала и открытие школ для дочерей священников. Юность — это и зарождение чувств, грез, увлечения и разочарования как самой Ольги, так и ее старшего брата и сестер. Обо всем этом она пишет чистосердечно, но и деликатно. Любовно вспоминает она бытовые подробности жизни российского двора, детально описывает комнаты в Петергофе, Царском Селе, Аничковом дворце, в Кремлевском дворце. Редкая возможность — увидеть частную жизнь царствующих особ. Выразительны портреты и характеристики близких: отца, матери, сестер и братьев; теток, кузенов, кузин — принцев и принцесс, князей, герцогов и эрцгерцогов; окружения — придворных, фрейлин, воспитательниц и педагогов. В счастливый детский мирок проникало только слабое эхо событий. Но проникало: отголоски войн и революций в Европе, вести с театра российских военных действий, эхо холерных бунтов, подготовка к освобождению крестьян, — таков фон семейной жизни. Ольга пишет и о том, как тяжело переживал гибель Пушкина Николай I и вся царская семья. «Папа видел

в Пушкине олицетворение славы и величия России». В жизни Ольги были счастье и драмы. Самой тяжелой утратой стала смерть любимой сестры. Александра, Адини, умерла от скоротечной чахотки в девятнадцать лет, недолго прожил и ее новорожденный сын, хоронили ее вместе. У книги замечательная тональность: неспешность повествования, открытость, бережное и внимательное отношение к чувствам близких, их судьбам, к жизни своей души. Наверное, время было другое: «телеграф и железная дорога не перекрещивались с жизнью; почта из-за границы приходила только по средам и субботам, мы были ограждены от неожиданностей, которые в наше время, начиная с 60-х годов, так изнашивают нервы и характер». Ее завет внучатым племянницам: «Как хорошие, так и плохие дни нашей жизни формируют наш характер. Не стать озлобленным, чтить тех, которых мы не можем любить, на зло отвечать добром и сохранить в себе чувство независимости, спокойствия и благосклонности — это было то, что я всегда старалась исполнить». Над воспоминаниями королева Вюртемберга, русская великая княжна Ольга работала с 1881-го по 1883 год, наверное, ей хотелось пережить счастливые дни и часы своего детства и юности заново. Это — первое русское издание воспоминаний. Французский оригинал находится во владении принца Альбрехта Шаумбург-Липпе. Русский перевод сделан баронессой М. Бурхардовой Беннинггаузен-Будберг.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 6

ОБИТЕЛЬ ПРЕПОДОБНОГО ХАРИТОНА ИСПОВЕДНИКА

Житие преп. Харитона

Преподобный Харитон был родом из Иконии (Малая Азия). В своем родном городе он пострадал во время гонений на христиан при императоре Аврелиане (270—275). (Римский император Аврелиан организовал девятую, предпоследнюю кампанию гонений на христиан в Римской империи в 274 году.) Когда начались гонения на христиан, св. Харитона схватили одним из первых, так как он был известен своей особой преданностью Господу. Правитель требовал от св. Харитона публично отказаться от своей веры и признать власть языческих богов. В «Житии св. Харитона Исповедника» говорится о тех мучениях, которым был подвергнут святой.: «Святого же так били по всему телу, что видны были и внутренности его; ибо мясо отпадало от костей, кровь лилась рекой, и все тело стало сплошной язвой».

Но это не сломило Харитона. Его бросили в темницу едва живого, но по промыслу Божьему смертельные раны затянулись, а вскоре его мучитель Аврелиан был убит. Его настигла кара за пролитие христианской крови. Следующий император, Тацит, боялся повторить судьбу своего предшественника и решил прекратить преследование христиан. Многие из них были выпущены на свободу и возвращены из изгнания. Вышел на волю и Харитон. Он очень скорбел, что не сподобился мученического венца и решил предать себя добровольному мученичеству, отречению от мира и от всего, что в мире. Однако, прежде чем удалиться в пустыню, он отправился в Иерусалим поклониться Гробу Господню.

О том, что произошло далее, пишет отечественный писатель-паломник А. Н. Муравьев (1830 г.): «Преп. Харитон посетил в преклонных летах Палестину и, странствуя по ее пустыням, схвачен был разбойниками около берегов Мертвого моря. Заключенный ими в дикий вертеп, он ожидал гибели; но дивное наказание постигло губителей. Гнездившийся в пещере змей, тайно утолив жажду свою из наполненного вином их сосуда, отравил напиток, и все они вкусили смерть. Тронутый чудным избавлением,

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

старец решил в том самом диком приюте посвятить себя Богу и тем положил основание первой и знаменитейшей лавре в Палестине, лавре Фарранской»¹.

Предав погребению разбойников, преп. Харитон нашел в пещере множество золота, награбленного разбойниками. Большую часть этого золота он раздал нищим и бедным церквам, а на остаток построил на том месте обитель. Разбойничью пещеру он расширил, обратил в церковь и соединил ее с несколькими соседними². «Вскоре молва о святой его жизни привлекла к нему бесчисленных учеников, которые все стремились к нему в ущелья искать в них приюта от последних гонений на христианство, доверяясь молитве старца более, нежели стенам и замкам»³, — пишет А. Н. Муравьев. К нему стали стекаться жаждущие духовного окормления люди, ибо Харитон «имел в устах слово, солью премудрости приправленное». Преподобный Харитон завел в своей обители строжайший устав. Богослужение начиналось в полночь и продолжалось часто до полудня. Пищу братия вкушала единожды в день до заката солнца. В обычные дни пищу составляли только хлеб и вода, и лишь в праздники поставлялись вареные овощи⁴. Фаранская лавра стала первой монашеской обителью в Иудейской пустыне.

Слава о преподобном Харитоне росла с каждым днем, тем более что по молитвам его совершалось множество исцелений. Среди приходивших в лавру было немало важных сановников, ищущих мудрых советов, а св. Харитон желал лишь пребывать в безмолвии и уединении для непрестанной молитвы. Поэтому наладив жизнь обители, старец составил для нее устав и затем, поставив во главе лавры одного из подвижников ее, сам удалился в Иерихонскую пустыню, ища уединения для своего служения Богу⁵. Уходя из Фаранской лавры, преподобный Харитон оставил своим ученикам правила — своего рода устав — относительно пищи, псалмопения и других сторон жизни, из каковых правил известны: совет инокам есть только раз в день вечером — хлеб, соль и воду, требование неотлучного пребывания в монастыре и гостеприимства.

Предание ставит Харитона Исповедника в числе родоначальников Иерусалимского устава. Древнейшие из сохранившихся списков этого устава (XIII в.) увещевают игумена «непреложно и неизменно соблюдать церковное последование, чин и устройство, как предано нам и узаконено бывшими до нас святыми отцами во святых их монастырях и лаврах, то есть Евфимием Великим, Саввой Освященным, Феодосием Киновиархом, Герасимом Иорданским, Харитоном Исповедником и Кириаком отшельником». О том же говорит и святой Симеон Солунский: «Святой отец наш Савва начертал этот устав, приняв его от святых Евфимия и Феоктиста, а они приняли его от бывших прежде них и от исповедника Харитона». Высоко оценивая вклад преподобного Харитона в формирование Иерусалимского устава и развитие палестинского монашества, Типикон предусматривает совершение ему полиелейной службы, что редко встречается у святых Древней церкви.

По прошествии времени убежище св. Харитона было явлено миру, так как пришло для него время вновь послужить людям. Ученики нашли своего учителя, и вокруг св. Харитона опять стали собираться братья по вере. Они умолили старца, чтобы он позволил им спастись около него. Возникла новая обитель Иерихонская с тем же уставом, что и Фаранская. Как только все устроилось и наладилось, св. Харитон вновь почувствовал тягу к уединению для молитвенных трудов. И попрощавшись с братией и взяв свой посох, вновь ушел в пустыню. Вскоре прошел слух, что где-то за Вифлеемом св. Харитон обустроивает новую обитель — Суккийскую, или Старую, лавру.

¹ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 143.

² Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 147.

³ Муравьев А. Н. Указ. соч., С. 143—144.

⁴ Серафим, епископ. Указ. соч. С. 148.

⁵ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 239.

Несмотря на преклонный возраст, св. Харитон избрал для себя на этот раз самый трудный молитвенный подвиг — столпничество. Весьма вероятно, что жилищем ему служила деревянная башня, которую пастухи используют для наблюдения за стадами. Вокруг были неприступные скалы, и воды поблизости не было, но по молитве святого из сухих камней забил источник. Теперь с высоты он как бы надзирал над всеми тремя основанными им обителями. Годы щадили св. Харитона, но в возрасте за 90 лет он почувствовал приближение смерти. Перед кончиной иноки трех обителей просили авву указать, в которой из них он желает быть погребенным, чтобы потом не было раздора между монашествующими. Преподобный Харитон избрал первую свою Фаранскую лавру, куда и собрались к его кончине иноки всех трех основанных им обителей. «Суккум, в окрестностях Мертвого моря, был его третьим приютом, только на краткое время безлюдным; ученики его стояли уже на страже около одинокой и неприступной его келии, иссеченной на вершине горы, — пишет А. Н. Муравьев. — Но когда в маститой старости почувствовал он близкую кончину, признательное его сердце не захотело себе другой могилы, кроме того места, где так чудно сохранило его провидение, благоволившее дать ему время усовершенствовать себя на земле. Едва дышащий, он был отведен учениками в первую обитель Фаранскую и там, успокоив ветхие свои члены в пещере, отошел на небо. С тех пор лавра Фаранская, освященная его прахом, сделалась матерью всех прочих обителей Палестины и рассадником иноческой жизни»⁶.

Преп. Харитон скончался около 350 года и был погребен в церкви, построенной на месте пещеры разбойников; мощей его в монастыре не сохранилось. Видимо, подвижник прозревал судьбу своих обителей. Лавра Иерихонская и Суккская прекратили через некоторое время свое существование, и от них даже развалин теперь не осталось⁷. Современник Антония Великого, преп. Харитон считается одним из основоположников православного монашества. Его память в Православной церкви совершается 28 сентября (11 октября), в Католической церкви — 28 сентября.

С Фаранской лаврой связано имя палестинского подвижника Евфимия Великого (377—477). В житии преп. Евфимия сказано, что он, поклонившись святым местам в Иерусалиме, пришел оттуда в лавру Фаран, «на шесть миль от города Иерусалима отстоящую». В другом месте того же жития читаем: «...лежит к востоку одно селение, отстоящее от лавры Фаран на 10 стадий и называющееся также Фараном. Думаю, прибавляет к сему Кирилл, писатель жития, что не оно получило наименование от лавры, но само дало ей»⁸.

Византийский писатель конца VI — начала VII века Иоанн Мосх подвизался в Иерусалиме и Иорданской пустыне, много путешествовал по разным монастырям и составил сборник повестей о благочестивых подвижниках под названием «Луг духовный». В «Духовном луге» Иоанн Мосх повествует, что в его время в лавре Фаранской жил некто авва Авксанон, которого, когда он заболел смертельно, перенесли в Иерусалим в патриаршую больницу. Когда же он скончался, то его перенесли в ту же Фаранскую лавру и там похоронили (гл. 41). В 44-й главе той же книги упоминается о затворнике, жившем на Елеонской горе, который, находясь в недоумении от случившегося с ним искушения, объявил о сем «на следующий день» авве Феодору, жившему в лавре Фаран⁹.

Иоанн Мосх вспоминает о современных ему старцах-подвижниках Фаранской лавры. По его свидетельству, игумен лавры Григорий в 569 году был возведен по воле

⁶ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 144.

⁷ Серафим, епископ. Указ. соч. С. 148.

⁸ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 402.

⁹ Там же. С. 403.

императора Юстиниана II на престол патриаршества Антиохийского (гл. 138). Той же лавры старца авву Косму-евнуха он изображает истинным монахом, православным, ревностным и весьма сведущим в Божественном Писании (гл. 39); авву Павла — мужем святым, прилежным в служении Богу, послушливым, постником, довольствовавшимся одной просфорой и стяжавшим такое умиление, что ежедневно проливал слезы, ни с кем не беседуя. Он вел такую жизнь 50 лет. Авву Авксанана называет мужем милосердным, безмолвным и постником, который вел такую строгую жизнь, что в четыре дня съедал лишь одну небольшую просфору, а иногда довольствовался ею и целую неделю. Упоминает также об авве Феодоре и авве Феофане как о мужах высокой духовной жизни, к которым ходили для исповедания своих помыслов и для духовных советов из других монастырей¹⁰.

Путь к обители преп. Харитона

«Лавра святого Харитона, отстоит от Иерусалима поприщ 8»¹¹, — сообщалось в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения Каллуда (1670-е гг.). В 10 километрах к северо-востоку от Иерусалима начинается Фаранское ущелье, «впадающее» затем в ущелье Вади Кельт. Айн-Фара — означает в переводе «Мышиный источник». Трудно представить, как может соотноситься подобное название с мощным когда-то потоком Фара, проломившим себе путь в глубоком ущелье среди гигантских обломков скал. Теперь ложе потока совершенно высохло, так как вся вода отводится по трубам в Иерусалим¹². По пути из Иерусалима встречается селение Аната — древний Анафоф, родина пророка Иеремии¹³. Постепенно плодородная бурая почва сменяется каменистыми холмами, вдали синее Мертвое море и громоздятся голые скалы Иорданской пустыни.

В 1850 году к лавре преп. Харитона отправилась группа русских паломников, в числе которых был архимандрит Софония (Сокольский). В своей книге «Из дневника по службе на Востоке и Западе» (СПб., 1874) он описывает путь к древней обители, насыщая свое повествование бытовыми подробностями.

- Здесь где-то должна быть известная в древности пустыня: одни называют ее Фаран, а другие Фаре. Не знаешь ли ты ее? — спросил я одного из проводников.
- Знаю, отвечал он; она от нас не очень далеко. А на что она вам?
- Там была первая иноческий обитель, основанная преподобным Харитоном еще в третьем веке по Р. Х., и, следственно, более чем за XV веков до нашего времени.
- Знаю и это. Я там был.
- По какому случаю и когда?
- Прошедший год меня посылал туда, для отыскания следов этой обители, ваш земляк: забыл его по фамилии; такой высокий-высокий; он долго жил у нас в Патриархии, и все его знают.
- О, знаю, — сказал я, — А. Н. М-в?
- Так, так, он самый.

¹⁰ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 413.

¹¹ Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 59.

¹² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 285.

¹³ В Анате был небольшой русский участок, принадлежавший Русской миссии; на нем интересны развалины древней церкви, вероятно, во имя пророка Иеремии.

— Так что же? Ты ездил туда и отыскал?

— В первый раз ездил более суток и не отыскал, а во второй — нашел.

— Итак, ты два раза был в этой пустыне. Откуда и по какой дороге туда надобно ехать?

— Да, пожалуй, можно и отселе; но прямой путь туда лежит от источника солнечного и идет по направлению к Фекоистским высотам. Но зачем вы спрашиваете? Не хотите ли туда съездить?

— Если бы можно без больших трудов и опасностей, то я бы очень не прочь от этого.

— Опасностей нет, но трудностей избежать нельзя, и по самому свойству этого пути и по времени дня и года. Поедьте, если хотите. Отселе не более двух часов, а может быть и менее, если ускорить езду.

Я колебался. Наконец, как бы воспрянув от утомления внутренней борьбой, я перекрестился и сказал: иду, господа¹⁴, — и тотчас же (было уже около 11 часов) отправился с путеводителем, в сопровождении неразлучного каваса Агупа, одного шейха и двух бедуинов, хорошо вооруженных.

Немало времени блудили мы в горах и дебрях по разным направлениям, то приостанавливаясь и посылая одного и двух, в виде соглядатаев, для удостоверения в безопасности пути, то ускоряя обыкновенный ход крепких арабских бегунов. Палящее полуденное солнце не раз заставляло меня озираться вспять, как жену Лотову, и спрашивать путеводителя: далеко ли еще?

— Недалеко, отвечал он каждый раз, и снова устремлялся то на каменистое темя горы, то в извилистую балку. Когда мы были в езде, жар, умеряемый движением воздуха, казался сноснее, но, когда приостанавливались, он был невыносим. Это был в собственном смысле зной, полуденный и палестинский, — зной сухой и палящий, — зной обдававший, по временам, как бы из жарко натопленной русской бани.

Было уже за половину первого, когда мы обогнули одну из гор, бывших на пути.

— Ну, слава Богу! сказал проводник, оборотившись ко мне и вздохнув широким вздохом; теперь у меня душа на месте.

— Что же такое? — спросил я.

— Теперь поездка наша не даром. Признаюсь, я начинал уже тревожиться. Потрудитесь взглянуть, сколько времени, как мы выехали от развалин хана?

— Около двух часов, сказал я, посмотрев на часы.

— Вот видите; времени уже немало, как мы странствуем по таким диким и безжизненным высотам и дебрям; между тем, доселе не видно было ни одного из признаков того места, куда едем.

— А теперь как?

— Теперь? А вот смотрите сюда. Видите эти две горы с белесоватыми вершинами; их разделяет та лощина, где стояла обитель.

— Так это уже недалеко?

— Если хотите, то недалеко, а то будет и далеко.

— Как так?

— Если хотите быть на самом месте, где подвизались отшельники, то надобно теперь взять вправо и сделать порядочный объезд постепенно углубляющимся оврагом; это будет не близко. Если же не хотите видеть подробно и лицом к лицу все то, что составляло обитель, а будете довольствоваться осмотром одной лишь местности, где жили подвижники, то это действительно недалеко.

— Пожалуйста, поскорее, сказал я. Зной меня душит. Притом же я не имею притязания ни на археолога, ни на топографа. Я просто поклонник святых мест, и надеюсь, что останки святой обители одинаковое произведут во мне впечатление, посмотрю ли я на них издали, или вблизи.

¹⁴ Спутники мои большей частью были офицеры русского брига, на котором я ехал из Константинополя до Яффы и обратно (примеч. о. Софонии).

— Тем лучше, сказал мой Прокопий, и через пять-шесть минут мы стояли уже на вершине обрывистого холма, с которого видна была довольно просторная, и более длинная с избытком, чем широкая лощина.

— Вот место, сказал он, остановившись, где полагают обитель преподобного Харитона¹⁵.

В 1859 году путь к лавре преп. Харитония проделал архимандрит Леонид (Кавелин), начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1864—1865). Ему принадлежит наиболее полное описание пути к древней обители, озаглавленное «Поездка к развалинам Фаранской лавры преподобного Харитония».

По выезде из Анаты (которой мы достигли через 1½ часа езды из Иерусалима), открылась перед нами возвышенная равнина; справа виднелись вертепы скал и через них взор достигал котловины Мертвого моря. Дорога наша, уклоняясь к востоку, шла около ¾ часа среди прекрасно обработанных полей, принадлежавших феллахам Анаты; влево, вдали, на скате противлежащих гор виднелась небольшая деревня Гизма. А через час езды по весьма удобной дороге, начался постепенный спуск по окраине небольшой лощины (*уади*) к потоку Фара. Через 1 часа езды надобно было сойти с лошаков, потому что тропа совершенно терялась между плитами дикого цвета, которыми как бы искусственно была устлана вся поверхность спуска; из расселен местами пробивался зеленый мох, и между ними-то извивалась едва заметная стезя. Спустившись пешком на дно ущелья, мы увидели поток Фаран, тихо струившийся между огромными камнями, в рамке разнообразной зелени травы, тростника и благоухающих кустарников дикой мяты (лигурии); местами виднелись и дикорастущие фиговые деревья. В том месте, где мы спустились к потоку, он, вытекая из ущелья с западной стороны, почти под прямым углом поворачивает на северо-восток, и, следуя этому направлению до слияния с Уади-Тувар, склоняется к востоку.

Оставив здесь лошаков и служителей, с приказанием следовать с одним из проводящих к верховью потока и расположившись там ожидать нас, мы в сопровождении каваса и двух анатотцев, пошли вдоль потока по правому его берегу, вниз по течению, желая осмотреть развалины, которые по моему соображению должны принадлежать селению Фаре или Фаран, давшему свое название знаменитой лавре. Довольно удобная стезяка виляла по гладким береговым камням, стеснявшим течение потока, который, местами расширяясь, образовал довольно глубокие водоемы, или встречая непреодолимые препятствия, робко пробирался между каменными расщелинами, а иногда на некоторое время и вовсе терялся под землей. Выше нашей стези на скате береговой осыпи виднелись следы древних водопроводов и водохранилищ, местами обнажались устья прокладенных в земле каменных труб. Пройдя с четверть часа, мы перешли на противоположную сторону потока, в том месте, где впадало в него устье небольшого сухого потока. На мысу, образуемом этим соединением двух потоков, находится довольно просторный круглый холм, на котором видны развалины значительного поселения и между грудями камней основание древней стены, сложенной из больших тесаных камней. Судя по расстоянию этих развалин от найденных нами позже следов лавры Фаранской, место это можно утвердительно признать за развалины селения *Фаре* или *Фаран*, давшего, по замечанию писателя жития Евфимиева, свое имя лавре и находившегося от нее в расстоянии 10 стадий (менее версты).

Осмотрев эти развалины, утомленные ездой и усилившимся жаром (было уже более 9 часов), мы поспешили вернуться в свой стан, к верховью потока. Едва мы вступили в боковое ущелье, в котором скрывается верховье потока, как я был по-

¹⁵ Софония, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из дневника по службе на Востоке и Западе. СПб., 1874. С. 146—150.

ражен суровым величием высших по обеим сторонам его скал, в которых повсюду виднелись устья недосыгаемых пещер, то природных, то, очевидно, искусственно иссеченных в скалах, с правильными отверстиями, служившими вместо дверей и окон. Чем далее подвигались мы вглубь ущелья, тем скалы становились выше и число пещер увеличивалось. Внизу у потока тоже встречались на каждом шагу признаки человеческой деятельности. Так, сперва пересекла нам дорогу арка водопровода, перекинутая с одного берега на другой, в виде моста, между двумя массивными камнями, правильно обделанными; недоставало лишь креста над аркой, чтобы вполне напомнить подобные же ворота, заграждавшие и открывавшие путь в ущелье перед монастырем преп. Антония Великого (в Египте), изображение которых хорошо сохранилось в моей памяти, и потому, увидав эту арку, я не мог скрыть радостного чувства, при мысли, что мы вступаем этой аркой в священную область Фаранской лавры. Через несколько сажень наше внимание привлекли следы древней мельницы, цилиндрически иссеченной в береговой скале. Обойдя ее, мы достигли наконец, не без труда, своего стана, расположившегося на площадке, составляющей дно древнего водохранилища, под сенью развесистого фигового дерева <...>

В том самом месте, на котором мы расположились для отдыха, с правой (южной) стороны потока на полого спускавшейся к его берегу земляной осыпи, покрытой грудой камней, высились отвесно обсеченные скалы в несколько десятков сажень вышины, темно-желтоватого цвета, и в них ясно обозначались семь правильно иссеченных (в один ряд) отверстий, очевидно служивших окнами и дверью большой пещеры. Недалеко от этой пещеры, вниз по течению потока на той же стороне, зияло устье другой большой пещеры, а над ней в скале видно было несколько окон — признаки внутренних пещер. Противоположная (северная) сторона потока представляла почти такой же вид: отвесно обсеченные и как бы выровненные и выполированные с лицевой стороны скалы были изрыты пещерами там и сям, на разной высоте, иссеченными в камнях; у некоторых пещер еще заметны были следы искусственных передовых стенок, напоминавших лучше других сохранившуюся пещеру, в Плачевной юдоли, преп. Иоанна Молчальника. Словом, все вокруг нас ясно говорило не только сердцу, но и глазам, что Бог благословил полным успехом наше желание, и мы находимся на самом месте знаменитой лавры Фаранской великого Харитония, основанной для всех палестинских обитателей. Спросив одного из проводящих, что означают виденные нами высоко в скале семь отверстий, я получил в ответ, что там «большая пещера». Более мне ничего не было нужно; я не сомневался, что это та самая пещера, в которой в память сего чудесного избавления от смерти преп. Харитон устроил церковь, послужившую началом сей лавры¹⁶.

Отечественный палестиновед В. Н. Хитрово так описывает дорогу из Иерусалима до Фаранской обители: «Мимо полуночной городской стены прошли мы у восточного ее угла, оставив вправо Гефсиманию, гору Елеонскую и Галилею, повернули налево и стали спускаться к потоку Кедрскому, который в этом месте неглубок, так как начинается невдалека отсюда на западе. Перейдя его, стали вновь подниматься на гору. С вершины ее виден весь город; вид прекрасный. Далее пошли уже по возвышенности и через час дошли до селения Аната, древний Анатот, место рождения пророка Иеремии. Отсюда на восток видна часть Мертвого моря. От Анаты спустились в долину, опять поднялись на гору и с нее вновь спустились в долину, где бежит источник. Называется же эта долина Фара. Повернули направо по берегу источника и не более как в час достигли развалин Фаранской обители»¹⁷.

Вот еще одно описание пути к древней обители (1863 г.): «К Харитоньевским пещерам ведет сначала долина Ортас (Уади-Ортас). Сады исчезают, ключей нигде нет.

¹⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 405—408.

¹⁷ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 145.

Кругом дикие скалы. Через час пересекаете дорогу от Вифлеема в Текую, а потом идете направо ущельем. Является поперечный хребет гор, перевалаясь за который спускаются к месту, которое арабы зовут *Хоритун*, что значит „Харитон“ — имя данное, по всем вероятностям, св. Харитонием, который здесь схимился и основал монастырь. Вы подъезжаете прежде всего к огромной цистерне: четырехугольному зданию, с террасой, куда взбираются совсем с лошадьми. Тут — маленький отдых. Лошадей препоручают бедуинам, и отправляются пешком на гору вправо. В одном ее пункте, над обрывом скал, выступает довольно обширная площадка, образовавшаяся первоначально сама собою от природы, но после распространенная человеком. Посредине ее есть какая-то высечка, служившая, вероятно, сбором воды, которая каплет сквозь утесы.

С площадки подымаются снова кверху, зигзагом, перелезают через огромные камни, не слишком комфортабельно (для дам это путешествие невозможно) — и подходят к отверстию в скалах, в роде правильной двери. Это-то и есть *Харитоньевские пещеры*¹⁸.

Со временем упоминание о монастыре преп. Харитона появилось в «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908): «На юг от Вифлеема обращает внимание путников еще „Иродион“ или по-арабски „маленький рай“ Фурейдис, — это гора, имеющая вид усеченного конуса. Вершина горы, составляющая площадь в 750 футов, окружена развалинами крепости с четырьмя в разных местах круглыми башнями. В башне, что на востоке, есть цистерна. По преданию, это место, где Ирод Великий построил крепость и город Иродион, который был настолько значителен, что впоследствии одна из десяти областей иудейских стала называться Иродион»¹⁹.

Арсений (Изотов), епископ Сухумский, добавляет: «Здесь впоследствии крестоносцы построили укрепление, гарнизон которого долго держался даже после завоевания Иерусалима сарацинами. Когда же нельзя было оставаться более, то христианские воины все переселились отселе в Ливанские горы, где и остались на жительство; их потомство известно под названием маронитов, придерживающихся Римской Церкви. В 1860 году большая часть этих сирийских католиков возвратилась в лоно Православной Церкви»²⁰.

«На юго-восток от Иродиона тянется долина, постепенно суживающаяся в глубину и образующая глубокое ущелье, по обеим сторонам коего нависли обрывистые скалы. Ущелье это у туземцев зовется „долина Харитонова“ Вади эль-Харитун. На южной стороне ущелья видны значительные развалины четырехугольной башни, видимой с высоты Иродиона. В правом, обрывистом боку ущелья пещера, вход в которую крайне неудобный и труднопроходимый. Греки и арабы называют эту пещеру „пещерой аввы Харитона“, а европейские путешественники прозвали ее „лабиринтная“ по множеству узких проходов, переходов и склепов»²¹.

«...Дорога к Айн-Фаре и сейчас, как во времена о. Леонида (Кавелина), ведет через гору Скопус и далее проселком мимо трех водокачек, подающих фаранскую воду в Иерусалим. Дорога кончается у последней водокачки вскоре за селением Аната, дальше надо идти пешком по горной тропинке в открывающееся ущелье. Тропинка подводит к отвесной стене, высотой в 50 метров, у подножья которой огорожено невысокими стенами Русское место. За стенами сад, посаженный по уступам, образовавшимся на древних развалинах. Сразу у входа видны руины древней византийской церкви, с характерными обломками колонн. Вправо, к обрыву, подземная гробница —

¹⁸ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 191.

¹⁹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 176.

²⁰ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святыя места Палестины. СПб., 1896. С. 167.

²¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 177.

место погребения преп. Харитона. Внутри, над надгробием, горит перед иконой неугасимая лампада»²².

Упадок обители и ее возрождение

Когда православные монастыри Палестины запустели — в результате персидских, арабских и сельджукских нашествий, — та же участь постигла и Фаранскую лавру. В XIX веке здесь не было ничего, кроме пустых глазниц прежних келий-пещер и осыпавшихся развалин.

В 1850 году перед русскими паломниками, в числе которых был архимандрит Софония (Сокольский), здесь предстала такая картина.

Пункт, на котором мы стояли, не представлял никакой возможности подробно всмотреться в следы бывшего тут некогда жилища, тем паче, точнее определить его характер. Все, что представилось мне с первого раза, это была в собственном смысле дикая безжизненная, глухая и необитаемая дебрь, с несколькими логовищами для шакалов и гиен. Но, присматриваясь далее, я увидел, что лощина была как бы окаймлена с двух противоположных сторон полуотвесными, каменистыми стенами, по коим, в разных местах и на разной высоте, видны были разнообразные отверстия, служащие устьем пещер. С правой стороны выказывалась, более чем до половины, пещера под нависшей скалой с обширным входом.

— Не это ли была, спросил я, та пещера, в которой первоначально жили разбойники, и которая потом обращена была святым исповедником в церковь?

— Эта самая. Жалко, что отселе не видно другой ее половины. Там довольно видны следы устройства церковного.

— Значит, тут сокрыты были и св. мощи преподобного основателя обители?

— Тут; но говорят, что они перенесены были потом в другую обитель, которая называлась древней лаврой.

— Это все равно. Дело в том, что здесь он начал, здесь и окончил подвижнический труд свой. Но кроме этой пещеры, служившей церковью, должна быть тут другая, которую один из наших богомольцев, посещавший Палестину еще в XII столетии, называет усыпальницей. В его время, там покоилось, по его словам, более пятисот угодников Божиих, и в числе их почивал нетленно преподобный Кириак исповедник и другие²³.

— Без всякого сомнения, усыпальница, была, и думать должно, что она находилась выше, по направлению оврага, где на возвышении и по сие время есть пещера довольно большая и непохожая на обыкновенные жилища. Только теперь едва ли там есть что-нибудь. Я сам в ней не был, но слышал от многих, что в ней давно уже нет ничего.

— Не дивно. Семь веков, не семь дней. В продолжении столького времени много могло произойти разных изменений не в пещере лишь одной, но и во всей дебри.

Вслед за тем, я отступил немного далее и стал про себя молиться, углубляясь в смысл и значение тропаря угоднику: «Слез твоих теченьми пустыни бесплодное возделал еси»²⁴.

В 1857 году лавру Св. Харитона посетил русский паломник Виктор Каминский. Его описание этой обители — одно из первых в отечественном палестиноведении и по-

²² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 287.

²³ «В той же усыпальнице лежат святые отцы в теле, яко живи, ту бо их лежит более 500; тут лежит св. Кириак исповедник» (Путешествие игумена Даниила, 1106 г.).

²⁴ Софония, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из дневника по службе на Востоке и Западе. СПб., 1874. С. 150–151.

этому представляет особый интерес. «Пройдя от Вифлеема два часа пути то между горами, то по долинам, вблизи шатров тамаритов, я дошел до пределов лавры св. Харитония, — пишет Виктор Каминский. — Перед ней, как и перед обителью Саввы Оsvященного, в пустынных дебрях, идущих на восток и север, рассеяны дикие жилища бывших подвижников. Три пункта, как три угла тупоугольного треугольника, составляют главные части бывшей знаменитой лавры. В тупом углу в начале, дождевой колодезь, в самых больших размерах; влево от него, над оврагом, большие остатки храма и келий; а вправо — тропинка, порой довольно трудная, по скату крутого берега, доводит до другого жилища отшельников. Это самая сложная пещера в каменной горе кварцевой породы. Здесь искусственного ничего нет; но природа показала такое искусство в создании подземного лабиринта, что приводит в изумление своей необыкновенной игрой.

Обходить этот лабиринт можно не иначе, как только посредством *ариадниной нити*, — длиной, по крайней мере, в тысячу сажен, или же при помощи бедуина, который знает это место несколько десятков лет. Идешь сначала узким природным коридором; приходишь в обширный высокий вертеп, где есть природные седалища, а в стенах — такие же ниши, идущие вглубь, и как будто служившие могилами. Далее видишь, в стороне, отдельную пещеру, созданную природой для кельи. От большого вертепа в разные стороны идут узкие пещеры; которую из них ни изберешь, придешь опять в большой подземный покой, который мог служить храмом; от этого покоя идут подземелья далее и ведут в другие храмины. Нигде не видно никаких искусственных предметов; стены выглажены временем, а пол как будто выметен людьми; воздух в пещерах довольно чистый»²⁵.

Архимандрит Леонид (Кавелин), обозревавший лавру преп. Харитона два года спустя (1859 г.), в своих записках приводит наиболее полное описание увиденного.

Не без труда взобрались мы к подножию отвесных скал по земляной осыпи, тянувшейся вверх от самого берега потока. Осыпь эта образовалась из развалин, пристроенных некогда на скале монастырских зданий, чему ясным доказательством служат как самые камни по ней разбросанные, так и куски найденной нами мозаики, не только простой, но и цветной, вероятно украшавшей церковный помост. Поднявшись наконец на самый верх осыпи, мы очутились на небольшой площадке: над нашими головами висел выдавшийся из скалы каменный навес; в восточном углу было проделано круглое цилиндрическое отверстие, в котором виднелось несколько скользких ступеней или уступов для подъема наверх. Для достижения этого отверстия было приложено к подошве скалы несколько больших камней; наш провожатый араб вскочил с них в отверстие с ловкостью и быстротой газели, но нам нельзя было попасть туда иначе, как доверяясь его ловкости и силе мускулов, потому что, и став на упомянутые камни, головы наши не достигали начала отверстия. Предприятие было очевидно не совсем безопасно, но быть так близко к цели и отказаться от ее достижения не хотелось. Кстати к нам подоспел еще один из провожатых. Скинув для облегчения себя обувь, мы с одним спутником решились, призвав на помощь преп. Харитона, во что бы то ни стало подняться в его пещеру. Цель эта была достигнута нами поодиночке следующим способом: взобравшись на каменные приступки и доверив обе руки арабу, утвердившемуся кое-как в цилиндрическом отверстии на его скользких зарубках, мы поднялись с приступок на плечи стоявшего внизу близ них другого араба, а оттуда спешили утвердиться коленами на первом уступе отверстия. В это самое время сидевший в нем араб, не выпуская наших рук, сам ловко поднимался к вершине отверстия и, утвердившись там, втаскивал нас за собой на верхнюю площадку, давая нам время опираться на уступы отверстия. Этим способом сперва взобрался наверх мой спутник и, осмотрев пещеру, стал было переда-

²⁵ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 518—519.

вать мне сверху о ее внутреннем расположении, но вместо того, чтобы отвратить меня этим рассказом от небезопасного подъема, только усилил мое любопытство и через несколько минут я благополучно поднялся наверх.

По выходе из отверстия, я очутился на площадке в полсажени ширины и несколько сажен длины. По внутренней окраине этой площадки у подошвы скалы шла каменная лестница о 6 или 7 ступенях, которая привела к двери, иссеченной в скале. Эта дверь ввела меня в пещеру, правильно обделанную в виде комнаты в 5 ½ шагов длины и 4 ширины, вышиной в обыкновенный человеческий рост, на стенах которой заметны следы штукатурки. Рядом с это комнатой с левой (восточной) стороны расположены еще два отделения (комнаты), а с правой (западной) одно. Все эти четыре отделения пещеры сообщаются между собой посредством дверей, правильно иссеченных в разделяющих их стенках. Второе отделение пещеры (на левой стороне от входа) длиной в 6, шириной, так же как и первое, в 4 шага. В юго-восточном углу этого отделения сделана ниша в роде жертвенника треугольной формы; основание треугольника примыкает к задней (южной) стене отделения; вершина касается стены, разделяющей два смежных отделения; а бока обращены в оба отделения пещеры, так что поверхность этого треугольного возвышения могла служить одной половиной своей престолом, а другой жертвенником бывшего здесь по всей вероятности придельного храма. Это второе отделение пещеры освещается одним окном на север (к потоку); другая дверь его ведет в третье отделение пещеры (крайнее на восток) длиной в 8, шириной в 5 шагов, два окна на севере; большая между ними перемычка выломана. Крайнее западное отделение — самое большое из четырех отделений пещеры, в длину 12, а в ширину 10 шагов, в высоту более несколько человеческого роста, освещается тремя окнами, также обращенными на поток. В восточной стене две ниши, из коих одна указывает на бывшее горнее место, а другая с правой стороны служила или жертвенником или для разведения огня; видны следы и штукатурки, а на западной стене в углу начертано изображение креста, вероятно, кем-либо из позднейших случайных посетителей. Стены и потолки всех 4-х пещерных отделений закопчены дымом, вероятно от укрывающихся здесь по временам пастухов.

Из всех отделений пещеры последнее, по своей обширности и другим признакам (две ниши на восточной стене), всего вероятнее могло служить церковью; в крайнем восточном отделе могла храниться ризница, а два средние если не составляли придельной церкви, то, будучи украшены фресками, служили для стояния лаврской братии во время церковных собраний. Наше предположение о том, что западное отделение этой пещеры служило церковью, подтверждается еще и тем, что у северной стены оно, в полу проделан спуск в усыпальницу, находящуюся как раз под этим отделением. Пропев в бывшей церкви тропарь преп. Харитону, мы захотели проникнуть в его усыпальницу. В усыпальнице видны несколько человеческих костей; над входом в нее растет куст благоуханной травы, почти совершенно покрывая и как бы оберегая собою вход. Это небольшая овального вида пещера, в 1 сажень ширины и в 1 ½ сажени глубины, обмазана глиной, очевидно, в позднейшее время; боковые ниши, служившие входом в отдельные погребальные пещеры, закладены. Здесь-то, по всей вероятности, покоится преп. Харитоний среди сонма духовных чад своих. Ибо, как видно из жития его, достигнув глубокой старости в пещере близ лавры Сукка, основанной им неподалеку от развалин Фекуи, и чувствуя приближение своей кончины, на вопрос братии: где он завещает погребсти себя по преставлении, смиренномудрый старец отвечал им: «дадите персть персти, где хотите. Господня бо земля и исполнение ея». Они же отвечали: «Нет, отче, ты устроил три обители (лавру Фаранскую, Иерихонскую и Суккскую) и собрал в них три стада; каждое желало бы иметь у себя твои мощи, а потому, чтобы не вышло между нами через это распри, ныне завещай, где положить твои мощи». Он же, исполняя их желание, завещал погребсти себя в первом своем монастыре в той пещере, где он был взят разбойниками и чудесно избавился от них благодатию Божеею, а, следственно, в пещерной церкви Фаранской лавры.

С благоговением облобызали мы вход в эту усыпальницу, послужившую местом упокоения стольким святым мужам и промыслительно ограждаемую через столько веков самой недоступностью места. Сорвав на память себе от куста благоухающей травы, мы еще раз пропели тропарь преп. Харитону: «Слез твоих теченьми пустыни неплодное возделал еси», и не без труда спустились обратно тем же способом на нижнюю площадку. Здесь мы осмотрели находящуюся на этой площадке цистерну (для стока в нее дождевой воды с вершины скал, искусно иссечена вдоль всего утеса небольшая ложбина, приметная лишь вблизи), а отсюда пошли вправо для осмотра другой большой пещеры, находившейся в отношении первой в нижнем ярусе береговой скалы. На пути к ней нам пришлось проходить под сенью большого навеса, образовавшегося выдавшимся из скал слоем гладких камней. Верхняя площадка этого природного навеса очевидно служила прежде выспренной стезею для отшельников бывшей лавры. Пещера, которой мы достигли, имела 10 шагов ширины и 20 длины, вышиной в два человеческих роста; стены не обделаны, а задняя (южная) стена состоит из громоздящихся один на другом камней и глыб, в расщелинах которых видны полуобрушившиеся ходы в верхний ярус пещер, существование которых снаружи обличает несколько малых оконцев, обращенных на поток. В противоположность верхней пещере, воздух которой легок и приятен, нижняя вся пропитана удушливыми миазмами и закопчена дымом, ибо служит приютом от летнего зноя и зимнего холода пасущимся здесь стадам. Вероятно, и во время существования лавры она служила для подобных же назначений, о чем можно заключить по ее огромности и стенам, оставшимся в своем природном виде. На северной стороне потока, в скалах немало также пещер, из которых одна привлекает особое внимание, напоминая своим внешним видом и положением пещеру преп. Иоанна Молчальника, в Плачевной юдоли. К ней ведет снизу крутая стезя, сперва по земляной осыпи, а потом по иссеченным в живой скале ступеням. Но до самого устья пещеры достигнуть без помощи лестницы нельзя, посеку мы и отложили это до одного из будущих посещений²⁶.

В «Путеводителе по Иерусалиму» (СПб., 1863) даются практические советы тем паломникам, которые отважатся проникнуть в труднодоступные харитоньевские пещеры: «Надо оставить лишнюю одежду и, взяв побольше народу со свечами, отдать кому-нибудь из оставшихся снаружи конец веревки, и идти, а потом, где случится, ползти по прихотливым галереям, устроенным природой. Куча народу, взятая вами, помогает спускаться в иные залы, где сход крайне затруднителен, а иногда, для европейца, и вовсе невозможен. Бедуины, в ином месте, распластываются по пещере живыми ступенями и передают вас из рук в руки, по воздуху. Неправильные комнаты, или залы, самой прихотливой формы, — весьма неравны между собой. Есть аршин в 30—40 длиной на 10 и 15 ширины. Цвет стен везде одинаков: желтый, песчаный. Карандаш пишет по ним, как по известке. Земля под ногами постоянно покрыта слоем пыли. Воздух несколько тяжел. Вполне эти пещеры еще не исследованы никем.

<...> Разумеется, можно брать с собой и не так много народу, двух-трех человек, и проникать в пещеры не так далеко. Это обойдется дешевле. Бедуины-тамариты, владеющие этими местами, народ довольно смирный. Иной раз, если вы им представитесь человеком богатым, они устроят для вас, на полпути к пещере, на том выступе, где каплет сверху вода, особую бедуинскую пляску, с саблей в руке; сыграют на рабáбе (инструмент в роде самой жалкой скрипки) и будут все время палить из ружей»²⁷.

Сменивший о. Леонида (Кавелина) следующий начальник Русской духовной миссии, архимандрит Антонин (Капустин) в 80-х годах XIX столетия пытался купить это

²⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 408—412.

²⁷ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 191—193.

место. В октябре 1871 года он совершил литургию в древней пещере на переносном антиминоссе, о чем долгое время сохранялась надпись на восточной стене пещеры²⁸.

В. Н. Хитрово так описывает тогдашнее состояние Фаранской обители: «От нее остались лишь пещеры, высеченные в скалах по обеим сторонам протока, а недалеко, ниже от пещеры, перекинут через проток древний каменный водопровод, теперь испорченный. Ступеней в пещеру совсем не было видно, и мы по обвалившимся камням полезли наверх; на площадку же перед самой пещерой мы взобрались так: отец Паисий взлез ко мне на плечи и оттуда всполз на площадку, потом взлез ко мне на плечи Корней, а отец Паисий, укрепившись на площадке, протянул ему руки и втащил его, а напоследок оба спустили мне пояс, за который я уцепился, и так втащили они меня наверх. С площадки несколько ступеней ведут в пещеру, которая состоит из 4-х комнат. Направо от входа самая большая пещера служила, вероятно, церковью, а на полуночной ее стороне спуск в подземелье, которое, вероятно, служило братской усыпальницей и здесь было положено тело преподобного Харитония, основателя обители. Помолвившись угоднику Божию, вышли мы опять назад на площадку и спустились с нее обратно: сперва по поясу спустили меня, а потом остальные слезали ко мне на плечи»²⁹.

Через несколько дней В. Н. Хитрово снова посетил обитель преп. Харитона. В своих заметках он приводит некоторые подробности, дополняя свои прежние записи: «На том месте, где стояла основанная преподобным Харитоном старая лавра, осталось еще подобие ворот, которые вели во внутренность ее. Тут же вблизи и источник, испрошенный его молитвами, течет донныне. Отсюда по скользкой стежке над кручей поднимаешься на противоположную гору и в середине ее обширная пещера сперва идет узким проходом, а потом расширяется в обширную высокую пещеру, кругом которой в камне высечены как бы седалища или ложа. От нее во все стороны идут подземные проходы, только мы по ним не ходили, потому что боялись в них затеряться»³⁰.

К началу XX века Фаранская лавра начала превращаться в развалины. Узнали про это русские монахи афонские из Крестовоздвиженской обители, выделили из своей среды несколько монахов и отправили их в Палестину откупить Фаранскую лавру и восстановить в ней монашеское житие.

Эти монахи были выходцами из афонской Крестовоздвиженской кельи, принадлежавшей монастырю Каракал. Келья и сегодня находится на холме, на восточном склоне Афона, в получасе ходьбы от моря. В середине XIX века келья была населена и восстановлена русскими монахами. В 1894 году ее возглавил иеросхимонах Пантелеимон (Важенко), уроженец Курской губернии и ученик афонского старца Хаджи-Георгия. На рубеже веков многие русские общины на Афоне стремились приобрести себе подворья вне Афона. Крестовая келья к тому же не вмещала все растущее число братии. В 1900 году о. Пантелеимон создал подворье своей кельи в Константинополе. Затем, с благословения Антиохийского патриарха, его монахи занялись возрождением монастыря св. пророка Илии под Бейрутом, в Ливане: скоро в монастыре было уже 40 русских монахов. Братия самой Крестовоздвиженской кельи к 1913 году составляла около 70 человек³¹.

В 1903 году остатки Фаранской лавры, при активной помощи российского генерального консула в Иерусалиме А. Г. Яковлева³², были приобретены у местных арабов

²⁸ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 286.

²⁹ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 145–146.

³⁰ Там же. С. 156.

³¹ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 148.

³² Яковлев Александр Гаврилович (1854–1909), управляющий Российским Генеральным Консульством в Иерусалиме (1894–1895), генконсул (1897–1907). Еще до своего назначения по просьбе се-

в собственность иеросхимонахом Пантелеимоном, настоятелем русской Афонской обители Воздвижения Честного Креста. Покупка Эйн-Фары афонитами стала попыткой распространить русское монашеское движение на Святую Землю, но без непосредственной зависимости от Иерусалимского патриархата или Русской духовной миссии. Участок с развалинами древнего монастыря был приобретен у араба-мусульманина на имя «Дмитрия Афанасьевича Попова, российского подданного». Позже Д. А. Попов принял постриг и стал о. Досифеем. Помогал в оформлении покупки российский консул А. Г. Яковлев. Он писал в Константинополь русскому послу: «В декабре Патриарх [Дамиан] очень дружественно отнесся к покупке, и имульхаберы [временные владенные акты] были получены 30 декабря»³³.

Русские иноки восстановили и отстроили монастырь. Отец Пантелеимон мечтал основать здесь общежительную пустынь с афонским уставом под названием «Фаранская пустынь преп. Харитона Исповедника и святителя Алексия, митрополита Московского, в молитвенное воспоминание „Надежды России“ — наследника Всероссийского Престола государя цесаревича Алексея Николаевича»³⁴.

Благое дело, задуманное русскими иноками, неожиданно вызвало сильнейшее сопротивление Иерусалимской патриархии, заявившей, что все св. места в Палестине должны принадлежать ей. И это при том, что до приобретения участка в Айн-Фаре русскими греческие православные археологи даже не знали, что это — развалины лавры Харитона! Конечно, все эти храмы и монастыри в древности были частью Иерусалимской церкви, но юридически их развалины давно не имели к ней отношения, поэтому в русском консульстве к требованию патриарха не могли отнестись всерьез. А. Г. Яковлев писал об этом в Константинополь: «Латиняне и протестанты, поддерживаемые своими консулами, продолжают покупать здесь огромные участки. Патриархия, не имея права мешать им, не протестует. Она старается мешать только русским. Благоразумно ли?..»³⁵

В феврале 1904 года Патриарх Дамиан выразил свой протест Русскому Генконсульству с требованием прекращения восстановительных работ, удаления русских монахов и аннулирования сделки. Дело дошло до того, что летом того же года на Фару прибыли драгоманы и монахи патриархии в сопровождении вооруженных феллахов-мусульман. Протесты направлялись и губернатору Иерусалима, и в Константинополь³⁶.

Началась долгая, упорная тяжба, в ходе которой патриарх пытался даже прибегнуть к давлению германского кайзера. Как сообщалось в секретной депеше русского посла в Константинополе от 11 ноября 1904 года, «германский посол представил султану записку, в коей указывает на незаконные происки русских, направленные к усилению их влияния в этой стране. Русские, ввиду их намерения основать монастырь в местности Айн-Фар, могут впоследствии причинить большие затруднения и неприятности. Султан повелел передать германскому послу, что надлежащие указания по этому вопросу им уже даны»³⁷.

кретаря ИППО организовал копирование владельческих документов на русские участки в Святой Земле для оформления российского владения через султанскую канцелярию. Будучи генконсулом, последовательно отстаивал интересы России и православия в Вифлееме, Гефсимании, на Сионе, в Фаранской лавре и др.

³³ Цит. по: Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 149.

³⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 286.

³⁵ Цит. по: Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 150.

³⁶ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 225, примеч. 31.

³⁷ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 286–287.

Около 1909 года было решено, что собственность остается за русскими, но монашеская община вверяется в духовное окормление Русской миссии и больше не является частью афонского монашества. Предполагалось, что устав новой обители будет «сходен с порядками жизни в Елеонской женской общине, пользующейся внутренней самостоятельностью и существующей на свои средства, и лишь духовно подчиненной начальнику Духовной Миссии в Иерусалиме, но существенно отличается от положения Горненской общины, которая, будучи крайне бедной, содержится самой духовной Миссией, от коей всецело и зависит»³⁸.

В то время в Фаранской пустыни, как ее обычно называли, было около 15 братии из Крестовой афонской кельи. Так на Святой Земле возник русский мужской монастырь. Как докладывал в русский Синод иеросхимонах Пантелеимон, «в числе пещер Фаранской обители есть одна, в которой сохранились остатки фресок и гробница преп. Харитона, а также следы св. Престола и жертвенника, откуда следует заключить, что пещера эта служила храмом обители. В этой же пещере имеется и надпись о том, что в 1871 году здесь совершал Божественную литургию о. Антонин, покойный архимандрит русской Духовной Миссии в Палестине». Оказывается, о. Антонин тоже успел обратить внимание на это место еще до того, как приобрел участки для русских монастырей³⁹.

В 1908 году лавру преп. Харитона посетил иеромонах Серафим, прибывший в Палестину из далекого Пермского края. «В 10 верстах от Иерусалима находится местность под названием „Фары“, где обнаружены развалины древней лавры св. Харитона. Основана была лавра эта около 300 года св. Харитоном, — пишет о. Серафим. — Здесь существует и поныне пещера в отвесной скале. Доступ до нее очень трудный. Сама по себе пещера имеет вид комнат, соединенных между собой просеченными в камне дверями, и освещается просеченными окнами. Самая большая комната имеет размер около 12 аршин длины и 10 аршин ширины, в ней предполагают, что была церковь. Под этой большой комнатой находится усыпальница, и в стенах ее имеется несколько погребальных склепов, наглухо заложенных; в одном из них предполагают покоится и тело св. Харитона исповедника, так как он завещал еще при жизни погребсти его в первом своем монастыре. Давно замолкло в этих чудных пещерах божественное песнопение; но жизнь их сияет ярким светом, как звезды на лазури небесной и как бы таинственно нам звучит: пора возобновить сию чудную пещерную лавру, почтить память отцов и подвижников, почивающих здесь»⁴⁰.

Весной 1911 года в лавре преп. Харитона побывал иеромонах Маркиан (Попов). В своих паломнических заметках он упоминает о тех препятствиях, которые чинили греки русским инокам, возрождавшим из руин древнюю обитель. «Фаранская лавра находится между двумя горами, как бы в какой расселине, или в ущелье; афонские иноки соорудили несколько домиков, а в пещере, где начало полагал преподобный Харитон, устроено вроде церкви, — пишет о. Маркиан. — Грекам ужасно не нравится, что русские приобрели это место, благодаря содействию и влиянию покойного консула Яковлева. Между прочим, это место было в запустении несколько сот лет; они, то есть греки, за это на патриарха Дамиана гневались: зачем он, не спрося их, разрешил афонским монахам поселиться на Фаре, — и теперь ни под каким видом не разрешают построить церковь. Для наблюдения за русскими монахами даже поселили невдалеке одного монаха-грека, чтобы он доносил им, что тут делается. Уди-

³⁸ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 150.

³⁹ Там же. С. 150.

⁴⁰ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 103.

вительная боязнь и неприязнь к русским! На дне ущелья течет ручеек прекрасной чистой воды, и многие приписывают ему чудесную силу и по вере получают исцеление»⁴¹.

В 1913 году тогдашний начальник РДМ архимандрит Леонид (Сенцов) «возбудил дело относительно принятия в заведование Миссии от афонских монахов так называемой „Лавры св. Харитона“»⁴². Отец Леонид никогда не причислял устройство Фаранской обители к числу своих достижений, приписывая эту заслугу выходцам с Афона. Но, скорее всего, дело не обошлось без его участия, по крайней мере, в том, что касалось сложной ситуации в отношениях с Иерусалимским патриархатом. Так или иначе, именно в его время здесь создавался русский мужской монастырь. Трудями о. Леонида был приобретен участок в селении Анаты — родины пророка Иеремии — и выстроен домик для небольшого числа паломников, посещавших лавру Св. Харитона; все это было окружено каменной оградой⁴³. (В настоящее время обитель принадлежит Русской православной церкви за границей.)

...Незадолго до начала Второй мировой войны обитель подверглась пожару. Из афонской братии остался один инок, о. Герасим, который потрудился снова привести обитель в порядок, своими руками добывал нужный материал и плотничал⁴⁴. Больше двух десятков лет прожил он в монастыре одиноким пустынником. Собственными руками возобновил церковь и несколько келий после поджога монастыря неизвестными злоумышленниками, даже материал для постройки он подносил на своих плечах из Иерусалима, от которого Фаранская лавра находится в двух часах пути. Старость и болезни заставили о. Герасима в конце 1940-х — начале 1950-х годов переселиться на Елеон, но он по 2—3 раза в месяц навещался в дорогую ему обитель⁴⁵.

Община просуществовала до середины XX века. Большая часть ее первых насельников упокоилась на Елеоне. Во время арабо-израильских войн монастырь был разрушен, и до 1990-х годов лишь несколько раз в год духовенство Русской зарубежной миссии совершало здесь литургию прямо на развалинах. На рубеже XX—XXI веков монастырь был возрожден и отстроен трудами одного монаха — о. Харитона. В скиту два храма: один пещерный, восходящий еще к византийскому времени, а второй — новопостроенный Николо-Никольский храм — в честь святителя Николая и царя-мученика⁴⁶. В наше время Эйн-Фара — один из двух русских скитов на Святой Земле, вместе с Троицким скитом в Хевроне у Мамврийского дуба.

Храмы обители

В первый период своего существования обитель располагалась прямо в отвесной скале, высящейся слева от входа. Там, на высоте 10—12 метров, видны дверь и по обе стороны от нее окна пещер. Чуть ниже выступает площадка — почти естественный балкон, 2 метра шириной и 4 метра длиной; в его восточном углу имеется круглое отверстие, через которое только и можно проникнуть в пещеру. По-видимому, когда там жили разбойники, через это отверстие спускалась веревочная лестница, и этот

⁴¹ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 225.

⁴² Отчет по ревизии денежного и материального хозяйства и по обозрению недвижимых имуществ, счетоводства и отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 4 ноября 1914 г. // Богословские труды, № 36, М., 2001. С. 275.

⁴³ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 151—152.

⁴⁴ Святая Земля. Париж, 1961. С. 141.

⁴⁵ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 149.

⁴⁶ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 280.

трудный доступ в их жилище сохранял в целости награбленное ими добро, которое в изобилии нашел в пещере преп. Харитон по смерти разбойников.

В память о древних подвижниках подъем к этому своеобразному входу и теперь осуществляется с помощью деревянной приставной лесенки в 3 метра высотой. Но чтобы добраться до нее, по уступам и обломкам сделаны надежные бетонные ступени. Наверху площадки еще 6 выбитых в скале ступеней ведут к двери, через которую можно пройти в маленькую пещерку, где афонскими иноками установлены 3 небольших колокола. Далее, через дверь налево, входим в главную пещеру, где преп. Харитон освободился от разбойников и создал церковь, посвященную теперь его имени⁴⁷.

В. Н. Хитрово: «Пещера эта имеет вид правильно обделанных комнат, соединенных между собой просеченными в камне дверями, и освещается также просеченными в ущелье над Фаранским потоком окнами. Самая большая из этих комнат, западная, имеет 12 шагов в длину и 10 в ширину; она служила, вероятно, церковью, чему доказательством служат две ниши; на восточной стене видны следы штукатурки, а на западной стене в углу начертано изображение креста. Предположение, что эта комната служила церковью, подтверждается еще тем, что у северной стены ее в полу проделан спуск в находящуюся как раз под этой комнатой усыпальницу, представляющую из себя небольшую овальную пещеру; в стенах этой пещеры имеется несколько погребальных склепов, наглухо заложенных; в одном из них, по всей вероятности, покоится и св. Харитон Исповедник среди своих духовных чад»⁴⁸.

Для алтаря отведен восточный угол, рядом со входом: простой иконостас работы афонских монахов отделяет его от обработанной наподобие комнаты пещеры. До закопченного многими всенощными бдениями потолка можно достать рукой. Днем достаточно света проливается через три окна, теперь застекленных. Нет сведений, кому посвящена была церковь во времена преподобного; теперь она посвящена его имени⁴⁹. В день памяти преподобного, 28 сентября, здесь совершается праздничное богослужение.

Рядом с малой пещеркой, где звонница, вплотную к ней прилегает другая, вход в которую ведет также снаружи, с последней ступени. Там в двух каменных ковчезцах хранятся кости подвизавшихся здесь святых угодников. Более поздние постройки находятся у подножия отвесной скалы. В двух местах под открытым небом можно видеть мозаику: одна из них, у западной стены обители, выложена в форме круга, как бы являясь полом круглой часовни. Современные здания приютились в углублении скалы, под природным навесом⁵⁰. В двухэтажном домике помещаются часовня-трапезная, освященная во имя святителя Николая Чудотворца, с небольшим деревянным куполом на стропилах, две иноческие кельи и служебные помещения. Русской собственностью является и небольшой участок земли наверху скалы, над лаврой, где разбит масличный сад⁵¹.

В противоположной стене ущелья находится, среди многих других, пещера преп. Кириака-отшельника, который подвизался здесь веком позже. Малая дверь и круглое окно на головокружительной высоте приписываются его обители. В связи с трудной доступностью этого места преп. Кириаку посвящена церковка на дне ущелья, основанная иноками Иерусалимской патриархии в начале XX века — «в пику» русским пришельцам. Неподалеку, заключенный в бетонную плотину, находится и сам Мышиный источник, вызвавший в свое время такие церковно-дипломатические бури⁵².

⁴⁷ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 288; Святая Земля. Париж, 1961. С. 142.

⁴⁸ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 239.

⁴⁹ Святая Земля. Париж, 1961. С. 142.

⁵⁰ Там же. С. 143.

⁵¹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 288.

⁵² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 288; Святая Земля. Париж, 1961. С. 143.

Обитель преп. Харитона в записках епископа Серафима (США) (1952 г.)

Свернув с хорошей дороги, наш автомобиль поехал по очень плохому проселку и остановился у водокачки, недавно построенной и снабжающей по трубам очень хорошей водой Иерусалим, главным образом, государственные учреждения. От водокачки до Лавры около километра. Дорога очень тяжелая по едва заметной горной тропинке. Бедная матушка игуменья Тамара едва-едва одолела этот трудный путь.

Отец Герасим легкой, привычной походкой быстро опередил нас, затеплил лампы и свечи в церкви и встретил с честью колокольным звоном не то в один, не то в два маленьких колокольчика. В церковь можно подняться только по приставной деревянной лесенке, так ведется от времен преподобного Харитона. В лесенке, по крайней мере, десяток перекладин, как на второй этаж дома. В детстве я неплохо лазал. Пришлось тряхнуть стариной. Лесенка ветхая, дрожит, вот-вот сломается. Нет к ней доверия, и ощущение не очень приятное, но вот, слава Богу, верхняя ступень и протянутая рука о. Герасима взобравшегося раньше.

Темная, прокопченная тысячелетней свечной копотью пещерка-церковка. Ей 1600 лет. Она целиком возобновлена о. Герасимом и притом единолично. Как муравей, он на своем горбу перенес постепенно (строительный) материал из Иерусалима, поднял его на веревке в эту пещерку и тут же на месте все сколотил и приладил. Церковь, как церковь: иконостас, престол, жертвенник, подсвечники, лампы у икон. Все, конечно, самое простенькое, чтобы не польстились воры, но сделано складно, с великим терпением и любовью. Отец Герасим успел зажечь все светильники. От них потеплела церковка. Намоленная она за 16 веков долгой монашеской, подвижнической молитвы. Отпели и мы в ней молебное пение вместе с архимандритом Дмитрием, не без труда одолевшим лесенку.

Матушка игуменья Тамара с матерью Феоктистой остались внизу и там слушали молебен. Помогались мы прежде всего о многострадальной Родине нашей, о благодетелях, о всех иночествующих ныне явно и тайно (там в России). Гулко отражали стены пещерки наше пение. Как жаль, что такой славный древний очаг молитвы и прибежище спасающихся иноков ныне пуст и безмолвен. Монахиням в этой дикой пустыне не выжить, а монахов русских в Палестине один, два и обчелся. Осторожно мы спустились по лесенке, в ночную тьму, полюбовались на звездное небо, которое показалось мне в этот момент особенно прекрасным, и направились в монастырскую трапезную.

Это — полупещера, полустроение, довольно обширное, человек на 12, тоже плод возобновительных трудов о. Герасима. Мать Феоктиста с о. Герасимом быстро вскипятили чай и разложили на столе захваченную с собой незатейливую снедь. И это место свято. Сколько святых подвижников в благоговейном молчании подкрепляло здесь свою изможденную плоть под равномерное бесстрастное чтение житий святых учиненным чтцом. С грустью мы расстались с Фаранской Лаврой, славной своей историей и такой теперь беспризорной⁵³.

Вот как выглядела обитель преп. Харитона в конце 1950-х годов: «Тропинка приводит к отвесной стене ущелья, высотой до 50 метров, у подножия которой невысокими стенами отгорожено русское место. Скромный крест высится над железными воротами: это вход в обитель. Двери всегда под ключом, так как там никто не живет. За стенами сад, посаженный по уступам, образовавшимся, видимо, на прежних развалинах. Первыми близ входа видны развалины бывшей церкви, судя по остаткам колонн. Вправо к обрыву подземная гробница: это место погребения преп. Харитона. Она снабжена дверцей и двумя окошками; внутри над надгробием горит перед иконой лампада. Начальник Миссии посещает обитель в день памяти

⁵³ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 149–150.

преп. Харитона 28 сентября для совершения богослужения; наблюдающий иеромонах бывает по несколько дней раз в месяц»⁵⁴.

Из записок инокини Наталии (Горненская обитель) (1985 г.)

Путешествие мы совершили накануне Великого поста в пятером. В обители препод. Харитона мы никогда не бывали, только слышали, что это была очень славная обитель, рядом был русский храм, но в настоящее время все разрушено. Моя мать Мария вспоминает, что в русском храме была необыкновенная икона преп. Харитона («как живая») и еще добавляет, что нигде не было так хорошо, как у преп. Харитона. Действительно, когда мы доехали до местечка Эйнфарра и машина дальше не могла ехать, мы пошли пешком, и нас удивило это место. Горы величественные и мягкие (как и другие горы в Палестине) вдруг резко и круто начинают спускаться в дивную долину, по которой течет источник преп. Харитона, а сам монастырь находится левее, скрытый в горном ущелье. Он, действительно, оказался разрушенным, но хранящим святость и благодать. Поднимались в пещерный храм, спустились к источнику, который начал бить по молитвам преподобного и в нем купались, и в пещере-гроте, откуда начинается источник. Вода была теплая и благодатная. Она очень сильно и из нескольких мест бьет из-под земли и течет по всему Иерихонскому потоку до самого Иерихона⁵⁵.

...Прошли годы, и в 2011 году появилось обнадеживающее сообщение о монастыре преп. Харитона: «Теперь это одно из немногих мест на Святой Земле, где слышна русская речь. Батюшка Харитон живет в монастыре один. Он и служит, и паломников принимает, и восстанавливает потихоньку церковь и пещеру св. Харитона. Но сказать, что в обители нет ни одной живой души нельзя. Есть добродушный пес, любопытный кот да говорливые птички в клетках. А вокруг — вечные, неприступные, молчаливые горы, свидетели человеческих страстей и их усмирения»⁵⁶. Над священным местом царит тишина, та безмолвная тишина, которую так искали и возлюбили спасавшиеся здесь пустынноики.

⁵⁴ Святая Земля. Париж. 1961, С. 140—142.

⁵⁵ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 117.

⁵⁶ <http://arigolda.livejournal.com/7394.html> Nov. 7th, 2011.

Contents

Prose and Poetry

- Vera Zubareva.** Poems • 3
Natalia Gvelesiany. Tale about Gaidar. *Fragment of the novel* • 9
Victor Shiraly. Poems • 83
Valeriy Bochkov. The Paradox of Levitan. *Short story* • 86
Sergey Slepukhin. Poems • 93

The Universe of Childhood

- Veronica Postika.** My Cute Nineties. *Story* • 97

Publicistic Writings

- Karen Stepanyan.** Fragments from the Diary (2017–2018) • 127
Igor Yakovenko. The Drama of Historical Existence • 132
Vladislav Bachinin. Wicked Sarcasm of History and Casus of Oedipus (*Theological view*) • 160

Round Table

- Globe is Over?** *Participants:* Alexey Mashevsky, Alexander Melikhov, Konstantin Frumkin, Vyacheslav Rybakov, Elena Kryukova, Yevgeny Stepanov, Mikhail Strigin. *Materials of the Round Table were prepared by A. Melikhov and N. Grantseva* • 175

Criticism and Essays

- Vladimir Recepter.** Mikhailov, Fellow Student of Tovstonogov • 190

Petersburg Bookman

- Notes of a Stranger.** *Natalia Grantseva.* Shakespeare and the Problems of Hemello-logy. **Reviews.** *Stanislav Aydiyanyan.* «Ungracious Swallow» by Ilya Falikov among Books about the Poet MT. *Vitaliy Grushko.* Inexhaustible Subjects. *Irina Chaykovskaya.* Copyist or Re-inventor? Artist Nikolay Likhov. **Book Island.** *Elena Zinovieva's publication* • 203

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Palestinian Monasteries and Russia. *Part 6* • 236

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 27.03.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 367
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28